АНКЛАВЫ ВАДИМА ПАНОВА

ИПОСТАСЬ

ВИТАЛИЙ АБОЯН

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Прошло два года со Дня Станции, когда высокоэнергетическое Копье пронзило Землю насквозь, вызвав глобальную Катастрофу. Бывший мичман ВМФ России Василий Окоёмов оказался в Мандалае – неофициальной столице Мьянмы. Ничего, кроме нищеты и грязной работы, не ждало русского моряка в этом тропическом аду. И только щепотка «волшебного порошка», наркотика, изменяющего сознание, скрашивала серые будни. Но вскоре доза его стремительно подорожала, и Василию пришлось пойти в наемники. Он и не подозревал, что вступил в группу охотников за уникальным процессором, сулившим его обладателю безграничную власть…

- Виталий Абоян, Вадим Панов
  - Пролог
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
  - Глава 23
  - Глава 24
  - Глава 25
  - Глава 26
  - Глава 27

- Глава 28
- Глава 29
- Глава 30
- Глава 31
- Глава 32
- Глава 33
- Глава 34
- Глава 35
- Глава 36
- Глава 37
- Глава 38
- Глава 39
- Глава 40
- Глава 41
- Глава 42
- Глава 43
- Глава 44
- Глава 45
- Глава 46
- Глава 47
- Глава 48
- Глава 49
- Глава 50
- Глава 51
- Глава 52
- Глава 53
- Эпилог

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16

- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24

Виталий Абоян, Вадим Панов
Ипостась

Мысль – это мысль о мысли.

Джеймс Джойс. Улисс

Пролог

– Зачем ты это включаешь?!

Голос дребезжал, словно разболтанная мембрана старинного динамика, выражая не то недовольство, не то непонимание. По тембру можно было догадаться, что голос принадлежит древнему брюзжащему старику, который одной ногой прочно обосновался на том свете, а другой, едва имеющей силы стоять на этом, привык топтать все и вся вокруг себя.

– Отстань, – второй голос звучал моложе, ровно, не выражая эмоций. Хозяин этого спокойного тенора явно плевать хотел на то, что думает старик. Просто обладатель дребезжащего динамика мешал, а выгнать его, похоже, не получалось. – Возможно, это последний шанс. Даже – наверняка. Китайцы не настолько глупы, чтобы включить электричество в наших краях во второй раз. Это какой-то сбой, его устранят. И ты это знаешь.

– Но не хочешь же ты на самом деле...

– Хочу.

Вполне можно было ожидать резкого восклицания, крика. Но нет – обладатель почти оперного тенора продолжал говорить спокойно. Он ничего не доказывал, он даже не вел беседу. Лишь констатировал факты.

– Ты вообще представляешь себе...

– Нет, – признался тенор. – Не представляю.

– Это же будет...

– Я же сказал, я не знаю, что из этого выйдет. Но не можем же мы сгноить это в наших трущобах.

– И то правда, – согласился третий участник разговора, обладатель проникновенного баса, немного с хрипотцой, молчавший до сих пор. – Сгноить не можем. Но и выпустить на свободу – тоже.

Звуки разговора доносились из ветхой хижины, сколоченной из подгнивших за долгие годы, проведенные во влажном климате, досок. Сквозь щели, которыми строение изобиловало, в туман, клубившийся снаружи, пробивались слабые лучики света явно искусственного происхождения. Лучики подрагивали и то и дело гасли, а если смотреть на общую тень, размазанным пятном раскинувшуюся в густой траве по соседству, вполне можно было догадаться, что внутри кто-то активно жестикулирует, скорее даже, размахивает руками. По активности движений дергающейся тени похоже было на то, что в хижине на самом деле довольно большая компания.

– Прекрати, – ворчал сварливый старик.

– Отстань, – спокойно отвечал ему обладатель тенора.

– Что ты его слушаешь, этого остолопа, давно пора дать ему по мозгам! – взвизгнул кто-то новый. Этот явно был на стороне старика.

– Пора, но ты же сам понимаешь...

– Н-да, – согласился визгливый.

Если кто-то что-то и понимал в этом разговоре, то явно не случайный прохожий, услышавший перебранку снаружи. Возможно, компания, собравшаяся внутри сарайчика, знала, о чем ведет речь. Но даже в этом уверенности не было.

А потом хижина содрогнулась, словно веселая братия, уже второй час ведущая спор, принялась в унисон отплясывать джигу. Внутри что-то двигалось и гремело, свет то вспыхивал ярче, то гас на пару секунд. Так продолжалось несколько часов.

Но ругань, доносившаяся оттуда, не прекращалась ни на минуту. Участников спора как будто становилось больше. Теперь никто уже не слушал их крики – стояла глубокая ночь и рядом с хижиной не было видно даже животных, но невольный слушатель, окажись он здесь, вряд ли смог бы сосчитать, сколько человек вело беседу внутри.

Закончилась вакханалия в одночасье. Электрический свет погас, грохот мгновенно стих, а спорщики замолкли, словно усталость взяла свое и все они разом уснули. На самом деле последнее предположение было не так уж далеко от истины.

Дверь сарайчика открылась только к вечеру, когда солнце уже коснулось горизонта и очередная порция еженощного тумана медленно собиралась в зарослях джунглей, начинавшихся почти рядом.

– Не думал, что ты такой дурак, – посетовал обладатель дребезжащего динамика.

– О моем уме поговорим позже, – отозвался тенор, – когда все проверим.

– Я по проверке и говорю.

Ответа не последовало, только визгливый выкрикнул:

– Нужно бы порошка нюхнуть!

– Обойдешься, – ответил тенор, а дребезжащий динамик только прокряхтел что-то нечленораздельное.

В этой компании явно верховодил тенор, но его недолюбливали и, судя по всему, совсем не уважали. Но почему-то никто не решался взять бразды правления в свои руки.

...Сквозь влажные и норовящие садануть по физиономии листья пришлось пробираться довольно долго. Годы уже не те, как посетовал дребезжащий динамик.

Возня снаружи не заняла много времени, закамуфлированная

под поросший мхом валун дверь открылась легко: что-то не так было с ее замком, возможно, просто проржавел. Внутри пришлось сложнее – огонь зажигать не стали, хоть и темно – ни зги не видно. Однако шли тихо, ничего не трогая. Здесь нельзя трогать, только один раз, вон там. Это место они давно заприметили, только дребезжащий динамик не хотел идти, да и визгливый не особенно выражал желание. Но все же интересно было всем.

– Боишься? – спросил тенор. Непонятно у кого, возможно, у всех разом.

– А сам-то? – саркастически заметил визгливый.

– Боюсь, – честно признался тенор.

– Так не втыкай, – посоветовал дребезжащий динамик. Теперь старик говорил совершенно спокойно, чувствовалось, что сделать то, что они собирались, ему тоже хотелось.

– Воткни ты, – предложил тенор.

– А порошок?

– Хорошо, – согласился тенор и шумно потянул носом.

– Во-о-от! – прокряхтел дребезжащий динамик. – Совсем другое дело.

Его рука опустилась и воткнула что-то маленькое в железный ящик, лежащий перед ним. Включился какой-то прибор, на небольшом экранчике допотопного коммуникатора высветились не очень-то понятные цифры.

Они бежали так, словно за ними гнался голодный тигр. Хотя, наверное, еще быстрее. Никто не препирался, все были согласны – надо бежать.

– Ты что такое сотворил-то? – задыхаясь, спросил обладатель баса.

– Не знает он! – крикнул визгливый.

Старик промолчал, наверное, ему было трудно говорить на бегу. А тенор ответил коротко:

– Чудо.

Глава 1

Ярко-зеленый лист какой-то тропической дряни вздрогнул, изогнулся горбом и резко, словно рычаг катапульты, вернулся на исходную позицию. На землю с глухим стуком упала крупная прозрачная капля. Дождь. Упала одна капля – жди потопа. Здесь это правило.

Окоёмов вздохнул и поднялся, опираясь на приклад автомата. Лучше укрыться под тентом, который они натянули между деревьями, иначе вымокнешь. Здесь не дожди, здесь какие-то небесные водопады. Хотя и от тента толку немного. Окоёмову казалось, что за последнюю неделю он вымок не то что до нитки – до самых костей.

Прохладная капля стрелой вонзилась между лопаток, вероломно проникнув за оттопырившийся на секунду воротник. Второй выстрел – в глаз. Теперь макушка, ухо... Все, небесный снайпер заканчивает тонкую работу, спустя секунду-другую в бой вступит небесная артиллерия. Вот он, тент, всего десять шагов.

А, черт! Везде листья, везде корни. Первые норовят съездить по физиономии, вторые – выскакивают из-под земли в самый неподходящий момент. Вот как сейчас. Еще и колено ушиб.

Все, не успел.

С неба, активно барабаня по листьям верхнего яруса джунглей, на грешную землю рухнул поток. Прорвало.

Одежда промокла мгновенно, словно в бассейн попал. Собственно, она и не была сухой – здесь ничего не высыхало, а только переходило из состояния «совершенно мокрое» в «противно сырое». И постоянно стояла жара. Душная, влажная печка с сорокаградусным нагревом. Если бы не шел дождь, одежда все равно была бы мокрой, только изнутри. Но амбре забродившего пота – обычный спутник всех военных операций – особенно не беспокоило: благодаря проливным дождям, срывающимся с неба с систематичностью городского автобуса, «принимали душ» регулярно.

– Давай, четырнадцатый, тут еще местечко осталось, – из-под крыши шалаша, размытая за плотным потоком водяных струй, довольно ухмылялась черная физиономия восьмого. – Ты, четырнадцатый, как я погляжу, любишь водичку с неба.

Из-за спины восьмого послышался приглушенный смех остальных бойцов.

– Да пошел ты, – беззлобно ответил Окоёмов, хватаясь за протянутую черную руку. – Ничего ты не понимаешь в гигиене. К тебе форма, поди, приросла уже.

Внутри небольшого укрытия было влажно и душно. От камуфляжа бойцов к потолку, с которого активно капала конденсирующаяся влага, поднимался пар.

– Здесь у вас душ не хуже, чем снаружи, – усмехнулся Окоёмов, показав глазами на срывающиеся с потолка капли.

– Здесь у нас лучше, чем снаружи. Вода дистиллированная. Вторичная переработка – бережем, мать ее, природу!

Бойцы сидели, опершись спинами на прогибающиеся покатые стены. Оружие каждый держал при себе – неизвестно, когда оно может понадобиться. Да и не доверяли бойцы друг другу, что уж там греха таить.

Автоматы – индийские «Патанги-28МА», безбожно устаревшие, но в отличном состоянии – им выдали еще в Мемьо, куда привезли уже укомплектованную бригаду из Мандалая. Все восемнадцать бойцов были наемниками. Люди из разных стран, разных национальностей, принадлежащие к разным Традициям. Здесь всем наплевать, откуда ты родом и с помощью каких причиндалов предпочитаешь общаться с богами. Здесь все собрались, чтобы заработать на жизнь, если возможность пожить еще представится. Здесь всех собрали, чтобы помочь условному союзнику нанести урон условному противнику. Только никто не знал – кто союзник, а кто противник. Будь он хоть тысячу раз условным.

Никаких боевых действий, только разведка. Причем в роли разведчиков выступали совсем не бойцы, а группа каких-то хмырей, нагрузившая наемников ящиками с оборудованием. Что за оборудование лежало в тяжелых угловатых контейнерах, которые бойцам приходилось тащить на собственных спинах вот уже вторую неделю, было не ясно. Пока что ни один контейнер не вскрыли, а хмыри все больше рассматривали окрестности, корча недовольные рожи. Что-то им здесь не нравилось.

Вот этих хмырей они вроде как и должны защищать. И беречь от чужих глаз. Что, если называть вещи своими именами, означало: ликвидировать любого, некстати оказавшегося на пути их странной команды. Но охотников поинтересоваться, за каким хреном они приплелись в эту глушь, в непроходимых джунглях пока не встретилось. Встречались только тучи оголодавших москитов и змеи всех возможных видов и намерений – четвертый остался жив, спасибо лейтенанту, но ногу приволакивал.

Учитывая, что оружие всем раздали индийское, Окоёмов был почти уверен, что таинственными организаторами тура во влажный тропический лес дивного государства Мьянма являются китайцы. Или европейцы, но с меньшей вероятностью – в Европе предпочитали боевое снаряжение, производимое корпорациями.

Всего наемников было восемнадцать. У каждого свой номер и никаких имен. Семнадцать бойцов.

Восемнадцатой была метелка. Симпатичная, но странная и нелюдимая.

Полтора месяца назад Окоёмов скитался по улицам Мандалая – большого грязного города. Мандалай де-юре не был столицей Союза Мьянма, но являлся ею де-факто. Все деньги нищего государства, практически весь бизнес (если так можно назвать тот кавардак, что творился в Мьянме и до Катастрофы, а после лишь умножился многократно), представительства корпораций (большей частью – неофициальные) – весь цвет сегодняшней жизни Мьянмы концентрировался здесь.

Впрочем, это если смотреть глубоко. Если просто выйти на улицы Мандалая, то не ошибетесь, решив, что это город нищих, бомжей, воров и убийц всех мастей. В здешнем, прогретом тропическим солнцем гадюшнике, вполне возможно, обосновался один из кругов ада. Деньги всегда привлекают всяческий сброд, а в Мандалае деньги, по мьянманским понятиям, водились большие.

Окоёмов жил в этой забытой богами стране второй год. С самого дня Катастрофы. Первые несколько недель пребывания здесь вспоминать не хотелось.

А ты не так много и можешь вспомнить.

Хотя, скорее всего, в тот злополучный день подобный ад начался везде. Даже самые благополучные регионы Катастрофа не обошла стороной. Чертям в аду все равно, кого жарить на своем вечном огне – сытого баварского бюргера или нищего мьянманского крестьянина.

Вспоминать не хотелось, но страшные обрывочные воспоминания упорно продолжали преследовать. Василий Окоёмов служил мичманом на российском крейсере «Иван Грозный», который держал путь в Джакарту на какой-то военный праздник. Для руководства это был повод потрясти оружием и напомнить о себе – не стоит упоминать, что боевая и электронная начинка «Грозного» в сравнении с технологиями, которыми торговали корпорации, устарела еще до того, как корабль сошел со стапелей. Для команды вояж в Индонезию был хорошей возможностью просто отдохнуть и насладиться теплом тропического океана.

Океан теперь начинался почти у самого Мандалая, проглотив единым махом и Рангун, и Пегу, и Моламьяйн. С тем, что не смог уничтожить океан, справились несколько мощных землетрясений, обрушивших треть территории Мьянмы в еще неизведанные пучины планеты.

Где сейчас находился крейсер федеральных военно-морских сил «Иван Грозный», Окоёмов не мог даже предположить. Где-то там, где раньше было побережье.

Бывший мичман не находил себе места в этом тропическом краю, в Мандалае. Да вообще – в жизни. Жизнь закончилась в тот самый день, когда бронированное брюхо многотонного крейсера со всего размаха врезалось в каменистое дно Адаманского моря. Василий помнил только сильный и резкий удар, который, казалось, вытряс душу из отчего-то не умершего тела.

Поиски пропавшей души затянулись и грозили отправить бренную часть личности Окоёмова следом за нематериальной составляющей. Существование тела бывший мичман поддерживал за счет разовых подработок и мелкого воровства, а душу пытался найти в «волшебном порошке» – «джьяду гумра», как называли его здесь, – новом наркотике, который привозили откуда-то с севера, с гор. Нежно-голубоватый, почти белый порошок и впрямь оказался волшебным, давая душе передышку, отпуская ее на прогулку, в то время как тело само продолжало выполнять нехитрую работу. Вдыхая наркотик, Окоёмов чувствовал уверенность, что пока не закончится действие зелья, ужас, пережитый в тот вечер, не вернется. В том мире, куда уносил его «джьяду гумра», было пусто. Но в пустоте, дарованной «волшебным порошком», бывший мичман нашел успокоение. Там не было тревог, забот – абсолютная пустота. Нирвана, почти настоящая.

Увлечение «джьяду гумра» грозило Василию закончиться в самом ближайшем времени плачевно – все чаще он ловил себя на том, что не может вспомнить, где находится, как попал в это место, какой сегодня день. Несколько раз он не мог вспомнить своего имени, вообще ничего, события прошлой жизни словно бы стер с винчестера мироздания кто-то заботливый, следящий за чистотой помыслов мичмана канувшего в Лету крейсера «Иван Грозный». Порошок-убийца что-то творил с сознанием, что-то менял внутри головы, медленно выживая Василия Окоёмова из убежища, доставшегося ему по праву рождения. Иногда казалось, что он вовсе не Василий Окоёмов, периодически это чувство перерастало в уверенность. Но самое главное, он не понимал, для чего теперь жил.

Скорее всего, его бы уже не было в живых, если бы «джьяду гумра» вдруг не исчез с рынка. Единичные партии поступали в продажу, но цена наркотика взлетела до таких высот, что, для того чтобы купить дозу, Окоёмову пришлось бы ограбить по меньшей мере государственную казну Мьянмы. Поговаривали, причина столь резкого изменения рынка кроется в отсутствии

сырья. Так это или нет, Василию было без разницы. Он прекрасно понимал, что выжил только благодаря случайности.

Дух «джьяду гумра» выходил из организма тяжело. Окоёмова мучили кошмары во сне и наяву, то и дело он проваливался в беспамятство. Он курил гашиш, пробовал героин и другие наркотики, которые можно найти на черном рынке довольно легко. Но отсутствие денег и способности их добыть не позволило Окоёмову из одной зависимости переметнуться к другой. Да и, что таить греха, никакой другой наркотик все равно не помогал. Что-то совсем иное творил с мозгами «джьяду гумра».

Возможно, мичман Окоёмов так и сгинул бы в тропической испарине, если б не наткнулся на объявление о том, что для работы в джунглях требуются наемники, имеющие опыт боевой службы. Оплата, по местным меркам, предлагалась большая до неприличия.

Боевой опыт Василий имел. Несмотря на исхудавшее тело, дрожащие руки и плохо фокусирующийся взгляд, осмотр в обшарпанном вербовочном пункте он прошел с успехом. Следующие несколько дней Окоё– мов провел в тренировочном лагере в Мемьо. Там, в Мемьо, их скорее не тренировали, а проверяли. Кто-то появлялся и исчезал, кто-то оставался. Именно там и собралась вся команда: восемнадцать бойцов и лейтенант.

Лейтенант, скорее всего, никаким лейтенантом не был. Просто он так представился, и называли его только так – Лейтенант. Спустя пару дней Окоёмов настолько привык к подобному обращению, что начинало казаться, будто звание, заменившее имя, невысокий щуплый человечек носит с самого рождения. Какой он национальности, понять было сложно: узкое остроносое лицо, черные миндалевидные глаза, светло-русые волосы, темная, словно он провел несколько месяцев под палящим солнцем, кожа. Окоёмов не сказал бы с уверенностью, но подозрение, что здесь не обошлось без работы пластиков, имелось. Лейтенант никогда не повышал голоса, но если был недоволен, его тихий, вкрадчивый голос, напоминающий Василию звук, издаваемый ползущей среди камней змеей, бросал в дрожь всех бойцов без исключения. Кроме, возможно, восемнадцатой, которая способностью скрывать эмоции, наверное, дала бы Лейтенанту фору. В общем, таким был их начальник – Лейтенант.

В отряде говорили на английском. Почти все – без малейшего акцента. Боевой опыт, как правило, прививает дух интернационализма: не важно, какой ты национальности, в первую очередь ты – враг. Лишь тринадцатый и седьмой говорили на пиджине из ломаного английского и жуткого жаргона явно

юго-восточного происхождения.

Восемнадцатая была странной бабой. Высокая, фигурка стройная, грудь что надо, движения плавные, словно кошачьи. Ее, если приодеть, смело можно было бы подавать на любой прием в качестве… скажем так, главного блюда. Но при всех своих незаурядных внешних данных восемнадцатая зачем-то брила голову наголо, а камуфляж носила навыпуск, пряча дивное тело под складками мешковатой одежды.

На тело имели виды остальные семнадцать бойцов. О Лейтенанте Окоёмов ничего такого сказать не мог, потому что начальник особо не распространялся на личные темы, а на восемнадцатую смотрел таким же безразличным взглядом, как на других наемников.

Первым к девке сунулся восьмой – здоровенный негр, играючи переламывающий ударом кулака черенок лопаты. Собственно, скорее всего, он был и последним, попробовавшим пытать сексуальное счастье с восемнадцатой, – восьмой был бит и унижен, ибо бит был при всех. Приклад автомата, с которым восемнадцатая не расставалась ни на секунду, застыл в сантиметре от паха восьмого. Под всеобщий гогот опозоренный негр был отпущен под обещание расплющить причиндалы любого, кто попробует «подвалить с подобными предложениями». Лейтенант инцидент никак не комментировал, лишь напомнил на вечернем построении, что собрались здесь все по делу.

Восемнадцатая держалась особняком, никогда не участвовала в общих разговорах. Даже теперь, после недели по бездорожью на вездеходах и почти двух – пешком через джунгли с ящиками на спинах, когда команда сработалась.

И дождь ей был, судя по всему, нипочем – она сидела в пятнадцати метрах от тента, продолжая что-то ковырять в своем «Патанге». По ее бритому затылку вода потоком стекала за воротник.

– Эй, восемнадцатая, – крикнул седьмой, – брось свои штучки, иди под тент! Вымокнешь ведь.

Метелка лишь на мгновение остановила движение тонких длинных пальцев и бросила короткий взгляд в сторону седьмого, а потом резким движением воткнула вытащенную деталь на место.

– Брось, восемнадцатая. Восьмой приставать не будет, я прослежу.

Из-под тента послышались смешки, а следом седьмой осекся, получив от восьмого чувствительный тычок под дых. Но восемнадцатой было неинтересно, что делают остальные наемники. Ей, похоже, наплевать на то, чем занят весь остальной

мир. Странная баба. Что творится в ее душе – загадка. Что она делает в этих лесах? «Скорее всего, – подумал Окоёмов, – то же, что и остальные – зарабатывает на жизнь».

– Ты б разделась, что ли, – не без скабрезности в голосе крикнул восьмой. – А то потом в мокром ходить. И тебе польза, и мужикам приятно посмотреть.

Бойцы продолжали хохотать, на всякий случай отодвинувшись от восьмого – восемнадцатая метелка не в себе, может и выстрелить. Еще заденет ненароком. Но метелка никак не отреагировала на выпад черного. Даже глаз не подняла, будто восьмого вообще не существовало в природе. Она поднялась, закинула автомат на плечо и пошла куда-то сквозь мокрую густую зелень.

– Не напрягайся, восьмой, она тебе все равно не даст.

– Это мы еще посмотрим. Все они правильные, пока...

Восьмой замолчал мгновенно, будто язык прикусил. Может, и прикусил, потому что в плотной ткани тента точно над его головой образовалась маленькая круглая дырочка. Шум дождя в джунглях смешивал звуки, и хлопок выстрела никто бы и не заметил, если бы не эта дырочка. Бойцы замолкли, все, разом. Конечно, восемнадцатая получит свое от Лейтенанта, но если бы пуля прошла на пару сантиметров ниже, восьмому от этого легче не стало бы.

– Совсем сдурела метелка, – сказал четвертый, щупая отверстие в ткани пальцем. – Она же убить его хотела. Но стреляет неважно.

Никто, кроме четвертого, комментировать происшествие не стал. Восьмой с перекошенным от злобы лицом выдернул из ножен на поясе нож, резко вскочил, но, пошевелив острием клинка из стороны в сторону, спрятал оружие. Здесь все были на работе, на хорошо оплачиваемой и подвернувшейся лишь благодаря счастливой случайности. Так что терять доходное место из-за какой-то фригидной стервы восьмому совершенно не хотелось. Да и никто не смеялся – шутка метелки явно не удалась.

А Окоёмов подумал, что вряд ли восемнадцатая промахнулась.

Лейтенант появился минут через пятнадцать. Мокрый и мрачный.

– Кто стрелял?

Вопрос был задан тихо, без малейшего проявления эмоций. Словно он не собирался надавать по морде провинившемуся, а просто поддерживал светскую беседу.

– У восемнадцатой спросите, – посоветовал восьмой.

Лейтенант обвел всех тусклым взглядом, начисто лишенным какого бы то ни было выражения, и, не произнеся ни звука, исчез за стеной дождя.

– Допрыгалась девка, – не то с сожалением, не то со злорадством проронил восьмой.

Его рука усиленно терла макушку, будто пуля на самом деле зацепила ее. Но восемнадцатая стреляла, как Вильгельм Телль: пуля лишь прочертила едва заметную борозду в коротко стриженной курчавой шевелюре обидчика, не коснувшись кожи. Окоёмов обратил внимание, что, несмотря на браваду в голосе, пальцы черного дрожали.

Лейтенант и восемнадцатая вернулись через несколько минут, ссыпая с потревоженных листьев целые водопады брызг. Оба с постными рожами и потухшими, словно у мертвецов, взглядами.

– Собирайтесь, – сказал Лейтенант, – через десять минут выступаем.

– Куда? – спросил кто-то, но ответа не удостоился.

– Все оборудование брать с собой. Оружие держать наготове. И чтобы больше никакой стрельбы без моей команды.

Восемнадцатая, стоя за спиной Лейтенанта, навьючивала на себя тюки и проверяла, надежно ли закреплено оружие. Если последняя фраза адресовалась ей, то ни она, ни сам Лейтенант никак этого не отметили.

– Небось с Лейтенантом... – прошипел восьмой, но осекся, заметив короткий взгляд восемнадцатой. Его рука непроизвольно коснулась мокрой теперь макушки.

Командир резко развернулся и скрылся за зеленью листьев. Никаких «и побыстрей», «шевелитесь» или еще чего-нибудь такого. Ни одного слова, не несущего информационной нагрузки. Иногда Окоёмову казалось, что он не человек, а искусно сделанный робот.

– Что это за движения такие экстренные? – проворчал седьмой, скатывая мокрый тент, сплюнув от досады. – И идти мокрыми, и тряпка эта теперь тяжелей в два раза будет.

– Ты укатывай плотней, а то в зарослях увязнешь.

– Не учи.

Шли недолго. Не больше получаса. Второй и третий были с группой подопечных с самого начала, но прояснить ситуацию не смогли.

Контейнеры с оборудованием отобрали. Окоёмов отдал свой с радостью и слабой надеждой, что тащить этот ящик назад не придется.

Из явленных на свет деталей хмыри собрали довольно

высокую треногу, прицепили к ней длинную трубку, конец которой уперли в землю.

– Это что, бур? – спросил Окоёмов у Лейтенанта, но тот сделал вид, что не слышал вопроса.

Может, и на самом деле не слышал – дождь разыгрался не на шутку, небо заволокло столь плотной облачностью, что под густым лиственным покровом джунглей сделалось темно, как ночью. То и дело полыхали молнии и слышались раскаты грома.

Лейтенант задумчиво посмотрел в сторону неба – никакого неба там видно не было, только темно-зеленая листва сплошным потолком, – потер шею и сверился с каким-то прибором, надетым на левую руку. Окоёмов внимательно следил за действиями начальника, пытаясь понять, чего тот ждет. Но, как обычно, ни один мускул не дрогнул на лице Лейтенанта – он получил требуемую информацию, но какие эта информация вызвала у него эмоции, оставалось загадкой. Как оставался загадкой ответ на вопрос, есть ли у него эмоции вообще.

Лейтенант повернул голову и что-то сказал. Точнее, крикнул, но из-за грома и шума дождя Окоёмов не разобрал слов.

– Что?! – прокричал он в ответ.

– Рация! – Лейтенант показывал пальцем на ухо, но уже не смотрел на Окоёмова. – Всем включить рации!

Командир исчез среди темной листвы, направившись к следующей группе бойцов. Окоёмов воткнул маленький незаметный динамик в ухо и закрепил ларингофон на горле. Времена, когда все действия диверсионной команды, подобной их номерному взводу, координировались командиром с помощью «балалаек», снабженных специальными боевыми программами, канули в Лету. С «балалайками» было удобно – попрактиковавшись какое-то время, начинало казаться, что ты часть единого организма, рецептор или эффектор слаженной команды. С рацией было попроще, никто не испытывал радости от необходимости пользоваться архаичным устройством, которое – спасибо грозе – сейчас выдаст столько помех, что Лейтенанта будет слышно не намного лучше, чем сквозь рев падающей с верхних ярусов воды.

Пальцы начали поворачивать маленький верньер, чтобы включить радиосвязь, но их накрыла большая черная ладонь. Это был восьмой.

– Не спеши, – заговорщицким тоном сказал он. – Дело есть.

– Что случилось?

– Слушай, эта восемнадцатая – с ней что-то нечисто. Что она делает в нашей команде? Что вообще баба здесь делает?!

– Чего ты к ней прицепился?

– И Лейтенант туда же. Тебя или меня за такую выходку он расстрелял бы на месте. Ну, лишил бы зарплаты. А ей – хоть бы что.

– Может, он и ее зарплаты лишил. Ты знаешь?

– Да, ты прав...

Восьмой вертел свой наушник в левой руке. Окоё– мов отчетливо видел мелькание белых ладоней среди почти кромешной тьмы. А ведь солнце еще не село. Что там происходит на небе?

– Она отлично стреляет, – сказал Окоёмов. – Очень хорошо, я видел.

– Я тоже, – восьмой усмехнулся, но его улыбка смотрелась безрадостно.

– И симпатичная, – с улыбкой добавил Окоёмов и включил рацию.

– Да пошел ты!..

– Четырнадцатый, четырнадцатый, – тут же возник голос Лейтенанта. Монотонный, словно заело пластинку.

– Четырнадцатый здесь, – ответил Окоёмов.

– Команда включить рации была... – Лейтенант исчез за трескотней помех, а спустя секунду воздух сотрясся от грома. Эпицентр грозы, похоже, висел почти над их головами.

– Есть включить рации! – не дожидаясь окончания шквала помех, отрапортовал Василий.

– Я сказал включить рации пять минут назад, – повторил Лейтенант, тоже, видимо, уловив помехи. – Минус пять процентов оплаты.

– Но...

Нет, оправдываться не стоило. Это обойдется еще во сколько-то процентов. И так с Окоёмова бесстрастный начальник успел уже снять почти пятую часть жалованья. Да и глупо это – оправдываться. Словно нашкодивший малыш.

– Есть пять процентов!

– Восьмой – на позицию. Десять процентов и последнее предупреждение.

– Нет, ну ты слышал, – не удержался черный, обращаясь к Окоёмову.

Восьмой обреченно махнул рукой и удалился в заросли, мгновенно исчезнув из вида. Лейтенант не стал комментировать выпад бойца.

Внезапно впереди полыхнуло. На мгновение из темноты вынырнули дрожащие под тяжелыми каплями широкие глянцевитые листья тропиков и занявшие позиции шестой, двенадцатый и восьмой. В центре, там, откуда пришел свет

вспышки, на секунду проявилась воздвигнутая тренога со столбом посередине, ставшим как будто ниже. А потом мягкая размокшая земля вздрогнула, заставив Окоёмова схватиться за ближайший ствол, чтобы удержаться на ногах.

– Черт бы вас побрал, – прошипел Василий, пытаясь унять предательскую дрожь в ногах и нестерпимое желание начать палить во всех направлениях сразу. – Как будто не могли предупредить.

– Третий, четвертый, шестой – остаются на местах. Если в охраняемой зоне появятся посторонние, открывать огонь на поражение. Остальные – сбор у импакт-установки.

– Точно, я видел такие раньше, – послышался голос восьмого.

Окоёмов слышал негра ушами, а не в наушнике рации – восьмой, словно черное привидение, внезапно вынырнул из-за мокрой зелени, щедро плеснув в лицо Василия со спружинившего листа, похожего на мачете. Ларингофон восьмого болтался на груди.

– Что ты видел? – спросил Окоёмов, тоже отлепив ларингофон.

– Эти импакт-установки. Они нефть ищут. По резонансу в полостях под землей.

Окоёмов пожал плечами. Какая ему, в сущности, разница, что ищут эти люди. Его задача – охранять их жизни. Что может оказаться совсем не лишним, если эту самую нефть они все-таки найдут.

Они собрались в центре рабочей зоны. Здесь зловещим неестественным светом сияли экраны трех «раллеров», подсвечивая угрюмые морды хмырей, которые сосредоточенно пялились в какие-то разношерстные графики. Надо думать, результат того самого содрогания земли, записанного специальными датчиками. Интересно, что это означает: что нефть есть или что ее нет? Окоёмов усмехнулся проснувшемуся вдруг интересу к науке. Нет уж, пусть графиками занимаются хмыри, у него другая работа.

Лейтенант стоял за спинами колдующих над «раллерами» хмырей и смотрел в пустоту прямо перед собой. Он ждал.

Один из ученых повернулся – Окоёмов успел рассмотреть его кислую физиономию, выражение отвращения к происходящему на которой усиливалось мертвенным светом монитора, льющегося снизу вверх, – и, причмокнув языком, отрицательно покачал головой. Значит, нет здесь нефти, родимой. Вышла вся. Или не приходила никогда.

Для бойцов «номерного» отряда это означало только одно: оборудование придется демонтировать, сложить в контейнеры и

тащить дальше.

Окоёмов обреченно вздохнул.

Глава 2

Мыш вращал в ладони вытянутой правой руки три металлических шара. Металл звонко соударялся с металлом, издавая характерный, похожий на потрескивание электрического разряда, звук. Но Мыш не отдыхал, приводя растревоженные нервы в порядок с помощью широко распространенного гаджета для медитации, он работал.

Прямо перед ним, в темном, подсвеченном голубоватым муаром пространстве висела большая светящаяся таблица, сплошь исписанная цифрами. Цифры постоянно менялись, неся наблюдателю ценную информацию. Для несведущего человека это было бессмысленным набором знаков. Но только для несведущего – понимающий мог найти в этих цифрах много интересного. Знаток мог использовать сокрытые в длинных числовых рядах тайны для собственного блага. Как, впрочем, и кому-нибудь во зло – все на усмотрение пользователя. Человек, наделенный особым умением, мог поменять это все. Понемногу, подправить один завиток, пририсовать другой. Или изменить все в одночасье, махом. Но делать такое не стоило – обычно подобные умельцы долго не жили. И только мастер мог увидеть картину целиком, понять, как изменятся все числа во всех таблицах, исчезающих длинными стройными рядами за несуществующим горизонтом, если подправить хотя бы одно. Мастер – это тот, кто знает замысел.

А мыслят замыслы боги. Здесь никакого мастерства не хватит, как ни старайся. В этом Мыш успел убедиться.

Себя Мыш причислял к умельцам. Он был ломщиком. И он отлично чувствовал ту грань, за которой легкая незаметная коррекция превращалась в грубые мазки, уродующие ценное полотно. Мыш работал подобно реставраторам – наносил новые слои, добавляя что-то от себя, но никогда не менял общего замысла. Работа Рафаэля всегда оставалась работой Рафаэля, а котировки акций – котировками акций. Только в обновленной версии.

Мыш сделал рукой едва уловимое движение, и один из шаров, что, не замирая, продолжали свой бег по ладони ломщика, сорвался с тонких быстрых пальцев и упал прямо на сверкающие цифры. Таблица, словно полотно, сотканное из света, провисла под тяжестью шара. По зеркальной поверхности металла побежали искривленные сферой знаки. Они растекались в стороны, подобно двум половинам застежки-молнии, а потом снова сливались в единую нить. Как ДНК, отработав нужные гены,

возвращает себе форму хромосомы.

Шар бесшумно катался по таблице, заставляя ее прогибаться конусом под своим весом. Он считывал данные, пропускал их через себя и отправлял обратно, не оставляя ни единого следа собственного пребывания в этом светящемся пространстве. Главное – не порвать полотно, не попасть в случайно или намеренно пропущенную вязальщиком петлю. Только тронь, и распустится вся ткань мироздания этого мира. Расползется соплями надежда Мыша уйти незамеченным.

Со стороны могло показаться, что шустрый шар делает всю работу самостоятельно. Но это было не так. Два оставшихся в ладони ломщика шара продолжали вращаться, набирая скорость. Каждый шар был продолжением предыдущего, они были единым целым в трех ипостасях. Совсем скоро сверкающие отсветами голубых огней металлические сферы слились в светящийся круг, а длинные пальцы, похожие на паучьи лапы, продолжали двигаться все быстрей и быстрей, достигнув скорости, с которой никакие нормальные человеческие мышцы и суставы не справились бы.

Мыш не был генавром или трансером. Вы правильно догадались – Мыш работал в виртуальности, мире, где обычные физические законы иногда уступали искусству ломщиков влиять на ткань мира Цифры силой мысли, разогнанной «поплавками».

Равно как и шары не были шарами – мощный вирус, запущенный ломщиком в сеть, делал сразу несколько дел: обеспечивал вход, копировал данные и постоянно следил за изменчивой и предательски непрочной тканью мироздания, сотканной машинистами этого сервера.

– Я сегодня наблюдал за твоей работой, – обычным для себя снисходительным тоном сообщил Безликий Призрак.

Кем был этот Безликий на самом деле, Мыш, разумеется, не знал. Призрак был заказчиком – это все, что требовалось знать ломщику. Призрак платил хорошие деньги – это все, что требовалось ломщику, чтобы добровольно согласиться работать с клиентом. Призрак ставил перед Мышем интересные задачи, которые требовали нестандартных и деликатных решений – это все, что нужно ломщику для жизни в сети. В общем, они сработались – ломщик Мыш и таинственный Безликий Призрак.

– Данные котировок скорректированы, исправления действительны до трех часов дня, – отрапортовал ломщик.

Говорить с собеседником было сложно – люди привыкли смотреть в глаза, когда ведут беседу. Или отводить их, или прятать. Но и отводить, и прятать глаза можно от чего-то. У этого существа не было ничего, за что мог бы зацепиться взгляд.

Безликий Призрак, как прозвал про себя заказчика Мыш, представлял собой черный бесформенный сгусток, размазанный по окружающему пространству. Он был похож на черную звезду, выпускающую вокруг себя угольные лапы протуберанцев. Бесформенный, не имеющий ни конкретного размера, ни четких границ сгусток поглощающего свет тумана, пребывающего в беспрестанном движении.

– Отлично, это именно то, что нужно.

– Будут еще поручения?

– Да. Возьми вот это.

Закрученный плотной спиралью вихрь выдернул из недр черного облака маленький пластиковый прямоугольник – ярлык программы.

– Это необходимо внедрить на сервер корпорации «МегаСофт». Оно должно там прижиться. Так, чтобы никто не заметил вмешательства извне. Думаю, ты меня понимаешь.

Разумеется, Мыш понимал. Тем более подобные операции он неоднократно проделывал для Безликого Призрака. Программу переписывать нельзя, это он тоже знал, но контрольная сумма всех данных сервера должна остаться неизменной. Значит, придется переписывать всяческий хлам, что хранится где-то рядом с тем местом, куда нужно поместить программу Призрака.

– Это вирус?

Безликий издал странный звук. Будто чихнул или засмеялся. Или это больше напоминало раскат грома далекой еще грозы? Странное кашляющее облако.

– Нет. Я же говорил тебе – мы не занимаемся взломом. Мы меняем мир.

Теперь усмехнулся Мыш.

– К лучшему?

– Это субъективное понятие, – отрезал Призрак.

Странный заказчик – является лично, пускай и в виртуальном обличье, философствует, отдавая очередной приказ. Интересно, кто он?

Мыш встречался с Безликим Призраком пятый раз. Платил тот исправно, так, словно деньги вообще не являлись для него проблемой. Не в смысле, что у него их слишком много, а в том плане, что Призраку было глубоко наплевать на существование денег, как таковых.

После каждой встречи Мыш изнывал от желания проследить подключение Призрака. Он понимал, что делать этого не стоит, и проблема была не в шифровании данных. С этим ломщик, скорее всего, справился бы. Возможно, что и не оставив следов. Дело было в этике – Призрак соблюдал условия контракта. И еще дело

было во власти, которой наверняка обладал Безликий. Если его власть слишком велика, а исключить этого никак нельзя, то Мыш рисковал не просто хорошей работой – головой.

– Условия внедрения?

– Как обычно – прилагаются к программе. Кстати, код программы можешь посмотреть.

Глаза ломщика на мгновение загорелись, выдав его интерес. Это не скрылось от размазанного шевелящегося облака.

– Конечно, если тебе интересно, – добавил Безликий.

Похоже, он издевается.

Мыш повертел в руках ярлык и положил его в карман, переместив тем самым ссылку на программу в свой «раллер». Движение оказалось неуклюжим, и один из трех сверкающих металлом шаров, что ломщик до сих пор держал в правой руке, выпал и резво покатился в направлении облака. Стремительный черный протуберанец резко выдвинулся вперед и, словно нога футболиста, остановил шар. Мыш вытянул руку, и шар послушно прыгнул назад к своему хозяину.

– Извините, – проронил он.

Безликий не ответил, а лишь снова заурчал, издав подобие грома. Все-таки Мыш никак не мог понять – он смеется таким образом или выказывает неудовольствие.

– Ты очень тонко работаешь, – перестав рокотать, сказал Призрак.

Догадался?

– Именно поэтому вы меня и наняли.

– Возможно, что по этой причине. Ты что-нибудь слышал о резонансе? – резко сменил тему разговора Безликий.

– О физическом явлении?

– Нет, о следе, который оставляет в сети работающий процессор. Например, «поплавок».

– Только «поплавок», – поправил Мыш. – Обычный процессор не оставляет никакого «резонанса», он прям, как стрела. Только плавающая технология создает короткоживущие изменения распределения зарядов на физических носителях.

– По этим изменениям можно поймать «поплавок»?

– Очень сложно.

– Но возможно?

– Если знать как и не медлить – «резонанс» исчезает очень быстро.

– И можно найти конкретный «поплавок»?

– Вы хотите найти какого-то ломщика?

Задав вопрос, Мыш прикусил язык – этим ломщиком вполне мог оказаться и он сам.

– Ломщика – нет. Но «поплавок» – возможно.

Интересно, для чего ему «поплавок»? Или Призрак, как обычно, чего-то недоговаривает?

– «Резонанс» зависит от структуры «поплавка». Раньше, когда «поплавки» создавали граверы, у каждого мастера был свой характерный след. «Поплавки» отличались друг от друга, совсем чуть-чуть, но каждый процессор был уникален. Это было искусство, а не массовое производство. Если очень постараться, иногда удавалось узнать почерк мастера или даже отдельно взятый «поплавок». Но после того, как Сорок Два наводнил мир штамповками… Можно лишь узнать, какая модель взята за основу этой штамповки.

– Тебе не нравятся идеи Сорок Два?

Казалось, Безликий удивлен.

– Это имеет отношение к делу?

Мышу было не по душе, когда заказчики проявляли слишком большой интерес к его личным предпочтениям. Он хорошо знал, что из маленьких крох собранной информации, из случайно оброненных слов, из интонаций и привычки строить фразу каким-то определенным образом можно узнать о собеседнике многое. И никакого желания давать Безликому возможность познакомиться поближе с собственной персоной ломщик не имел.

– Нет. Но мне интересны идеи нейкизма. Я думал, что все ломщики – нейкисты.

– В той или иной степени, – не стал скрывать Мыш. – Но…

Нет, это черное облако желает знать слишком много. Ему не удастся вывести Мыша на откровенность.

– Каждый волен понимать учение Поэтессы по-своему?

– А вы читали «Числа праведности»?

Пускай теперь Призрак подумает, как ответить на встречный вопрос. Тем более что сам он слишком часто уходит не только от прямых, а вообще от каких бы то ни было ответов.

– Каждый человек, умеющий читать или слушать, может узнать, что сказала Поэтесса. Ведь так?

– Сколько у меня есть времени на внедрение программы? – ломщику надоела эта игра.

– Два дня.

– Хорошо. Я постараюсь закончить до завтрашнего вечера.

– Главное – качество, а не скорость. Хотя скорость, вне всякого сомнения, тоже важна. Но качество – на первом месте.

– Качество всегда на первом месте. До связи.

Мыш не стал дожидаться ответного прощания, отключившись первым.

В темном пространстве, освещенном только мерцанием

светодиодов и мертвенной белесостью биоорганической матрицы экрана «раллера», возвышались, будто немыслимые сюрреалистические башни, серверы, увешанные гирляндами проводов. Угловатые металлические коробки громоздились одна на другую и исчезали где-то под самым потолком, теряясь во мраке.

В затылке саднило от изрядно разогнанной «балалайки», но сейчас не до нее. Перегрев совсем небольшой, вполне можно потерпеть. И не такое бывало. Сейчас нужно проследить, куда потянется ниточка. Та самая, что намотал на неопределенность Безликого Призрака один из шаров Мыша.

Являвшегося Призрака ломщик назвал Безликим не только и не столько из-за отсутствия прорисованного лица. Собственно, у этого создания даже не имелось места, куда лицо можно было бы прицепить. Но в виртуальности сети можно нарисовать все, что угодно. Хватило бы фантазии. Однако каждая картинка имеет свой код. Статичный, динамичный ли, но имеет. Диффузное облако Призрака не имело под собой никакой программной основы. Это Мыш проверил в самый первый раз, когда заказчик решил появиться перед ним лично. Как он это делал, оставалось загадкой для Мыша. Его нельзя было разгадать или узнать по характеристикам кода в ином обличье или в другом месте, но, возможно, если следовать за приходящим сигналом, удастся добраться до точки, откуда этот призрак выходит.

Тонкие пальцы с неаккуратно обгрызенными ногтями проворно передвигались по клавишам. Неуловимый, быстрый танец, отбивающий чечетку. Танец машинного кода, танец Цифры. Вот она – нить Ариадны. Сервер в Китае – поднебесники? Нет, переход куда-то в Конфедерацию, Южная Америка. Не важно, где конкретно, потому что нить, повинуясь знакам, сотворенным проворными пальцами Мыша, уже повернула в Европу. Север, побережье или Британские острова. Нить движется дальше – нормальная практика. Если использовалось достаточно сложное шифрование – а особенных сомнений в этом факте ломщик не испытывал, – скоро начнется не просто бег с сервера на сервер. Скоро нить Ариадны начнет раскручиваться на отдельные волокна, которые станут разбегаться в стороны. Найти точку, где все эти цифровые филаменты соберутся обратно, сложно. Но ничего невозможного нет.

Внезапно ловкие пальцы остановили свой бег, замерев в сантиметре от черных клавиш. Какого дьявола он делает?! Ему что, жить надоело?!

Мыш не мог найти ответов на эти вопросы. Как в свое время не мог ответить сам себе, для чего вообще снова полез в сеть. Для

чего снова появился в мире Цифры, однажды чуть не превратившемся в высокотехнологичный крематорий для его сознания. Что заставляло наплевать на собственное здоровье, на запреты и договоры? Что заставляло постоянно соваться в самую глубину мира Цифры, туда, откуда можно не найти выхода? Деньги, тщеславие, азарт?

Всего этого было предостаточно. Разве что с азартом последнее время вышли некоторые трудности. Нет, было что-то другое, что-то первобытное или первородное – то, что вынуждало древнего туповатого человека выходить из относительно безопасной пещеры, до самого потолка заваленной вяленым мясом мамонта, в полную смертельных угроз долину и идти в поисках незнамо чего. Путь сквозь долину был долгим, он привел к Цифре.

Но человек застрял на пороге, так и не решившись войти в эпоху Цифры. Куда делась та природная решительность и неуемный авантюризм? Или люди слишком долго слонялись вне своей комфортабельной пещеры и теперь их манит назад – к вяленой мамонтятине? Одна беда: мамонты успели вымереть.

Никаких сомнений – Призрак подключался к сети с помощью незарегистрированного коммуникатора. Никто и не надеялся, что заказчик станет вести философские беседы с собственной «балалайки». Но даже с незарегистрированным коммуникатором можно найти точку подключения. Здесь ее не было, хоть тресни. «Нить Ариадны» исчезала, словно распадалась на атомы и элементарные частицы где-то среди серверов Северного полушария. Именно так: Северное полушарие – самая большая точность, которую удалось добиться Мышу. Новая технология шифрования? Может, и так. Ох и непрост этот заказчик.

Не исключено, что это были какие-то неизвестные Мышу возможности сети корпорации «Науком», захватывающей все большую часть виртуального мира. Машинисты москвичей постарались на славу – Мыш так и не нашел явных дыр в их системе. Пока спасало то, что большинство локальных сетей еще не были готовы полностью перейти на платформу «Науком». Когда интеграция завершится, работать ломщикам станет намного труднее. Если вообще возможно. Но, как любил говорить Мыш, ничего невозможного нет.

Глава 3

Президент Райн Тайн – невысокий, чуть полноватый мужчина с широким бесформенным носом и узкими, словно у китайца, глазами на круглом одутловатом лице – нетерпеливо барабанил пальцами по листу бумаги, на котором аккуратно было отпечатано послание индусов.

– И что они хотят? – спросил он у своего советника, стоящего у стола с опущенной в почтительном поклоне головой.

– Они обеспокоены положением дел на черном рынке, – сообщил очевидное советник. Он, судя по всему, тоже совершенно не представлял, как правильно поступить.

– Какое нам дело до их черного рынка?

Вопрос был явно риторическим, и советник благоразумно промолчал.

– Почему они хотят, чтобы эту проблему решали мы?

– У них есть информация от торговцев, что наркотик привозят с нашего севера.

– Этот «джьяду гумра» на самом деле столь опасен?

– Мы не знаем. Вы же понимаете, господин Президент, что у нас нет возможности исследовать зелье.

– Но посмотреть, каким образом действует, вы вполне способны.

– Люди, пробовавшие «джьяду гумра», утверждают, что побывали в нирване. Проблема заключается в том, что наркотик вызывает какие-то не совсем понятные изменения психики. Вероятно, необратимые.

– И все же чего индусы хотят от меня?

Райн Тайн говорил ерунду. Но дураком он не был, просто Президент на самом деле был озадачен.

«Джьяду гумра» стал проклятием Мьянмы. Страна и так трещала по швам. Впрочем, по швам она трещала последние полторы сотни лет – порабощенная, когда в ее землях что-то находили, и никому не нужная, умирающая сама по себе, когда очередные полезные ископаемые заканчивались.

Последнее потрясение постигло Мьянму в эпоху Больших Нефтяных Войн, когда поднебесники надеялись заполучить остатки мьянманских месторождений в свои руки. А получили шиш. Не потому, что натолкнулись на серьезное сопротивление – сопротивляться было особенно некому, да и незачем. Нет, причина была прозаичней. Просто к тому моменту, когда китайцы добрались до Летпандо, где на горизонте появлялись первые насосы, качающие топливо, нефти в недрах Мьянмы оставалось

залить пару баков в легковушках.

Так, за ненадобностью, Мьянма в очередной раз получила независимость, которую сохраняла и по сей день.

Но все могло измениться. Райн Тайн это хорошо понимал. Может быть, лучше, чем китайцы или индусы. И он хотел что-то изменить, другого выхода он не видел. Страна с трудом сводила концы с концами, и с каждым месяцем делать это становилось все трудней.

Райн Тайн мог показаться нерешительным рохлей. Именно таким его видели лидеры сопредельных гигантов – Китая и Индии. Иначе и быть не могло – как и многим его предшественникам, Райн Тайну досталась разрозненная нищая страна, почти лишенная всех нормальных современных благ, привычных в иных частях света. Даже сеть – вездесущая и неотъемлемая часть мира до Перерождения – была чем-то вроде чуда, доступная на территории Мьянмы лишь в крупных городах.

Но у Райн Тайна было свое проклятие. Или свое преимущество – это как посмотреть: Катастрофа, перевернувшая мир. Кризис убивает слабых, но дарует шанс. Подарок преподносится всем, каждому, кто способен догадаться, что это дар, кто смог принять и отстоять его. И только те игроки, кто по-настоящему поверил в собственные силы, смогут выиграть большой приз.

В обычной жизни все решает стартовый капитал. Это миф, что можно подняться с нуля, разжиться честным и усердным трудом. И только в кризис появляется настоящая возможность схватить большую удачу, ничего не имея.

Мьянма была пустым местом, лежащим между двух титанов. Наличие одного большого покровителя может пугать, но двух не может не радовать. Райн Тайн хорошо усвоил принцип «разделяй и властвуй».

Райн Тайн всегда помнил о брате. Маленький Таш… Но именно сейчас пришло время вспомнить все в мельчайших подробностях.

В семье будущего Президента родилось восемь детей, но годовалый возраст удалось пережить только Райну и Ташу. Таш был младшим.

Родители работали на урановых рудниках в Кьяунгсине. Они не нанимались на работу – тяжелую и смертельно опасную. Правительство решило, что стране нужно повысить добычу урана на рудниках, принадлежащих Мьянме лишь формально. Реально месторождение давно прибрали к рукам поднебесники. Добыча беднела, руды становилось все меньше, и требовалось все больше усилий, чтобы найти среди радиоактивной пыли хоть что-то.

Пока китайцы платили, правительство шло на любые условия, лишь бы сохранить этот доход.

Полиция сгоняла на рудники всех, кто, так или иначе, оказывался без работы. А безработных в Мьянме было хоть отбавляй.

В тот день Ташу исполнилось одиннадцать. Райн вернулся с работы – он трудился в строительной бригаде, строящей дорогу на север, – и увидел брата. В таком виде – впервые. Райн запомнил его лицо на всю жизнь: глупая, ничего не выражающая улыбка, безвольно приоткрытый рот, из уголка которого обильно стекала слюна, и глаза – пугающие, смотрящие в никуда, с бездонными расширенными зрачками.

Райн бил брата по щекам, пытаясь привести в чувство, тряс его так, что глаза Таша закатились, а из горла стало доноситься противное бульканье. Сколько времени продолжалась агония, Райн не знал. Возможно, несколько часов, но не исключено, что с момента, когда он впервые увидел младшего брата, пускающего слюни, до того, как тело Таша обмякло в его руках, а руки перестали ощущать биение сердца, прошло всего несколько минут.

Райн нашел на руках брата следы от уколов. Много следов. Раньше он не замечал их. Наверное, потому что не смотрел, не думал, что Таш, маленький веселый Таш может попасть…

Райн знал, куда попал Таш. Он знал, зачем. Торговля наркотиками процветала в этом бедном умирающем мире. Для производства и распространения опасного зелья нужны были работники. Рабы – так сказать правильней. Наркоторговцы превращали в наркоманов доверчивых пацанов, сбывая им дурь по дешевке, а иногда и «угощая» какими-нибудь некачественными отходами производства. Очень скоро новоиспеченные наркоманы за дозу медленно убивающей их дряни были готовы на все. Они выполняли любые поручения «начальства», зачастую бывшего такими же рабами-наркоманами, но подсаженными на более качественную «продукцию».

Что случилось в тот день, Райн не знал. То ли Таш сам не рассчитал с дозой, то ли постарался кто-то другой. Это не имело значения. Райн думал, что его брат умер, держа на руках бездыханное тело, вздрагивающее в редких и слабых судорогах. Но Таш остался жив. Вернее, живым осталось его тело, в котором не было ни капли от веселого, родного человечка. Пустая, пускающая слюни оболочка.

В тот день Райн поклялся отомстить. И он выполнил свое обещание.

Он пошел к торговцам наркотиками. Работал пушером – сам

продавал зелье зеленым пацанам и девчонкам. Было противно, но иного пути он не видел: чтобы выполнить задуманное, нужно чем-то жертвовать.

Сам Райн никогда не притрагивался к тому, что продавал. Сначала это вызывало недоверие «руководства», но немного погодя им заинтересовались настоящие боссы.

Спустя полгода, когда Райн достаточно освоился в среде наркоторговцев, он выполнил задуманное. Целый месяц шестнадцатилетний Райн ждал случая, и случай представился.

Ложь всегда выглядит красивее правды. Правда – серая и обыденная, правда – это то, что всем надоело, от чего уже никто ничего не ждет. А ложь – это птица в небе. Красивая и недостижимая. Но приятно думать, что птаха, которая реет так высоко, может достаться тебе. Даже если не уверен, что птица настолько красива, как рассказывали. Ложь манит, она притягивает пуще любого наркотика. Особенно, если подкрепить обман небольшими, но вескими доказательствами.

Райн собрал достаточно информации о поставщиках зелья в их районе. Он знал наименования грузов, их ценность и возможности тех, кто отправлял все это сюда. Конечно, он не ведал всех тайн, но ему было известно многое.

Несколько оброненных слов в одном месте, рассказы пушеров-наркоманов, получивших свою бесплатную дозу, – в другом. Пушерам без разницы, что рассказывать, после полученной дозы они начинали верить собственным россказням так, что готовы были убить любого, кто обвинил бы их во лжи. Они все видели сами или слышали, как кто-то что-то где-то сказал.

Спустя полтора месяца после того, как Райн начал внедрять свой план, между группировками, торгующими наркотиками, разгорелась настоящая война. Правительство было вынуждено ввести войска для наведения порядка в районе, массированные операции, проведенные силами правопорядка, уничтожили последних из оставшихся боссов.

Так Райн Тайн отомстил за жизнь брата.

Таш умер через два года. Рассудок так и не вернулся к нему, до самой смерти маленький Таш оставался пускающим слюни и гадящим под себя растением.

Сейчас Райн Тайн вспоминал события прошлого не просто так. Он давно перестал оплакивать смерть брата. В конце концов, Таш сам выбрал свой путь, пусть его и подталкивали. Президент думал о другом – об уроке, полученном из всей этой истории.

Природа не терпит пустоты – непреложный закон. Когда рынок сбыта наркотиков остался без боссов, хаос продолжался

недолго. На смену старым структурам – слабым деревенским бандам, что уж греха таить, – пришли новые. Крупные наглые хищники, прибравшие к рукам все, что осталось от прежних хозяев, и преумножившие это. Райн разрушил бизнес людей, убивших его брата, но привел в свой мир совершенно иных, более сильных, более наглых и беспринципных бандитов. В итоге он сделал хуже, он убрал маленького зверька и отдал место настоящему зверю.

Сегодня Президент был близок к подобному выбору – нужно столкнуть «зверей» между собой, но при этом не оказаться между ними. И не пустить в свой дом нечто худшее, чем можно ждать сейчас.

– Какие у нас данные по нефти? – спросил Райн Тайн у советника.

Седовласый Пту Айн, казалось, задремал. Он резко вскинул голову, его прищуренные глаза открылись.

– Технологии, которыми мы располагаем, не позволяют... – начал он.

– Что ты мне постоянно рассказываешь о том, чем мы не располагаем?

– Простите, господин Президент. Но, к сожалению...

– Я прекрасно понимаю, что на сегодня мы не располагаем практически ничем.

– На старых местах ничего не нашли, – коротко подтвердил Пту Айн.

– Это понятно. Откуда там взяться нефти. Скажи, эта сибирская байка насчет подземных нефтяных рек все еще имеет силу?

– Насколько мне известно, в Сибири продолжают поиски нефти.

Это хорошо, что продолжают. Мьянме это как раз на руку. Особенно, если принимать во внимание факт, что нефть однажды уже возвращалась в эти края. Правда, ненадолго. В тот раз – к счастью.

Первый раз нефть в Мьянме закончилась почти сто лет назад. Несмотря на то что ученые предрекали, будто черного золота хватит еще лет на двадцать. В то время яйцеголовые много чего предрекали, но почти все ошиблись в расчетах. Или их подвели эти таинственные подземные нефтяные реки, россказни о которых теперь распускали сибиряки.

Потом, когда начались нефтяные войны, не тронувшие Мьянму в самом начале, черное золото вдруг снова появилось в скважинах. Но спустя всего полгода недра опять опустели. Сегодня, после всепланетной встряски двухлетней давности,

вполне можно ждать повторного возвращения топлива. И люди Райн Тайна всеми силами поддерживали слухи о том, что нефть есть на севере – в горах, там, куда добраться не так-то просто. Мьянме нужны деньги могущественных соседей, без них не выжить. Но раскошеливаться просто так никто не собирался.

А теперь еще и этот «джьяду гумра». Новый наркотик. К дурманящему зелью всегда проявлялся слишком большой интерес. И со стороны преступного мира, и со стороны правительств. Одни были озабочены перспективами прибылей, вторые… вторые делали вид, что озабочены «здоровьем нации», но думали все о той же прибыли.

Но в интересе индусов к «джьяду гумра» было что-то еще. Райн Тайн чувствовал это, не понимал, что именно, но ощущал на уровне подсознания. Президент не возражал отдать секрет зелья, которым и не обладал, но он хотел знать, чего лишается.

– Мы можем раздобыть сырье, из которого получают этот «джьяду гумра»?

– Поставки наркотика практически прекратились, – сообщил советник. – Кроме того, цепь сбыта слишком запутана, мощные организованные структуры появляются только на последних этапах, и ни нам, ни им ни разу не удалось выйти непосредственно на сборщиков сырья. По слухам, наркотик получают из какого-то растения, но ни одного образца мы до сих пор не видели.

– Как такое может быть?

– На севере сильное радиационное заражение. Мы не можем исключать, что никто из сборщиков сырья не выжил. Возможно, с этим связано и прекращение поставок наркотика.

Райн Тайн поднял лист с посланием индусов. Черные, отпечатанные на принтере буквы ровными цепочками бежали по желтоватой бумаге. Это была еще одна приманка для зверя. Поднебесники пока не предъявляли претензий, но им проще – северные районы, где росло нечто таинственное, подарившее миру «джьяду гумра», с территории Китая были более доступны, чем отсюда, из Нейпьидо. Скорее всего, именно этим фактом и озабочены индусы, а вовсе не проблемами своего черного рынка. Тем более что поток «джьяду гумра» иссякает сам собой.

– Подготовь ответ нашим индийским друзьям. Мы внимательно рассмотрим их предложения и приложим все силы. Как обычно. Да, не забудь упомянуть, что мы сами крайне заинтересованы в решении вопроса и надеемся на их помощь. И про нефть не забудь что-нибудь вставить.

– Что?

Райн Тайн улыбнулся. Пту Айн не желал брать на себя

ответственность за ту ложь, которой они изо всех сил снабжали соседей. Но ложь, как это усвоил Президент еще в юности, притягательней правды.

– Напиши, что в свете грядущей геологоразведки и разработки перспективных месторождений проблема формирования наркобизнеса в нефтеносных районах должна быть пресечена на корню.

Глава 4

Тонкие пальцы аккуратно мяли маленькие голубые цветочки. На первый взгляд нежные холеные руки майора Ли Ханьфанга могли показаться слабыми и неумелыми. Но это было не так. И бойцы, деловито снующие вокруг двух вяло вращающих винтами вертолетов, могли подтвердить этот факт – многие из них успели испытать на собственной шкуре силу изящных и ухоженных рук майора. Если товарищ майор бывал недоволен работой подчиненных, он особенно не церемонился – перепадало каждому. Это в расположении части он мог задумываться об уставе и правильных отношениях. Здесь, в тропической глуши, он был царь и бог. Здесь каждый слушался его, как отца родного. И, нужно отдать майору должное, пока никто не смог упрекнуть его хотя бы в одной допущенной ошибке.

Майор растер остатки цветка в нежно-голубую кашицу и осторожно понюхал пальцы. Пахло зеленью. Обыкновенной травой, никакого специфического запаха.

– Что с фоном? – спросил Ли Ханьфанг.

Молодой сержант, облаченный в жаркий, немного поблескивающий на солнце костюм противорадиационной защиты, показал прибор, который держал в руках, и доложил:

– Повышен, товарищ майор. Здесь все заражено.

– Значит – тридцать минут, – посмотрев на цифры, констатировал майор Ли.

Это была их восьмая высадка. Наводку давали из центра, ориентировались по данным со спутников. Но ценности в этой информации было немного – что можно разглядеть со спутника в джунглях, под кронами плотного, как настоящая крыша, леса? И все же в первую очередь они осматривали относительно открытые участки. Наподобие этого.

Слева, метрах в трехстах, виднелись остовы каких-то строений. Некоторые были довольно внушительных размеров, этажей двенадцать в высоту, оплывшие, словно расплавленные под жарким тропическим солнцем свечи. Ли Ханьфанг знал, что это. Остатки заводов корпорации «Фарма 1». Брошенное добро, которое номинально до сих пор принадлежало верхолазам из Анклавов. По закону их команда не могла здесь находиться. Но это по закону, о котором в этих краях давно никто не слышал.

– Пошли троих человек, пускай осмотрят развалины, – майор отдал приказ лейтенанту, который ни на шаг не отходил от начальника. Молодой военный взял под козырек и, натянув на лицо респиратор, поспешил к группе бойцов, собиравших образцы

с поля у вертолетов.

– Но ведь где-то же эта зараза должна расти, – задумчиво пробормотал Ли Ханьфанг, еще раз потянув ноздрями запах, исходящий от пальцев.

Ли Ханьфанг служил в МГБ КНР в чине майора уже пятый год. Кое-кто из коллег считал, что Ли засиделся в звании майора, что он вполне достоин получить подполковника, но начальство отчего-то медлило. Самому Ханьфангу было глубоко наплевать на все эти звания. Он знал, чего стоил. Знал много больше тех, кто прочил ему быстрое продвижение по служебной лестнице. И, как оказалось, начальство ему доверяло.

Несколько месяцев назад его вызвал генерал Ши и сообщил, что он назначен командующим группировкой, которая отправляется на север Мьянмы. Там они будут искать сырье, из которого кто-то придумал делать новый наркотик, получивший название «джьяду гумра». В переводе бенгальская фраза означала: «волшебный порошок». Чем примечателен этот «порошок» и для чего понадобилось искать сырье, майор не знал, но был уверен – раз это дело поручили ему, значит, важность в наркотике для страны имеется.

Задание оказалось сложным, но Ли Ханьфанг привык – таким, как он, простые дела не поручали. Дело осложнялось еще и тем, что местность изрядно заражена осевшими в этих краях изотопами, взметнувшимися в небо при взрыве располагавшейся недалеко за горами на территории Поднебесной АЭС. С другой стороны, это и к лучшему: некому будет следить за действиями китайской команды. Тем более что свидетелей Ли Ханьфанг не выносил, их не должно оставаться.

Майор видел «джьяду гумра». Мелкий нежно-голубой порошок, очень похожий оттенком на эти цветочки. Ли Ханьфанг активировал зашитую в «балалайку» ботаническую энциклопедию, которой его снабдили спецы МГБ, но ничего похожего на «лютик», который держал в руке, не обнаружил. Возможно, он что-то не так искал – майор не был специалистом в ботанике, его мастерство проявлялось совсем в других сферах. Но все же отсутствие голубого цветочка в картотеке настораживало. И этот цвет… Только запаха не было. «Джьяду гумра» имел довольно резкий характерный запах, который трудно с чем-нибудь спутать. Логично предположить, что аромат достался наркотику от исходного сырья. Но цветок пах обычной травой.

И еще оплывшие башни «Фармы 1». Майор чувствовал, разгадка должна быть где-то тут. Неспроста эта зараза зародилась в здешних краях. Все сходилось – и радиация, довольно легко изменяющая и уродующая живую материю, и заводы корпорации,

занимавшейся генетическими исследованиями.

Среди плотной сочной травы майор увидел еще несколько тонких стебельков с нежно-голубыми цветками. Он наклонился и сорвал их.

Неподалеку работало несколько бойцов, спешно выдергивая все, что попадалось под руки, и пакуя зелень в специальные мешки.

Ли Ханьфанг посмотрел на часы, отображаемые наноэкраном. Еще пять минут. Лучше явиться сюда второй раз. Через пару дней, после того, как его команда отмоется и выпьет вина для очищения организма. Радиация здесь и в самом деле присутствовала, майор ощущал легкое пощипывание на руках, куда попала пыль с травы. Может, все-таки надеть респиратор? Тем более что ему не доведется побаловаться красным вином, по закону положенным всей команде.

После того как в кабинете генерала Ши были обсуждены все моменты операции, получившей название «Южная молния», майора Ли Ханьфанга попросили остаться. Собственно, попросил сам генерал.

– Вы, товарищ майор, неоднократно выполняли *особые* поручения правительства, – начал генерал.

Ханьфанг стоял, вытянув руки по швам и слегка склонив голову. Он резко кивнул.

– Вы должны понимать, что вам оказано огромное доверие, которое пока даже трудно оценить. Ваша кандидатура была одной из многих, но выбор пал именно на вас. Мы надеемся, что вы, товарищ майор, оправдаете надежды высокого руководства Народной Республики.

– Так точно!

– Присядьте, товарищ майор.

Ли Ханьфанг сел в кресло, на которое указал ему Ши, но в его позе и движениях не появилось и намека на расслабленность или вальяжность. Генерал сел в кресло напротив, явно стараясь держать себя свободно, как и было положено вышестоящему по званию и хозяину кабинета, но от Ли Ханьфанга не скрылось, что руки Ши немного дрожат. Судя по всему, серьезность задания была даже выше, чем мог вообразить генерал.

Пугало ли это Ли? До того как генерал продолжил разговор, майор успел задать себе этот вопрос. И ответил на него отрицательно. Нет, не пугало. Очаровывало, вызывало интерес и будоражило. Он любил трудные задания.

– Вы будете выполнять роль командира операции «Южная молния», но у вас будет еще одно задание, связанное с основным лишь территориально. В курсе будете только вы, никто из вашей

группы не должен ничего знать, – начал объяснения генерал.

Ши сделал паузу, видимо, ожидая, что майор станет задавать вопросы. Но Ли Ханьфанг молчал, глядя прямо перед собой. Он ждал объяснений, вопросы он сможет поставить на месте. Для того, чтобы найти на них ответы. Глупо задавать вопросы здесь – если бы генерал знал, что сказать в ответ, ему не потребовалось бы посылать в Мьянму майора Ли.

– Это задание государственной важности, – понизив голос, сказал генерал. – Его выполнение держит под контролем сам Председатель!

Вот, значит, как. Это на самом деле высший уровень доверия. Большего просто нельзя и представить.

– Нашли вот это, – приглушенный респиратором голос бойца вывел майора из раздумий.

Ли Ханьфанг задержал взгляд на бликующих очках, защищающих глаза бойца, затем посмотрел на то, что тот держал в руке. Смутившийся лейтенант сорвал с лица маску, плотно сжав губы.

– Наденьте, – бросил ему майор, – здесь изрядно фонит.

Лейтенант неуклюже приставил маску к лицу, но не надел, так как ему мешала какая-то рванина, которую он притащил со стороны развалин.

– Что вы нашли?

– Одежда, товарищ майор. Такую носят местные, это не из корпоративного имущества.

– Хорошо. Упакуйте образец.

– Так точно! – лейтенант попытался отдать честь, но выронил респиратор, вдохнув полной грудью воздух, наполненный радиоактивной пылью. В его сощуренных глазах появился испуг.

– Не переживайте, – майор наклонился и поднял упавшую маску, протягивая ее подчиненному, – радиация не столь страшна, как обычно думают. Но расслабляться тоже не стоит.

Лейтенант кивнул, принимая из рук майора респиратор.

– И вот это тоже упакуйте. Отдельно. – Ли Ханьфанг протянул ему два стебелька, увенчанных нежно-голубыми цветами.

– Ждите меня здесь, – бросил Ли Ханьфанг лейтенанту. – Заканчивайте паковать.

– Так точно! – отозвался молодой человек, отдав майору честь.

Как только Ли Ханьфанг шагнул в высокую, доходившую почти до пояса траву, лейтенант тут же дрожащими руками натянул респиратор. Все боялись радиации. И правильно делали, ее тут на всех хватит. На АЭС, что снабжала электричеством треть провинции Юньнань, во время толчков Перерождения взлетели на

воздух все шестнадцать энергоблоков. Из автономного округа Нуцзян не было даже эвакуации – те, кто остался жив после толчков, все равно были обречены: уровень радиационного заражения района превышал все мыслимые пределы. До Нуцзяна отсюда километров сорок, но и этим местам досталось изрядно.

Майор шел быстро, раздвигая ногами траву, словно ледокол лед. Сегодня Ли надел штаны от костюма радиационной защиты. Как-то последнее время он стал неважно себя чувствовать – то ли сказывалась усталость, накопившаяся за последние недели, то ли дело все же было в радиации, опасаться которой Ли Ханьфанг отказывался. Показатели личного дозиметра, разумеется, давно уже зашкаливали, но в выданном под его начало подразделении не было дозиметриста. Да и если бы был – кто осмелится перечить начальству?

Поэтому надевать жаркий, не пропускающий воздух костюм, не говоря уже о респираторе, майор не собирался. В здешней духоте он скорее получит удар от перегрева в саркофаге сверкающего металлическим блеском костюма, чем успеет загнуться от ионизирующего излучения. В любом случае, Ли Ханьфанг никогда не планировал умереть, предварительно расположив иссушенное старостью немощное тело в теплой постели. Он планировал жить, полностью оправдывая суть этого термина, и умереть тогда, когда закончится его *Дао*. А радиация не упоминалась ни в одном из трактатов Традиции.

Двор был усыпан бетонной крошкой, перемешанной с горами битого стекла. Попадались и многотонные фрагменты стен, отвалившиеся с верхних ярусов башен. Бродить здесь явно небезопасно – словно замороженный, процесс разрушения мог возобновить свое стремление к хаосу в любой момент.

Из-под обломков торчали искореженные и проржавевшие останки мобилей. Наверное, они принадлежали работникам завода. Или лаборатории. В сводках «Фармы» это место значилось под названием «объект». Уточняющих запросов никто не делал – формально здесь не было и быть не могло никаких китайских подразделений, – но вряд ли эти запросы что-нибудь прояснили бы.

С противоположной стороны от башен находились ворота. Рядом с ними небольшим холмиком выделялись обломки здания КПП. Дальше, через горы, уходила дорога. Она обрывалась в четырех километрах к западу, теряясь во вновь образовавшемся ущелье. Людей и оборудование отсюда эвакуировали в спешном порядке вертолетами. Многое забыли или оставили намеренно. Люди тоже не все дождались спасения.

Майор Ли почувствовал запах смерти сразу же, как только

ступил на корпоративную территорию. Его губы тронула улыбка – он был сто тысяч раз прав, решив не надевать респиратор. Здесь пахло разложением, не тем сладковатым тошнотворным запахом, какой обычно распространяют двух-трехдневные трупы. Нет, этот запах был иным. Тонкий, едва заметный в ароматах джунглей и трав из долины оттенок вяленого мяса с душком. То, что источало это благоухание, лежало здесь уже не первый день. Скорее, не первую неделю. И это не были навсегда оставшиеся на рабочем месте сотрудники «Фармы 1» – те давно уже перестали смердеть.

Ли Ханьфанг насмотрелся на смерть. Окончание жизни очередного тела не пугало его, будь тело чужим или его собственным. У каждого свое Дао, и каждый волен распорядиться предоставленным мирозданием временем по собственному усмотрению. Но никто не волен решать, когда путь очередной ипостаси должен прерваться. Только праведники могут выбирать момент, когда отправляться в нирвану.

Источник запаха отыскался у входа в правую двухголовую башню. Совсем неглубоко под камнями лежало шесть полуразложившихся подсохших трупов. Одежды на погибших не было. Зато на шеях отчетливо выделялись темные странгуляционные борозды – всех шестерых задушили.

То отрепье, что нашел здесь лейтенант, наверняка принадлежало этим беднягам. Все приходится делать самому – лейтенант ходил прямо по трупам, но ничего не видел у себя под ногами.

Только почему их убили? Не из-за тряпья же. Нет, раздели их явно по какой-то иной причине. Собственно, причина здесь могла быть только одна – ритуал. Ли Ханьфанг не знал подобного ритуала, но он и не считал себя знатоком обрядов всех традиций.

Второй вопрос – кто эти люди? Можно делать множество предположений по этому поводу, но ответ напрашивался сам собой: если «джьяду гумра» производили здесь, то делали это именно они.

Внутри башни ориентироваться было сложно – часть здания просела внутрь, завалив некоторые из коридоров. Другие проходы изменили очертания, где-то рухнули стены, где-то образовались новые – из обломков.

На первом этаже вряд ли будет что-то интересное – лейтенант с бойцами, вне всякого сомнения, заходили сюда. Хотя и осмотр наверняка проводил весьма беглый.

Лестница отыскалась в третьем повороте. Здесь было темно – в пределах видимости не светилось ни одно окно. Но бетонные пролеты, покосившиеся и потрескавшиеся, на удивление устояли, поднимаясь вверх настолько, насколько их вообще было видно в

полумраке.

Как же все оказалось просто – люди, приходившие сюда, наследили столь явно, что блуждать по бесчисленным этажам и лабораториям Ли Ханьфангу не пришлось.

Лаборатория отыскалась на четвертом этаже. Там же лежали трупы. Здесь их было четыре. На этот раз – одетые, но способ убийства был все тот же.

Майор присел возле одного из тел. Судя по одежде, его прежний владелец был индусом. Хотя внешний вид часто бывает обманчивым. А судя по расположению потемневшей борозды на шее, оставленной каким-то жгутом или скрученным куском ткани, всех – и этих, и тех, внизу, – задушил один и тот же человек: везде удавку двигали влево, а на затылке практически в одном и том же месте у всех виднелась короткая неглубокая царапина. Видимо, убийца носил перстень или кольцо с острым камнем или объемным узором.

Учитывая следы на полу, где-то должен быть еще один труп. Майор заглянул в соседнее помещение, где исчезала борозда, прочерченная чем-то тяжелым в разбросанном на полу мусоре, и обнаружил пропажу. Этот тоже был одет, только его зачем-то завалили осыпавшимися со стен кусками штукатурки.

У убитых никаких документов, ничего, что могло бы пролить свет на их происхождение. Ни у одного нет «балалаек», «таблетки» в предплечьях у тех, что лежали в лаборатории – основательно, кстати, разрушенной, – были давно, судя по рубцам, и не особенно аккуратно удалены. У тех, что голышом отдыхали под грудой камней внизу, никаких «таблеток» не было вовсе.

Итак, вводные: одиннадцать трупов и один убийца. Все задушены, причем картина очень смахивает на ритуальное убийство. Во всяком случае, с теми, что внизу. Для чего надета одежда на пяти трупах? Намеренно, чтобы запутать?

Слишком много вопросов. Слишком много предположений. Мало достоверности.

– Товарищ майор, вы превысили допустимое время пребывания на объекте на четыре минуты. – Голос лейтенанта, внезапно возникший в левом ухе, заставил Ли Ханьфанга вздрогнуть. Он успел забыть о рации, наушник которой все это время торчал в слуховом проходе.

Провалиться тебе! Время не имеет никакого значения, Дао вне времени.

– Я возвращаюсь, заводите машины, – сказал Ли. – Нам нужно двигаться. И пришлите сюда кого-нибудь с канистрой.

– Которая…

– С той самой. Поживее.

Майор тщательно зафиксировал в памяти «балалайки» все, что посчитал важным, и вышел наружу. Солнце робко проглядывало сквозь прорехи в облаках, начиная разогревать влажную атмосферу. Густое молочное покрывало тумана в долине быстро рвалось на отдельные комки, которые медленно таяли под беспощадными лучами. Мир двигался своим чередом, мир выполнял замысел, мир подчинялся Дао.

И только свист вертолетной турбины казался чем-то инородным, разрушающим связи во Вселенной.

В вертолет майор обычно заходил последним. Так было и в этот раз. Он уже поставил правую ногу на лесенку, когда заметил в траве, разбросанной мощными потоками ветра от вращающегося над головой винта, что-то маленькое и блестящее. Ли Ханьфанг не понял, что это было. Но вещица смотрелась столь чужеродно в этой дикой местности, брошенной людьми почти два года назад, что майор не удержался и подобрал ее. Рассмотреть это он успеет и позже.

А теперь нужно вернуться на базу, принять душ и лететь в другое место. Теперь уже самому, без бойцов. Пришло время вернуться к тому самому заданию, о котором поведал ему генерал Ши за закрытыми дверями своего кабинета. Возможно, так лишь казалось, но майор каким-то шестым чувством ощущал, что близок к тому, чтобы найти ответ на вопрос, который так и не сумел задать ему генерал.

Двумя днями раньше он ошибся. В этом не было вины майора, лишь дело случая. Но в этот раз все должно пойти иначе. Отчего-то Ли Ханьфанг был в этом уверен.

Майор посмотрел на горизонт, когда вертолет уже поднялся в воздух. Погода снова начинала портиться, небо быстро укутывали плотные свинцовые облака.

Глава 5

За окном убегала вдаль выложенная плиткой дорожка с красивым, отлично ухоженным газоном посередине. Пятьдесят метров ненормально пустого пространства, которое казалось инородным в этой стране, кишащей людьми, словно унитаз бактериями. Насладиться привычными видами толпы, столь плотной, что казалось странным, как людям вообще удается двигаться, можно было тут же, не отходя от окна. Достаточно поднять взгляд чуть выше и взглянуть за пределы двора, огороженного красивой кованой решеткой, к которой на всякий случай подведено электричество. Прецеденты уже бывали: когда город вздрогнул от первых толчков, ни орущая что есть сил охрана, ни быстро захлебнувшиеся «ревуны» на воротах не смогли остановить обезумевшую, прущую на огороженную территорию толпу. Чего они тогда хотели? Скорее всего, бегущие вперед люди и сами этого не знали. Толпа – безмозглое создание, требующее лишь одного: движения.

Генерал Абхай Лал оторвался от лицезрения двора и задернул штору. С некоторых пор он плохо выносил толпу. Странно, но раньше он такого за собой не замечал. Да и было бы удивительно – всю жизнь он прожил в Индии, где обитала почти половина населения земного шара.

Во время аварии на Станции Гималаи тряхнуло основательно, ответной волной вздрогнул Индостан. Количество жертв никто не считал – и так было ясно, что погибших больше миллиарда. В те дни трупы сгружали бульдозерами, посыпая чем-нибудь горючим. Вечерами над смердящими пустырями, в которые превратились многие городки северной Индии, робко тлели огромные погребальные костры. Горючего не хватало не только для того, чтобы сжечь трупы – большинство тел не успевали даже обгореть. А назавтра огромные карьерные грузовики привозили новый груз и бульдозеры, забрызганные гниющими ошметками грязно-кровавого цвета, продолжали свой скорбный труд.

Абхай Лал почувствовал, как к горлу подкатывает ком, а нос начинает ощущать не существующий теперь смрад. Нет, от такого зрелища избавиться невозможно. И запах – призрак запаха – будет преследовать его до конца дней.

С тех самых пор генерал и возненавидел толпу. Теперь толпа была для него горой трупов, кучей гнилого мяса, которое его солдаты не смогли достойно проводить в последний путь.

Особым указом было запрещено предавать останки погибших водам Ганга – священная река не справилась бы с подобным

кощунством. Она и так не справлялась: понятно, что внимание на указ обращали далеко не все, и эпидемии по берегам великой реки продолжались до сих пор.

И все равно людей оставалось слишком много. Европейцы, непривычные к подобному столпотворению на улицах, могли бы решить, что в Дели сегодня какой-то большой праздник. Но для Индии это была обычная ситуация – людей много, места на всех не хватает.

Генерал вернулся к делам. В памяти личного коммуникатора, лежащего на столе, его дожидались два отчета. Один из химической лаборатории госбезопасности, второй – от машинистов. Оба с грифом «Совершенно секретно».

Абхай Лал не был ученым и мало что понимал в предоставленных выкладках. От него и не требовалось предельного понимания научных тонкостей. От него – руководителя Национальной Безопасности – ждали верных решений. Он должен решить, что со всем этим делать.

Палец генерала, скользнув по сенсорному экрану привычным жестом, перевернул страницу. Снова формулы, какие-то непонятные значки и короткие текстовые заметки. Генерал Лал знал, что это означает, ему рассказывали. На самом деле кое-что он знал даже лучше тех, кто досконально разбирался в научных изысканиях – Абхай Лал лично пробовал голубой порошок со странным бенгальским названием «джьяду гумра». Еще до того, как им заинтересовались ученые из госбезопасности.

А теперь он читал этот вот отчет. И чувствовал, как, несмотря на жару, по спине пробегает холодок.

Странно, но никаких из описанных в документе симптомов Абхай Лал до сих пор у себя не отмечал. Или все дело в том, что он нашел в себе силы вовремя остановиться? Хорошо, если так. Однако, если верить полученным учеными результатам, доза и длительность применения вещества, содержащегося в «джьяду гумра», большого значения на имели. Данных явно не хватало, это ученые признавали. Они хотели продолжить изыскания, а для этого был нужен исходный материал. Который так и не удалось найти.

– Великий Вишну, – только и смог пробормотать генерал.

Лал доверял людям, пишущим для него отчеты. У него не было никаких сомнений в истинности каждого слова, написанного здесь. Вместе с тем генерал хорошо знал и уважал Традицию своих предков. И то, что было написано в отчете по «джьяду гумра», слишком походило на то, о чем говорили древние тексты Традиции.

Сомневался ли он в трактатах, написанных во времена, когда

ни христианского Иисуса, ни исламского Мухаммеда еще не было даже в проекте? Сами Веды настаивали, что существующий порядок пребывал в мире всегда, он не начинался, как утверждают адепты других Традиций, и никогда не закончится. То, что происходило сейчас, та Катастрофа, или Инцидент, или Перерождение, как называли его последователи изменника истинной веры Сиддхардхи Гаутамы, провозгласившего себя Буддой, вполне вписывалось в картину мира, которую описывали древние тексты. Дрожь, что пронеслась по поверхности планеты два года назад, слишком походила на начало Пралайи[1] – момента, когда существующая ныне Вселенная сольется с Великим Абсолютом.

Но было ли там место голубоватому порошку, «джьяду гумра»? Или его место только в бренной жизни людей, в бессмысленной проекции Брахмана[2], являющейся лишь мимолетной мыслью или сном Брахмы?

Абхай Лал вызвал Дханпатраю Бхадури – своего первого заместителя, того самого, кто счел необходимым продемонстрировать отчет по «волшебному порошку» самому генералу. Темное породистое лицо, обрамленное аккуратно подстриженной бородой, появилось на экране коммуникатора Лала.

– Да, сагиб? – ответил Бхадури.

– Скажи, Дханпатрая, данные по «джьяду гумра» читал кто-нибудь из *посвященных*?

– Полностью отчет видели только вы и я, сагиб. Мне необходимо...

– Нет, – прервал заместителя генерал. – С этим вопросом я разберусь лично. Твоей задачей станет соблюдение абсолютной секретности. Информация не должна выйти за пределы нашего ведомства. Особенно это касается лабораторий. Я так понимаю, в исследованиях принимали участие не только военные структуры.

– Мне необходимо инициировать зачистку?

Горы слегка обжаренного, медленно разлагающегося мяса.

– Нет, – слишком резко ответил Лал. – Только изоляция. И исключить контакты между группами.

– Так точно.

– Это временная мера. Пока мы не разберемся во всем досконально.

Бхадури кивнул и исчез с экрана.

Оставался еще один текст, загруженный в коммуникатор первым заместителем. Столь же удивительный и неожиданный. В нем не было ничего мистического. Но так могло показаться только на первый взгляд. Генерал Лал придерживался иного

мнения. Или это все усталость, накопленная за последний, выдавшийся очень непростым год?

Второй отчет, написанный корявым, малопонятным нормальному человеку языком, был детищем машинистов. Об этом можно было догадаться по стилю, не обращая внимая на специфическую терминологию.

А терминологии во втором отчете тоже было много. Никакого пафоса в написанных строках, но из каждой буквы веяло нетерпеливостью и восторгом, с которым создавался документ.

Генерал так до конца и не понял, что же обнаружили машинисты, но он верил в важность находки. Не было нужды глубоко вчитываться в выкладки и расчеты, чтобы понять всю важность, хватило одного слова, которое Абхай Лал встретил на страницах отчета уже несколько раз, – Станция. Вне всякого сомнения, это лишь предположения. Машинисты и не настаивали на стопроцентной точности расчетов. Но если написанное соответствовало действительности хотя бы наполовину… да хотя бы на пятую часть, это стоило многого. Даже…

Нет, к принятию военных мер генерал готов не был. Слишком уж живым оставался в памяти Лала образ бульдозеров, разгребающих тонны гниющей человеческой плоти.

И главное, о чем генерал раздумывал с того момента, как дочитал отчеты, – он был почти уверен, что между этими на первый взгляд совершенно не связанными событиями есть что-то общее.

Генерал, используя «балалайку», отправил приказ слуге, находящемуся в подсобке около его кабинета. Спустя несколько минут тот появился, неся на серебряном подносе чашечку замечательного душистого кофе.

Как звали сегодняшнего слугу, Лал не знал. Ему было неинтересно. Маленький тщедушный человечек был из шудров[3] и знал свое место. Завтра на его посту может оказаться другой, подобный ему, а проверять надежность слуг не входило в обязанности генерала. Этим занимались подчиненные из его ведомства, и своим кшатриям Лал доверял полностью.

Тонкий аромат достиг ноздрей, побуждая тело к действию, а голову к размышлению. Но, прежде чем приступить к работе в полную силу, можно потратить несколько благословенных мгновений на общение с дивным напитком, приготовленным из настоящих кофейных зерен. К счастью, у арабов оставались запасы настоящего кофе – разумеется, это были запасы. Хотя аравийцы и утверждали, что кофе свежий, только что привезенный из Африки, Лал в это не верил. Африка теперь стала почти недосягаемой. И уж точно не тем местом, куда стоит

соваться даже ради такого замечательного кофе.

Генерал раздумывал, кого можно направить в Нейпьидо. Грубые, бесцеремонные методы результата не дадут, это стоило понимать. Поэтому нет нужды отправлять в Мьянму военных или силовиков из собственного ведомства. Сейчас нужен разговор, а не активные действия.

Лал перебирал в памяти кандидатуры, оставаясь недовольным каждой. Отметая очередного кандидата, он неприязненно морщился и спешил запить неудовольствие глотком кофе. Вскоре напиток закончился.

Другого варианта Абхай Лал не видел. Тем более...

Тем более что это дело могло принести большие дивиденды. Настолько большие, что пока он не мог даже представить их размер. Значит, ехать в Мьянму придется самому.

Глава 6

– Ты смотрел содержимое файла?

Мыш уже успел привыкнуть к странной манере общения своего нынешнего заказчика. Безликий Призрак часто оставлял без внимания само выполнение задания и щепетильно выспрашивал какие-то совершенно незначимые мелочи. Незначимые для ломщика – не стоило считать своего покровителя идиотом, причину собственных интересов он наверняка знал. Но все же Безликий Призрак был очень… как бы это выразиться… эксцентричным клиентом.

– Внедрение прошло успешно, исходный файл заменен. В данной операции я даю стопроцентную гарантию, что обнаружить факт внедрения теперь невозможно. – Все-таки Мыш привык отчитываться в выполнении задания, в чем не смог себе отказать и на этот раз.

Но Безликий Призрак молчал. Черная клякса плясала перед взором ломщика, то отдаляясь чуть не до уровня горизонта, то наплывая вперед, перекрывая все поле зрения. Он ждал ответа на свой вопрос.

Разумеется, Мыш смотрел файл. Он бы посмотрел его в любом случае, даже если бы Призрак и не стал предлагать этого. Мыш успокаивал себя, считая, что сделал это для дела. Чтобы правильно провести внедрение и не облажаться с подсчетом контрольной суммы, не проколоться на каком-нибудь нестандартном кодировании. Но все это чушь – он смотрел файл, потому что ему было интересно. Открыл из любопытства. Начал читать, изучать программную оболочку. Потом попробовал запустить куски кода в режиме эмуляции.

Он провозился с файлом Безликого до самого вечера, чуть не пропустил назначенное время внедрения. Его увлекло, затянуло, заворожило.

И самое главное – он ни черта не понял, для чего *это* было нужно. Никакого смысла, только длинные ветвящиеся алгоритмы, быстро умножающиеся до таких пределов, что даже самый быстрый «поплавок» не справится с подсчетом окончательного результата. Да и подразумевался ли результат, Мыш тоже не понял.

Четко ломщик уяснил одно: если попытаться расколоть подброшенный Безликим Призраком алгоритм с помощью троицы Сорок Два, то запасов «синдина» не хватит. Даже если предположить, что хватит мозгов выдержать передоз.

– Очень интересная структура, – осторожно охарактеризовал

программу Призрака Мыш.

Черное облако противно забулькало.

– И больше ты ничего не можешь сказать по этому поводу?

– Объясните, для чего вы это делаете? – не удержался ломщик.

– Ты всегда задаешь подобные вопросы заказчику?

Конечно, он прав. Заказчик заказывает, ломщик выполняет. За деньги или... или по принуждению, когда нет возможности отказаться. Иногда просто из бравады или за идею... Из идиотизма, как называл это Мыш. Только идиот будет ломать что-то за идею. За идею нужно создавать, а не рушить. Взлом – это работа, ничего более.

Но Безликий Призрак хотел сделать для Мыша из работы нечто большее. Или он ошибался и Безликий Призрак лишь странноватый эксцентричный заказчик?

– Это вирус? – Мыш помнил, что уже задавал этот вопрос на прошлом сеансе связи. Но Безликий хотел продолжения разговора, а иных предположений у ломщика не было.

Существовал разряд простых, старых как мир вирусов. Обезвредить их было сущим пустяком, для этого не требовалось ни особых умений, ни огромных материальных ресурсов. Все, что нужно, – просто заметить наличие вируса. Подобные вирусы не имели каких-либо хитростей, граничащих с мистикой, как печально известный р-вирус. Эти программы тупо грузили бессмысленными задачами процессор и гоняли его до тех пор, пока «железо» не откинет концы. Или пока простейшая антивирусная программа не оборвет паразитический алгоритм.

– Мы не занимаемся взломом... – начал Призрак, но Мыш прервал его, закончив набившую оскомину фразу:

– Мы меняем мир. Думаю, вы не станете спорить, что р-вирус принял самое непосредственное участие в изменении мира? В свое время.

Молчание Безликого длилось немного дольше, чем обычно во время разговора. Что сейчас происходит в сети, какие серверы подключаются и отключаются в той цепи, в которой заблудилась пущенная ломщиком нить Ариадны? А ведь Призрак никак не отреагировал на сумасбродную попытку Мыша найти его. Настолько уверен в собственных силах или он ждал подобной реакции ломщика?

Странный заказчик. Очень странный – уровень защиты Призрака говорил о столь больших возможностях, что становилось непонятным, для чего ему понадобилось нанимать Мыша. Пусть одаренного и умелого ломщика, но сильно ограниченного в возможностях и не имеющего особой

популярности в современной сети. Вернее, в тех обрывках, что от нее на сегодня остались.

– Мне нравится, как ты мыслишь, – наконец вымолвил Безликий и тут же поправился: – Мне нравится то, что ты мыслишь. С некоторых пор это стало редкостью среди людей, имеющих отношение к Цифре.

– Я никогда не был тритоном.

Возможно, это была информация, которую Призраку знать не стоило. Но Мыш не любил тритонов, ему были ненавистны эти жалкие сморчки, убившие настоящую веру. Умертвившие надежду на приближение Эпохи Цифры. И он не мог позволить, чтобы кто-нибудь хоть краем мысли допустил, что Мыш имеет к тритонам какое-то отношение.

– Тебе неприятен этот разговор?

Да, черт возьми, ему неприятен этот разговор! И еще этот разговор ему был непонятен – что затеял Безликий гад?! В конце концов, Мыш нанимался к Призраку ломщиком, а не девкой в постель, чтобы изливать тут душу по первому требованию.

– Какие еще действия требуются от меня? – тихим, лишенным эмоций голосом пробормотал ломщик.

В защищенном канале сетевого соединения, каждый из абонентов которого прилагал максимум усилий, чтобы спрятать свое местонахождение, повисла тишина. Полное отсутствие звуков. Лучшим эпитетом воцарившегося безмолвия было бы слово «мертвая». Дергающаяся в конвульсиях чернильная клякса создавала иллюзию чего-то чужеродно-техногенного, наподобие треска реликтового излучения космоса. Но уши ничего не слышали.

Мыш смотрел на мерцающую темноту внутри Безликого Призрака и думал, что заданный вопрос, вероятно, станет последним в этом деле. Ответ на него напрашивался сам собой – никакие. Спрос давно превышал предложение, недовольные никому не нужны.

Мыш вспоминал день, когда сеть на мгновение стала его собственностью. На короткий миг, за который ломщик успел испытать настоящее блаженство.

Блаженство единения с истинным миром – миром Цифры, а не упоение собственной разрушительной силой, сметающей любые сетевые заслоны. Блаженство созидания, блаженство сосуществования.

Но блаженство никогда не раздают просто так, даром. К нему всегда прилагаются боль и страдания, страх и ужас, чувство ничтожности и унижение. В веках помнят лишь мучеников, когда дверь открывается легко, запоминают только дверь, а не того, кто

ее открыл. Людские умы будоражат страдания ближнего. И умиротворяет понимание того, что сегодня это произошло не со мной.

Мыш не первый год был ломщиком. В его карьере случались разные ситуации. Сложные и очень сложные. Простое – это для тритонов. У него была постоянная работа, стабильная и хорошо оплачиваемая. Но он захотел большего – кто-то может говорить, что возможности отказаться не было, но возможность есть всегда, просто иногда не хочется ею пользоваться. Однажды Мыш поставил на кон все. И до сих пор ломщик не знал: выиграл он или проиграл.

Никаких проблем с деньгами у Мыша не было. Счета в офшорных банках, вложения на подставных и виртуальных лиц. Там хватило бы на несколько жизней, если не шиковать слишком уж сильно.

Глаза ломщика все еще видели размазанное пятно Безликого Призрака, только теперь антрацитовый туман совершал безумную пляску на экране «раллера». Даже на высококачественной биоорганической матрице изображение Безликого не производило того впечатления, которое оставляло общение с ним в виртуальном режиме. Отлично прорисованное чернильное пятно со сложным алгоритмом движения, ничего более. Наверное, именно поэтому Призрак настаивал на обязательности подключения к режиму виртуальности во время сеанса связи – он хотел подавлять собственным величием.

Вокруг изображения Призрака плясали столбцы цифр, чуть ниже – на черном поле моргала красная стрелка, прыгая с точки на точку в запутанной безумным лабиринтом паутине. Программы Мыша работали, плавающая точка его подключения к сети исправно продолжала плавать. Если верить тому, что сообщали разбросанные ломщиком по сети боты, никто даже не пытался вскрыть лабиринт Мыша.

Таймер соединений отсчитывал секунды. Палец застыл над клавишей «enter» – один клик, и соединение оборвется. Сколько времени будет ждать Призрак, ведь Мыш нарушил условие, вышел из виртуальности в момент сеанса связи? Но коннект продолжался, соединяя «раллер» ломщика и незарегистрированный коммуникатор заказчика.

Палец ощущает теплый пластик – теперь только расслабь руку, и все будет кончено. Можно сменить алгоритм сетевого протокола, можно заменить пару схем в «раллере» – его не найдут никогда. Можно, в конце концов, не выходить в сеть вовсе – необходимости в подобном заработке нет.

Но есть память. О страшных головных болях, заставляющих с

криком просыпаться посреди ночи, пугая тех, кто оказался рядом. О настороженных взглядах, недружелюбно посматривающих на несвеже побритую голову. О моменте, когда кажется, что твое тело пронзило маленькими острыми иглами, и ты готов на все, лишь бы кто-нибудь вытащил из-под кожи терзающие плоть острия, но нельзя даже подать вида, насколько тебе хреново.

Любой нормальный человек, вспомнив, что пришлось пережить благодаря Цифре – всемогущей и безжалостной, – навсегда забыл бы дорогу в царство двоичного кода. Никакая нужда не заставила бы вернуться.

Любой *нормальный* человек… который не верит, что Эпоха Цифры возможна. А Мыш не был нормальным, он был подобен птице, страдающей морской болезнью, – блевал, захлебываясь, но раз за разом прыгал с утеса, чтобы насладиться чувством полета.

Скорее всего, Мыш что-то сказал. Он не заметил, лишь понял, что снова перевел соединение в режим виртуальности.

– Что ты думаешь по поводу алгоритма, который внедрил в базы данных МегаСофта? – ровным, спокойным голосом спросил Призрак.

Да пошел ты со своим алгоритмом!

– Он невыполним, – тихо ответил Мыш.

Кто ты, Безликий Призрак, и какого черта тебе от меня нужно?!

– И все-таки мне интересно твое мнение, к чему бы могло привести решение этого алгоритма? Если предположить, что он выполним. Можешь считать это очередным заданием, думаю, сумма тебя устроит.

В пространстве на мгновение вспыхнуло число, отображающее предложенную сумму, – очень и очень *круглую*. Только что могли решить деньги? Деньги ничего не значат, только Цифра, только полет – даже если очень короткий и ведущий к неминуемой смерти, – может послужить достойной оплатой. Само задание – это и есть вознаграждение. Призрак поймал его, он понял его слабину.

– Зачем вам? – пробормотали пересохшие губы.

– Ты очень тонко работаешь и умеешь думать. Мы ценим хороших сотрудников, поверь, – как-то не совсем вразумительно объяснил Безликий. – И еще один момент. Ты помнишь разговор о «резонансе», оставляемом в микросхемах «поплавками»?

– Не в схемах, а…

– Это не важно. Если бы я был специалистом по микросхемам, зачем бы мне понадобилось нанимать тебя?

Вопрос риторический, но резонный. Впервые с начала сегодняшнего разговора Мыш почувствовал, что ощущение

сюрреалистичности происходящего немного уменьшилось.

– Возьми вот это.

Лохматый черный протуберанец, хищно выпроставшийся из угольного водоворота, оставил перед вздрогнувшим от неожиданности Мышем лист плотной бумаги. На нем красовалось изображение какой-то каббалистической схемы, состоящей из целой прорвы проколотых в листе иголочных отверстий, соединенных в сложную структуру завитков и ломаных линий.

– Что это? – не понял ломщик.

– Я хочу, чтобы ты мне это сказал. Как мне объяснили, это чем-то напоминает «резонанс». А ты ведь говорил, что разбираешься в этой штуке.

– Что делать с котировками и отчетами?

– Пока – ничего. Нынешнее задание не требует что-то ломать. Но, думаю, не ошибусь, если предположу, что прямолинейному развлечению туповатых тритонов ты предпочтешь филигранную игру утонченных машинистов. Я видел твои программы, написанные для первого задания. Мне сказали, они весьма изящны. Ты берешься за дело?

Мыш проверил состояние памяти «раллера» – файл Безликого Призрака не скопирован на носители, повелитель ждет согласия, чтобы дать «добро».

Пьянящее чувство полета, мать его.

– Да. Только сроки…

– Я ничего не говорил о сроках. Когда будешь готов к разговору, отправь сообщение на условленный номер. Но я надеюсь на твое чувство меры.

Призрак отключился внезапно, обрубив режим виртуальности. На мгновение Мыш оказался в абсолютной темноте, успев непроизвольно испугаться – даже тренированный к подобным экзерсисам разум ломщика чует в пустоте смерть, а потом органы чувств напомнили растревоженному сознанию, что мир по-прежнему никуда не делся.

Экран «раллера» отображал картинку с изображением «чего-то, похожего на резонанс». Чтобы снять «резонанс» с носителей, необходимо специальное оборудование, очень редкое и дорогое. И нужно знать, что и с чего снимаешь. А еще…

Это только кажется или внизу картинки на самом деле есть какая-то надпись?

Расшифровать можно все, что угодно. Особенно, если те, кто кодировал данные, не слишком старались.

А может, они намеренно создали простой код, который ты сможешь вскрыть за пару минут?

Длинный ряд цифр, разделенных точками. Мыш знал, что это

такое, подобными последовательностями он пользовался постоянно, когда работал в сети. Путь найти не так уж и сложно, трудней определить, где это место располагается физически. Только ведь ничего невозможного нет. Пальцы привычно порхали по клавишам, Мыш снова ощутил власть Цифры: воистину ничего невозможного нет.

Ломщик медленно обернулся. За спиной убегал к потолку все тот же неровный столб из тихо гудящих серверов, весело перемигивающихся огоньками светодиодов.

Говоришь, клиент попался эксцентричный?

Руки Мыша аккуратно сняли три металлических ящика со стеллажа, чтобы добраться до четвертого. Потом обязательно надо вернуть все на место. И за переднюю панельку не надо хватать – там пыль, на ней слишком заметные следы останутся. Да, и вот еще одна вещь... хотя с этим нужно решать потом, когда все прояснится.

Мыш аккуратно отщелкнул крышку нужного сервера, а в голове гулким эхом стучала только одна мысль: когда это он говорил Призраку, что разбирается в «резонансах»?

Глава 7

Марш-бросок продолжался вторые сутки. По жаре, проваливаясь в размокшую подстилку тропических джунглей чуть не по колено. Вонь стояла страшная – сверху смердело от вспотевших под тяжестью экипировки и деталей оборудования тел, а снизу витали испарения чавкающего гниющего болота, в которое очень быстро превращалась спрессовавшаяся палая листва. В черной волокнистой грязи копошились какие-то твари, названия которых Окоёмов не мог и предположить. Что эти твари могли сотворить с организмом, не хотелось даже думать – скорее всего, ничего хорошего они не планировали.

Окоёмов не жаловался. Конечно, он вел разговоры с остальными бойцами, ворчащими по поводу оборудования, которое приходилось нести на себе. Их праведный гнев сводился к тому, что они нанимались охранять и вести боевые действия, если понадобится, а их вот уже третью неделю используют, как вьючных животных. Они были правы – пока не сделано ни одного выстрела в сторону предполагаемого противника. Да и самого противника в этих богами забытых джунглях, похоже, не существовало.

Но Василий принимал тяготы походной жизни если не с радостью, то, как минимум, с тупой покорностью. Неподъемный ящик, продавивший в спине две растертые вмятины размером с ладонь, радости не добавлял, но помогал забыть хотя бы на время о том, что потеряно.

До Катастрофы жизнь Василия Окоёмова имела смысл. Само его существование имело цель и значение. Но в тот день, когда планета вздрогнула волной судорог, перекроив за несколько дней карту мира, все потеряло смысл. Он застрял в этом захолустье. Можно было уехать, пробраться на один из кораблей, которые отправлялись из наскоро выстроенного порта на юге, добраться до Европы или Америки. Но что дальше? Что ждало там, за океаном, Василия Окоёмова? И как справиться с сомнением, терзающим его пропащую душу?

Василий поднял глаза, оторвавшись от лицезрения грязного месива под ногами, и понял, что недавнее увлечение снова дает о себе знать – перед глазами все поплыло и подернулось пеленой. Джунгли сделались как будто ненастоящими, листья, бесшумно бьющие по лицу, стали холодными и неживыми, какими-то пластиковыми, разговоры наемников превратились в едва различаемый рокот, прилетающий из параллельных пространств.

Это была весточка от «джьяду гумра», «волшебный порошок»

никак не желал оставить мозг Окоёмова.

Руки, предательски задрожав, ослабли. Он едва мог удерживать вес сползшего на бок контейнера. Ноги подкашивались и, казалось, ступали не по земле, а по вдруг уплотнившемуся, загустевшему воздуху.

– Эй, четырнадцатый, ты в порядке? – кажется, это был восьмой. Вездесущий, лезущий во все дырки восьмой. Ну какое ему дело до Окоёмова?

– В порядке, – не разжимая зубов, процедил Василий.

Во рту накопилась слюна. Вязкая и горькая, словно хина. Густая жгучая жидкость выплеснулась наружу, разъедая губы и подбородок. Окоёмов вытер рот тыльной стороной ладони – рука оказалась измазанной черной тягучей слизью.

– Стой, парень!

Снова восьмой. Ну что ему неймется? Все равно он ничем не поможет.

– Отстань, все в порядке, – отмахнулся Окоёмов, забрызгав негра черной слизью.

– Стой, стой.

Восьмой отцепил лямки, удерживающие контейнер на спине, и сбросил свою ношу в грязь.

– Остановись же! У тебя кровь изо рта хлещет.

Кровь?! Окоёмов пошевелил языком, нащупав глубокую рваную рану на щеке. Оттуда сочилось соленое с железным привкусом. Действительно, кровь – видимо, не заметив как, он прокусил себе щеку. Но откуда же черное? Василий посмотрел на руку. Нет, там было красное, уже начавшее подсыхать и коричневеть, перемешанное со слюной. Зелень джунглей, пульсируя, медленно проступала сквозь пелену ненастоящего пластикового мира. Разум Окоёмова нехотя возвращался в реальность.

Василий знал, что означают эти приступы. Он видел других людей, которые не нашли силы отказаться от «джьяду гумра», и знал, куда ведет этот «пластиковый» мир. Пока ему удавалось удержаться здесь, в мире реальном, но кто знает, чем все это может закончиться?

Выход существовал только один – занять себя каким-то делом, чем-то трудным. Нести контейнер было тяжело, но здесь Окоёмов допустил ошибку: работали только мускулы, мозги отдыхали. Нельзя давать сознанию отдых, ни на секунду. Нельзя.

Стоит только дать волю разуму, и внутри неизбежно начинает зарождаться гадкое давящее чувство, будто все вокруг идет не так, как должно, не так, как планировалось. И мир здесь совсем ни при чем, проблема внутри – он, Окоёмов, должен

служить тому, во что верил, но вот веры в нем не осталось. Хотелось быть полезным, только пользу приносить было некому, утратилась связь с реальностью.

– Все в порядке, восьмой, – сплевывая кровь, пробормотал Окоёмов. – Все в порядке. Спасибо.

– Ты, парень, выглядишь неважно. На вот, хлебни.

Восьмой протянул ему видавшую виды фляжку. Окоё– мов потянул носом – пахнуло спиртом – и сделал несколько глотков. Пойло у восьмого было еще то, дыхание перехватило мигом.

– Что это? – просипел Окоёмов. Он не был уверен, что стоит пить спиртное, но других вариантов все равно не было.

– Виски. Собственного изготовления. Уверен, что можешь идти дальше?

Окоёмов усмехнулся.

– А есть варианты?

Восьмой развел руками – вариантов не было, ждать, пока четырнадцатый очухается, никто не будет.

– Давай помогу коробку навьючить, – предложил Василий, поднимая успевший погрузиться сантиметров на десять в липкую грязь контейнер.

– Ты прав – Лейтенант не одобрит остановки. Еще пристрелит, чего доброго, – закрепляя свою ношу, сказал восьмой.

– С него станется.

Лейтенант не появлялся уже второй день. Исчез сразу после того, как собрали оборудование. За время похода это исчезновение командира было не первым. Лейтенант то и дело уходил вперед с кем-то из ученых – или кем там были эти хмыри, ради которых все затевалось? – отставал от группы, задерживаясь у предыдущего места базирования. Где он бывал в это время, Окоёмов не знал.

– Восьмой, четырнадцатый! – послышался голос Лейтенанта. Легок на помине. Голос спокойный и безжизненный, как обычно. – Привал объявлен не был.

– Так точно, – вяло отозвался восьмой и, бросив на Окоёмова полный тоски взгляд, побрел вперед, догонять успевшую скрыться в густой листве группу.

Именно в этот момент с неба и упали первые капли.

– Поторапливайтесь. Погода портится, – сообщил Лейтенант.

– Далеко нам еще? – поинтересовался Окоёмов, хотя заранее знал ответ.

– Я скажу, когда остановиться, – Лейтенант не стал оригинальничать.

Невысокий командир со странной внешностью был чем-то

недоволен. Нет, ни в голосе, ни в выражении лица ничего не изменилось – все то же непроницаемое спокойствие. Но он был недоволен, Окоёмов чувствовал это каким-то мифическим шестым чувством, ощущал всей поверхностью кожи. От Лейтенанта веяло… а черт его знает, чем от него веяло, только веяние это не сулило группе ничего хорошего.

– Видал? – спросил восьмой, когда Окоёмов нагнал его на проломанной отрядом тропе.

– Ты тоже заметил?

– Конечно. Злой, как обычно. Зыркает туда-сюда. И где его, интересно, черти носили два дня? Как думаешь?

Окоёмов пожал плечами. Нет, восьмой не заметил перемены в Лейтенанте. Не «как обычно» он был, что-то новое появилось во взгляде этого каменного человека. Вот знать бы – что.

– Не знаю.

– И не боится оставлять нас без присмотра.

– Куда мы отсюда денемся?

– И то верно.

– Разве что восемнадцатая тебе оторвет чего, отбившись от присмотра Лейтенанта.

Окоёмов хмыкнул и ткнул бойца локтем в бок. Восьмой состроил недовольную мину, но отвечать не стал.

Дождь усиливался с каждой минутой. Совсем скоро грязь под ногами превратилась в набирающий интенсивность мутный поток, несущийся вниз, к подножию этих нескончаемых гор. Идти становилось все трудней.

– Далеко еще до привала?! – крикнул кто-то из авангарда.

Лейтенант тут же появился, словно материализовавшись прямо из листьев. Он внимательно разглядывал показания прибора, подобно часам надетого на запястье левой руки. Лейтенант идиотом не был – ему, конечно, плевать на неудобства бойцов, но он прекрасно понимал, что по такой погоде отряд далеко не уйдет.

– Четыре километра, – сообщил командир. – Погода портится, на нас движется тайфун. Но нужно успеть. Пока не дойдем до точки – привала не будет.

Кто-то демонстративно застонал.

Лейтенант куда-то спешил. И не был уверен, что успеет добраться в срок. Он уже второй раз за сегодня сетовал на погоду, что делал на памяти Окоёмова вообще впервые. Похоже, человек-скала дал трещину – Лейтенант нервничал.

Последние четыре километра пути стали настоящим подвигом. Подстилка джунглей раскисла окончательно, потоки воды скатывались в ущелье, мешая идти. Облачность стала

настолько плотной, что под кронами деревьев сделалось темно.

Когда Лейтенант отдал команду «Стой!» – темно стало уже совершенно, так как день подошел к концу. Но перевести дух было не суждено – поступил приказ монтировать оборудование.

Что и как монтировать, знали только хмыри. Тоже злые и недовольные, ученые орали, старались перекричать шум дождя, отдавая указания. Четверых бойцов Лейтенант выставил в охранение, остальные таскали узлы уже знакомой импакт-установки и какие-то другие, пока непонятные детали.

– Какого черта здесь происходит, как думаешь? – спросил восьмой Окоёмова.

Василий не знал. Не мог даже предположить.

– Мне не нравится, что Лейтенант охранение выставил, – сказал он.

– Он всегда его выставляет.

– От кого? Здесь непроходимые джунгли, никого нет.

– Откуда мне знать – так положено. Восемнадцатая внимательно следит, чтоб тебе жопу не отстрелили. Так что не переживай – ты же сам говорил, что девка отлично стреляет.

– Только на нее и надеюсь, – пошутил Окоёмов. Но ему не было смешно. – Мне кажется, скоро может представиться случай пострелять.

– Ты не рад?

Окоёмов посмотрел на товарища, но в темноте не разобрал выражения лица – он шутит или всерьез?

– Всем отойти от импакт-установки на безопасное расстояние. Оружие держать наготове, – послышался в наушнике рации голос Лейтенанта.

– Ну вот, началось, – пробормотал Окоёмов и поспешил укрыться среди деревьев.

Импакт-установка ухнула, земля вздрогнула, сбросив с листьев наверху целый водопад брызг. Из темноты что-то кричали, кто-то ругался, требуя сделать еще один удар. Потом недовольный голос затих, сказав несколько слов по-китайски.

Оттуда, где стояла импакт-установка, появился Лейтенант. Мрачный, как тучи на небе. Он взглянул на Окоёмова, почему-то задержав взгляд на автомате, висящем на шее бойца, но, так ничего и не сказав, исчез в зарослях.

– Один раз! – послышался из темноты голос Лейтенанта.

Командир говорил не по рации, он кричал, стараясь перекрыть шум дождя. И это ему удавалось – тихому, ни разу не повысившему до того голос.

Окоёмов чувствовал, что его сознание снова заволакивает туман. Что ж такое? Или это из-за усталости и жары, что стояла

два дня? Он тряхнул головой, пытаясь отвести морок, но мир, не провалившийся в «пластиковость» окончательно, нормальным становиться отказывался. В наушнике что-то пробормотал голос Лейтенанта, Василий не разобрал слов, только какое-то замедленное «бу-бу-бу». Потом раздался короткий хлесткий удар импакт-установки. Где-то совсем рядом зубодробительно завизжало какое-то другое оборудование ученых хмырей.

– Все-таки они нефть ищут, – голос принадлежал восьмому, но самого бойца Окоёмов не видел.

Когда визг прекратился, впереди, больно резанув по глазам, зажегся яркий, слепящий в темноте свет. И все побежали туда, куда бил луч прожектора.

Окоёмов плохо понимал, что происходит. В наушнике продолжал верещать голос Лейтенанта, но Василий не разобрал ни слова. Он так и не понял – это был результат помрачения его рассудка или просто слишком сильные помехи из-за скопившегося в воздухе электричества.

Воздух разорвали короткие сухие щелчки. Один, другой. Потом последовала целая серия щелчков. Окоёмов не сразу сообразил, что это выстрелы. Кто стреляет, в кого? Он совершенно ничего не понимал. И что говорил Лейтенант – тоже.

Пришел в себя он только через несколько минут. Когда рядом с ним полыхнула молния. Вспышка была столь яркой, что перед глазами долго висело рваное пульсирующее пятно, мешающее рассмотреть происходящее впереди.

Лейтенанта не было слышно из-за помех – в рации хрипело и свистело на разные голоса. Оказалось, что Окоёмов тоже бежал вместе со всеми, его припадок остался незамеченным. Сколько прошло времени с тех пор, как он перестал нормально воспринимать окружающее, сказать трудно, но, скорее всего, не так уж много.

Грохотать продолжало, Окоёмов по-прежнему видел вспышки молний, но дождь не шел. Не потому, что закончился – они все осторожно пробирались по какому-то узкому темному коридору. Они больше не были среди джунглей.

Справа и слева плясали маленькие островки света, выхватывая из тьмы какие-то непонятные конструкции, провода и пыль. Целые клочья пыли и ковры паутины. Окоёмов снял с пояса фонарь и пристегнул его к автомату. Теперь и его оружие бросало в темноту пучок яркого света, идти стало легче.

Справа, из-за тянущихся впереди стеллажей, послышался голос восьмого. Окоёмов не разобрал слов. Решил, будто снова подкатывает морок, но вовремя понял, что мешает треск в наушнике рации. Он выдернул бесполезный гаджет из уха,

засунув его в карман.

– Что это такое? – прошептал Окоёмов.

– Откуда я знаю?

– А ты говорил – нефть.

– Так ведь они бурили. А провалились сюда.

– Какой прок так спешить при поисках нефти? Что мы здесь делаем?

– Не знаю, – повторил восьмой.

Похоже, Окоёмов упустил не так уж много информации. Да и упустил ли? Ведь он брел по коридорам вдруг открывшегося среди девственного леса подземелья вместе с остальными, хоть и не помнит приказа.

– Где Лейтенант?

– Пошел вперед.

– А кто стрелял? Ты видел?

– Наши. Ребятам показалось...

Значит, показалось. Окоёмов повел стволом, освещая странные металлические коробки, расставленные на алюминиевых стеллажах. Коробки были опутаны пучками проводов, на некоторых даже светились тусклые, едва заметные за слоем покрывавшей их пыли светодиоды. Где-то попадались оплетенные паутиной клавиатуры. Где-то...

Стоп! Светодиоды горели! Значит, здесь было электричество. Здесь – в чаще, в нетронутых джунглях! Нет, нефть тут совершенно ни при чем. Именно это место и искал Лейтенант. А сейчас он ушел вперед.

– Восьмой, у тебя рация работает?

– Нет. Еще наверху сдохла.

– Где остальные?

– Одиннадцатый здесь, недалеко от меня. Остальные – не знаю, где-то в глубине подземелья.

– Нехорошо, – констатировал Окоёмов.

– Что нехорошо?

Но Василий не ответил. Он внимательно рассматривал все, что удавалось выхватить из небытия узкому пучку света фонарика. Подземелье, судя по всему, не особенно большое. Стены, пол, потолок – все бетонное, наверняка укрепленное. Для этого и понадобилось бурить, иначе сюда было не попасть. Хотя должен же быть вход? Но кого они здесь ищут?

На всем, что попадалось глазу, лежала вековая пыль. Но внимательный взгляд мог найти маленькие несоответствия – то тут покосилась потревоженная кем-то паутина, то в другом месте на проводах появлялись маленькие неровности в слое пыли. Здесь определенно кто-то был до них. Или бывал. И этот кто-то очень

старался, чтобы не оставить следов. Стало быть, Лейтенант был абсолютно прав, приказав держать оружие наготове. Да, теперь Окоёмов вспомнил – такой приказ действительно был.

– Рации не работают. Плохо – не перестрелять бы друг друга, – сказал Василий.

– Здесь нет никого, – уверенно заявил восьмой и шумно прислонился к стеллажу, опустив ствол автомата в пол. С ящиков посыпалась пыль.

– Всем покинуть объект, – это был голос Лейтенанта. – И ничего не трогать!

Командир был где-то впереди и слева от того коридора, по которому шел Окоёмов. Там, откуда доносился голос, было темно.

– Опять под дождь, – пробурчал восьмой.

– Лучше уж дождь, чем в пыли, – ответил Окоё– мов. Не нравилось ему это место. От него веяло опасностью.

Пролом оказался узким. Как протискивался сквозь это бутылочное горлышко внутрь, Окоёмов не помнил совершенно, но чтобы попасть наружу, пришлось изрядно попотеть.

Перед дырой стояли хмыри, рожи у всех озабоченные. Двое из них в руках держали «раллеры» военного образца в непромокаемых корпусах, по экранам бежали какие-то цифры, конвульсивно дергались графики. Четвертый с энтузиазмом распинался перед хмырями на предмет того, что в подземелье чисто, можно спускаться. Как только из норы вылез последний боец, один из хмырей тут же нырнул туда, неловко, мешком свалившись вниз.

Глава 8

Ая Сигай уже второй час сосредоточенно вычерчивал что-то на огромном листе бумаги, лежащем прямо на полу. Ая пользовался карандашом, линейкой и портативным коммуникатором. Времена, когда астрологи вели расчеты, сверяясь с тем, что увидели собственными глазами, давно прошли. Простенькие программы, загруженные в коммуникатор, выдавали положение любого светила с точностью до долей секунды в любом обозримом временном промежутке, так что корпеть над письменами, предварительно всматриваясь в знаки на небесной тверди, не было никакой необходимости. Но создавать карту прогноза Ая Сигай все-таки предпочитал на бумаге. Компьютеры слишком точны, в них нет влияния божественных сил. Рука может дрогнуть, но любым движением, совершаемым каждой живой тварью здесь, в Срединном мире, управляют Боги. Об этом не стоило забывать – не всегда важна именно точность. Как говорят европейцы, точность – вежливость королей. А не Богов.

Жаль, не было возможности использовать все, что мог дать коммуникатор – соединение с сетью производилось строго по часам через специальный, контролируемый машинистами правительства канал. Исключения не делались даже для правительственного астролога. На самом деле проблема была не в строгости нравов, а в проблемах с сетью. Цифровые технологии так и не стали в Мьянме общедоступными, а после Перерождения и вовсе почти исчезли.

Ая работал не покладая рук. Он вычерчивал схемы ежедневно, иногда на создание очередной карты уходило больше недели, но пока никакой ясности главный астролог Мьянмы внести не мог.

Райн Тайн, внимательно следивший за работой астролога, неудовлетворенно покачал головой и отошел к окну. На подоконнике, покрытом следами плесени, медленно расплывалась прозрачная лужица. Дождь шел уже четвертые сутки, но тайфун, пошумев над Нейпьидо, унесся на север. Скоро стихия должна успокоиться, это было ясно и без расчетов Ая.

– Что у тебя получается? – спросил Президент, не отрывая взгляда от быстро бегущих по стеклу струй.

Ая Сигай прохрипел что-то нечленораздельное. Райн Тайн и сам понимал, что ничего хорошего. Никакого просвета в политике, никакого – в экономике. И даже звезды отказывались показывать направление, где можно найти выход. Мьянма

медленно, но надежно умирала. Просто от недостатка денег, скатываясь почти в первобытное состояние. Феодализм миновал давно – на самом деле он никогда и не заканчивался на территории Мьянмы, лишь князья сменились коммунистическими лидерами, потом военными, потом демократами. От смены этих названий в стране особенно ничего не менялось.

– Пока звезды молчат, – затравленно сообщил Ая. – Но нынешний прогноз еще не достроен.

Райн Тайн махнул рукой и вышел. Столица – небольшой аккуратный городок Нейпьидо, куда правительство переехало около века назад, согласуя свои действия с прогнозами лучших астрологов, – превратилась в руины. Во время толчков два года назад были разрушены все здания выше пяти этажей. Да и оставшиеся покосились и растрескались, а производить ремонт было не на что. Поначалу пытались согнать рабочих на восстановление столицы, но что могут восстановить крестьяне с молотками и топорами? Не было материалов, а современные здания бревнами не починишь.

Утром прибыл Абхай Лал – глава индийской госбезопасности. Никаких особенностей цифры или звезды сообщить не смогли, придется импровизировать во время беседы. Встреча через двадцать минут, еще есть время подготовиться.

Лал хотел заполучить производство «джьяду гумра» в свои руки. Райн Тайн склонялся к мысли, что руки в данном случае именно свои – ради интересов страны по столь небольшому вопросу вряд ли станет наносить визит главный безопасник. Тем более что поток «волшебного порошка» практически иссяк и даже на территории Мьянмы, если верить Пту Айну, купить наркотик почти невозможно. Что же такого индусы нашли в «джьяду гумра»?

– Здравствуйте, уважаемый генерал!

Райн Тайн сложил руки лодочкой, коснувшись пальцами подбородка, и слегка поклонился. Лал повторил приветствие, приложив пальцы ко лбу, под белой тканью пагри[4].

– Рад приветствовать вас, господин Президент.

Лал был почти на голову выше Райн Тайна, статный и крупный мужчина. В его гордой осанке чувствовалась военная выправка, запрограммированная, казалось, на генетическом уровне. Узкое лицо с правильными чертами обрамляла аккуратная, тщательно подстриженная темная борода с проседью. Глаза темные, смотрящие спокойно и уверенно из-под чуть изогнутых кверху бровей, что придавало лицу генерала немного зловещий вид.

Переговорщики расположились в креслах – простых, без

изысков, хоть и довольно древних. Посетовали на плохую погоду, генерал рассказал о сложностях пути, вызванных тайфуном.

– Вы, конечно же, получили наше послание? – спросил Лал.

– Разумеется, уважаемый генерал. И крайне озабочены обозначенной вами проблемой. Но мои источники утверждают, что торговля зельем идет на спад. Мы можем предполагать, что запасы сырья у наркоторговцев иссякают.

– Однако на нашем рынке наркотиков «джьяду гумра» до сих пор в ходу. Правительство Индии весьма озабочено появлением нового опасного вещества. И мы хотели бы пресечь его распространение, так сказать, на корню, пока оборот «джьяду гумра» не приобрел промышленные масштабы. В наше тяжелое время мы не можем позволить превратить население страны в полоумных наркоманов, вы же понимаете.

Райн Тайн тяжело вздохнул. Он понимал – если бы генерал знал секрет «джьяду гумра», хитрый индийский лис сам бы организовал производство порошка. И плевать он хотел на здоровье нации. Ему нужен контроль. И власть. И, разумеется, деньги. Это нужно всем, и сам Райн Тайн не являлся исключением из правил.

– К сожалению, Мьянма не в силах сегодня планировать масштабные операции по борьбе с наркомафией. Особенно в северных районах, два года назад сильно пострадавших от землетрясений и радиоактивного заражения со стороны Китая.

Лал поморщился. Не то по поводу Поднебесной, не то из-за отказа Райн Тайна.

– Мы были бы рады любой помощи наших соседей, – продолжал Президент. – По некоторым предположениям, именно в северных районах возможно возобновление добычи нефти. Мы крайне заинтересованы в новом освоении северных территорий, но предполагаемые затраты…

Генерал кивал, глядя куда-то за спину Райн Тайна. Похоже, он изучал рисунок, созданный на стекле бегущими вниз каплями дождя.

– Нам необходимы дотации, уважаемый Абхай, – повысив голос, сказал Президент. – Если бы Индия сочла возможным оплатить лицензию на добычу нефти на территории Мьянмы и начать геологоразведку, проблема северных территорий решилась бы гораздо быстрее. Данные мьянманских геологов мы предоставим, равно как и отчеты о перспективах новых месторождений. Они почти готовы.

Лал не переставал кивать. Он быстро перевел взгляд на Райн Тайна. Спокойный изучающий взгляд. Таким тигр смотрит на козу, размышляя, достаточно ли он голоден, чтобы приложить

усилия и загрызть добычу, у которой нет сил сопротивляться.

– Вы требуете от нас отступных? – поинтересовался генерал.

Райн Тайн чуть не поперхнулся. Он что же, предполагает, что торговля «джьяду гумра» находится под контролем мьянманских властей? Или под личным контролем Президента?

– Я предлагаю решение проблемы, – попытался объяснить Райн Тайн, понимая, что еще больше усугубляет ситуацию. – Мы не меньше вас обеспокоены ситуацией на севере. Более того, скажу вам честно, мы вообще плохо знаем, что там происходит. И мы не имели бы особых возражений...

Но Лал не дал ему договорить, каких возражений они не имели.

– Тогда я вам расскажу. Вероятно, вам будет интересно узнать о том, что происходит в *вашей* стране. Пускай и из уст министра сопредельного государства. Ведь так?

Президент почувствовал, что вспотел. Несмотря на то, что в зале, где шли неофициальные переговоры, было довольно прохладно – по случаю визита высокого гостя электричества на кондиционеры не жалели. Разговор заходил в тупик, и Райн Тайн чувствовал себя лягушонком, пытающимся что-то доказать оголодавшей цапле. Да что там говорить – именно таким лягушонком он и был рядом с генералом Лалом. Единственное, чего Президент Тайн не ожидал, это что Лал станет столь явно на это указывать.

– Дело в том – и вы, уважаемый господин Райн, это прекрасно понимаете, – что мы могли бы решить все вопросы, связанные с любым районом, располагающимся на территории Мьянмы. Но нам очень не хочется обидеть соседей. Однако когда соседи забывают, что выбрасывать мусор на соседскую лужайку нехорошо, им приходится напоминать об этом. А иногда и... прибегнуть к более активным действиям.

Разделяй и властвуй. Главное – правильно оценить расстановку сил. И ни в коем случае не переоценить эти силы.

– Представители Поднебесной уже интересовались нашими нефтяными программами... – Райн Тайн с удовольствием напомнил, что китайцы тоже могут иметь свои интересы на территории Мьянмы. И вряд ли допустят, чтобы индусы резвились у самых их границ.

– Представители Поднебесной, как показывают *наши* спутники, вовсю исследуют *ваш* север. В связи с чем мы абсолютно не исключаем, что источником этого зелья являются как раз *наши китайские друзья*, – от количества желчи, вылитой с последней фразой, Райн Тайна прошиб озноб. – Но от этого проблема не перестает быть вашей, господин Президент.

– Мы всецело готовы обсудить варианты ее решения. Как я уже упоминал, экономика Мьянмы сегодня не позволяет проводить столь масштабные операции. Мы были бы всецело рады помощи наших индийских друзей.

В Нейпьидо не знали подробностей, но о том, что китайские отряды рыщут по джунглям северных провинций, слухи в столицу долетали. Также Райн Тайн знал, что предположительно китайские экспедиции укомплектовывались геологоразведочным оборудованием. Поэтому Президент предполагал, что китайцы купились на его уловку и ищут нефть. Знал он и о том, что поговаривали люди и об индийских командах, прочесывающих девственные леса. Но все это были лишь слухи.

Только чем больше Президент общался с генералом Лалом, тем меньше верил в то, что и китайцы и индусы ищут именно нефть. Что же – источник чудодейственного «джьяду гумра»? Но при чем тогда геологическое оборудование?

О точных сведениях по поводу китайцев Лал однозначно врал. Со спутников не рассмотреть, что творится под плотными кронами тропических деревьев. Небольшой отряд, идущий пешком, и вовсе не заметить.

– Скажите, как обстоят у вас дела с сетью? – вдруг резко сменил тему индус. – Особенно в северных территориях.

– Можно сказать, никак, – честно признался Райн Тайн. И уточнил: – Особенно в северных территориях. Вы же знаете политику нашего государства – Мьянма уже много лет почти отрезана от мира. Раньше это было политикой правительства, ныне – изменить не под силу. В эпоху Нефтяных Войн китайцы предпринимали попытки наладить связь. Но им это быстро надоело – в те времена нефть закончилась. Но теперь времена изменились, возможно, удастся наладить добычу столь необходимого топлива цивилизованными методами.

Лал задумчиво поджал губы, а глаза его словно загорелись. Слова Райн Тайна явно навели его на какую-то мысль. О чем подумал генерал, осталось тайной, единственное, что он сказал, было:

– Не исключено, что вы окажетесь правы.

Все-таки он клюнул!

На лице Райн Тайна появилась неуверенная улыбка.

– Мы будем готовы предоставить предварительные данные по геологоразведке через десять дней, – заявил Президент.

Разумеется, не было никакой геологоразведки и не существовало никаких данных. Но данные будут – правильные, профессионально оформленные данные. К счастью, в Мьянме есть люди, которые способны это сделать.

Райн Тайн рисовал в голове картины индийских вливаний в экономику страны и думал, как подать эту информацию китайцам. Северные соседи тоже должны принять самое активное участие в дележе несуществующей нефти. А если нефть вдруг все же отыщется – это только к лучшему. Главное, чтобы искали обе стороны, между собой они воевать не будут – слишком большие затраты.

– Да, конечно, – кивнул генерал Лал. Он снова рассматривал дождь за окном. – Сколько, вы сказали, стоит лицензия на добычу?

– Это зависит от ваших дальнейших планов, уважаемый генерал.

Лал улыбнулся.

– Пожалуй, мы начнем в районе Кунлона. Подробности, я полагаю, вам лучше обсудить с представителем индийских энергетических компаний. После согласования ваших предварительных данных.

Глава 9

Темнота практически полная, стоящего рядом человека можно заметить только по тяжелому дыханию. Нет, если присмотреться, виден силуэт. Едва-едва, но все-таки виден.

– Здесь? – спросил майор Ли.

– Да. Остаточные метки все еще можно прочесть, – ответил человек, неясный силуэт которого только что рассматривал майор.

Ли Ханьфанг щелкнул выключателем фонарика и направил луч прямо перед собой. Там стояла угловатая металлическая коробка с оторванной кем-то крышкой. Внутри, покрытые лохмотьями пыли, виднелись стройные ряды печатных плат, усеянных черными прямоугольниками микросхем и чипов. Как выглядят «остаточные метки», он не знал, но на последнем сеансе связи с центром сообщили о «возможной временной активации». Скорее всего, оттуда и метки.

– Который из них? – спросил майор.

Стоящий рядом человек теперь был хорошо виден – невысокий мужчина лет сорока, с небольшим брюшком, весь какой-то серый, словно молью побитый. На его лице застыло выражение замешательства. И страха – он боялся, разве что в штаны не надул. В руках мужчина держал закрытый «раллер».

– Не могу сказать, нужно проверить, – сказал машинист и, подняв крышку «раллера», потянулся руками к железному ящику, намереваясь воткнуть в изобилующую интерфейсами боковую панель провод.

– Не так! – зашипел на него Ли Ханьфанг.

Машинист отдернул руку, словно обжегся. Он не знал, что делать.

– Но как тогда?!

– Отключи его сначала.

Ли Ханьфанг ненавидел тупиц. Он терпеть не мог нерешительных, ни на что не годных рохлей, вроде вот этого дерьма, что стояло сейчас рядом. Но судьба постоянно посылала ему именно таких недоумков, проверяя его и привнося в жизнь духкха[5]. Страданий в жизни было хоть отбавляй, но вера учила, как от них избавляться. Сам Будда утверждал, что у всякого страдания есть причина и она может быть устранена. Этот постулат Ли Ханьфанг чтил. Потому что он ни разу не подвел. Не подведет и теперь.

Тучный машинист что-то забормотал, пыхтя и отдуваясь. Потом, толкаясь и спотыкаясь, полез к железной коробке. Он

выдергивал из нее провода, внимательно сверяясь с данными из своей «балалайки», – указательный палец правой руки выписывал кренделя в пыли, устилающей пол.

– Ну что? – майор видел, что машинист еще не закончил работу, но стоило поторопить увальня.

– Сейчас, пару минут.

Майор достал из нагрудного кармана сигарету – настоящую, из натурального табака – и воткнул обернутый золотом фильтр в рот. Щелкнула зажигалка, в затхлом воздухе появились нотки бензинового аромата. Ли Ханьфанг купил эту зажигалку в Америке, у вудуистов – редкая антикварная вещица, стоящая кучу денег. И продолжающая отправлять деньги на ветер в прямом смысле: одна заправка обходилась в круглую сумму, особенно теперь, после Перерождения. Сигарета зашипела, сизый дымок взметнулся к потолку, и огонек погас.

– Проклятый дождь! – майор шумно выплюнул дорогую сигарету на пол и спрятал зажигалку. – Давай, пошевеливайся!

– Заканчиваю уже, – отозвался машинист, покосившись на затоптанную подошвой майора ценность. – Вот!

Машинист зачем-то повернул «раллер» экраном к Ли Ханьфангу, демонстрируя целый набор графиков и столбцы цифр.

– Что здесь?

– Вот! – машинист кивнул с такой силой, что достал подбородком до груди.

– Который из них? – повторил свой первый вопрос майор.

Машинист поводил над микросхемами дрожащим пальцем, словно собирался угадать перевернутую рубашкой вверх карту, сверился с графиками в «раллере» и без особой, впрочем, уверенности ткнул в небольшой черный квадрат с оранжевыми концентрическими кругами.

– Э-этот, – заикаясь, сообщил машинист и снова кивнул. Его шея издала противный хруст.

Ли Ханьфанг с любопытством во взгляде посмотрел на шею толстяка.

– Остеохондроз, – глупо улыбнувшись, зачем-то объяснил машинист. И добавил: – Только он сейчас неактивен. Но сигнал исходил отсюда. Из этого...

Откуда исходил сигнал и насколько активен остеохондроз машиниста, Ли Ханьфанг не узнал. Во-первых, ему это не было интересно, а во-вторых – потому что шея машиниста захрустела еще раз, теперь уже куда громче. Толстяк крякнул и неуклюже опустился в пыль, накрыв рыхлым размякшим телом железную коробку сервера. Он стал похож на надувную игрушку, из которой выпустили половину воздуха. Глаза, полуприкрытые,

неестественно закатились, подбородок словно бы зацепился за правое плечо.

Ну вот и устранен источник сегодняшних страданий. Для медитаций время тоже обязательно придет, но сейчас требовалось решать проблемы быстро и эффективно.

Майор, потянув за мокрые волосы, стащил бездыханное тело с сервера. Черно-оранжевый квадрат был на месте. Ничего примечательного, обычный чип. Во всяком случае, снаружи. Майор Ли аккуратно, стараясь не прикасаться к стенкам металлической коробки и к другим микросхемам, схватил большим и указательным пальцами процессор и потянул его. Чип вышел из гнезда легко, словно его вставляли совсем недавно. Хотя так оно, наверное, и было.

Со всех четырех сторон квадратного процессора торчали тоненькие металлические лапки. На вид – совершенно обычные. Впрочем, Ли Ханьфанг не очень-то разбирался в электронике, его уделом были секретные операции. Вроде нынешней. А с процессором разберутся другие, майор об этом позаботится.

Он спрятал процессор во внутренний карман куртки, раздумывая, стоит ли что-то делать с телом. Пнул ногой тушу, разбросавшую конечности во все стороны, та едва шелохнулась. Нет, слишком тяжелый – уйдет много времени. Да и смысла в этом немного.

Оставалась проблема наверху. Решаемая, но ею необходимо заняться.

Ли Ханьфанг выключил фонарик и, стараясь не задевать наваленное вокруг оборудование, пошел к выходу.

Глава 10

Лабиринты придумали греки. Разумеется, древние. А может, и кто-то до них – еще более древний. Но само слово точно пошло от эллинов, любивших предаваться размышлениям.

Мыш потерял счет времени. Пальцы, не чувствуя пластика клавиш, перепрыгивали с места на место, повинуясь странному, одним им известному ритму. Пляска рук порождала узор из символов на экране. Сами по себе знаки ничего не значили, смыслом их наделяла общность и особое расположение.

То, что писал Мыш, не было программой. Это была игра, развлечение. И вместе с тем машинист работал, создавая из небытия и бессмыслицы хаоса слабых электрических импульсов совершенное творение, указующее точку, где рождалась информация.

Мир Цифры – мир созидания. Только сотворив нечто новое, заставив жить и развиваться мертвую холодную Цифру, бегущую по безжизненному металлу проводов и контактов, можно приблизить эпоху, о которой писала Поэтесса. Только созиданием, а не уничтожением.

Лабиринт, разворачивающийся на биоорганическом экране, становился сложнее с каждым шагом. Нет, проблема крылась не в неправильном выборе пути. Лабиринт изменялся, он рос и запутывал бредущего внутри человека, он развивался, он оборонялся и нападал. Он жил – вот что он делал!

«Интересно, – подумал машинист, – стоит ли ожидать Минотавра? Или зверь в лабиринте лишь пережиток прошлого? Теперь зверем стал сам лабиринт».

Оторваться невозможно. Это словно начать с чистого листа, словно попытаться осознать... Вот что требовалось для того, чтобы найти правильный путь. И вот что следовало искать – путь, а не выход. Нет никакой нужды выходить отсюда, Мышу нравилось внутри, здесь было безопасно. И увлекательно.

Лабиринт, в который развернулся алгоритм Безликого Призрака, не был похож на привычные пересекающиеся круги или огороженные коридоры подземелья критского монстра. Маловероятно, что кто-нибудь, кроме хозяина «раллера», беззаботно расходующего сейчас емкую батарею, понимал, что происходит на экране. Все поле биоорганической матрицы устилали символы шестнадцатеричной системы счисления, которая использовалась машинами для кодирования программ.

Лабиринт рос и расширялся, подстегиваемый действиями Мыша. Где-то в самой глубине запутанных коридоров нулей и

единиц, где-то среди хаоса плавающей технологии Копперфильда-Найденова рождалось нечто. Мыш не видел его, не ощущал, но он знал, был уверен, что оно существует. Об этом говорила Цифра – ожившее порождение самого Мыша, она изменялась, следуя каким-то неведомым приказам, идущим изнутри лабиринта.

Или там все-таки живет Минотавр? Кем бы ни был зверь, превращающий ничто в информацию, в полном соответствии с законами жанра, приближаться к нему опасно. Мышу казалось, он чувствует это всем телом, осязает подушечками пальцев, касающихся внешней оболочки обители Минотавра.

За формирующимся строчка за строчкой кодом, пытающимся вскрыть не-вскрываемый путь, тянулась нить Ариадны, отслеживающая все повороты программы. Почти такая же, как та, что Мыш посылал за Безликим Призраком в надежде обнаружить его след. Пока ни сам Минотавр, ни его сторожевые псы, вдруг появляющиеся на поворотах, нить не трогали. Они не замечали ее. Но как долго это продлится?

Мыш в очередной раз уперся в тупик. Дальше хода не было, нужно возвращаться и искать другой путь. Переписывать коды, оценить то, как изменилось уже написанное.

Созданные машинистом коды превращались в нечто совсем невообразимое. Скорее всего, бессмыслица, рожденная Минотавром лабиринта, – лишь начало трансформации. Можно, закрыв глаза, наугад жать клавиши, набирая на экране абракадабру, не имеющую абсолютно никакого смысла. Но можно, скитаясь по лабиринту, находить закономерности, а в закономерностях – статистическую значимость. И тогда любая бессмыслица обретет значение.

Главная проблема – вопрос времени. Можно разгадать любую загадку и пройти любой лабиринт, если бы время не было ограничено. Большой нужды в Минотавре нет, если сеть запутанных коридоров достаточно сложна. Существа, забредшие в лабиринт, просто подохнут от голода. Нетрудно сравнить статистическую вероятность нахождения верного поворота с вероятностью окончить дни голодной смертью. Если второе значение превышает первое – шансов выйти нет. Просто не хватит времени.

Время Цифры ограничено двумя параметрами: способностями машиниста создать рациональный алгоритм и быстродействием системы.

Система с предложенной задачей явно не справлялась. Справлялся ли Мыш? Трудно сказать – сердце стучало, готовое выпрыгнуть из груди, пальцы онемели от безостановочной

работы. Но мозг, отдающий команды программным ассемблерам «раллера» через психопривод «балалайки», пока успевал. И лишь какой-то неприятный вой мешал сосредоточиться.

Только три минуты спустя Мыш наконец понял, что разрядился аккумулятор. Под клавишами светилось нутро верного «раллера», но пока потроха отзывались на команды хозяина, резерв еще был. До Минотавра далеко, но стоит миновать два-три витка программного лабиринта, и взбодренная возросшей статистической вероятностью система жизнерадостно спалит те два «поплавка», что стояли под черной титапластовой крышкой. Правда, не успеет – при такой нагрузке батарея накроется через пару минут.

Мыш, вздохнув, свернул окно лабиринта, оставив надежду отыскать Минотавра внутри переплетающихся информационных потоков. Да и стоило ли его искать? Ведь именно эту задачу Безликий Призрак хотел подбросить машинистам МагаСофта? Иначе для чего еще могло понадобиться загружать файл с алгоритмом на сервер крупнейшей софтверной корпорации?

Теперь нужно идти заряжать аккумулятор. Мыш выглянул в окно – дождь не утихал, барабаня крупными каплями по треснутому стеклу. Порывистый ветер, сотрясающий весь дом, в котором ютился ломщик, с завыванием бил в окно, продавливая влагу внутрь. Сырость здесь не страшна, электричества в домике все равно нет – ничего не замкнет.

Выходить под дождь не хотелось. Но хотелось узнать тайну Минотавра. Мыш вздохнул и, спрятав «раллер» в черную сумку из непромокаемой синтетики, открыл дверь. В лицо ударил дождь, брошенный ветром, заставив задохнуться на короткое мгновение. А в следующую секунду темное, укутанное свинцовыми тучами небо разорвала ярко-голубая вспышка, высветившая на мгновение всю округу.

Картинка открылась лишь на миг, Мыш не успел ничего рассмотреть. Но тени, острые, словно сколы хрупкого сланца, мерцающими пятнами все еще плясали перед глазами, выжженные на сетчатке слепящим светом молнии. Призрачного зрелища, угасающего с каждой секундой, Мышу хватило, чтобы понять, что сегодня в этот тихий уголок пришли проблемы.

Глава 11

Растрепанная стайка местных неуверенно мялась у дыры, переминаясь с ноги на ногу. Одна женщина – молодая, совсем еще девчонка, и двое мужчин. Мужики, как всегда, замотаны в какого-то неопределенного цвета застиранные юбки, босиком. Лица у всех перепуганные, девчонка, несмотря на душную жару, заметно дрожит.

Окоёмов на их месте тоже задрожал бы. Обгадился бы, совершенно точно, поскольку знал, что ждет этих маленьких тщедушных людишек со вселенской тоской в раскосых глазах, поселившейся там с самого рождения. Черт его знает, что творилось в их головах, понимали ли они, что накликали беду не только на свои головы, но и на тех, с кем делили кров где-то неподалеку в джунглях?

– Откуда они вообще тут взялись? – выразив общее мнение, вопросил шестой, воровато оглядываясь, как будто собирался дать деру, пока никто не видит.

– Вы откуда?! – громогласно, пытаясь перекричать шум барабанящей по листве воды, спросил восьмой. Наверное, он надеялся преодолеть языковой барьер громкостью.

Троица залопотала что-то по-бирмански, активно жестикулируя. Только показывали они все в разных направлениях. Окоёмов прислушивался, пытаясь понять хоть что-нибудь, но косоглазые говорили на каком-то совсем уж экзотическом наречии, которого он раньше не слышал. На «балалайку» надежды не было – того словаря, что загружен в чип бойца, хватит разве что сходить за выпивкой. О сети в этих краях не слышали никогда, да и толку от нее было бы немного: бирманский язык не пользовался особой популярностью в мире и найти качественный переводчик для «балалайки» вряд ли получилось бы.

– Где? – спросил тринадцатый.

– Ты его понял, что ли? – с недоверием поинтересовался восьмой.

Тринадцатый помотал головой.

Один из мужчин вдруг просиял и, медленно и глубоко кивнув, показал на северо-запад.

– Далеко?

Нет, этот ответ уже не был столь очевиден – местный снова залопотал, активно помогая себе руками. Собственно, это и не было столь уж важно. Вряд ли они могли уйти слишком далеко от деревни, в которой жили.

– Ну и? – поинтересовался восьмой.

Было не совсем понятно, у кого он спрашивает. Ему никто и не ответил – все, кроме восемнадцатой, стоящей, как всегда, в стороне, отвели взгляд.

– Ты не хуже меня слышал, что сказал Лейтенант, – с явной неприязнью произнес шестой и, обратившись к дрожащей местной девке, быстро и отчетливо выкрикнул: – Пошли, пошли, пошли! Домой!

Для убедительности он несильно, но настойчиво подтолкнул девчонку в сторону, куда показывал один из мужиков.

Каждый из бойцов знал, зачем он здесь. Окоёмов не являлся исключением. Но он точно не задумывался о том, как будет выглядеть то, что должно произойти через несколько минут. Он знал, как это назвать, но не хотел даже про себя произносить это слово. Василий имел боевой опыт, более того, он имел куда больший опыт, чем рассказывал кому бы то ни было здесь, в Мьянме. Но он никогда не участвовал в таком… Хотя, если уж говорить начистоту…

– Какого черта мы должны это делать?

Окоёмов не сразу понял, что это были чьи-то слова, а не его собственные мысли. Рядом шел восьмой. Его черные, почти невидимые в темноте руки нервно теребили ремешок «Патанга», не находя места. Его грызли те же мысли, что и Василия. Но, если уж на то пошло, откуда ему знать, о чем думал восьмой?

– Потому что это наша работа. Ты же знал, зачем мы здесь.

Уверенности в голосе Окоёмова не отмечалось. А может, всему виной дождь, растворяющий звуки в монотонном, обволакивающем джунгли шорохе. Смывающий все, на что попадет. Особенно кровь – она смывается легко, к утру не останется никаких следов, все впитает земля. Это пойдет ей на пользу.

Разве ты в это верил? Или твоя вера совершенно утратила смысл?

Лейтенант, перед тем как исчезнуть в пробитой хмырями норе, отдал приказ. Тихим спокойным голосом. Как будто предлагал перекусить, пока он занят в найденном посреди джунглей подземелье. Ничего особенного – откопали какой-то форпост посреди нетронутого девственного леса, а потом пошли убивать местных жителей, которые, на свою беду, проходили мимо в этот момент. Все как обычно, такое ведь каждый день у Лейтенанта происходит.

Могли ли они отказаться и не выполнить приказ? Окоёмов посмотрел на идущих рядом с ним бойцов. Семнадцать человек, угрюмых, мокрых насквозь, бредут сквозь густые заросли, борясь

со все усиливающимся потоком воды, скатывающимся вниз, к подножию этих никому не нужных гор.

Лейтенант сказал, что у норы оставаться никому не следует.

И ты думаешь, он не стал выставлять охранение в этот раз просто так?

Старшим ушедшей на задание группы он назначил пятого – того еще отморозка. Окоёмов не знал, чем занимался этот подонок в прошлой жизни, но совершенно точно – не боевыми действиями. Есть такой тип людей: они находят удовольствие только в одном – в собственном превосходстве над другими.

Откуда Окоёмову могло быть известно, как относятся к выпавшей на их долю участи остальные бойцы? Вон, восемнадцатая, идет чуть справа от группы, будто ведет всех под конвоем. Может, и ведет – прав восьмой, странные у них с Лейтенантом отношения.

– Я сейчас, – бросил восьмой и повернул назад.

– Эй, ты куда? – спросил кто-то из бойцов, кажется, пятый, но негр не ответил, исчезнув за густой листвой.

– Я верну его, – сказал Окоёмов и повернул следом за восьмым.

Собирался ли он на самом деле возвращать восьмого, Василий не знал. Просто представилась возможность уйти.

Спина восьмого мелькала впереди, постоянно ускользая из обзора за широкой мокрой листвой. Окоё-мов пытался позвать товарища, но тот не обращал внимания на призывы, продолжая ломиться сквозь лес.

А потом прозвучал выстрел. Сухой треск, словно ветка сломалась или кто-то ударил топором по сухостою. Только в этой волглой ночи не было никакого сухостоя. Здесь так звучала смерть.

Какого черта его понесло назад, к дыре, наверное, не смог бы сказать и сам восьмой. Теперь смысла гадать нет – спросить все равно не у кого.

Прогалина, вытоптанная бойцами посреди джунглей, появилась неожиданно. Восьмой, похоже, не собирался являться прямо к финальному акту происходящего у дыры действа с такой помпой. Просто так получилось.

Негр вывалился из зарослей, чуть не уткнувшись лбом в Лейтенанта. Не исключено, что именно это и спасло Окоёмова.

Около дыры, мокрый и неподвижный, похожий на темную брутальную статую, стоял Лейтенант. Невысокая щуплая фигурка его не шевелилась – ноги выпрямлены, словно воткнуты в землю, левая рука опущена вниз, спина прямая настолько, что казалось, сейчас должна затрещать. И только правая рука, в которой он

держал «дыродел», немного оттопырена и готова к действию.

От неожиданности восьмой не нашел ничего лучшего, чем включить фонарь, прикрепленный к стволу его «Патанга». Яркий световой конус мгновенно выхватил из небытия тьмы несущиеся к раскисшей земле крупные капли и лицо Лейтенанта. Патологически спокойное, похожее на маску, лицо куклы, а не человека. Здесь не было людей – только восковолицый Лейтенант и три трупа, принадлежавших хмырям, сатанинским треугольником лежащие вокруг главного действующего лица этого зловещего спектакля.

Восьмой не успел ничего сделать. Он даже не остановился, сделал еще два шага, заваливаясь немного влево, туда, куда текла вода. А потом, не выпуская автомата из рук, рухнул лицом в грязь. Фонарь, уткнувшийся в текущую под ногами жижу, бледно-желтым пятном отметил место смерти восьмого.

Лейтенант, не меняя напряженной позы, внимательным взглядом мертвых немигающих глаз обвел заросли. Окоёмов замер, стараясь слиться с ландшафтом, в этот момент ему больше всего хотелось стать деревом, раскинуть листья, наслаждаясь льющейся с неба водой, и ни о чем не думать. Но думать приходилось. А еще очень хотелось втянуть ноздрями остро пахнущий нежно-голубой порошок со странным названием «джьяду гумра», хотя бы щепотку, хоть сколько, чтобы этот кошмар прекратился, отправив разум в пустоту.

Но вместо пустоты мир снова словно обернули плотным матовым пластиком. Звуки сделались приглушенными, взгляд Окоёмова подернулся пеленой, воздух загустел, липким медом забивая ноздри и мешая дышать. Василий изо всех сил сжал зубы, стараясь не завыть. Если он не удержится, это конец. Странно, но мысль выстрелить первым не возникла. Да и смысла в этом не было – в тот момент Окоёмов уверился, что Лейтенанта обычной пулей не взять. Разве что серебряной, и то – не факт. Да и проверить все равно не получилось бы: серебряных пуль в магазине «Патанга» не было.

Лейтенант подошел к раскинувшемуся крестом в грязи восьмому, наклонился, не спуская бесстрастного взгляда с шевелящихся от дождя листьев, и приложил пальцы к шее, проверяя пульс. Все было кончено, контрольный выстрел не понадобился. Потом Лейтенант вернулся к ящикам, в которых мертвые теперь хмыри хранили свое оборудование.

Сквозь пелену наползающего беспамятства в сознание Окоёмова пробивались странные мысли. Не сводя глаз с Лейтенанта, ищущего что-то в одном из открытых контейнеров, он подумал, что нести неудобные коробки дальше не

понадобится. Мозг настойчиво цеплялся за реальность, пытаясь найти что-нибудь позитивное. Жить он, черт возьми, хотел! Но, похоже, плохо понимал – как.

Из контейнера Лейтенант достал, судя по движениям, тяжелый, сантиметров тридцать в диаметре металлический диск. Бросил его в грязь рядом с дырой, что-то поколдовал с немного возвышающейся из воды крышкой, вспыхнувшей на короткое мгновение красноватыми сполохами, и, не оборачиваясь, пошел прочь. К счастью, в противоположную сторону от того места, где ни жив ни мертв затаился Окоёмов.

Если присмотреться, можно было заметить редкие красноватые отсветы у самой земли. Если сильно присматриваться и знать, куда смотреть. Василий знал, что это такое. И что за блин бросил в воду Лейтенант, тоже знал.

Нужно убираться отсюда. Делать ноги, и побыстрее. Блин был противопехотной миной с датчиком движения. Производство «Науком», старая проверенная модель «МП-126урп», рассыпающая целый ворох смертоносных металлических осколков на площади в добрую сотню квадратных метров. Убьет эта штука только тех, кто успеет подойти к ней поближе, остальным просто перебьет ноги, оставив умирать медленной мучительной смертью. С другой стороны, здесь, в джунглях, быстро найдутся охотники помочь бойцам отправиться в мир иной. Если, конечно, не побоятся запаха оружия.

Неизвестно, как настроил Лейтенант мину – задержка детекции, длительность пребывания мишени в зоне поражения или количество целей. А может быть, параметры были сложней – вряд ли он рассчитывал, что на мине подорвется какое-нибудь зверье. Окоёмов рисковал запустить детонацию прямо сейчас только в первом случае, но проверять действия Лейтенанта он не собирался. Он заставил себя оторваться от ствола изогнутого горбом растения, с которым чуть не сросся в течение последних десяти минут.

Если бы не этот туман в голове!

Казалось, что ноги принадлежат кому-то другому. И нынешний хозяин конечностей не очень-то планировал куда-то идти. Окоёмов пытался усилием воли прорвать пелену, все более плотным занавесом отгораживавшую реальный мир от восприятия. Но тому, что сильной когтистой лапой сдавило мозги Василия, было глубоко наплевать и на усилия, и на волю. Оно жило своей жизнью, у него были свои, непонятные Окоёмову цели.

Надо найти остальных, рассказать им о мине. О Лейтенанте. Ведь он их бросил, он убил их, их больше нет. Лес сожрет всех – и

узкоглазых вместе с их деревней, и наемников, которые перед этим убьют бирманцев.

Дождь как будто становился сильней. Молнии вспыхивали по нескольку раз в минуту, освещая путь и наполняя пространство электричеством. Казалось, еще чуть-чуть – и воздух вокруг начнет светиться.

Каждая вспышка отдавалась болезненным уколом в голове Окоёмова. С каждым ударом молнии яркий блеск задерживался в глазах все больше, почти ослепляя, заполняя окружающий мир нездоровой голубизной, вытесняя краски, скрытые полумраком. Может, все дело в электричестве и «джьяду гумра» ни при чем? Впрочем, незачем себя утешать – даже если виной всему гроза, раньше электричество не действовало на Окоёмова никак.

То, что он добрался до деревни в темноте, без каких-либо ориентиров, вполне можно считать чудом. Но на этом чудеса не заканчивались.

Глухое «бу-бу-бу» больно ударило по барабанным перепонкам. Нечто ярко-желтое, тщетно пытающееся перещеголять интенсивностью свет молний, цветком открылось прямо перед Окоёмовым. А вслед за этим густая листва, из которой только вышел Окоёмов, разлетелась испуганной воробьиной стайкой, густо обсыпав Василия зеленой трухой.

– Провалиться тебе, четырнадцатый! – заорал боец, который стрелял. В темноте Окоёмов не смог разобрать, кто это был. – Я же тебя чуть не убил.

Никакого испуга, ни малейшего переживания. Простая констатация факта. Если бы боец, выпустивший очередь в появившегося из зарослей Окоёмова, попал – не велика беда, одним трупом больше, одним меньше. Здесь *своих* не было.

Отдышаться не дали. Кто-то сильной рукой выдернул Окоёмова из зарослей, толкнув в сторону ближайшей лачуги. В руках как будто сам собой появился автомат, затвор был передернут, оружие полностью готово к работе. Готово убивать – в этом его предназначение.

Василий бормотал что-то про Лейтенанта, пытался рассказать о мине. Но его никто не слушал. Лица всех, кого он успел здесь увидеть, были перекошены какой-то не то злобой, не то хищным голодным оскалом. Бойцы вошли в раж, им было хреново, им не нравилось убивать слабых беззащитных людей. Но было нужно, и поэтому приходилось убеждать себя, что все правильно, что они на войне и если не ты, то тебя. Похоже, им это удалось.

То, что происходило дальше, Окоёмов запомнил плохо. Вроде бы кто-то постоянно кричал. Выл, монотонно, на одной ноте, так, что сводило зубы. Со всех сторон доносились приглушенные

грозой хлопки выстрелов. После очередного хлопка вой затих, но не надолго – тут же ему на смену пришел чей-то визг.

Окоёмов давил указательным пальцем на спусковой крючок «Патанга», который, словно эпилептик, дергался в руках из стороны в сторону. Действия предельно автоматизированы – удар ногой в хлипкую, собранную из веток и какого-то хлама дверь, давление нагревшегося металла на указательный палец, пляска автомата, визг, грохот грозы снаружи.

Сколько жило людей в этой деревеньке, Василий не смог бы сказать и приблизительно. Скольких из них убил лично он – тоже. Здесь шла война, перестать стрелять можно только тогда, когда упадет последний враг или закончатся патроны.

В какой-то момент внутри «Патанга» стукнуло, и автомат, икнув, захлебнулся. Окоёмов, находясь в полузабытьи, продолжал давить на спусковой крючок, желая только одного – чтобы эта узкоглазая дрянь наконец заткнулась. Голова, казалось, вот-вот взорвется от вопля, звучащего на самом пределе слышимости, заставляя вибрировать кости.

Но звук не исчезал, и девчонка – та самая, что привела бойцов в родную деревню? – не падала, брызги темно-багрового не летели по устеленному подвявшими листьями полу. Окоёмов попытался передернуть затвор вручную, но тот застрял окончательно.

Ну почему она не перестанет визжать?!

Не думая ни о чем, привычным, заученным движением Окоёмов стряхнул с плеча ремень «Патанга», перевернул автомат, перехватив его за цевье, и с размаха опустил приклад на голову миниатюрной черноволосой девушки.

Именно в этот момент боги решили, что Василий Окоёмов натворил в лесной деревне достаточно. Удар ветра сорвал крышу с покосившегося домика, почти непрозрачные от царапин и трещин стекла со звоном полетели на пол. А потом Окоёмов перестал понимать что-либо, получив удар какой-то балкой, свалившейся с потолка прямо ему на макушку.

Последним, что отпечаталось в его помутившемся сознании, была яркая, сжигающая к чертям палочки вместе с колбочками в сетчатке молния. Электрический разряд ударил в дерево метрах в десяти от развалин домика, среди которых лежал Окоёмов. Мимо полыхающего дерева, подпрыгивая, летели ветки и целые кусты, вырванные ураганом с корнем. Тайфун достиг своего апогея.

Глава 12

Каменные ступени медленно разрушались, а местами виднелись глубокие, размытые водой трещины. Трудно сказать, появились они теперь, во времена Пралайи, или были результатом естественного влияния разрушающего все времени.

Абхай Лал вошел под своды колоннады, ведущей в храм Аннамалаияра, – один из немногих, сохранившихся после наступления Пралайи, больших святилищ. Все девять каменных гопурамов[6] храма по-прежнему устремлялись в небо, лишь слегка затронутые водой и землетрясением. При взгляде на разруху, вольготно устроившуюся прямо под стенами храма, появлялась мысль, что решение оставить Аннамалаияр в неприкосновенности принадлежало лично Шиве.

На плитах потолка, укрепленного массивными железными балками, и на колоннах хорошо заметны отметины прошедшейся два года назад через весь Тируваннамалай волны. Воду принес разбушевавшийся океан, слизавший почти все прибрежные города. Огромная волна прошла в глубь субконтинента и потеряла силу километрах в тридцати западней этих мест.

Генерал прибыл сюда не только для того, чтобы выразить почтение Шиве. И пришел он не один – рядом с высоким, статным безопасником, одетым в военный мундир, неспешно шагал облаченный в белые одежды, щуплый и низкорослый человек, по сравнению с генералом производящий впечатление голодающего. Свами Вишванатхичаран Шарма – один из виднейших брахманов[7] Шивы. Шарма был Гуру. Абхай Лал пришел в храм Аннамалаияра за советом, который надеялся получить от брахмана.

Генерал шел чуть сзади, он хорошо видел бритый наголо затылок Гуру, на котором, если присмотреться, можно заметить тонкий горизонтальный шрам. «Балалайки» там не было.

Абхай Лал знал, что в свое время Вишванатхичаран Шарма был обычным человеком. Он родился брахманом – никто не мог выбирать себе варну, – но направил стопы по светскому пути. В двадцать с небольшим лет он возглавил один из крупнейших фармацевтических заводов Индии и успешно управлял производством на протяжении полутора десятков лет.

Генерал Лал мог считать, что знает об этом человеке все – возможности главы национальной безопасности позволяли читать досье даже на самых уважаемых брахманов. Но Абхай был мудрым человеком и не считал так – знать все о Гуру невозможно, это вне возможности кшатрия[8], увязшего в бесконечности

сансары.

Причина, по которой еще молодой Вишванатхичаран Шарма оставил высокий пост и пришел в храм Минакши, оставалась для генерала загадкой. Только глупцы пытаются разгадать подобные ребусы, которые не требуют решения.

Перед тем как начать путь к мокше[9], Вишванатхичаран Шарма избавился от «балалайки». Хирургическим путем – «гнездо» удалили в одной из клиник Ченная. Лал однажды спросил у Гуру – зачем. Но ответа не получил: каждый сам решает, что ему нужно для достижения мокши.

Именно в храме Минакши Свами Вишванатхичаран Шарма нашел путь из круга сансары и стал Гуру. От храма Минакши ныне не осталось ничего, и даже место, где он располагался, покоится на дне океана. Однако Гуру Шарма милостью Шивы остался жив, чтобы продолжать дело своей Традиции. В день, когда в мир пришла начавшаяся не ко времени Пралайа, Вишванатхичаран Шарма был в Дели.

– Я бы хотел, чтобы вы прочли вот это, Свами, – сказал Абхай Лал, протягивая брахману планшет коммуникатора.

– Подожди.

Гуру подошел к небольшому металлическому коробу, над которым плясал воздух, разогретый шраута-агни[10]. Он зачерпнул ладонью горсть риса из миски, стоящей рядом с огнем, и, не глядя, высыпал зерна в ахаванию. Послышался треск пожираемого огнем злака – боги принимали жертву брахмана.

Шарма бросил на генерала короткий взгляд – Лалу не нужно объяснять, чего от него ждали. Абхай подошел ближе и повторил действия Гуру.

– Что ты хотел узнать? – спросил Шарма после того, как счел, что время для разговора пришло.

– У меня появились новые сведения, – начал генерал, но брахман прервал его:

– Чем могут быть полезны мне сведения из твоего ведомства, кшатрий?

Абхай Лал снова взял в руки коммуникатор, включил его и передал Гуру.

– Мне очень нужен ваш совет, – сказал он, почтительно склонив голову. – Не в моей власти знать, что может быть интересно брахману.

Губы Шармы тронула легкая улыбка – Лал дал правильный ответ. Он принял из рук генерала коммуникатор и углубился в чтение. Все это время безопасник сидел тихо, не сводя глаз с огня шраута-агни.

– Эта вещь настолько хороша, как написано в твоем

документе?

– Я могу судить лишь по собственному опыту.

– У тебя есть опыт применения этой… этого порошка? – удивился Шарма.

– Да, Гуру.

Брахман едва заметно усмехнулся.

– Наши предки на протяжении тысячелетий применяли *сому*[11]. *Иногда она позволяет услышать советы богов, иногда – нет. Я не знаю всех формул, которые делают сому* тем, что она есть. Ни я, ни кто-нибудь другой никогда не исследовали напиток дэвов[12] в биохимической лаборатории. Рецепт *сомы* написан в Ведах.

Значил ли короткий рассказ, что Гуру отрицает мистические свойства «джьяду гумра», или разговор еще не окончен? Генерал ничего не понимал в формулах, которыми изобиловал отчет химиков. Но Вишванатхичаран Шарма прежде работал в фармацевтической промышленности, для него эти рисунки были делом не менее привычным, чем Веды.

– О чем говорит твой опыт, Абхай?

Лал задумался. Трудно описать словами то, что давал «джьяду гумра». Еще трудней показать.

– Мне трудно судить, Гуру. Это было похоже на единение с Брахманом, словно становишься единым с Абсолютом. Но не навсегда, как это должно быть, когда достигнешь мокши. Это было похоже на подключение к сети, когда можешь выбрать следующее действие, путь или запустить программу. «Джьяду гумра» словно бы делает возможным выбрать любую существующую ипостась Брахмана, отметая все то, что было лишним в карме, все то, что мешало. Это вещество дарует блаженство.

– Любой наркотик дарует блаженство, – без тени улыбки сказал Шарма. – На то он и наркотик. Но вот этот раздел, признаться, меня несколько обескураживает.

Брахман показал Лалу, какую часть отчета он имел в виду. Там подробно описывались все эффекты, которые оказывал «джьяду гумра» на биохимию и биологию человеческого мозга. Как и большую часть всего отчета, в этом разделе генерал мало что понял. Но ему вполне хватало имеющихся знаний, чтобы уяснить – «волшебный порошок» действует совершенно иначе, чем все остальные, известные на сегодняшний день наркотики. Исключение составлял только синдин, механизм действия которого так до конца и не удалось разгадать.

– Именно поэтому я и пришел к вам. Мне кажется, это полностью соответствует тому, что написано в Ведах. Но мои

скромные познания священных книг не позволяют...

– Позволяют, раз ты сообразил обратиться ко мне. Не нужно лишних слов.

Лал покорно кивнул.

– Этот «джьяду гумра» работает, как динамический стимулятор мозговой активности? Подобно синдину? Как это теперь называют?..

– «Динамит», – подсказал брахману Лал. – Нет. Ни медики, ни машинисты не отметили никаких свойств «динамита» у этого порошка.

– Хм. Странно.

Шарма, не выпуская из рук коммуникатор, задумался. Его взгляд застыл на тексте, отображающемся на экране, но он не видел букв. Гуру смотрел глубже, он пытался постичь суть, которой никогда не было среди знаков, придуманных людьми. Будь то буквы или иероглифы. Или нули с единицами, которые так любили нейкисты.

– Я подумал, что мы смогли бы влиять на Верхний мир, если бы... – не выдержав долгого молчания брахмана, начал Абхай Лал. Но Гуру, начавший говорить, не меняя позы и даже не подняв глаз, перебил его:

– Адепты каждой Традиции страстно желают увидеть своих богов воочию. Они не понимают, что их желание противоречит самому понятию бога – явление бога в Срединный мир есть нисхождение, превращение его в нечто, способное существовать здесь, в нашем мире. Китайцы в свое время затеяли возню с лунной программой именно по этой причине. Но им было не суждено, их кто-то опередил.

– Чудовище?

– Скорее всего. Но у поднебесников все равно ничего бы не получилось – боги перестают быть богами в Срединном мире, это не их среда. Так же, как для людей закрыты Верхний и Нижний миры. При *переходе* получается Чудовище – инородное в инородном, то, что не может существовать, но существует.

– Китайцы считают, что внеочередную Пралайю устроило именно оно.

Шарма оторвался от лицезрения экрана коммуникатора и обратил взор на генерала. Если бы он не был Гуру, то, похоже, выразил бы недовольство.

– Не было никакой Пралайи, – сказал брахман. – Не называй случившийся два года назад катаклизм так, это неправильно. То, что произошло, слишком мелко для Пралайи. Варвары, ведущие свои священные знания со времен, когда наши предки уже не одну тысячу лет читали Веды, могут думать, что эта... встряска

есть обновление мира.

– Но новые миры...

– Ты же знаешь, что нет никаких новых миров. Это все – часть нашего мира, часть проекции мыслей Вишну. Нет ни Верхнего, ни Срединного мира. Ни этих восьми миров, о которых рассказывает Кауфман. Он предлагает фикцию – если напечатать новые деньги и заменить ими имеющиеся, экономика не перестанет основываться на товарно-денежных отношениях. Даже переход к электронным деньгам ничего не изменит. Только Шива способен вернуть Брахману его истинную суть, уничтожив все проекции и само время. Но это случится не скоро – пока еще не закончилась даже Кали-Юга. Никакой наркотик никогда не даст людям возможность изменять мир.

– Значит, я ошибался, полагая, что «джьяду гумра» может иметь отношение к тому, что написано в Ведах, – заключил Абхай Лал.

– Ты ошибаешься, когда принимаешь скоропалительные решения. Я говорил только о невозможности влиять на замысел Вишну или волю Шивы. Но я ничего не сказал о том, чтобы попытаться узнать, что происходит в иных пластах реальности.

– Похоже, я неправильно выразился.

Шарма кивнул.

– В Ведах ничего не написано про «джьяду гумра» или что-то похожее на него. Но никто не утверждает, что священные писания не могут быть дописаны. Писания пишут люди.

Значит, дело перспективное. Поисковая команда уже укомплектована и ждет начала операции на военной базе у восточной границы.

– Химикам удалось повторить состав порошка?

– Удалось повторить компоненты, но не свойства. Полученная смесь обладает легким наркотическим эффектом, и это все.

– Я так и думал. Если ты хочешь, чтобы я дал ответ на твой вопрос, принеси мне то, из чего делают «джьяду гумра». И попытайся узнать, откуда эта вещь появилась здесь.

– Именно об этом я и думал, – сообщил Абхай.

– Ты всегда был хорошим учеником. Продолжай следовать своей карме, и все, что должно произойти, произойдет.

Глава 13

Шанкар Десай нервничал. Это мог бы заметить кто угодно, если бы обратил внимание на грязного, невзрачного, примостившегося в самом углу жесткого пластикового сиденья молодого человека. Сиденье было рассчитанно дизайнерами на четырех пассажиров. Сейчас на истертом и оборванном диванчике уместилась по меньшей мере дюжина человек, нагруженных мешками, кошелками, корзинами и прочими видами сумок.

Шанкар садился на конечной станции, названия которой не знал – он просто не смотрел на надписи на вокзале, – поэтому успел занять место первым. Трудно сказать, хорошо это или плохо. С одной стороны, те, кто вошел в вагон последними, теперь теснились в проходах. Некоторым из них удалось пристроить свои вещи на пол и сесть сверху. Другие стояли в плотной толпе.

Можно решить, что вагон резиновый, из-за количества людей, каким-то чудом разместившихся в нем и на нем – по меньшей мере треть пассажиров устроилась на крыше. Вряд ли инженеры, проектировавшие это средство передвижения чуть ли не век назад, могли предположить, что в их детище удастся запихнуть такое количество пассажиров. Хотя если это были индийские инженеры, то наверняка могли.

Большой цветастый платок тончайшего шелка, свернутый в тугой жгут, с расплывшимся жирным пятном в одном из углов, легко скользил между давно не мытыми пальцами. Пальцы Шанкара жили собственной жизнью. Умение, что крылось в этих руках, могло бы испугать многих из тех, кто сейчас душной потной толпой наседал на их обладателя. Но блаженство незнания часто помогает выжить в критической ситуации. А путешествие в поезде, следующем с самого востока Индии в западнобенгальский Силигури, вполне можно было считать событием критическим.

Владелец шелкового платка был молод. На вид лет двадцати пяти – двадцати семи, но на самом деле Шанкару двадцать три. Изможденное тело и мрачное, можно сказать, мертвенное выражение лица прибавляли возраст.

Платок не был предметом одежды или украшением. Это оружие, жертвенный инструмент. Шанкар был тхагом[13], и в руках он теребил румаль[14]: особое орудие верного адепта темной Шакти Шивы Кали, с помощью которого бхутот[15] душил тех, чье время соединиться с Абсолютным Разумом уже подошло.

Шанкар Десай, несмотря на юный возраст, уже стал бхутотом.

Он получил право совершать жертвоприношение богине благодаря своим особенным рукам – никто, даже старый бхутот Вриндал, не умел так виртуозно обращаться с этим оружием. И однажды он доказал преданность Кали. Только вот теперь…

Поезд вез Шанкара на запад. На карте, нарисованной от руки прямо на стене вагона, можно прочитать название конечной станции. Но сейчас сделать это было бы невозможно – вряд ли удалось бы протиснуться к карте маршрута, а если бы и удалось, делать этого не стоило: обратно на диван не пустят. Да и какое имело значение название станции? Теперь чем дальше – тем лучше.

Существовала еще одна проблема: посещение туалета. Выйти в маленькую комнатку с дырой в полу совершенно нереально. Лучше было бы забраться на крышу, а не радоваться, что досталось место внутри. В животе отчаянно урчало, болело и пробивало дорогу наружу в обе стороны. Шанкара здорово мутило, а внизу на штанах – он это чувствовал – потихоньку расплывалось зловонное пятно. Соседи особенно не замечали смрада, исходящего от молодого человека, поскольку плотность запахов пота и продуктов, которые многие везли с собой, смешивала все в единую густую удушающую атмосферу. Десай пытался держать лицо ближе к открытому окну, но это помогало мало. Несколько раз он ловил крепко сжатыми зубами то, что рвалось выйти наружу.

Они отправились на восток для того, чтобы предотвратить катастрофу. Джемадар[16] общины Раджеш, который возглавил нелегкий поход, лично задушил своим румалем тех тхагов, кто пробовал новый наркотик «джьяду гумра», привезенный откуда-то с востока. Раджеш объяснил, почему. Шанкар мало понял из объяснений джемадара, но поверил ему. Десай видел, во что превратились те, кто вдыхал порошок. В их глазах больше не было веры, в их головах не осталось места для дхармы, Кали стала для них пустым звуком.

Раджеш выяснил, откуда торговцы привозили «джьяду гумра». Правда, точного места никто из них не смог указать – именно не смог, они его не знали. Никто не нашел бы в себе силы устоять перед методами, которым учила Кали, – то, что осталось от торговцев после разговора с джемадаром и двумя бхутотами, теперь покоилось на дне глубокой ямы недалеко от деревни, где родился Шанкар.

Джемадар узнал, что «джьяду гумра» делают из какой-то травы, которая растет в горах на севере Мьянмы, у самой границы с Китаем. Торговцы утверждали, что в других местах волшебная трава не растет. Еще они говорили, что сорванное растение

быстро теряет свои особые свойства и готовить «джьяду гумра» нужно сразу же. То есть производили наркотик неподалеку от места, где росла волшебная трава.

Раджеш посчитал, что этой информации достаточно. И он не ошибся.

В течение двух месяцев восемнадцать тхагов скитались по горам северной Мьянмы. На их долю выпало тяжелое испытание, но никто из них не роптал – люди делали это ради темной богини Кали. Ради существования самого мира, как объяснил им Раджеш.

Когда тхаги наткнулись на долину, в которой на фоне сочной зелени резко выделялся небольшой островок травы с узкими короткими листочками и верхушками стеблей, усеянными светло-голубыми цветками, их оставалось всего шестеро. Остальные двенадцать воссоединились с Брахманом, им помогла Кали.

Руки еще раз быстро смотали шелковый платок в петлю, которая мгновенно затянулась на указательном пальце, потом раскрутили его обратно. Этот румаль почти новый, Шанкар пробыл бхутотом недолго – всего один день. Сначала он точными, хорошо отрепетированными движениями задушил тех шестерых оборванцев, что варили голубые цветки в каком-то рассоле. А потом, после того как их обнаженные тела, пронзенные острыми деревянными кольями, скрылись под грудой камней, Шанкар достал свой румаль во второй раз. И больше не прятал его.

Джемадар Раджеш сказал, что теперь Шанкар отправится в Лудхияну, на север. Десай знал, что это означает – там, недалеко от Лудхияны, проводились еженедельные Игры, посвященные темной Шакти Шивы Кали. Сам Шанкар однажды побывал там, зрелище было незабываемым. Так что слухи об Играх доходили в самые отдаленные уголки Индии. Говорят, что количество трупов, которые увозили в близлежащий карьер, никто не считал – слишком сложно посчитать, когда перед тем, как его убить окончательно, человека разрезают на десяток кусков разного размера. Да и не нужно никому вести подобный подсчет.

Богиня Кали освобождала своих адептов от бренного тела, от помыслов глупого «я», соединяя сознание с Брахманом. Умереть за богиню было привилегией каждого тхага, и Шанкару выпал шанс слиться с Абсолютом, достичь наивысшего блаженства. Только...

Только он испугался. Он предал Кали, предал свои идеалы и своих соплеменников. Как румаль снова появился в руках, Шанкар помнил плохо. Как будто сам прыгнул в ладони, закручиваясь в тугой крепкий жгут.

Первым Шанкар освободил Раджеша. Опытный джемадар не успел даже понять, что происходит, когда ловкие руки нового

бхутота затянули петлю на его шее. А потом пальцы Шанкара повернули жгут особым образом, помогая сознанию джемадара мгновенно отправиться на суд Кали.

Оставшихся четверых Десай задушил поодиночке. Они ничего не подозревали, не ждали предательства и покидали этот мир быстро и спокойно. Лишь последний – Наваль – пытался вырваться, но Раджеш не ошибся, назначив бхутотом Шанкара: движения молодого человека были быстры и точны, Наваль присоединился к товарищам спустя минуту.

А теперь Шанкар бежал. Куда угодно, лишь бы больше никогда не встречаться с тхагами. Он не желал разделять судьбу жертв Игр во имя богини Кали, он утратил веру, усомнился, испугавшись смерти. Он понимал, что умрет только оболочка, человек по имени Шанкар Десай, что мир неизменен, что нет никакого Шанкара, а есть только дух Брахмана и его ипостаси, и аватары его ипостасей, и порождения аватар. Но он испугался. Он усомнился.

Потому что вот этот, набитый людьми вагон был слишком уж настоящим, он не казался порождением воображения духа, мимолетной мыслью Брахмы, явлением замысла Вишну. Потому что сам Шанкар, мокрый от пота и дрожащий от боли в животе, все чувствовал, он видел мир, как Шанкар Десай. И не хотел умирать.

Боли в животе появились сразу после того, как он убежал в лес, оставив тела убитых им тхагов гнить на заваленном мусором полу разрушенного здания. Шанкар лишь засыпал их каким-то хламом, кучи которого громоздились по всему коридору. Он не выполнил ритуал до конца, не открыв товарищам путь к богине, и поплатился за это.

Его вырвало несколько раз, а потом появились боли. Его лихорадило, но не сильно. Через несколько дней на ладонях появились ранки, которые никак не желали заживать. Глаза слезились от сильной рези, солнце, казалось, разъедало их своими лучами. Шанкар случайно заметил собственное отражение на вокзале, где он садился в поезд. Человек, отразившийся в мутном зеркале, имел откровенно больной вид: ввалившиеся щеки, красные, истекающие какой-то слизью глаза, покрытые язвами, словно расчесанные, руки. И грязная, рваная одежда, которую погнушались бы надеть и бомжи.

Поезд начал замедлять ход, потом резко дернул и остановился совсем. Шанкар почувствовал, что силы оставили его, сфинктеры расслабились, и из молодого человека потекло двумя потоками. Люди, сидевшие рядом с Десайем, отпрянули в сторону, но при той плотности, с которой был заполнен вагон,

отодвинуться получилось всего чуть, и досталось многим.

– Ты совсем ошалел, что ли?! – заорал на него крупный мужчина, в почти белую ткань дхоти[17] которого быстро впитывалась красно-бурая блевотина Шанкара. Для придания словам большей значимости пострадавший отвесил парню оплеуху. Сила удара была невелика, так как не хватало места для замаха.

Спокойно, этот мужчина прав. Никто не должен узнать, что ты бхутот.

Шелковый платок, чудом оставшийся чистым, все быстрее скользил между пальцами. Взгляд Шанкара, плохо соображающего, что происходит, не сходил с толстой, украшенной несколькими складками шеи пострадавшего мужчины.

– Мальчику плохо, вы что, не видите? – вступился кто-то из коридора. Судя по голосу – женщина в годах. Ей, конечно, легко рассуждать, до нее, поди, еще и запах-то не дошел.

– Да он тут все уделал! – взревел мужчина.

Соседи Шанкара, кто молча, кто с визгом вскакивали со своих мест. Насколько это было возможно в тесноте вагона. Из-под молодого человека по изодранному винилу сиденья расплывалось грязно-бурое пятно, распространяющее столь сильный запах, что забить его не смогла даже исходная духота.

Воспользовавшись образовавшимся вокруг Шанкара относительно свободным пространством, тучный мужчина в испачканных дхоти схватил парня за шиворот и резким движением выдернул его с испачканного вагонного дивана.

Убери румаль! Не давай волю рукам!

Шанкар мог бы задушить этого мужчину в считаные секунды. Он знал *как*, и ни сила, ни разница в весовой категории не дали бы обиженному пассажиру никакой форы. Но Шанкар не мог, он больше не бхутот. Он даже не тхаг.

Тащить Шанкара далеко мужчина не стал. Да и не смог бы – по проходу до тамбура не добраться. Когда Десай пришел в себя, ободренный свежим ветерком, он уже был снаружи. Его выбросили в окно. Поезд, вздрогнул и, медленно набирая ход, продолжил путь. А через полминуты из окна, которое успело удалиться от Шанкара метров на сто, вылетел холщовый мешок, принадлежащий молодому человеку. Румаль Шанкар по-прежнему держал в руке, крепко сжав пальцы, чтобы не потерять последнее, что связывало его с прошлой жизнью.

Десай поднялся на ноги. Голова сильно кружилась, ноги норовили подогнуться. Но нужно идти. Он не знал, куда и для чего. Но надо же что-то делать, хотя бы выстирать одежду. А для

этого надо найти воду.

Из мешка ничего не пропало. Все жалкие пожитки, оставшиеся от тяжелого путешествия, выпавшего на долю Шанкара, были на месте. И то, что он принес оттуда, тоже лежало там: плотный, замотанный целлофаном пакет и аккуратно свернутый в узел румаль Раджеша. Трудно сказать, зачем он забрал платок джемадара. Наверное, как сувенир.

От последней мысли Шанкара снова вырвало.

Глава 14

Корабельный колокол – анахронизм и дань традициям флота – бешено колотился, звеня что есть сил. Только слышно его не было. Как будто кто-то заботливый обернул латунный язык бархатом, чтобы назойливый звон не досаждал отдыхающей команде.

Отдыхать было некогда. Впору было отправиться к корабельному капеллану, перетереть насчет отпущения грехов и местечка получше на том свете. Одна беда – капеллан вместе со всеми метался по палубе, не понимая, за что хвататься и чем он может помочь.

Мичман Окоёмов, намертво вцепившийся в лесенку, ведущую на башню палубного орудия, широко открытыми глазами смотрел направо. В сторону океана. Там было на что посмотреть.

Матросы носились по вдруг ставшей мокрой и неуютной палубе, падали, матерясь, ломали руки и ноги, истошно вопя. Но звуков не было. Только мерный, пробирающий до самого нутра гул, несущийся оттуда, из океана. Из самого сердца волны.

Можно ли назвать волной водяной вал высотой... Окоёмов задумался, пытаясь понять, где заканчивается *то*, что он видел прямо сейчас собственными глазами. Если бы кто-то рассказал, что такое бывает, скорее всего, он не поверил бы. Но он видел вал сам, и, что хуже всего, его видела вся остальная команда. Иначе как объяснить тот кавардак, что творился на палубе? Надежды, что рассосется, что это всего лишь галлюцинация утомленного качкой воображения, не было никакой.

Нет, высоту волны определить Окоёмов не мог. Не сразу понял почему, а когда сообразил, мелкая дрожь в руках перешла в крупную по всему телу. Пальцы свело судорогой, ноги сделались ватными, а голова отказывалась воспринимать что-либо, кроме гигантской водяной горы, медленно, но неотвратимо наползающей на «Ивана Грозного». Высоту определить не удавалось по простой причине – он не видел ее верхушки. Увенчанная пенными бурунами, бросающими вниз тонны брызг, пытающихся смести с палубы попавшего в переделку крейсера несчастных людей, она терялась за низко висящими облаками.

Капитан каким-то невероятным усилием сумел повернуть корабль носом к волне, и качать крейсер стало немного меньше. Только что это могло изменить?

На палубе царила паника. Кто-то привязывал себя канатами к трубам и орудиям, кто-то прыгал за борт. Старпом – Окоёмов видел своими глазами – пустил себе пулю в лоб. Кровь с металла

палубы смыло мгновенно – с неба валил водопад брызг.

Вода заливала глаза, попадала в нос и рот, заставляя закашливаться в тщетной попытке выгнать соленую влагу из легких, но Окоёмов не отводил взора от волны, вздымающейся теперь в нескольких метрах от борта. Зрелище ужасало и завораживало одновременно. Очень не хотелось умирать, но странное чувство восторга, восхищения стихией затягивало. Василий поймал себя на мысли, что вряд ли стал бы бежать, даже если было бы куда. Такое зрелище невозможно пропустить, такой мощи больше никогда не увидеть.

Но бежать было некуда. Крейсер бронированной улиткой медленно взбирался по склону водяной горы. Точнее, это вода двигалась, поднимая корабль, казавшийся на ее фоне щепкой. Если гора не идет к Магомету… от такой горы никому не уйти, эта гора шла сама.

Совсем рядом о броню соседнего орудия с гулким металлическим звоном ударилось тело матроса. Окоё– мова окатило кровавой кашей, но падающая с неба вода тут же все смыла. Момент очищения, момент истины.

Когда мичман повернулся, дыхание перехватило, словно кто-то огромный передавил лапищей трахею. За кормой разверзлась настоящая пропасть, в которую, медленно вращаясь, летело несколько тел, облаченных в форму матросов ВМС России. Картина пугала своей сюрреалистичностью, крейсер будто поднимался на небеса. Не в сторону космоса, а в *те самые* Небеса. А упавшие за борт матросы скоро достигнут ада – там, далеко-далеко, Окоёмов видел размытую туманом черно-коричневую бездну.

Умом он понимал, что это никакая не бездна, а обнажившееся из-за отлива, всегда предшествующего цунами, морское дно. Но сознание отказывалось в это верить. Какое дно – берега отсюда даже не видно? Хотя вот же он – за кормой воды не было совсем. Темная, местами перемежающаяся светлыми проплешинами песчаных островков долина, усеянная десятками тысяч извивающихся в предсмертной агонии морских обитателей.

Окоёмов почувствовал, что его неуклонно тащит куда-то. Руки еще сильнее вцепились в перекладины лесенки, а ноги потеряли опору: «Иван Грозный», нарушая всемирный закон гравитации, неспешно и величественно опрокидывался палубой вниз, но продолжал плыть по водной глади, вдруг решившей поменяться местами с небом.

Крик, застрявший до того в глубинах дыхательных путей, вырвался наконец на свободу. Как только дно «Ивана Грозного» оторвалось от нереально долго держащей его воды, события

начали развиваться стремительно. Будто тот, кто смотрел этот фильм ужасов, выключил надоевший замедленный просмотр, вволю насладившись картинами страстей, развернувшихся на палубе крейсера, и запустил перемотку.

Бронированная туша «Ивана Грозного» разгонялась, несясь на встречу с дном морским. Следом за ним, словно пытаясь вернуть сбежавший корабль, из-за облаков рванулся поток воды, падающий с вершины вздыбившейся волны.

Кто выиграет в этом безумном соревновании? Окоё– мов, не прекращая кричать, старался сжаться, спрятаться в какой-нибудь щели, раствориться в броне грозного орудия, вся мощь которого была пшиком рядом с волной, разверзшей пасть, стремящейся проглотить крейсер. В лицо ухнул поток прохладной воды, и Окоёмов...

...Окоёмов с трудом разлепил веки. Под них словно бы натолкали ваты, которая мешала нормально смотреть. Мичман закашлялся, выплевывая затекшую в горло воду. Вода была пресная. И Окоёмов давно уже не мичман.

Он поднес руки, казавшиеся чужими и жутко тяжелыми, к лицу. Пальцы заметно дрожали. Окоёмов попытался встать, но что-то настойчиво придавило его к... Нет, палубы больше не было, поверхность, на которой он лежал, была теплее и мягче.

– Г... – Василий попытался говорить, но горло перехватило, заставив шипеть змеей. Он снова закашлялся.

Взгляд наконец сфокусировался, явив лицо склонившейся над ним черноволосой девушки с темной, с бронзовым оттенком, кожей и немного раскосыми глазами. Ее руки лежали на плечах Окоёмова, не давая ему встать.

– Откуда вода? – просипел бывший мичман.

Девушка улыбнулась и произнесла короткую певучую фразу, из которой Окоёмов понял только слово «утро». Она отпустила его и, отодвинувшись на шаг, присела рядом.

Девчонка говорила по-бирмански. Но на каком-то плохо понятном Окоёмову наречии. Хотя, если честно, язык этих странных людей он понимал очень плохо и без помощи «балалайки» не смог бы и двух слов связать на бирманском.

И тут память, никак не желавшая отпускать Окоё-мова из ужаса цунами, которое мичман крейсера военно-морских сил России умудрился пережить каким-то совершенно мистическим образом, включилась как по мановению волшебной палочки. Черноволосая девушка, певучее воркование на бирманском, дождь, сплошным потоком падающий с неба. Выстрелы, Лейтенант, «номерной» отряд, убийство местных жителей...

Черноволосая местная девушка – он же убил ее, вонзив

тяжелый приклад «Патанга-28МА» в ее затылок. Как это, что с ним происходит? Окоёмов помнил, что с головой творилось что-то неладное, отсюда смазанность воспоминаний и образов. Может быть, он уже умер? Или…

Василий, не задумываясь, протянул руку и коснулся ладони девушки, с интересом разглядывающей его. Ее пальцы были холодными, Окоёмов непроизвольно отдернул руку. Девчонка почему-то засмеялась.

Что с ним, что происходит?! Труп убитой им узкоглазой метелки поливает его дождевой водой и смеется, нагло пялясь на ополоумевшего убийцу. Вокруг тихо, хотя только что вон там, справа, вздымалась гигантская волна, высотой до неба. Не хватало только шествия маленьких гномов, бредущих к своей Белоснежке. Или как этих созданий называют здесь, в Мьянме?

– Ты как… – Окоёмов никак не мог сформулировать вопрос. – Я же тебя… Ты что здесь…

– Узе у-т-ро, – коверкая слова, по буквам произнесла девчонка по-английски.

– Я знаю, – зачем-то подтвердил сказанное Василий. – Я же тебя того… вчера.

Окоёмов понял, в чем проблема – ему было стыдно признаться метелке, что это он ее убил. Хотя она вроде бы была вполне довольна своим нынешним статусом. И, более того, на вид она была весьма живой, никаких вудуистских фокусов с зомби. Впрочем, в зомби Окоёмов никогда не верил.

Нет, это какой-то бред!

Она явно не понимала, что он говорил. Сидела, наморщив лоб и вслушиваясь в его слова. Потом снова улыбнулась – чего они тут все время лыбятся? – и, ткнув себя в тощую грудь, сказала:

– Кхайе!

– Кхайе? – не понял ее Окоёмов.

– Кхайе Сабай, – подтвердила метелка, отчаянно кивая.

Ага, понятно. Это ее зовут так. Стало быть – будем знакомы.

– Василий. Василий Окоёмов.

– Угу, – промычала девчонка и улыбнулась еще шире. – Бэзил.

– Ну, Бэзил так Бэзил, – пробормотал Окоёмов, поднимаясь на ноги.

Лежа было лучше. Во всех отношениях. Густая зелень перед глазами мгновенно поплыла, в висках застучало, плотный и неприятный комок подскочил к горлу, заставив Окоёмова сильней сжать губы.

– Эй, эй! – закричала Кхайе и бросилась помогать Василию, но не успела.

Окоёмов рухнул лицом вниз, больно ударившись лбом о торчащий из земли корень. Что же с ним такое? В памяти всплывали воспоминания о бойне, которую «номерные» бойцы устроили вчера в деревне сородичей Кхайе. Или это было уже не вчера? Еще он помнил, как весь мир стал как будто ненастоящим, пластмассовым. Окоёмов связал странное состояние с атмосферным электричеством, но теперь светило солнце и никакого электричества не было. А с головой все еще не ладилось.

– Что со мной? – скорее сам у себя спросил Василий.

– Угара, – сказала метелка.

– Что? – не понял Окоёмов.

Девушка показала на закатанный правый рукав Окоё– мова, потом сделала плавное движение рукой, покачав ею из стороны в сторону, и повторила:

– Угара.

– Змея, что ли?

Кхайе еще раз ткнула Василия пальцем в правое предплечье. Теперь он почувствовал, что место, куда показывает девушка, неприятно ноет, а пальцы на этой руке немного онемели и слушаются хуже, чем с левой стороны.

– Змея…

Ответом короткий кивок.

Значит, все так просто – его укусила змея. На коже предплечья заметен небольшой надрез, вокруг которого кожа покраснела и опухла. Это не след от укуса, это Кхайе пыталась его лечить. Он жив, стало быть, у нее получилось. И не было никакого атмосферного электричества, и «джьяду гумра» совсем ни при чем. А он понапридумывал себе. Только вот как быть с убийством ни в чем не повинных бирманцев?

– Ты говоришь по-английски?

Кхайе поджала губы.

– Тусь-тусь, – выпалила она и тут же поправилась: – Тсють-тсють.

– Я понял, – улыбнулся Окоёмов.

Василий ощутил, что безумно проголодался. В животе сосало с такой силой, словно желудок был готов поглотить что угодно. Хоть крокодила, хоть мешок листвы с ближайшего дерева. Но, если удастся отыскать рюкзак, можно позавтракать и нормальной едой – там оставался рацион на несколько дней.

– Мой рюкзак, – Окоёмов показал руками за спину, – мешок. Где?

Кхайе кивнула и скрылась за ближайшим кустом. Только теперь боец обратил внимание, что все это время они сидели под

плотным навесом, сложенным из листьев. Что-то вроде кособокого шалаша. Со всех сторон место ночлега окружал кустарник и невысокие деревья. Только зеленый цвет, куда ни глянь. Деревни видно не было.

Да была ли эта деревня вообще?

Девчонка вернулась раньше чем через минуту. На ее лице снова, как приклеенная, нарисовалась улыбка, а в руках она держала рюкзак Окоёмова.

Паек из рациона был цел. Больше десятка сублимированной синтетики, упакованной в герметичную упаковку. В рюкзаке лежала и пластиковая бутыль с водой, но воды сейчас вокруг предостаточно, так что стоит поберечь запас. Хорошо бы еще воду нагреть.

Зажигалка лежала там, куда Окоёмов ее положил – в одном из многочисленных карманов брюк. Боец зажег ее, завороженно глядя на маленький голубой огонек, потом погасил пламя. Горячая вода – это хорошо, но прежде чем дымить костром, неплохо бы разведать обстановку.

Василий разорвал серебристую упаковку пайка, плеснул внутрь воды с ближайшего глянцевого листа и через пару минут вытащил суховатый – жидкости следовало наливать больше – набухший брикет желто-серого оттенка. Оторвал половину и протянул кусок Кхайе. Девушка, не задавая лишних вопросов, взяла еду и сразу же откусила чуть не половину. Она явно была голодна.

Вкус у пайка был так себе. Точнее, вкуса как такового не было, только «соль и специи», чтоб в горло пролезло. Но калорий эта жратва давало много, Василий успел убедиться.

– Зачем ты меня спасла? – задал вопрос Окоёмов, не переставая жевать. Спросил обыденно, как будто спрашивал о погоде или справлялся о здоровье собеседника.

– Тебя кусать угара. Змея.

– Угу. Но я же тебя, – нет, он никак не мог произнести слово «убить». Он только постучал себя по затылку.

Но ведь он, черт возьми, помнил хруст проломившегося черепа, видел, как девчонка рухнула на пол. Дальше он не помнил ничего, потому что в следующее мгновение крыша хижины свалилась Окоёмову на голову. Или это была другая девчонка – местные все на одно лицо? Да нет, лицо метелки он тоже видел вполне отчетливо и запомнил его хорошо.

– Кто-нибудь уцелел?

– Ты спас меня.

Кхайе ошарашила Окоёмова ответом. Сомнений, что девчонка что-то перепутала, не было – она очень четко и понятно

дополнила слова жестами.

– Как?!

Факты решительно не сходились. Кстати, а где его автомат? Окоёмов зашебаршил вокруг руками и тут же наткнулся на утонувший в палой листве лесной подстилки «Патанг». Автомат был на месте, Кхайе даже не попыталась обезоружить Василия. Хотя, если ей верить, он вроде бы ее спас. Да и «Патанг» заклинило, это Окоёмов тоже помнил.

– Как? – повторил вопрос бывший мичман.

Кхайе показала глазами на автомат, потом, перехватив пищевой брикет одной рукой, свободной сделала движение, будто била кого-то прикладом. Кого тогда убил Окоёмов, если не метелку?

– Большой мужчина… пух-пух, а ты ударил. Я жива, – коверкая слова, объяснила девчонка.

Василий зажмурился, пытаясь привести мысли в порядок. Мысли застыли и становиться по им положенным местам отказывались. В голове творился какой-то статический кавардак, словно мысли перевернулись вверх дном, перемешавшись и обменявшись кусками, и вмерзли в гигантскую льдину в самом апогее внутричерепного веселья.

Он вышел на раскисшую под дождем тропинку, являющуюся единственной улицей маленького поселка, состоящего из десятка ветхих покосившихся хижин, построенных на сваях. Собственно, и не на сваях даже, а так – на торчащих палках. Потом в него стреляли – кто это был, Окоёмов не разобрал в темноте и суматохе, но кто-то из своих. Но не попали. Потом он, наравне с остальными, врывался внутрь покосившихся домиков и расстреливал…

Вот тут был сбой – того, кого расстреливал, он не помнил. Ни молящих о пощаде живых, ни окровавленных трупов.

Но помнил Василий, что собирался рассказать о мине, которую поставил Лейтенант. Поставил для них – как ставит охотник капкан у волчьей норы: зверь не пройдет мимо. И он говорил, только никто не слушал. Потому что все стреляли, когда он говорил. Говорил, а не стрелял.

А потом была Кхайе. То есть это теперь он знал, что она Кхайе, тогда она была просто узкоглазой метелкой, напуганной и жалкой, в мокрой, прилипшей к тщедушному телу одежде. Она закрывала голову руками, как будто таким образом можно спастись от пуль, выпущенных практически в упор. Но она не кричала. Она просто ждала, когда безжалостный кусок металла вышибет ей мозги. А кричал…

Окоёмов почти вспомнил, кто издавал тот противный

монотонный вой, но его оборвал резкий, не терпящий возражений вскрик:

– Живо! Оба – руки за головы, мордой в землю!

Василий на всякий случай отбросил заклинивший автомат в сторону и упал лицом в листву, закинув руки, как просили. Он узнал этот голос, от него шуток ждать не приходилось.

Глава 15

Страшно не было. Совсем. Когда Мыш осознал изображение, выжженное на сетчатке острым светом молнии, в голове уже сложился четкий план действий. Самый важный талант ломщика – умение быстро и, главное, эффективно сворачивать операцию, если возникла угроза. Почувствовать, когда пора, обратить внимание на не имеющие на первый взгляд никакого значения знаки – за это несла ответственность интуиция. А без интуиции ломщика попросту нет. Хорошие ломщики могут многое сломать, могут добыть ценную и надежно защищенную талантливыми машинистами информацию. Очень хорошие ломщики могут не только добыть данные, но и гарантированно унести ноги. В лучшем варианте – не оставив следов.

«Раллер» включаться не хотел. Батарея сдохла почти полностью, осталось три процента емкости, с которыми аккумулятор расставаться отказывался категорически. Его можно заставить пожертвовать собой – если «железо» компьютера высосет последнюю энергию, батарея больше не сможет заряжаться, – но для этого нужно запустить систему хотя бы на десяток секунд.

Старый дедовский способ помогал не всегда. Но других вариантов не было. Мыш отстегнул батарею, несколько раз сильно ударил пластиком о деревянный край стола и воткнул аккумулятор на место.

«Раллер» мгновенно пробудился, на экране по-прежнему висело окно с цифровым лабиринтом. Так, это немедленно остановить – лабиринт жрет слишком много энергии. Семь процентов, но это обман. Не пройдет и пары минут, как проценты растают без следа.

Движения Мыша предельно точны и быстры. Каждая рука занимается собственным делом. «Раллер» пока в работе, выполняет директивы, отданные ему хозяином.

Шесть процентов.

Правая рука стремительно цепляет периферию к слотам компьютера, левая – вытаскивает флакончик с прозрачной жидкостью, откручивает крышку. Маленькая темная комната наполняется резким, щекочущим ноздри запахом. Хочется чихать, но организм настолько занят, что соглашается подождать какое-то время. Только на глаза наворачиваются слезы.

В сумку, словно по мановению волшебной палочки появившуюся на столе, летит все, что могло иметь отношение ко взлому сетевых серверов. Все, в чем можно заподозрить

имущество ломщика. Только подозрения, никакой информации – слоты «раллера» задействованы неспроста, компьютер послушно уничтожает все, что можно назвать следами. И копирует данные, сохраняет лабиринт.

Все, копирование завершено. Маленький, чуть больше сантиметра, носитель. Куда его? Руки впервые замерли, не зная, что делать. Выход есть, только не хочется этого делать. Неприятно. Все равно это не метод – если обыскивать станут профессионалы, найдут непременно. Оставить и вернуться? Нет уж – здесь они перевернут все вверх дном.

Вторя раскатам грома, с улицы, где продолжал хлестать дождь, донеслись звуки первых выстрелов. Именно первых – будут еще, до тех пор, пока стрелять станет не в кого.

Нужно спешить. Четыре процента зарядки.

Пальцы давят в клавиши с такой скоростью, что перестает быть понятно, касается плоть пластика или просто порхает в воздухе, не притрагиваясь к компьютеру. Но верный «раллер» успевает за действиями хозяина – еще бы, внутри два «поплавка». Окна и служебные сообщения на экране всплывают и исчезают так быстро, что взгляд не успевает их ухватить. Не страшно, Мыш знает их содержимое наизусть.

Прости, верный друг, но придется расстаться. К сожалению, навсегда.

Средний палец правой руки замирает на мгновение над клавишей «enter». Четверка мгновенно сменяется тройкой, система снова готова отключиться, чтобы спасти умерший уже аккумулятор. Она еще не поняла, что батарея не возродится к жизни. Она никогда не узнает, что прежде, чем аккумулятор испустит последний вздох электрического заряда, ее самой уже не станет.

Палец падает на «enter», пластик тихонько трещит – за выстрелами, сливающимися в сплошной стрекот, никаких звуков внутри хижины не слышно, – и клавиша остается вдавленной внутрь «раллера» навсегда. Кулеры и фризеры внутри корпуса мощной машины взвывают в последний раз, расходуя последние крохи жизни батареи. Если бы песня смерти, звучащая за окном, затихла хоть на миг, тихие хлопки, с которыми сгорели оба «поплавка», стали бы хорошо слышны.

Экран погас, биоорганическая матрица еще несколько мгновений хранит образ служебного сообщения не существующей теперь системы и становится черной, как безлунная ночь. Все.

Почти все. Остались дела здесь, в реальном мире. Теперь связи с Цифрой нет, только аналоговый мир, полный ошибок копирования. Несущий смерть от летящих быстрее звука кусков

металла.

Резко пахнущая жидкость, рассеянная пульверизатором, равномерно покрывает черный пластик. Закрыть крышку и прыснуть еще. Остаток – чтобы обработать сумку, в которой уже лежит чистый «раллер». Абсолютно чистый, и внутри и снаружи. Это уже не компьютер, только привычка заставляет называть прямоугольный кусок пластмассы со щепоткой редкоземельных металлов внутри «раллером». Мозг привык оценивать и выбирать по схожести форм, а не по функции.

Теперь осталось только выйти – быстро и незаметно. И очень желательно не поймать первую же, пролетающую мимо пулю.

Все данные уничтожены. Все, кроме лабиринта, присланного Безликим Призраком. И еще одной вещи, за которой пришлось вернуться назад в дом. Неправильный ход, потому что... Но проблему удалось решить, как будто вмешались высшие силы.

Сумка с мертвым «раллером» и опустошенными носителями упала в предназначенное ей укромное место. Крышка опустилась сверху – выглядит вполне естественно, совсем незаметно. Пускай поищут. Пока они не найдут, у Мыша будет запас времени – никто не может быть уверен, что ломщик находится здесь. И не факт, что пришли именно за ним.

И оставалось еще одно дело. Чтобы обезопасить себя, иногда приходится проявить заботу о других. Так часто бывает...

Мыш смотрел в чистое голубое небо и улыбался. Слегка, чтобы не вызывать подозрений.

Вчерашний тайфун унесся прочь, оставив горы принесенной сверху грязи и поваленных деревьев. Природа очищалась от старой жизни, чтобы заполнить место новой, молодой порослью. Молодое всегда наглое, оно прет даже там, откуда его пытаются вытравить всеми силами. Жизнь и молодость все равно займут пустующее пространство, вытеснят старое и гнилое, каким бы огромным оно ни казалось.

На растрескавшемся стволе упавшего дерева совсем скоро появятся первые ростки. Трухлявый ствол еще долго будет лежать здесь, напоминая о былом величии раскидистого дерева, но его труп – лишь внешний эффект. Править бал здесь отныне будут молодые побеги. А спустя годы все повторится сначала.

Мир обновлялся. Цифра становилась другой, Мыш это чувствовал. И тогда, когда подключался к сети, и сейчас – вернувшись в колыбель, откуда вышел он сам, в мир, частью которого по-прежнему является. Пусть этот мир неточен и неподвластен чистому разуму, пусть здесь все решает сила, а не ум – это родина человечества.

Умирающий мир, на растрескавшемся подобно стволу

трухлявого дерева трупе которого уже выпустили первые листочки новые ростки. Мало кто это замечает, но когда юная поросль взойдет, когда листочки окрепнут, новую жизнь будет не остановить.

Открытым оставался вопрос, какую роль во всем этом играет Безликий Призрак? «Мы изменяем мир». Не эту ли самую поросль он имел в виду?

Сейчас, глядя на муравьев, плотным строем бегущих по влажному, разорванному собственной массой стволу рухнувшего в грязь гиганта, Мыш склонялся к мысли, что Призрак говорил о чем-то подобном.

Всего лишь вчера ломщик ни о чем таком не задумывался. У него был мир Цифры, он управлял судьбами мира. Он пытался решить загадку лабиринта, отданного ему Безликим. Вчера этот мир был безразличен Мышу.

Сегодня все изменилось. Оказывается, иногда полезно посмотреть на мир другим, не привыкшим к его видам и все еще способным удивляться взглядом. Взглядом, восхищающимся невероятно старым, но до сих пор таким новым реальным миром.

Мыш знал, что ответить Призраку. Он почти решил задачу – сложный программный алгоритм, оказывается, и не требовал никакого решения. Он нуждался только в понимании. Или это не совсем правильный термин? Да, скорее он нуждался в *соучасти*.

Ломщик не знал, как это осуществить. Если честно, он вообще не очень-то понимал, что все это значит. Но при этом был уверен в правоте принятого решения. Разгадать секрет алгоритма помог не «раллер» с быстрыми «поплавками» внутри. Ключом стало вот это дерево, эта трава, эти листья, с которых еще продолжала капать вчерашняя влага. Этот мусор, застрявший среди густого подлеска.

Ответ скрывался внутри головы самого Мыша. Теперь это не вызывало никаких сомнений. Только Мыш не знал, возможно ли этот ответ достать оттуда, заставить его работать. Знал ли решение проблемы Безликий Призрак? Можно ли спросить у него самого?

Правда, теперь появилась одна проблема. Слишком большая, чтобы махнуть на нее рукой – Мыш лишился связи с заказчиком. И пока никаких перспектив на скрытом густой ярко-зеленой листвой горизонте не намечалось.

Глава 16

Старший лейтенант Шрипати Гопал пребывал в странном настроении. Не сказать, что он был не в духе, но от счастья тоже не светился. Старлей страдал от отсутствия комфорта, слабое подобие которого имелось в расположении его части, входившей в состав Северо-Западной Территориальной Армии Индии. Недоразвитые местные, которых согнали в эти леса, чтобы обустроить место дислокации батальона, не смогли сделать даже нормального сортира. Что уж говорить о казармах, которые в исполнении узкоглазых недоумков больше походили на шалаши-переростки. Совсем рядом, километрах в десяти, располагался городок Нонгуин, но начальство отчего-то решило, что дислоцироваться нужно в лесу. Странное решение, но Гопал привык не обсуждать мнение начальства.

Но в то же время Гопал был доволен появившейся возможностью заняться настоящим делом, а не просиживать штаны в расположении части.

Радиоактивный фон, который в этих краях превышал допустимые нормы в разы, конечно, вызывал опасения. Тем более что старлей имел далеко идущие планы, в которых создание семьи и рождение целого выводка детишек стояло на одном из первых мест. Но все же заняться настоящим делом было приятно.

Гопал регулярно совершал агнихотру[18] – и дома, и здесь, в джунглях. Поэтому радиации боялся не слишком, надеясь на помощь богов, – старлей еще в детстве узнал историю двух семей из Бхопала, не только оставшихся в живых, но вообще никак не пострадавших во время аварии на химическом производстве в 1984 году. Никакой иной причины чудесного спасения, кроме того, что в обоих домах совершали агнихотру, не было.

Кто был инициатором этой странной вылазки в мьянманские горы, старлей не знал. По рангу не полагалось. Его делом было искать какую-то траву и лаборатории по производству наркотиков. Еще начальство недвусмысленно приказало обращать внимание на все, что хоть каким-то боком могло иметь отношение к сети.

Гопал слышал, что идея исходит от безопасников. Поговаривали, что от самого генерала Лала. Муж младшей сестры Шрипати, служивший в штабе, утверждал, что до него доходили подобные слухи.

Приказ, связанный с сетью, казался Гопалу полнейшим сумасшествием. «Балалайку» в этих краях смело можно вынуть из гнезда, потому что надобности в чипе не было никакой. Просто за

полным отсутствием сигнала.

Гопал бывал в Мьянме несколько раз. Уже после Пралайи ему по службе довелось посетить Нейпьидо – эту потрепанную землетрясением деревушку, которую бирманцы настойчиво называли столицей. Сетевого сигнала не было и там, что уж говорить про девственные непролазные джунгли.

А вот в организованные производства наркотиков старлей как раз верил. Он знал о том, что откуда-то из этих краев в Индию привозят новое наркотическое зелье со странным бенгальским названием.

– Пошевеливайтесь! – прикрикнул Гопал на солдат, вяло ковыряющихся в горах бетонной крошки, перемешанной со всевозможным хламом.

Секунды сменяли одна другую неуклонно. Гопал знал, что на самом деле времени нет, как нет и мира, все, что он видит вокруг, есть лишь мимолетная мысль всеобъемлющего Брахмана. Но самому Шрипати довелось родиться человеком, малой толикой великого Абсолюта, и для него секунды значение имели. Как имело значение и количество полученной радиации – как бы ни помогала агнихотра, а с маленькими проблемами справиться проще, чем с большими. Даже богам.

Две разрушенные двуглавые башни завода корпорации «Фарма 1» торчали среди леса обугленными головешками. Черные языки тянулись из разбитых окон вверх, словно по стенам тек черный поток прямо в небеса, наплевав на законы гравитации. Пожар мог случиться и давно, в этих местах трясло основательно, но старлей догадался сразу, что горело несколько дней назад – кое-где бетон стен был еще теплым, а запах гари все еще оставался слишком сильным. И огонь возник не сам собой, его принесли сюда люди.

На четвертом этаже более целой башни, где, судя по всему, находился очаг возгорания, они нашли обгоревшие останки нескольких человек и осколки какого-то оборудования. Точно сказать старлей не мог – слишком уж сильно все здесь выгорело, – но похоже, что именно тут и находилась та самая лаборатория, какую ему надлежало искать. По производству наркотиков.

Образцов самого наркотика не было. Равно как и уверенности, что предположение соответствует истине. Все, включая бетонные стены, обуглилось и оплавилось до такой степени, что больших сомнений в причине пожара не возникало. Гопал видел подобное, такие следы оставались только после использования напалстера.

– Ищите хорошо!

Старлей прохаживался по обугленному коридору, размышляя о том, кому могло понадобиться жечь здесь все напалстером. Существование завода «Фармы 1» на севере Мьянмы не являлось секретом. Также не было секретом и то, что корпорация эвакуировала отсюда сотрудников в первые дни после Катастрофы. Выезжали в спешном порядке, сначала на автомобилях, потом, когда стало известно об аварии на китайской АЭС, а спустя полдня дорога, что вела на территорию Поднебесной, и вовсе провалилась в земные недра, – на вертолетах. Многие погибли.

Эвакуация, надо думать, обошлась «Фарме» в копеечку. Старлей был далек от мысли, что корпорация из кожи вон лезла ради спасения сотни сотрудников. Или сколько их тут было? Они спасали что-то еще, вывозили оборудование и данные, которые, по их мнению, не должны попасть в чужие руки. Ни в коем случае не должны. Что же они здесь скрывали?

Гопал вышел из темной и жаркой башни. Снаружи дышалось легче, хотя смрад пожарища ощущался и здесь. Старлей посмотрел на небо – снова собирался дождь, тучи темнели прямо на глазах. Может, это и к лучшему. Смоет радиоактивную пыль и химическую вонь сгоревшего колосса «Фармы», которой, казалось, пропитались легкие.

Ему было велено обращать внимание на все, что могло иметь отношение к сети. Вряд ли подполковник Рабинда имел в виду обломки вон той антенны, что смятой, словно пластилин, колбасой лежали среди нагромождения остатков рухнувших верхушек башен. Вот здесь сеть работала, раньше. Интересно, какую площадь покрывал сигнал завода? Судя по высоте, на которой стояла антенна, довольно большую. Хотя подключиться к корпоративной сети в лесу все равно было некому.

Сейчас ничего не работало. Даже если бы антенна оставалась на своем месте, это ничего не изменило бы. Электричество в обгоревших и оплавленных проводах башни исчезло еще до эвакуации, сразу после первых толчков, когда рванула атомная станция у китайцев с той стороны возвышающейся справа горы.

– Эй, стой! – крикнул Гопал солдатам, выносящим через дверной проем, давно лишенный дверей, один из обугленных трупов.

Старлею нравилось ощущать свою власть. Здесь он был царь и бог. Капитаны, майоры и подполковник Рабинда остались в тридцати километрах к западу, во временном лагере, старательно изображая из себя гражданских. Туристов, что ли? Не важно, легенду по этому поводу никто не придумывал, просто руководство не хотело, чтобы по Мьянме поползли слухи, что в

стране появились индийские военные.

– Да, господин старший лейтенант, – солдаты уронили труп на землю, вытянувшись в струнку.

Гопал подошел поближе, взглянул на то, что они уронили – маленький скукоженный огарок, бывший когда-то человеком. Возможно, совсем недавно, пока о времени смерти этого несчастного можно только гадать. Именно для того, чтобы пролить свет на события, происходившие здесь, они и забирают трупы с собой. Во временный лагерь. Дальше не его, старшего лейтенанта Гопала, дело.

– Вы нашли какую-нибудь электронику? Компьютеры, «балалайки», «раллеры»?

– Никак нет, господин старший лейтенант!

– Плохо искали, – пробормотал Гопал и, натянув респиратор, нырнул внутрь башни.

Солдаты, которым старлей не отдавал команды продолжать работу, постояли немного, изображая из себя саму покорность, и после того, как начальник скрылся из вида, понесли вещественные доказательства дальше.

Не могло ничего не остаться. Не так тут много напалстера, им не выжигали, просто разлили немного, чтобы пламя занялось получше. Скорее всего, облили трупы, но и от них остались головешки. Не факт, правда, что медики смогут что-то узнать, ковыряясь в угле. Должно остаться, должно.

Гопал обходил коридоры четвертого этажа, внимательно рассматривая стены и потолок. Идти на другие этажи смысла нет, там явно ничего не изменилось со времен Пралайи. Возможно, те, кто варил здесь «джьяду гумра», вообще не поднимались выше четвертого этажа.

Боги часто вознаграждают людей за упорство. Ведь вода точит камень не силой, а частотой падения – эта истина известна с древнейших времен. И теперь усилия Гопала не прошли даром.

– Рядовой! Иди сюда!

Солдат, путаясь в складках костюма радиационной защиты, подошел к командиру.

– Здесь, господин старший лейтенант.

– Что там, наверху? Видишь, за колонной?

Гопал заметил какой-то черный нарост, торчащий из бетона опорной колонны. До того как здесь похозяйничал огонь, этот черный, прилепившийся к стене пупырь, как гриб на стволе дерева, скорее всего, имел четкие прямоугольные формы, сливаясь с прямыми углами колонны. Но огонь оплавил края, выдав спрятанную вещицу.

– Где, господин старший лейтенант?

Солдатик щурился, безрезультатно пытаясь понять, о чем говорит Гопал. Деревенские недоумки! Сам не проверишь, ничего не найдут. В упор ничего не видят.

– Вот, – старлей показал рукой. – На колонне сбоку, черное. Оплавившееся.

– Не могу знать, господин старший лейтенант!

Он сделает все, что прикажет Гопал, старлей это знает. Солдаты его боятся. Потому и работают, как положено.

– Достаньте это, – сказал Гопал и пошел вниз. Коридор закончился, больше здесь искать нечего.

Время истекло. Пора уходить.

Они принесут все, что удалось найти, а потом руководство решит, нужно ли возвращаться на завод еще раз. На самом деле, если хорошо искать, найти здесь можно еще немало. Вряд ли корпорация смогла вывезти все до последнего, что-то наверняка осталось. Только даже старлей понимал, что появляться на территории корпорации слишком часто не стоит. Как ни крути, эта земля до сих пор принадлежала «Фарме 1», ссориться с которой в условиях, когда больше половины Индии страдает от эпидемий, было бы безумием.

Оплавленный нарост не обманул ожиданий Гопала. Когда старший лейтенант отодрал приплавившуюся крышку, под ней оказалась хорошо защищенная камера наблюдения с мощным аккумулятором. Объектив камеры оплавился во время пожара, из аккумулятора сочилась какая-то желтоватая жидкость, но старлей надеялся, что носители информации удастся восстановить.

Глава 17

– Нам это ничего не дает, – возразил полковник Су Тяньшу. – Что значит «присутствует вероятность, но нет достоверного совпадения»?

– Это значит, что трава является очень близким родственником того растения, из которого производят наркотик, – терпеливо объяснил биолог.

Совещание длилось третий час. Слишком много вопросов, слишком большая страна и слишком много проблем свалилось на его голову после встряски Перерождения. Проблем было предостаточно и раньше, но сейчас изменились приоритеты, а новое всегда требует более пристального внимания.

– Вы можете это вот сено, – полковник потряс зажатой в руке пожухлой травинкой, которую принес сюда ученый. Ту самую, что нашел майор Ли Ханьфанг на территории разрушенного завода «Фармы 1», – превратить в то, что мы ищем?

– Нет.

Ученый имел унылый вид. Похоже, он действительно много работал и устал – под глазами серые мешки, руки немного дрожат, на лбу испарина. Кроме того, ему явно надоело объяснять воякам то, что он, потратив несколько часов своего драгоценного времени, отразил в отчете. Открой его и почитай, в самом начале заседания загружен в «балалайки» всех присутствующих.

– Почему?

– Потому что мы не знаем, во что его нужно превращать. Если вы готовы предоставить нам хотя бы маленький фрагмент требуемого материала, тогда – пожалуйста. А так...

– Хорошо, товарищ, – сказал генерал Ши, – можете быть свободны.

Ученый, с трудом удержавшись от вздоха, покинул кабинет генерала.

– Итак, что мы имеем, полковник?

Су Тяньшу поднялся, одернул и без того идеально сидящую на нем форму и начал доклад:

– Данные исследования наглядно показывают, что добытый «Южной молнией» образец является близким родственником искомого растения. Биологи утверждают, что подобное растение науке неизвестно, это позволяет отнести его к искусственно созданным видам. Об этом же свидетельствуют и данные генетического анализа. Скорее всего, мутация изначального сорта продолжается, возможно, под действием повышенного радиационного фона. Мы запрашивали информацию у «Фармы 1»

по генокоду и назначению исходного образца, но ответа не получили. Корпорация не желает раскрывать свои секреты, даже с учетом того, что их могут заподозрить в намеренном создании опасного наркотика.

– Нота протеста?

– Это исключено, – мгновенно ответил генерал Ши, который до того сидел безучастно, покусывая сустав согнутого указательного пальца правой руки.

Генерал служил в МГБ давно. Настолько давно, что сразу не смог бы сказать, сколько точно лет. Опыт, который он получил на службе, позволял прекрасно ориентироваться в тонкостях дипломатии и безошибочно определять, когда нужно показать зубы в зверином оскале, а когда – в приятной улыбке.

С «Фармой 1» был второй вариант, особенно в нынешнее нелегкое время, когда собственная фармацевтическая промышленность не справлялась с возросшей потребностью в лекарствах. Да и технологии государственных компаний, что греха таить, сильно уступали корпоративным. Поэтому ссориться с «Фармой 1» не было никакого резона. И в корпорации это тоже прекрасно понимали.

– Продолжайте, товарищ полковник, – Ши кивнул замолкнувшему Су Тяньшу.

– Учитывая имеющиеся данные, есть все основания предполагать, что растение мутировало повторно, утратив свои свойства. Таким образом, не исключено, что продажа «джьяду гумра» на черном рынке прекратится сама собой.

– Не прекратится, – тихое замечание, брошенное пожилым человеком, сидевшим несколько поодаль от остальных, заставило всех обратить взоры в его сторону.

Мужчина был немолод и чуть полноват. Прямые седые волосы коротко стрижены и уложены на прямой, как стрела, пробор. Одет человек, заверивший, что «джьяду гумра» продолжит присутствовать на черном рынке, был в китель военного образца без каких-либо знаков отличия.

– Отчего вы так считаете, товарищ Фа? – поинтересовался генерал Ши.

Какую должность занимал товарищ Фа в МГБ, не знал никто. Скорее всего, потому, что ее попросту не существовало. Фа был символом, он был кем-то вроде старейшины, который занимался вещами странными и непонятными. К нему приходили за советами, иногда он давал советы сам.

Но авторитет товарища Фа в органах в последнее время пошатнулся. После той африканской истории, на которую Народная Республика потратила уйму средств, потеряла опытный

образец секретного орбитального истребителя и не получила ничего взамен. Однако старик продолжал работать в МГБ. Это было личное желание Председателя, оспорить которое никому не могло прийти в голову.

На нынешнее заседание Фа никто не звал. Обычно старик сам решал, когда и где ему появиться. Он сам решал, каким делом заниматься, а какое его нисколько не интересует. И теперь ничего не изменилось. За исключением того, что присутствие товарища Фа перестало вызывать прежний трепет, сменившись некоторым недовольством и раздражением. Но его присутствие здесь было решением Председателя. Ничего не попишешь.

– Уже сейчас на рынке слишком много подделок. Их легко отличить – настоящий порошок радиоактивен, большинство подделок – нет. Когда поток настоящего зелья иссякнет, его полностью заменят подделки. Мало кто пробовал настоящий «джьяду гумра», а новички вряд ли смогут отличить дурман от обычных наркотиков, от того, что дает бирманский порошок.

– Но… – начал было Ши, но товарищ Фа остановил его, подняв вверх вытянутый указательный палец.

Все это время старик говорил, уставившись на задернутое плотной шторой окно. Он словно бы разговаривал сам с собой, не обращая ни на кого внимания.

Генералу Ши не нравилось, что Фа проявляет интерес к его операции. Дело было даже не в наркотике – что такого необычного в попытке задушить нарождающийся рынок зелья нового образца? Генерала беспокоила теневая сторона операции «Южная молния», та, которая не значилась в официальных документах. Это была *его* операция, и генерал не собирался отдавать ее в чьи бы то ни было руки. Тем более в руки Фа, который облажался всего пару месяцев назад. Но… всегда существовали какие-нибудь «но».

– Дело не в торговле, товарищи, – многозначительно изрек Фа и наконец повернулся лицом к собравшимся. – Дело в самом наркотике. Вы все, я надеюсь, видели отчеты о действии порошка. Он не просто дурманит мозг и дает ему удовольствие. Он изменяет саму структуру мозга. Вспомните, с чего начиналась история с синдином.

– «Джьяду гумра» не обладает эффектом расширения сознания и увеличения скорости обработки информации. Это не… «динамит», – заметил полковник Су, смутившись от использованного им жаргонного названия средств, которыми злоупотребляли машинисты и ломщики.

Фа усмехнулся.

– Вы не туда смотрите, товарищ полковник. Равно как все

остальные.

Старик поднялся, поправил сморщившуюся на пухлом животе форму и, заложив руки за спину, ровными размашистыми шагами, словно хотел замерить габариты кабинета, направился к выходу. У двери он остановился и, прежде чем открыть ее, не оборачиваясь, сказал:

– Подумайте на досуге, что работает быстрей: компьютер с одним мощным процессором или машина с чипами попроще, раз в пять слабей, но с десятком таких внутри.

После этого он вышел, плотно закрыв за собой дверь. В кабинете послышался облегченный вздох – Фа многие опасались всегда, но после провала в Африке его стали откровенно недолюбливать. Хотя генерал Ши поймал себя на том, что продолжает испытывать к старику какое-то природное, неискоренимое ничем, уважение.

– Товарищ Фа прав – мы не должны спускать дело на тормозах, – сказал Ши. – Если у нас есть такая возможность, мы обязаны найти ответ.

– Да, разумеется, – от собравшихся донесся невнятный гул одобрений.

– Предлагаю перейти ко второму вопросу.

Слово взял полковник, курирующий машинистов:

– Наш отдел повторно проверил данные. Вероятность почти стопроцентная – сигнал исходил с севера Мьянмы, причем распространялся по старой версии сети. Поскольку на сегодня мы точно знаем, что сетевое подключение в пределах территории завода «Фармы 1» невозможно, иного варианта, чем наши старые серверные станции, нет. Особенно, если учесть тот факт, что линия, оставшаяся еще с эпохи Больших Нефтяных Войн, запитана до сих пор. Об ошибке энергетиков, подключавших резервную линию в провинции Юньнань, теперь известно всем.

– Мог ли кто-нибудь наладить доступ заново?

– Кто? В Мьянме нет ни специалистов, ни оборудования, чтобы создать подключение.

– Индусы?

– У них есть ресурс. Только непонятно, для чего бы им понадобилось перебрасывать оборудование в джунгли, чтобы провести испытания.

– Мы уже неоднократно обсуждали эти вопросы, – остановил спор генерал Ши. – Сейчас необходимо найти то, что оставило в сети след, а не рассуждать, кто бы мог подключить устройство в пределах заданного района.

Они все горазды спорить и выражать сомнения по поводу того, что не имеет иного варианта, кроме уже найденного.

Правильно делают, Ши сам их всегда учил поступать именно так, но всему должен быть предел.

– Вы выяснили принцип работы устройства?

– По имеющимся данным – в общем-то, достаточно сомнительным и расплывчатым, – сделать это с большой точностью невозможно. Но совершенно точно можно сказать, что скорость этого процессора превосходит самые мощные образцы «поплавков» в десятки, если не в сотни раз. И принцип его работы должен разительно отличаться от всего известного нам оборудования.

Это новая информация, в первых отчетах говорилось только о скорости.

– Из чего вы сделали такой вывод? – вопрос генерала был скорее риторическим, ибо он мало смыслил в тонкостях компьютерных технологий. Но полковник ответил:

– Зарегистрированный нами «резонанс» при детальном изучении оказался несколько иного свойства, чем от обычных «поплавков». Он вызывает образование пустот в атомарной структуре некоторых чипов, они обратимы, но именно это свойство и позволило нам засечь подключение процессора. Пока мы не поняли, как формируются эти пустоты, но...

– Хорошо, – прервал рассказ машиниста генерал. – Но вам удалось локализовать этот... «пустотник»?

Генерал Ши произнес слово, первое, которое пришло ему в голову, не задумываясь, что, возможно, это название будет использовать весь мир еще долгие годы.

– Извините, генерал, но мне хотелось бы услышать ответ на этот вопрос от вас.

К разговору подключился генерал Рин. Рин предлагал свое решение вопроса, он был сторонником радикальных решений, но выбор пал на Ши, который склонялся к мирному и, главное, тихому варианту.

– Мне известно, что особый отряд группы «Южная молния» успешно добрался до района, где находятся три временные серверные станции, созданные Народной Республикой во времена Нефтяных Войн. Но в настоящий момент связь с майором Ли, отвечающим за непосредственное руководство операцией «Южная молния», отсутствует. Надеюсь, что нам удастся восстановить контакт в самое ближайшее время.

Рин кивнул, не сводя с оппонента жесткого взгляда. Его лицо выражало вселенское спокойствие и безмятежность Будды, однако Рин все же не удержался от колкости в адрес Ши:

– Конечно, если майор Ли сочтет нужным поставить вас в известность после того, как... «пустотник» окажется в его руках.

Генерал Ши сделал вид, что не заметил замечания Рина. Он верил Ли Ханьфангу, знал майора с лучшей стороны и всецело доверял ему. Но сеанс связи на самом деле задерживался. Хотя докладывать об установленных сроках Рину генерал Ши не планировал в любом случае.

– У нас появилась другая проблема, – решив сменить тему, сказал Ши. Включившийся по команде с «балалайки» генерала голографический проектор отобразил объемную карту местности прямо посреди просторного кабинета. – Примерно в пятидесяти километрах от наших серверных станций, в городке под названием Нонгуин появилось вот это.

Голограмма, демонстрирующая покрытые зеленью горы, укрупнилась, и среди тропических лесов показалось серое пятно небольшого городка. Но стрелка, которая перемещалась, повинуясь движениям пальца генерала Ши, указывала не на городские постройки. Ярко-белый указатель застыл на нескольких желто-зеленых прямоугольниках, расположенных неподалеку от границы городка.

– У нас есть все основания подозревать, что в районе появились конкуренты. Вероятнее всего – индусы.

– Официальные данные?

– По официальным данным, на север отправилась геологическая экспедиция, инициированная лично президентом Мьянмы Райн Тайном. Они якобы ищут нефть, которая, по заверениям ряда специалистов, могла появиться в пределах некоторых территорий после серии землетрясений и подвижек в земной коре. Северная Мьянма – один из регионов, которые они называют.

– Все ищут нефть, – усмехнулся Рин. – Мы тоже.

– Именно так, генерал, – улыбнулся в ответ Ши, демонстрируя дружбу и единство госбезопасности. – Но возможности Мьянмы нам хорошо известны: они совершенно неспособны организовать подобную экспедицию.

Генерал на секунду замер. Ему в голову вдруг пришла странная мысль: старик Фа внимательно слушал обсуждение ситуации с наркотиком, названия которого Ши никак не мог запомнить, даже высказал мнение, а процессором, гипотетические характеристики которого превосходили все мыслимые пределы, не заинтересовался совершенно.

Глава 18

Восемнадцатая не пошла к месту общего сбора. Во-первых, у нее были свои дела. Во-вторых, несмотря на шум грозы и грохот автоматных выстрелов, заглушающих даже вопли узкоглазого отребья, которое расстреливали опьяневшие от крови бойцы, она слышала, что пробормотал пришедший из леса четырнадцатый. Наверное, он думал, что орал во все горло, но на деле услышать его слова можно было только стоя рядом с ним и сильно прислушиваясь.

Восемнадцатую насторожило то, что четырнадцатый вернулся один. Без этого черномазого придурка – восьмого. Ведь ушли они вместе. Именно это обстоятельство и заставило ее обратить внимание на бормотание четырнадцатого.

А теперь они снова встретились. Неожиданно – она не искала сослуживцев, теперь уже бывших, намеренно. Да и встречаться случайно большой охоты тоже не испытывала.

– Живо! Оба – руки за головы, мордой в землю! – выкрикнула она, заняв удобную для стрельбы позицию.

Четырнадцатый среагировал молниеносно, тут же отбросив в сторону свой автомат, который неудобно держал за ствол, и рухнул, словно застреленный. Девка, что была вместе с ним, оказалась менее сговорчивой. Ей пришлось повторять дважды, хотя даже после второго раза она двигалась медленно, явно пытаясь рассмотреть, кто отдавал команды из-за спины.

Тупая курица. Какого черта четырнадцатый потащил ее за собой?

– Что вы здесь делаете?

Вопрос, конечно, идиотский, но необходимо как-то обозначить свое присутствие. Не стоять же, в самом деле, столбом с автоматом наперевес и молча пялиться на грязные спины этих двоих.

– Восемнадцатая, – тихо произнес мужчина.

Она не поняла интонации – он не то был доволен встретить в джунглях кого-то знакомого, не то убедился в правильности своей догадки. А может быть, сетовал, что судьба снова свела их вместе. Впрочем, наплевать, ей без разницы, что там удумал себе четырнадцатый.

Четырнадцатый, восемнадцатая... Они просто числа. Не люди, а пометки в ячейках какого-то неведомого им массива информации. Всего лишь данные, которые можно посчитать, прибавив или отняв. Можно разделить. А можно – стереть без следа. Именно это и намеревался сделать Лейтенант. Собственно,

он выполнил задуманное.

Судя по всему, все, кроме нее и четырнадцатого, вернулись к последнему месту базирования. Закончив уничтожение свидетелей, бойцы прошерстили деревню в надежде поживиться нехитрым барахлом узкоглазых. Живиться тут оказалось нечем, бойцы ушли злые, кто-то от досады даже выстрелил несколько раз в давно уже мертвое тело. Они ушли в лес, туда, где расстались с Лейтенантом, которому больше не были нужны.

Лейтенант, похоже, получил то, за чем пришел в джунгли. Только восемнадцатую мало интересовали планы Лейтенанта. Ее больше занимало собственное дело, которое до сих пор оставалось невыполненным.

– Чего разлегся, поднимайся! – бросила она четырнадцатому, в полном соответствии с приказом сложившему руки на затылке и уткнувшемуся носом в прелую листву.

Мужчина неспешно, будто у него затекли все конечности, поднялся, придерживаясь о хлипкую подпорку, державшую какое-то подобие навеса, сооруженного над лежанкой из крупных, уже успевших пожухнуть листьев. Навес угрожающе зашатался.

– Руки держать на виду! – выкрикнула восемнадцатая и отошла на шаг, опасаясь, что пленник завалит навес ей на голову. – Не трогать ничего своими лапами!

– Тихо, тихо, восемнадцатая. Я же просто встаю. Голова кружится.

Он поднял руки вверх, растопырив пальцы, и замер, ожидая дальнейших указаний. Четырнадцатый опустился на колени, оставшись повернутым к ней спиной.

– Поднялся, и молодец. Вот так и сиди, – уже тише произнесла она, не сводя глаз с пленника. Девка вроде бы лежала тихо и не шевелилась, восемнадцатая видела ее на периферии поля зрения.

– И что?

– Что?

– Долго так сидеть?

Да пристрелить обоих к чертовой матери!

– Ничего, посидишь. Ты тут какого лешего делаешь?

Четырнадцатый усмехнулся.

– Наверное, примерно такого же, что и ты. Собираюсь попытаться выйти из леса.

Много ты знаешь, что я тут делать собираюсь.

Откуда-то справа из густой зелени, сплошной темной стеной поднимающейся прямо от самой земли, послышался шорох. Неприятный звук. Кто там? Зверь? Или человек? Второй вариант хуже, но и первый тоже не подарок. В любом случае ей придется

отвлечь внимание от этих двоих – неизвестно, что они могут выкинуть.

– Ты зачем девку с собой притащил?

– Я ее не тащил, – сказал четырнадцатый.

Нет, этот шорох не к добру. Что там происходит?

Восемнадцатая на мгновение перевела взгляд направо, выпустив из внимания пленников. Ничего, качается листва. Так она и от ветра качаться может. Ни людей, ни зверья не видно.

Пленники не шевелились. Автомат четырнадцатый бросил далеко, не достанет. Даже если попытается – восемнадцатая была уверена в своей способности поражать цели. Любые, хоть статичные, хоть быстро движущиеся. Не удастся этот маневр четырнадцатому, получить пулю, если не две, он точно успеет.

– Сама пришла? Большая любовь?

Желания шутить восемнадцатая не имела. Только четырнадцатый молол какую-то ерунду.

И все-таки кто-то там шуршал.

– Скорее она меня притащила. Вот, – пленник повернул правую руку ладонью и вытянул назад, чтобы было лучше видно.

На предплечье была хорошо заметна красная отметина, окаймленная ободком запекшейся крови.

– Что это?

Черт бы их всех побрал – да какая ей разница, что там у этого четырнадцатого на руке?! Вот шорох в зарослях – это может быть серьезно, а до царапины на руке четырнадцатого ей нет никакого дела. Ни-ка-ко-го!

Тогда на кой ляд ты с такой тщательностью разглядываешь ранку?

– Угара, – голос звучал приглушенно, будто говорили в подушку. Это заговорила девка. Правда, голову поднимать не стала, потому и звук такой.

– Молчать! – заорала на нее восемнадцатая и в очередной раз покосилась на шуршащие заросли.

Там точно кто-то был, она увидела силуэт. Или показалось?

– Она сказала, что меня укусила змея. Я не помню ничего, в деревне... – начал объяснять четырнадцатый, но женщина его уже не слушала.

Из кустов, которые не давали ей покоя последние пять минут, отчетливо донеслось что-то вроде «а-а-а-а». Будто кто-то вздыхал или стонал. А потом ветки затрещали, подламываясь, и сквозь них на полянку вывалилось...

Восемнадцатая не поняла сразу, что это было. Да и какая разница? Правило первое при встрече непрошеных гостей: если хочешь жить, сначала выстрели, потом спроси, кто и зачем

пожаловал. Это главное правило, если следовать ему неукоснительно, остальные смело можно пропустить.

«Патанг» коротко вздрогнул, отправив кусочек раскаленного металла в смертоносный полет. Впрочем, на этот раз лететь совсем недалеко. Восемнадцатая стреляла одиночными, она терпеть не могла автоматическую стрельбу. Особенно – длинными очередями, пуль по двадцать, как любили палить городские прохвосты, возомнившие себя крутыми бандитами. Как правило, подобные имбецилы стреляли лишь однажды, второго шанса им уже никто не предоставлял – когда палят, не отпуская курок, выйти из укрытия можно почти без опаски, вероятность, что заденет пулей, близка к нулю. Можно даже прицелиться, выбрав место, в которое придурку вонзится смерть, выпущенная из твоей винтовки.

Шестой, безумно вопя, вывалился из кустов прямо под ноги восемнадцатой. Пуля пробила ему грудь справа. Рана несмертельная. В случае, если этого олуха кто-нибудь собирался лечить в этой глуши. У кого как, а у восемнадцатой таких планов точно не было. Да и с ногами у бойца большие проблемы. Их не было – в смысле ног, одни проблемы и остались. Вместо ступней ниже голеней болталось два кровавых, словно кем-то пожеванных, куска плоти. Видимо, сходил на рандеву, назначенное Лейтенантом. В срок не успел, что ли, что так далеко проползти сумел?

Ствол автомата дернулся в сторону всего на мгновение. Но четырнадцатый успел за это время сделать одно почти неуловимое движение. Хороший боец, отличный – в руке четырнадцатого блеснул большой зазубренный нож, какие входили в боевой комплект всех наемников из «номерного» отряда.

Еще один выстрел. Пуля звонко ударила в лезвие, почти одновременно с носком ботинка, врезавшегося в ребра шестого, осточертевшего своим криком. Нож, мимолетно сверкнув солнечным зайчиком, исчез в густой листве.

– Всем заткнуться! – заорала восемнадцатая так, что голос сорвался на хрипоту. На случай, если кто-нибудь здесь плохо слышит. – И не двигаться! Второй раз предупреждать не буду!

Интересно, а зачем предупреждала первый?

Шестой не унимался. Ну чего он так орет? Сил никаких нет.

Третий выстрел. Шестой вздрогнул последний раз и замер, вытаращив бездумные глаза в маячащее за плотными кронами небо. Хотя он и при жизни интеллектом не блистал.

– Еще одно движение – и отправишься следом за шестым, – прошипела женщина, целясь в спину четырнадцатого.

– Зачем мы тебе? – спросил тот.

Именно спросил. Просто, словно задал ничего не значащий вопрос, ведя светскую беседу. Не стонал, не ныл, говорил ровно и спокойно.

– С чего ты взял, что интересуешь меня?

– Тогда иди своей дорогой. А мы пойдем своей. Хорошо?

– Нет, – сказала она, но продолжала стоять, рассматривая спину четырнадцатого через прорезь прицела.

Это же так легко – надавить на спусковой крючок, потом перевести ствол немного направо и вниз, нажать еще. И идти. Своей дорогой, как сказал четырнадцатый. У нее ведь еще уйма дел. Но отчего-то палец никак не желал давить на теплый угловатый металл, спуская курок.

С шестым дело было проще – он в любом случае был не жилец. А узкоглазые, которые жили в своей занюханной деревеньке, спрятавшейся в глухом девственном лесу? Они тоже были не жильцы?

Нет, эти вообще никого не трогали. Они даже не поняли, кто и за что их убивает.

Только восемнадцатая, выпустившая вчерашним вечером с десяток пуль, никого не убила. Она не стреляла в людей, просто палец, привыкший давить на спусковой крючок, работал словно сам по себе. Отправляя пулю за пулей в сошедшее с ума небо, которое сыпало на землю сплошной поток воды, смывающий все следы человеческого безумия.

– Кто она? – восемнадцатая не уточняла, о ком спрашивает. И так понятно – кроме девки, здесь посторонних не было. Шестой не в счет, он уже никого не интересует.

– Кхайе, – ответил четырнадцатый.

– Кто? – не поняла восемнадцатая.

– Местная. Это имя. Она спасла меня, я загибался от змеиного яда. Видимо, ползучий гад успел ухватить за руку, когда я следил за Лейтенантом.

– Восьмого...

– Убил Лейтенант. Я шел чуть сзади, и меня он не заметил. Плохо помню, как добрался до деревни. Не то от яда, не то от... В голове помутилось.

Восемнадцатая вспомнила, как он выхватил нож. Если бы она выстрелила в шестого еще раз – ну, максимум два, – он, скорее всего, успел бы вонзить лезвие ей в горло. И у этого человека помутилось в голове от того, что он увидел, как Лейтенант ликвидировал свою группу? Нет, в это она ни за что не поверит.

Но убивать четырнадцатого ей почему-то очень не хотелось.

– Лег мордой в землю. Как лежал до того. Если

пошевелишься, это будет твое последнее движение. Даже если яйца почесать захочешь, терпи, а то… – она усмехнулась, хотя весело не было. Просто после подобных фраз было принято смеяться. – Стрелять я умею, ты это уже видел.

– Видел, – согласился пленник и покорно лег лицом в грязную листву подстилки, сложив ладони в замок на затылке.

– Встань! – команда адресовалась к девке.

Восемнадцатая допускала, что узкоглазая не понимает по-английски и придется подкреплять слова пинками. Но девчонка мгновенно встрепенулась и ловко поднялась.

Невысокая, почти на голову ниже восемнадцатой. Все они тут – получеловеки. Глаза черные, темные настолько, что зрачок почти незаметен на фоне радужки. Немного раскосые, но не так сильно, как у поднебесников, скорее, ближе к миндалевидным. Волосы, неаккуратно остриженные на уровне плеч, тоже черные.

Одежда простая, холщовая или что-то типа того. Широкая, с треугольным вырезом под шеей и короткими рукавами рубаха навыпуск, такие же мешковатые бриджи. Ноги босые. Или нет – на ней надеты вьетнамки через палец, просто нехитрая обувь провалилась в размокший грунт.

Восемнадцатая стволом медленно подняла вверх рубашку, зацепив за подол. Под грубой застиранной материей торчали маленькие груди с темными острыми, словно рожки, сосками. Боится, вот соски и торчат. До самой шеи только голая, темная, будто от загара, кожа.

Внизу – ствол «Патанга» стянул резинку, с помощью которой на узких бедрах держались бриджи – даже белья нет. Девчонка брезгливо поморщилась, съежилась вся. Нет у нее ничего. Местная дикарка, никаких сомнений. Восемнадцатая сюда совсем не за ней, в конце концов, шла.

– Карманы выверни, – бросила она четырнадцатому.

Боец неуклюже зашевелился, стараясь опустошить карманы так, чтобы не подниматься. Молодец, понимает, что она шутить не собирается.

Восемнадцатая больно, наверное, до крови – во рту появился неприятный солоноватый привкус – прикусила губу. С шутками как-то не складывалось – в который уже раз она задавала себе вопрос, чего ради вообще возится с ними. Чем меньше свидетелей, тем крепче уверенность в завтрашнем дне. Спасибо Лейтенанту, тот постарался на славу. Но убивать тех, кто не мешает, ей совсем не хотелось.

Барахло из карманов четырнадцатого пестрым ковром рассыпалось в грязи. Ничего примечательного, обычный походный набор.

– Вытряхни рюкзак.

– Я не смогу.

– Недееспособным стал?

– Лежа – не смогу.

Точно, не сможет. Но вставать ему не надо, этот четырнадцатый – парень не промах, может и переиграть ее.

Черт, ну отчего бы его просто не пристрелить?!

– Давай, ты вытряхивай, – бросила она девчонке, которая все еще стояла справа, сжавшись и поглядывая на восемнадцатую взглядом затравленного щенка.

Перепуганные глаза смотрели, тупо моргая и просто светясь непониманием. Вот же недоразвитая страна, ничего не понимают.

– Рюкзак, – восемнадцатая кивком показала на мешок, валяющийся по соседству, – бери и вытряхивай. На землю. Вещи.

Девчонка присела, не сводя глаз с восемнадцатой, потянулась руками к рюкзаку. Пальцы у нее были тонкие и красивые. Даже если принимать во внимание короткие обгрызенные ногти.

– Да, да. Давай, вытряхивай.

Восемнадцатая задумалась, перебирая в памяти и в очень урезанном словаре, загруженном в ее «балалайку», бирманские слова. Наконец остановилась на слове, обозначающем «достать».

Девчонка кивнула и медленно, видимо, боясь сделать что-то не то, стала доставать из мешка вещи. Восемнадцатая легонько пнула ее в бок, после чего узкоглазая зашевелилась живее.

В рюкзаке тоже ничего интересного не нашлось. Может, будь восемнадцатая извращенкой, она бы нашла удовольствие в рассматривании грязного и заношенного тряпья четырнадцатого. А так...

Женщина зацепила ботинком лежащий в грязи автомат четырнадцатого, оттащила его немного подальше, насколько позволяла густая растительность, прущая со всех сторон, и наклонилась к оружию. Отстегнутый магазин полетел в кусты, руки, когда-то знававшие и лучший маникюр, чем темные полулуния грязи под обломанными ногтями, попытались запустить затвор, выгнав последний патрон. Затвор тихонько зажужжал приводом и заглох, так и не расставшись с патроном.

– Можешь не напрягаться, его заклинило! – крикнул хозяин «Патанга».

– Ладно, с затвором сам разберешься. Ты парень умелый, как я посмотрю.

С этими словами восемнадцатая повернулась и, шагая настолько быстро, насколько позволяла густая растительность, исчезла в зелени леса.

Глава 19

– Говорят, на востоке триады снова затеяли войну, – вздохнув, посетовал тощий крестьянин, облаченный в грязную и рваную одежду.

От досады торговец взял из кучки большой спелый плод манго и жадно всадил в него зубы. Желтый сок потек по подбородку. Похоже, его очень занимала проблема триад.

– И что с того? – настороженно спросил Шанкар.

Десай бродил по рынку уже второй час. Приценивался. Денег у него не было, но есть очень хотелось. Вдруг кто-нибудь разрешит попробовать товар?

Желтая мякоть манго густыми каплями падала изо рта обеспокоенного триадами торговца на пыльный затертый прилавок. У Шанкара закружилась голова, когда он представил, какая вкусная и сладкая мякоть у этого чудесного плода. Как же хотелось есть!

– А то, – облизывая измазанные желтым пальцы, объяснил крестьянин, – наркотики они снова хотят у нас продавать. А наша полиция им не дает.

– Откуда наша полиция на востоке-то?

– Ну госбезопасность, а не полиция. Какая разница? Другое дело, что триады ни перед чем не остановятся. А еще говорят, что они новый наркотик разрабатывают. Такой, чтоб один раз попробовал его человек и все – на крючке у триад: все что угодно отдаст, лишь бы получить это зелье еще.

– Все наркотики такие, – пробормотал Шанкар.

– Э, нет. Этот совсем другой. От этого люди теряют связь с Брахманом, становятся Брахманом сами, думают, что они боги. Ты бы отказался побыть богом, а?

– О Великая Кали, уничтожающая время! Она этого не допустит, – прошептал Десай.

Есть хотелось настолько сильно, что молодой человек не понимал, что делал. Рука, будто наделенная собственной волей, потянулась к кучке плодов, которыми торговал крестьянин, пальцы сжали податливую мякоть манго и потащили фрукт. Манго, лежавшие выше, посыпались на землю, торговец, ругаясь на чем свет стоит, бросился поднимать попорченный товар, а Шанкар что есть сил припустил прочь.

Сейчас, сейчас, только сначала нужно где-нибудь укрыться, чтобы не было столько глаз, как здесь. Еще немного, вон там, за поворотом, горой возвышалась какая-то свалка. Скорее всего, мусор не стали убирать после Пралайи – этот городок пострадал

сильно, целых зданий почти не осталось, многие кварталы превратились в руины, погребя под завалами жителей.

Желто-зеленая с румяными бочками кожица манго лопнула под слишком сильно сжимающими ее пальцами, дурманящий сладкий аромат терзал обоняние. Нет, сил терпеть больше не было. Широко открыв рот, Шанкар откусил столько, сколько смог ухватить зубами. Огромный, истекающий медовым соком кусище заполнил весь рот, не давая вздохнуть.

Стало так вкусно и хорошо – куда там наркотикам, – что Шанкар забыл о необходимости продолжать бег.

– Ах ты чутья![19] – закричал торговец, на всем ходу сшибая вора на землю. – Поклонник Кали, да? Ты из тех, которые решили, что могут указывать людям путь богов? Откуда вам, недоразвитым, известен божественный путь? Или твоя Кали сказала, что путь к мокше лежит через воровство?!

Остатки манго размазались по одежде и рукам Шанкара. Это уже не имело значения. Кусок, который он так и не проглотил, словно превратился в камень, встал поперек горла и мешал дышать. Его пришлось выплюнуть в пыль. О голоде Десай больше не помнил. Память занималась только руками, проворными пальцами, снова ощутившими прохладный шелк. Румаль потерял свой блеск и первозданную яркость красок за последние дни. Ему приходилось много работать, а грязь от работы – праведная.

– Недоразвитый ублюдок! Взывай к Кали, она тебя внимательно слушает, – говорил крестьянин, нанося босыми ногами удар за ударом по ребрам поверженного вора.

Боль не имеет значения. Боль Дурги породила Кали, боль очищает, она ничто, когда терпеть приходится во имя богов.

Торговец почти не хрипел. Быстрые пальцы Шанкара затянули свернутый петлей румаль мгновенно.

Нечестивый крестьянин застыл, пытаясь ухватить ставшими вдруг непослушными руками тонкую и нежную материю платка. Но заскорузлые пальцы только скользили по дорогому шелку, проваливаясь в пустоту.

– Ты знаешь, что сказала Кали?

Шанкар говорил тихо, почти шептал. Но его губы шевелились у самого уха торговца, замершего в затянувшейся петле. Он прекрасно слышал, что говорил тхаг.

Пленник попытался ответить, но горло сдавило петлей, и глаза, и без того вытаращенные, казалось, вот-вот выскочат из орбит.

– Ты знаешь, какое зелье создала триада на востоке?

Торговец больше не пытался отвечать. Он даже не моргал, застыл, будто каменное изваяние. Но он был жив. И все слышал.

Шанкар – бхутот милостью Шакти Шивы Кали – знал это наверняка. Он *чувствовал* жертву, в момент выполнения обряда он на короткий миг сливался с Брахманом, попадал туда, где волею Кали не было времени, исчезал, растворяясь в пустоте, чтобы вернуться спустя несколько минут. Вернуться и продолжить дело великой богини.

– Ты ничего не знаешь, – удрученно произнес тхаг. – Никто из вас ничего не знает. Потому что мир – это пустота, знание рвет пустоту, а невежды комкают незапятнанную тьму, лепят из нее невесть что.

Пальцы Шанкара совершили короткое, едва заметное движение. Сторонний наблюдатель, не будь он излишне внимательным, сказал бы, что ничего не изменилось в картине, которую он видел пару секунд назад. Грязный и оборванный молодой человек болезненного вида все так же нежно обнимал торговца, интимно прильнув губами к его уху. Но спустя мгновение торговец внезапно обмяк, и безжизненное тело тихо опустилось в пыль разрушенного города.

Пралайа не закончилась два года назад, прекратив разваливать этот город. Пралайа продолжалась и будет продолжаться, пока Брахман не вернет в лоно свое все части своей мимолетной мысли. Чтобы продолжить думать, начав теперь развивать совсем другую мысль. Только тогда мир начнется заново. Все создастся заново, с чистого листа. Только тогда!

Спустя двадцать минут Шанкар был уже на другом конце города. Молодой человек быстро затерялся в толпе, заполнившей улицы, которые тянулись среди разрушенных и растрескавшихся домов. Руки его опять дрожали, а к горлу подкатывал комок.

Мысли снова и снова возвращались к словам, которые сказал Раджеш во время посвящения Шанкара в бхутоты. Тогда все они сидели по краям ковра, расстеленного прямо на грязной земле, и жевали сахар, который раздал им джемадар. Вознаграждение богини – обыкновенный сахар – вселяло уверенность в правильности содеянного, оно дарило радость и гордость своим поступком. Результат поступка в это время покоился под грудой камней всего в паре десятков метров от ковра, а одежда отправившегося к Брахману человека лежала в сумке Раджеша. В тот день джемадар подарил Шанкару перстень – дешевую медную игрушку, которую тхаг так и носил на безымянном пальце правой руки. Как символ посвящения в служители богини.

Последний обряд не был завершен как подобало. Много последних обрядов не соответствовало той процедуре, которой обучил Шанкара джемадар Раджеш. И за освобождение самого

Раджеша бхутот не получил никакого вознаграждения.

Так не должно быть. Шанкар знал, он чувствовал, что тело начинает ломить, а голова делается тяжелой, будто внутрь черепа налили расплавленного свинца. Не было беседы на ковре, не было кусочка сахара, от которого тело получало блаженство, а душа – понимание того, что все происходящее верно и соответствует замыслу Кали. Шанкар понял, что теряет уверенность.

Он знал, что теряет веру. Румаль перестал быть румалем, превратившись в обыкновенный шелковый платок, жертвы его искусства больше не были освобожденными частицами великого Брахмана, они стали обычными трупами с перечеркнутой бороздой от платка шеей. Мир больше не казался мыслью богов – четкой и совершенной. Мир превратился в смердящую помойку, заполненную алчными, злобными и жестокими людьми, не имеющими никакого отношения к Великому Абсолюту.

И все – из-за несъеденного кусочка сахара, обычного рафинада. Не в сахаре дело, это богиня Кали наполняла разум радостью и силой для свершения новых подвигов во имя ее.

Сахар лишь символ. Это было правдой. Но не всей правдой, не стоило себя обманывать.

Шанкар резко остановился, кто-то, шедший следом, уткнулся в его спину, бросив какое-то ругательство в сторону мешающегося зеваки. Десайю это без разницы, этот мир больше не значил для него ничего.

Молодой бхутот посмотрел на свои руки. Темная кожа покрылась царапинами, к ней пристала какая-то липкая, смешанная с пылью грязь. Откуда это липнет, словно тот сахар? Ах да, он же ел манго, которое украл у того торговца. В животе неприятно заурчало и стало тянуть, требуя еды, – голод, задремавший на время, опять заявлял права на существование. Нет, манго осталось в пыли свалки, в которую превратился район, соседствовавший с рынком.

Не важно. Руки сильно дрожали, им чего-то не хватало.

Понятно чего – того, что Раджеш добавлял в сахар. Того, к чему привыкают с первого раза.

Им не хватало уверенности в том, что дело их праведное. Они больше не верили, что Кали что-то вообще хочет от них. Они вообще сомневались в существовании Кали.

Как там сказал тот торговец? Люди сами становятся Брахманом? Но разве такое возможно?

Небольшой, плотно замотанный в полиэтилен брикет, что лежал в сумке Шанкара. Эту вещь молодой человек нашел у Раджеша. После того как его Атман...[20] не надо себя обманывать – после того как Шанкар задушил джемадара, он его обыскал и

нашел брикет вместе с шелковым румалем, сложенным так, что получился небольшой мешочек, внутри которого лежала щепотка чего-то шуршащего. Десай до сих пор не смотрел, что внутри. Он забрал вещи инстинктивно, возможно, что-то почувствовав, возможно – стараясь хотя бы частично соблюсти Традицию и забрать у тела, оставшегося в нашем воображаемом богами мире...

...забрать у трупа...

...его мирское имущество.

Полиэтиленовая пленка замотана настолько плотно, что Шанкар чуть не сломал ноготь на указательном пальце, пытаясь отодрать упаковку. Но проделать отверстие удалось – на ладонь высыпалась щепотка тончайшего порошка нежно-голубого цвета.

Шанкар осторожно понюхал порошок. В ноздри ударил резкий дурманящий и какой-то острый запах.

...сами становятся Брахманом.

А если так, то, значит, Кали вообще перестанет существовать для Шанкара. Мир, который знают люди, есть всего лишь то, что они способны вообразить себе. Мир один – внутри головы того, кто о нем рассказывает. И если Кали перестанет существовать для Шанкара Десайя – бывшего тхага, мастерски владеющего румалем, – она исчезнет и из мира.

Вот чего боялись старейшины. Вот зачем он с единоверцами отправился в поход в радиоактивные джунгли Мьянмы. Вот то, что он предал.

Почти невесомый нежно-голубой порошок легко поднялся с измазанной ладони, оставив несколько крупинок на липких пятнах от сока манго, и впился в ноздри, наполняя голову едкой, кислой на вкус и острой на запах болью. С обратной стороны лба вспыхнула зарница, ударив в череп изнутри. А потом мир, каким его знал Шанкар Десай, исчез, уступив место черной пустоте, дарящей блаженство мокши. Десятки миров, сотни и тысячи, исполненных совершенства разума. Каждому миру – свой разум, который способен создать Бытие и наполнить его Мыслью.

Шанкар Десай больше не был предателем. Потому что теперь не существовало того, что он мог бы предать.

Молодой человек с уставшими, покрытыми алой сетью лопнувших капилляров глазами, грязный и одетый в застиранное рванье, аккуратно свернул разодранную полиэтиленовую пленку, которую держал в руках, и спрятал брикет с чем-то светло-голубым в бесформенный холщовый мешок. На его лице застыла легкая, чуть заметная улыбка. Он был доволен, ему было хорошо.

Мешок, надежно затянутый прочной веревкой, повис на плече хозяина. Молодой человек внимательно посмотрел вокруг, словно

впервые увидев этот наполненный красками и гомоном мир, и отправился в путь.

О Шанкаре Десайе хозяин холщового мешка не знал. Он вообще никогда не слышал о человеке с таким именем.

Глава 20

Навигатор включаться отказывался. Вроде бы так и должно быть, но на случай потери ориентации были выданы четкие указания. Окоёмов неукоснительно следовал заученному алгоритму, только результат получить не удавалось.

Цифровой компас, залитый в прошивку коммуникатора, тоже показывал откровенную ерунду. До сего момента Окоёмов не пробовал его в действии. Возможно, в программу компаса закралась какая-то ошибка или сбой. Не исключено, что сделано это специально и компас не работал с самого начала. Ясно одно – они петляли, продираясь сквозь плотную растительность, по второму или даже третьему кругу.

Размокшая после вчерашнего потопа почва потихоньку начинала подсыхать, наполняя воздух испарениями и духотой. Тропический мир, умытый проливным дождем, снова возвращался к состоянию хорошо разогретой духовки.

Кхайе плелась следом, вид у нее был мрачный. Василий несколько раз пытался заговорить с девушкой, но она не понимала его слов. Или делала вид, что не понимала.

Значок зарядки на экране незарегистрированного коммуникатора неуклонно сокращался в размере. Аккумулятор расходовал ресурс зря – в углу красным пятном маячила перечеркнутая пиктограмма антенны: сеть коммуникатор не видел. Да и откуда ей взяться здесь?

Тот смурной мужик, что выдавал каждому бойцу «номерного» отряда личный незарегистрированный коммуникатор, что-то объяснял про спутник, но Окоё– мов не совсем понял, о чем тот толкует. Обычные коммуникаторы к спутникам не подключались, им нужен был ретранслированный сигнал. Так было на крейсере «Иван Грозный», так работала любая сеть в любой точке планеты.

На верхней кромке титапластового корпуса гаджета стояла маркировка с названием, но ее почему-то тщательно содрали чем-то острым – Окоёмов видел, что такие царапины присутствовали на коммуникаторах у всех бойцов.

– Куда пойдем? – спросил Окоёмов.

Он уже не пытался начать разговор с девчонкой, скорее вопрос был риторическим, для самого себя. Но Кхайе энергично пожала плечами. Не поняла или не знает, куда идти?

– Ты дорогу показать можешь?

– Куда?

Ну наконец-то! Первый ответ спустя полдня расспросов. Здорово восемнадцатая напугала метелку.

Признаться, сам Василий тоже испугался. Многие бойцы «номерного» отряда считали восемнадцатую этаким недосолдатом, рохлей и неумехой. Бабой, в общем. Но Окоёмов не разделял мнения большинства – восемнадцатая была настоящей темной лошадкой. И не только в общении – ее замкнутость и индивидуализм переходили все границы, – но и умела она явно больше того, что позволяла увидеть окружающим. И выстрел, выстригший пулей борозду в курчавой шевелюре восьмого, был ярким тому подтверждением.

Короче, если говорить начистоту, Окоёмов не хотел бы столкнуться с восемнадцатой по разные стороны баррикад. И ее появление в шалаше, сооруженном Кхайе…

…а какого черта она делает в джунглях?..

…привело его в состояние нервозности. Теперь за каждой веткой ему мерещилась пятнистая форма, надетая навыпуск, и лысая, покрытая едва заметным ежиком светлых волос, голова восемнадцатой.

– Из леса, – разведя руками, сказал Окоёмов.

А что еще можно сказать? У него нет ни карт, ни знаний. Он вообще смутно представлял себе, где находится. Север Мьянмы. Их водил Лейтенант, а когда командир отсутствовал – тоже вопрос: куда он мог деваться в джунглях? – путь указывали хмыри. Возможно, у них был навигатор?

Только к норе Окоёмов идти не собирался. Да и пойди найди теперь ту нору – Василий окончательно запутался, где нужное направление.

– Лес большой, – философски заметила Кхайе.

Девчонка говорила с сильным акцентом, коверкая слова. Но понять ее вполне возможно.

– А мы маленькие, – пробормотал Окоёмов.

Кхайе непонимающим взглядом осмотрела себя, потом расхохоталась. Черт его знает, что она там себе подумала, только ее смех – чистый и звенящий, словно хрустальный колокольчик, – был настолько искренним, что Василий не удержался и начал смеяться вместе с девушкой. Остановился он, лишь когда мышцы живота свело болезненной судорогой, а из глаз двумя широкими ручьями полились слезы.

– Подожди, – сказал Окоёмов, утирая рукавом слезы, – сейчас еще раз попробуем.

Девушка подняла брови, не понимая, о чем говорит боец.

– Сейчас оно у нас заработает, – по-русски добавил тот. – Не может – научим, не хочет – заставим.

Окоёмов сразу понял, что получилось – как только экран коммуникатора зажегся, там появилась крупная мигающая

пиктограмма, имеющая вид стилизованного спутника. А еще спустя пару секунд антенка вверху стала белой, констатируя наличие устойчивого соединения с сетью.

– О-па!

Инструкция была дана четкая – никаких операций в сети, коммуникатор настроен на автоматические действия. Как предписывали, Окоёмов вынул из торца гаджета проводок психопривода и подключил его к «балалайке»,

…а может, они только того и ждут…

наблюдая за бегунком, возникшим на глазном наноэкране, который оповещал о начале загрузки параметров позиционирования. Хвала небесам, еще полминуты, и он узнает, как найти выход из этого треклятого леса.

Показания загрузки вдруг застыли. Что такое? Окоёмов бросил взгляд на экран коммуникатора – пиктограмма с изображением спутника по-прежнему отображалась, сеть доступна. Почему же тогда прервалась загрузка?

Перед взором возник мигающий конвертик. Эта же картинка появилась и на экране коммуникатора. Новые указания? Но ведь их отряд ликвидирован. Или Лейтенант действовал по собственной инициативе, не советуясь с начальством?

Окоёмов осторожно, словно опасался обжечься, коснулся указательным пальцем изображения конвертика. Конверт, красиво развернувшись, открылся, явив на экран незарегистрированного коммуникатора текст сообщения.

Таблица со списком дат и времени. В третьей колонке цифры, помеченные подписью «мин». То же время. Василий перевел взгляд на название таблицы, но и так понятно, что это. Длительность сеансов связи и расписание пролетов спутника над территорией, на которой в данный момент находился абонент. То есть сам Окоёмов.

А вот то, что следовало за таблицей, привело Окоё– мова в замешательство. Он прочитал текст, не ожидая подвоха и не особенно вдумываясь в его смысл. Но подпись не вызывала сомнений – это была именно та фраза и именно то имя, увидеть которое здесь и в особенности сейчас Василий не предполагал. Но при чем здесь китайцы?!

А с чего такая уверенность, что Лейтенант работает на китайцев?

Окоёмов поводил пальцем по экрану, стараясь понять, что же должно было загрузиться в «балалайку». Обещали навигационную программу, но ее загрузка оборвалась на самом интересном месте. Можно ли ее возобновить? Василий открыл содержимое диска коммуникатора. Пусто. Никаких программ, запускающих

закачку и инсталляцию навигатора, здесь не было. Теперь не было – что-то же начало загружать данные перед тем, как пришло сообщение.

Стало быть, его нашли. Вот так запросто, достаточно всего лишь подключить «балалайку» к сети.

Что-то в этой мысли было не так. Потребовалось около минуты, чтобы Окоёмов понял – что: за прошедшие с момента Катастрофы два года он неоднократно подключался к сети. В Мандалае сеть была роскошью, но она там была. И все же никаких посланий Василий не получал. Что же изменилось теперь?

Рука подбросила холодящий металлом коммуникатор. Приятно ощущать, что ты снова часть *нормального* мира, в котором работают сеть, коммуникаторы и функционируют «балалайки». Приятно осознавать себя включенным в общий замысел и знать, что о тебе помнят.

Именно этой детали и не было раньше – незарегистрированного коммуникатора неизвестной Окоёмову модели, способного подключаться напрямую к спутнику.

Гаджет тихонько пискнул, и стилизованный спутник исчез с экрана. Сеанс связи окончен. Когда спутник появится над этой глушью в следующий раз? Окоё– мов легко нашел интересующие его цифры в таблице. Не скоро. Значит, спутник летает по спиральной орбите, чтобы покрыть сигналом как можно большую площадь. Это понятно – спутников мало, а планета, которая долгие годы была опутана проводами и радиосигналами всех видов, но потеряла в одночасье львиную долю коммуникационных мощностей, стала вдруг слишком большой.

Неожиданное воодушевление быстро уступило место сомнению – ему предлагали заняться делом. Вернее, не предлагали – в сообщении, адресованном лично ему, было задание. Четкий алгоритм действий и ожидаемых результатов. Ни малейшего намека на то, что кого-нибудь интересует его мнение.

Много лет назад, когда он стал одним из тех, кто являлся автором этого письма, все было несколько иначе. Он верил в то, что делал. В то, чего хотели его товарищи. Он был частью системы, то, что он делал, имело смысл, он чувствовал свою нужность, ибо верил, что это правильно. На самом деле он верил и сейчас. Только…

А не пошли бы они все на хрен?!

Только вера его изменилась. Она будто бы отодвинулась куда-то на второй план, стала необязательным придатком, простой привычкой. Смысл утратился, остались только действия. И он, Окоёмов, – пустое место среди бестолкового мира. Все, что он делал теперь, ни к чему не вело, он был лишним в жизни, жил

вхолостую.

Там, на падающем с неба «Иване Грозном», он успел усомниться. Не разочароваться, нет, но усомниться в том, что вера вообще имеет какой бы то ни было смысл. Даже несмотря на то, что он остался в живых лишь благодаря самому настоящему чуду. Как выглядело это чудо, Окоёмов не знал, потому что сознание, ввергнутое в пучину ужаса, отключилось спустя мгновение после того, как дно «Ивана Грозного» встретилось с твердью дна морского, оставшегося без многотонного покрывала воды.

Нужно ли возвращаться к прошлому? Стоит ли идти по тому пути, который он однажды избрал для себя и с которого сбился вдруг – не по своей воле, а по воле… волн? Окоёмов всегда знал, что бытие человека определяет только его воля, только он сам способен решить, что делать дальше. Поводыри и пастыри лишь указывают путь, а идти по нему или свернуть – человек должен решить сам. Не стоит уповать на то, что кого-то заставили – всегда есть третий путь: остановиться. Не самый лучший, но иногда он единственный, покорный воле идущего.

Василий выключил коммуникатор – заряд батареи стоило экономить, зарядить ее здесь негде. Толку от него сейчас все равно никакого, спутник давно скрылся за горизонтом.

Только проблема, которая заставила Окоёмова воспользоваться гаджетом, никуда не делась. Он по-прежнему не знал, куда идти, чтобы выбраться из лесов.

– Здесь есть города? – спросил Окоёмов у Кхайе, сидевшей тихо все то время, что Василий возился с коммуникатором. Она застыла, рассматривая какого-то жука, ползущего по сочно-зеленому влажному листу, отчего стала похожа на изваяние.

Не сводя глаз с проворного насекомого, она кивнула.

– Ты знаешь, как туда попасть?

Еще кивок.

– А откуда мы пришли?

Кхайе уверенно показала вытянутой рукой направление.

Нет, это уму непостижимо! Они бродят по лесу полдня, а девчонка, оказывается, знает, как выйти к людям. Ей что же, все равно?

Окоёмов вспомнил события предыдущей ночи и понял, что метелка, возможно, ведет себя странно из-за пережитого шока. Сам боец до сих пор так и не смог вспомнить все подробности учиненной их отрядом бойни. Наверное, всему виной яд той злосчастной змеи.

Джунгли, змеи, узкоглазая девка. Автоматы, смерть, Лейтенант. Коммуникатор, сеть, новое задание… Лучше бы он

умер от яда – не пришлось бы выбирать.

Окоёмов потряс головой, как будто таким образом надеялся избавиться от дурных мыслей. В памяти всплыли времена, когда он баловался «джьяду гумра». Местная голубоватая дрянь легко решала проблемы – с наркотиком исчезала необходимость делать выбор.

Нужно решать проблемы по мере их поступления. Дуракам, способным думать только линейно, не отвлекаясь на рефлексию, живется легче. Попробуем прикинуться олигофреном: на повестке дня поиск пути. Вот им и займемся.

Только кто такой Лейтенант?

«Выбор пути», – напомнил себе Окоёмов.

– Показывай дорогу к городу, – строго сказал Василий.

Метелка повертела головой, рассматривая что-то среди ветвей, на ее лице отразилось секундное раздумье, и палец уверенно показал туда, где, по предположениям Окоёмова, находился юго-запад.

– Туда.

Окоёмов пожал плечами и двинулся в указанном направлении. Какая разница, поняла ли его Кхайе, он все равно не мог найти путь самостоятельно.

До городка оказалось не так близко. Шли всю ночь, шарахаясь от причудливых ночных обитателей, так и норовящих свалиться на голову.

Дважды делали привал, перекусив консервами из запасов Окоёмова. Запасов было мало – не меньше половины забрала себе восемнадцатая. Судя по всему, она намеревалась провести в джунглях еще какое-то время.

Окоёмов честно пытался починить заклинивший затвор «Патанга», но после второй неудачной попытки сдался, и полуразобранный автомат полетел в кусты. Нести бесполезное железо желания не было.

Когда они вышли на окраины городка, на востоке уже посветлело небо и укутавший лесную подстилку плотный вязкий туман начал потихоньку куда-то двигаться. Мир готовился принять в свои объятия новый день.

Лес закончился внезапно. Только что казалось, что на всей планете нет ничего, кроме непролазных джунглей, и вот прямо перед ними словно из-под земли появилась небольшая лачуга, возвышающаяся на бамбуковых столбах. Рядом с домишком на таких же столбах стояло что-то, что при большой фантазии можно было бы назвать сараем. Или, скорее, остатками сарая.

Через многочисленные щели и дыры в стенах сарая вырывались желтые лучи, отлично различимые в клубящемся

тумане, отчего строение походило на морского ежа, ощетинившегося световыми иглами.

– Я же тебе говорил, – донесся оттуда приглушенный голос.

Окоёмов не сразу сообразил, что вторящее голосу эхо, которое он, собственно, и понял, было переводом на русский фразы, сказанной на китайском. В его «балалайке» стоял отличный лицензионный переводчик с китайского, распознающий несколько диалектов.

– Да пошел ты! Говорил он...

Следом за словами послышался грохот. Внутри сарая что-то ломали.

– Прекратите, – в разговор вклинился третий голос. Он звучал спокойней предыдущих, и в его интонациях легко читались нотки какой-то обреченности и безразличия к происходящему.

– А между прочим, это все ты со своими...

– Прекратите, – обреченный голос говорил тихо, но слышно его было лучше, чем остальных.

Окоёмов посмотрел на Кхайе. Судя по выражению ее лица, они пришли туда, куда намеревались попасть. Городок, если Василий правильно понял ломаный английский девчонки, назывался Нонгуин. И он являлся единственным поселением в этих краях, которое можно было назвать городом.

– Часовщик, – Кхайе кивнула, глазами показав на сарай, из которого продолжали доноситься звуки борьбы. Она потыкала пальцем правой руки в левую ладонь, добавив: – Может исправить.

Она имела в виду его коммуникатор. Гаджет в ремонте не нуждался, но человек, разбирающийся в коммуникаторах, вполне мог пригодиться. Особенно, если учесть специфику полученного Окоёмовым задания.

– Пойдем, – сказал Окоёмов и направился к лестнице, ведущей ко входу в сарай.

Внутри царил настоящий кавардак. И было совершенно непонятно, как это строение, сделанное из старых гнилых досок и бамбука, до сих пор не загорелось от нескольких полыхающих ярким огнем факелов.

Абсурдности происходящему добавляло то, что в сарае, из которого доносились три разных голоса, находился только один человек. Если это безумное существо с всклокоченными остатками волос на голове, рушащее какие-то железные нагромождения, возвышавшиеся внутри, можно было назвать человеком.

Глава 21

В тишине и кондиционированном климате кабинета казалось, что мир совсем не изменился. Если не обращать внимания на царапины в покрытии пола, мелкие сколы на антикварной мебели, которые не удалось устранить кропотливым реставраторам, оставшиеся после учиненного обезумевшей толпой погрома; если не смотреть за окно, где легко обнаруживались признаки накрывшего всю планету разрушения. Но укрыться в комфорте правительственного здания и закрыть глаза нельзя. Нужно отстраивать мир заново. Да и правила игры абсолютно не поменялись – побеждает сильнейший.

Абхай Лал сигналом с «балалайки» включил звук на небольшом стационарном коммуникаторе, висевшем на стене его кабинета. Там показывали новости.

«*Подпольная масштабная сеть ломщиков, расположенная на территории Китая, похитила засекреченные данные из ряда государственных сетей в Индии. Похищенная информация относится к вопросам государственной безопасности страны. Об этом говорится в отчете совместной группы машинистов индийских спецслужб и корпорации «CyberSecur», за помощью к которой были вынуждены обратиться индийские власти.*

Специалисты из Университета Нью-Дели утверждают, что им удалось восстановить документы, содержащие секретные распоряжения и ряд военных данных, касающиеся ситуации в ключевых индийских штатах, а также персональные данные индийского высокопоставленного руководства.

В отчете говорится, что восстановленные данные – лишь один из этапов проведенной работы, в рамках которой были вскрыты масштабные акты сетевого шпионажа со стороны Китая в отношении Индии. По словам специалистов корпорации «CyberSecur», значительная часть нападений на индийские сетевые ресурсы велась с серверов, расположенных за пределами КНР, и лишь небольшая их часть – с машин, работающих на территории Поднебесной.

Несмотря на имеющиеся факты, совместная группа экспертов напрямую не связывает этот случай с группами ломщиков, которые якобы работают под прикрытием Народно-освободительной армии Народной Республики. «Мы ждем, когда официальный Китай откликнется на наши запросы и поможет закрыть масштабную сеть, атакующую разные ресурсы», – говорит Натан Вилленойе, один из авторов отчета.

Группа экспертов уверена, что в атаке на индийские сетевые

ресурсы участвовали как минимум сорок четыре командных сервера, двадцать пять из которых были размещены внутри Индии, а оставшиеся – еще в нескольких государствах и анклавах.

Стоит отметить, что в опубликованном на днях отчете корпорации «Karpovsky» – лидера в производстве сетевой антивирусной защиты – сообщается, что в прошлом месяце Китай стал крупнейшим источником направленных атак на различные сети. Эксперты «Kar– povsky» утверждают, что, несмотря на все заявления официального Пекина, активность ломщиков в стране продолжает расти, причем некоторые атаки ведутся с такой изощренностью и размахом, что отделаться от мысли об их «господдержке» крайне сложно».

Эпоха тритонов прошла. И о Сорок Два никто не вспоминает – во все времена люди с радостью забывали о закончившейся эпидемии чумы, радуясь и смеясь на следующий день после того, как сожгли последние трупы. Пока что ломщики аккуратно прощупывали почву, совмещая старые, накопленные годами знания и троицу цифрового Пророка. Время больших дел еще не пришло, но все могло измениться. И время перемен близко, как никогда. Главное, не оказаться в последнем ряду, когда оно наступит.

Новости были не индийские – нужды слушать своих нет никакой, поскольку Лал заранее знал все, что там скажут. Новости – это не то, что происходит в мире. Это то, что об этом рассказывают. А все сообщения, звучащие в Индии, генерал Лал держал под контролем.

Новостной канал корпоративный, со спутника. Вещают откуда-то с запада. Скорее всего, какой-то из уцелевших американских Анклавов. Какая, впрочем, разница? Главное, что информация появилась из уст третьих лиц. Которым вроде бы все равно, они просто констатируют факты.

Абхай Лал, конечно же, знал об этой атаке. И об отчете «CyberSecur» – он лично принимал и подписывал этот документ. Да и решение обратиться за помощью к корпорации исходило от генерала. Единственное, что изменили в его решении, – генерал предлагал нанять экспертов «Науком», а не «CyberSecur». Все-таки специалисты москвичей могли бы дать американцам фору, особенно в свете того, что четверть функционирующей сегодня в Индии сети основана на технологиях, разработанных в «Наукоме». Хотя, может, Президент и прав – неизвестно, до чего могли докопаться эксперты «Наукома».

А докапываться есть до чего. Большая часть «командных серверов китайских ломщиков» была организована под тщательным контролем машинистов ведомства генерала Лала.

Остальные, на самом деле являвшиеся серьезными центрами подготовки цифровой атаки на индийские правительственные структуры, не имеющие, впрочем, никакого отношения к Китаю, присоединились к проекту, не подозревая, что их специально втягивают в авантюру, чтобы уничтожить. Но заявление «Karpovsky» о поддержке властями Народной Республики талантливых ломщиков полностью соответствовало действительности. Пора поставить поднебесников на место.

Вся шумиха со взломом – разумеется, ничего ценного в ходе этой «атаки» не пострадало и не попало в руки машинистам «CyberSecur» – была организована лишь для того, чтобы прикрыть настоящую атаку, которую проводили индийские машинисты.

В итоге с серверов поднебесников были слиты сотни терабайт данных, среди которых Лал так и не нашел ответ на интересующий его вопрос: где китайцы ищут процессор, след от которого не так давно появился в сети?

– Они называют его «пустотником», – сообщил Раджагонапал Сридар, машинист, руководивший успешно завершившейся операцией.

Лал усмехнулся.

– И что нам это дает?

Сридар опустил глаза. Ему, как и большинству машинистов, в первую очередь был интересен сам взлом. У него горели глаза, он просто светился от счастья, что удалось переиграть китайских коллег. И, судя по молчанию официального Пекина, можно предположить, что атака осталась незамеченной. Во всяком случае, пока.

– Мне нужно знать другое. Китайцы активно летают над северной Мьянмой, они ищут там процессор. Мы тоже ищем. Но мы не знаем, где его можно искать – кроме разрушенного завода «Фармы 1», на котором определенно уже побывали поднебесники, там нет ни одного объекта, где могла бы работать сеть. Даже до Пралайи… до Катастрофы сетевого сигнала в тех краях не было. Тогда откуда мог исходить этот… как вы его называете?

– «Резонанс», – подсказал Сридар.

– Да, «резонанс». Ваши специалисты, Раджагонапал, могли ошибиться в расчетах?

Сридар нервно покусывал губы. На его лице запечатлелась усиленная работа мысли – он, похоже, прикидывал, где могла закрасться ошибка. Время от времени он качал головой, словно разговаривая сам с собой.

– Н-нет… Все правильно. Я не могу сейчас все просчитать без оборудования, но выбранный алгоритм полностью соответствует изначальным условиям. Позиционирование…

– Я вас умоляю, Раджагонапал, – вмешался в разговор заместитель Дханпатрай Бхадури, – не нагружайте нас терминами машинистов. Мы и без того...

Абхай Лал жестом заставил Бхадури замолчать.

– Тогда откуда взялся этот «резонанс»? – спросил генерал. – Поднебесники что-то знают про мьянманский север. Они были там во времена последней волны Нефтяных Войн. Потом ушли. Ваша задача состояла в том, чтобы выяснить, что там могло остаться.

Сридар вздохнул.

– Данных слишком много, мы не успели их систематизировать. Возможно, необходимая информация есть в массиве, но он слишком велик, чтобы найти ее за полдня.

– Идите, Раджагонапал. И найдите то, что нас интересует.

Машинист слегка поклонился, прикоснувшись лбом к сложенным вместе пальцам, и прошел к двери, осторожно ступая по устилающим пол коврам. Когда он взялся за ручку, чтобы открыть дверь, генерал окликнул его:

– У вас есть два-три дня, не больше.

И добавил после того, как машинист исчез, плотно закрыв за собой дверь:

– У нас у всех времени в обрез. А что начнется потом – сказать трудно.

Эпоха тритонов закончилась. По всему миру оставалось еще несколько тысяч придурков, ширяющихся синдином и играющих в робингудов сети. Только тритонов как эпохи, как национальной угрозы больше не существовало. Несмотря на то, что «троица Сорок Два» никуда не делась, а секрет синдина перестал быть секретом. Лал видел только одну причину этого несоответствия – исчез тот, кому было выгодно существование тритонов. Они просто стали не нужны. Как локомотив «суперсобаки» не может пригодиться там, где нет ни трассы с магнитной подушкой, ни электричества.

– Что говорят аналитики?

– Активность китайцев в регионе снизилась, на бывшем заводе «Фармы» следы свежего пожара, в сети «резонанс» не повторялся. Опять же – поднебесники никак не отреагировали на атаку их серверов нашими машинистами. Здесь и без аналитиков понятно, что вероятность того, что этот «пустотник» у китайцев, очень высокая.

– Сколько?

– Восемьдесят четыре процента. С десятыми.

Лал покачал головой.

– Значит, шестнадцать процентов на нашей стороне.

– Не совсем так, сагиб, – возразил Бхадури. – Три процента, что процессор в руках европейцев, и восемь – у корпораций. Оставшееся за то, что «пустотник» все еще не нашли. Аналитики исходили из предположения, что Индия процессором не владеет.

Генерал усмехнулся. Лал не ожидал подобной наивности от своего заместителя.

– Тогда можешь выбросить отчет аналитиков на помойку. И устройте выволочку аналитическому отделу: это, в конце концов, не мое дело – отбирать параметры и критерии.

– Конечно, генерал, – Дханпатрая явно смутился.

– Какие данные по той камере, что притащили наши «нефтяники» с завода «Фармы 1»?

Бхадури кивнул и повернулся к коммуникатору. На экране появилось изображение, разделенное на несколько кадров. Везде мелькал один и тот же молодой человек, индиец, почти голый, облаченный только в широкий пояс неяркого, вероятно застиранного, красного цвета. В руках он держал тонкий, похоже, что шелковый, цветастый платок. На лице парня застыла гримаса не то ужаса, не то отвращения. Или и того и другого вместе. Он несколько раз проходил в поле зрения камеры, и каждый раз выражение тревоги на его лице усиливалось. На последнем кадре он уже был одет в совершеннейшее рванье, а в правой руке держал что-то размером с кулак. Цветастый платок теперь болтался, заправленный в красный пояс, повязанный поверх одежды.

– Что у него в руке?

– Изображение не очень четкое, – весь экран занял увеличенный фрагмент исходного кадра. Кисть руки парня и два небольших, слегка поблескивающих свертка в ней. – Но, похоже, это «джьяду гумра», упакованный в целлофан, и еще один шелковый платок. В него тоже что-то завернуто. Насчет наркотика – именно в такой упаковке он и появляется у оптовых дилеров.

– Этот парень – наркоторговец?

Нет, маловероятно. Один пакетик – это не партия. Это скорее вор, стащивший плохо лежавший образец.

– Вряд ли, – подтвердил рассуждения генерала заместитель. – Он тхаг, а шелковый платок – это румаль.

– Поклонники Кали?

О тхагах генерал знал довольно много. И об их румалях тоже. Эти религиозные фанатики стояли костью в горле – правительство требовало скорейшего решения проблемы жестокого культа, поклонники которого под предлогом жертвоприношения богине устраивали кровавые игрища в

северных штатах. На самом деле за всей этой возней, как всегда, крылись деньги. Огромные оборотные средства из теневой экономики, в последний год чуть ли не переплюнувшей оборот экономики официальной. Но сами тхаги вершили свое черное дело во имя богини искренне, в большинстве своем не получая за это ни гроша. Даже их предводители – джемадары – редко были в доле.

– Именно они. И еще один интересный факт: люди, обгоревшие трупы которых нашли на территории «Фармы» «нефтяники», по заключению экспертизы, умерли в результате удушения, а не вследствие пожара. Когда их поливали напалстером, они уже были мертвы. Возможно, не первый день.

В то, что процессор увели тхаги, генерал поверить не мог. Во что угодно, только не в это. Скорее всего, дело тут было в «джьяду гумра». И брикет с порошком – яркое тому подтверждение. И потом, на разрушенном заводе нашли остатки самодельной лаборатории, в которой, вероятно, и производили наркотик. Но никаких признаков процессора.

Машинисты еще утром передали генералу отчет с предварительными данными по сканированию сети зданий «Фармы». Того, что от нее осталось после землетрясений и пожаров. Следов загадочного «резонанса» на уцелевших носителях сети не обнаружено. Но где, в таком случае, этот треклятый процессор?!

Лал несколько раз плавно набрал полные легкие воздуха и сделал длинный выдох. Нужно успокоиться. Пока никто не применил этот «пустотник» в действии, пока нет никаких доказательств, что процессор у поднебесников. Одни предположения. Во всем.

– Нужно найти этого тхага, – сказал Лал, не оборачиваясь к заместителю. Он смотрел на улицу, отлично видимую сквозь высокую ажурную решетку ограды.

Думает ли он о тех людях, что плотной толпой спешат сейчас куда-то по своим, неведомым генералу делам? Или все его старания, все усилия лишь дань тщеславию и жажда власти?

Гуру Шарма сказал, что мир пошатнулся, но устоял. Боги все так же пребывали в своем мире, и миров, подобных здешней вселенной, многие миллионы – мириады. Ибо нет границ замыслу богов. Могли ли люди, являясь лишь тенью, проекцией даже не мысли – ее отголосков, – что-то изменить? Был ли инструмент, имелась ли возможность?

Абхай Лал нервно потирал запястье. Станция – вот что способно изменить мир. Именно поэтому Мертвый вцепился в нее мертвой хваткой. Дело не в каких-то там восьми новых мирах,

дело во власти, которую могла дать Станция, в той мощи, что она производила. Она стала местом перехода – в иные миры, в другие измерения ли, – ее наполняла сила Традиции. Пусть чужой, но это поправимо. Главное – добраться туда.

Так сказал Гуру. Так думал генерал.

А «пустотник», гипотетический суперпроцессор, мог обеспечить доступ туда. Если верить машинистам госбезопасности – а не верить им не было никаких причин, – с помощью невесть откуда появившегося суперпроцессора можно обеспечить доступ куда угодно. Если возможности процессора хотя бы наполовину соответствовали имеющимся описаниям, то в сегодняшних сетевых технологиях преград для него не существовало никаких.

Одна проблема: для того, чтобы взломать сеть Станции, сначала нужно к ней подключиться. Только не верил генерал в сказки о том, что внутренняя сеть Станции отрезана от мира. Хорошо спрятана – да, но не изолирована. А «пустотник» вполне бы мог найти и этот скрытый путь.

Но при чем здесь тхаги?! Почему бы не спросить у них самих?

– Нужно найти этого тхага, – повторил генерал.

– Его зовут Шанкар Десай, – тусклым, лишенным интонаций голосом произнес Дханпатрая. Не было нужды смотреть на заместителя, чтобы понять, что он читает данные с глазного наноэкрана. – Вся информация на него имеется. Но маловероятно, что он появится дома. Индия большая, найти одного человека среди миллиарда – дело непростое. Мы приложим все усилия, поиски уже начаты, но...

– Используйте камеры наблюдения, задействуйте полицию. Спутники, в конце концов. Я присвою этому делу высший приоритет. Нужно разобраться, при чем здесь тхаги – наверняка они появились там не просто так.

Глава 22

Небо на востоке только-только начало светлеть, отрезав черноту Вселенной от еще темного горизонта серой, быстро наливающейся багряным полосой рассвета. В лесу на горе весело зачирикали птицы, предчувствуя скорое рождение нового дня. Бестолковые твари, для которых каждый день – все равно что новая жизнь.

Райн Тайн всю ночь просидел здесь, в маленькой пещерке, выдолбленной не первый век капающей сверху водой. Сейчас стояла поздняя осень и ночи уже стали приносить прохладу и свежесть. Во влажной пещере, в которую никогда не заглядывает солнце, прохлада была лишней – Райн Тайн продрог до такой степени, что зуб на зуб не попадал. Кроме того, очень хотелось есть. Но последнее обстоятельство мешало не столь сильно, как прохлада, – к голоду он успел привыкнуть, недоедая всю свою недолгую жизнь.

Таш умер неделю назад. Райн Тайн винил себя в смерти брата. Он оставил его одного на целых три дня, а когда снова появился в их хижине, Таш, как обычно, лежал на загаженной смердящей постели, бессмысленно уставившись в потолок. Что все кончено, Райн понял сразу – по открытым, немигающим глазам брата нагло ползали мухи. И запах... Таш умер задолго до появления брата, возможно, день или два назад.

Отправившись сюда, в Кьяунгсин, Райн Тайн плохо понимал, чего хочет добиться. Он остался один.

Больной, медленно умирающий последние два года Таш был для него скорее обузой, чем утешением. Но он был семьей, единственным родным человеком, оставшимся у Райн Тайна на белом свете. А теперь не осталось никого.

Где-то в самом центре страны, в городке под название Кьяунгсин, у него были родители. Их забрали вербовщики. Согласно приказу генерала Ру Балая – председателя правительства – каждый гражданин должен отдать долг родине. В чем заключался этот долг и когда люди успели задолжать генералу, Райн не знал. Он не задумывался над этим вопросом, но без каких-то сомнений верил, что обязан родине одним фактом своего рождения. А генерала Балая он видел только на огромных выцветших плакатах в Мандалае, где был однажды.

Идея найти родителей появилась сама собой, словно какой-то импульс, вдруг посетивший его голову. Он не раздумывал, как добираться до Кьяунгсина, он даже не знал, где этот самый Кьяунгсин находится. Тем более не подозревал, где станет искать

родителей, добравшись до самого городка. Просто проснувшись на следующий после смерти брата день, Райн собрал вещи и отправился на автобусную станцию, откуда сегодня должен был идти автобус. То, что едет именно в Кьяунгсин, Райн Тайн понял уже сидя в душном, несмотря на открытые окна, салоне старенького – не сказать старинного – автобуса, ковыляющего с натугой на давно отработавших свой век батареях Ллейтона.

Кьяунгсин оказался маленьким пыльным городком, полным снующих туда-сюда тощих и грязных людей. Практически в каждом лице, в которое заглядывал Райн Тайн, пытаясь выяснить хоть что-нибудь о своих родителях, он видел смерть. Люди еще двигались, они ходили и работали, получали небольшой шлепок рисовой каши, который выдавали дважды в день, но все они уже были мертвы. Урановая пыль съедала их изнутри, высасывала все соки. Они все были мертвы с того самого дня, как перед домом каждого из них остановился мобиль вербовщиков, привезший их сюда.

Райн Тайн узнал, что никто не держит этих людей здесь. Их не охраняли. Никаких надсмотрщиков. Добровольный ударный труд на благо родины. Именно так и было написано на плакатах с побитым оспинами лицом генерала Ру Балая. Генерал смотрел с плакатов строго, словно в следующую секунду намеревался дать команду идти в атаку. «Если ты за сильную Родину – значит, ты с генералом Ру Балаем!» – прочитал Райн Тайн строгую, словно лицо на плакате, надпись. Читал Райн с трудом, но он ходил в начальную школу и основам грамотности был обучен.

Поговорив с людьми, Райн кое-что узнал. В Кьяунгсине царил голод. Неурожай следовал за неурожаем, каждый год приводя местное сельское хозяйство во все более плачевное состояние. Правительство помогало, чем могло, были введены бесплатные пайки в виде двух горсточек риса в день на каждого. Многие были счастливы, что могут получить хотя бы это. Некоторые говорили о пайке мало и с осторожностью, как будто опасались, что пацан, стоящий перед ними, собирается передать их слова кому-то еще. Кто знает, возможно, так оно и было здесь, в Кьяунгсине.

Тогда, почти тридцать лет назад, Райн Тайн многого не понимал. Еще больше он и не пытался понять, он был еще слишком молод, чтобы обращать внимание на подобные вещи. Тогда, но не теперь.

Правительство генерала Ру Балая запрещало фермерам выращивать то, что они считали нужным. Крестьянам предписывалось сажать только определенные культуры и только в определенное время. Большую часть урожая они должны были сдавать государству, а остатки… Остатков почти не оставалось,

прокормить крестьяне не могли даже самих себя. Так что даже о мизерных доходах фермеры могли вообще забыть. Без денег нет техники, нет удобрений, нет воды, за которую во многих местах приходилось платить государственным ирригационным компаниям. Сельское хозяйство развалилось, скатившись к масштабу крохотных личных огородов и грядок, на которых худо-бедно люди выращивали что-то съестное.

Ру Балай был тираном и сволочью. Но он был мудрым человеком. В нищей, ничего не имеющей стране, лишенной даже доступной почти повсеместно сети, он смог наладить добычу полезных ископаемых на рудниках, которыми не интересовалась «Всемирная рудная компания» по причине отсутствия рентабельности их разработки. Генерал сделал добычу не только рентабельной, но и прибыльной, пустив деньги в развитие крупных городов и портов. Конечно, он не забыл положить львиную долю и в собственный карман, но это уже детали.

Продукция фермеров никого не интересовала на внешнем рынке – в мире давно уже стали доступны пищевые фабрикаторы, и торговля продовольствием превратилась из высокооборотного процесса, занимающего больше половины всего внешнего продукта Мьянмы, в убыточную отрасль. На мировой арене продажа еды – натуральной пищи, выращенной на земле, – стала элитным бизнесом, в который нищую и никому не известную страну никто бы не пустил.

А вот уран и рубины шли на мировых биржах хорошо. За них давали отличную цену и с удовольствием.

Вопрос был в другом. О цене, в которую обошлись эти «перспективные» разработки населению Мьянмы, Райн Тайн узнал много позже. Но увидел, чем приходится платить, он уже тогда, в годы рано наступившей юности.

Родителей Райн нашел на шестой день пребывания в Кьяунгсине. Есть хотелось страшно – бесплатный рис полагался только тем, кто работал на рудниках. Голод изводил настолько, что Райн всерьез задумывался пойти наняться на работу в шахту. Его бы не взяли – стать шахтерами могли только те, кому исполнилось шестнадцать. Возможно, недостаток лет спас тогда будущего президента – не исключено, будь он уверен, что попадет на шахту, отправился бы на вербовочный пункт.

Отец с матерью жили в поселке, располагавшемся в нескольких километрах от черты города. Там не было домов, поселок состоял из нескольких больших общих бараков, в которых одновременно жило около сотни человек. Им было все равно, этим людям, переставшим понимать, когда наступает день, а когда на радиоактивную гору, которая стала их домом,

опускается ночь. Они знали только шахту, где приходилось орудовать отбойными молотками, а иногда и обычными кирками, и пункт выдачи бесплатного риса. Больше ничего в мире для них не существовало.

Райн Тайн увидел родителей, когда они шли с дневной смены. Обратно в барак.

Они не были вместе, но они и не были порознь. По пыльной дороге, ведущей от возвышавшейся немного поодаль горы, покрытой густой запыленной растительностью, брело несколько десятков шахтеров. Каждый из них просто шел. Это шествие нельзя было назвать группой или компанией людей. Они не были общностью. Их даже людьми назвать было сложно – живые механизмы по добыванию урановой руды.

Отца Райн узнал с трудом – он сильно постарел, казалось, лет на тридцать, превратившись в дряхлого, едва волочащего ноги деда. Жидкие, неопределенного из-за седины и осевшей пыли цвета волосы ветер бросал из стороны в сторону, открывая покрытую язвами и расчесами с запекшейся кровью голову. Щеки ввалились, глаза смотрели прямо, не замечая ничего вокруг.

Он видел Райн Тайна, но не узнал его. Просто прошел мимо, не задержав на сыне взгляда и на секунду. Сам Райн не решился подойти к отцу, но брел следом за этим шествием живых мертвецов.

Мать, как выяснилось, работала наверху, там, где разгружали поднятые на поверхность корзины с рудой. Это не очень ей помогло, потому что выглядела она ничем не лучше отца.

Рис раздавала упитанная тетка в форме с повязанным на шее сине-красным платком. Точно таким же, какой был на генерале Ру Балае на всех плакатах. Тетка быстрыми отточенными движениями бросала горстки недоваренного риса в подставленные миски. Иногда она промахивалась, но не сумевшим поймать свою еду второй попытки не предоставлялось. Кто-то из тех, чей ужин плюхнулся в грязь, не меняя отрешенного выражения на лице, уходил голодным в барак. Кто-то – эти, видимо, попали на рудник недавно – бросался на землю, трясущимися руками собирая в пыли зерна, чтобы промыть их и съесть. В их глазах еще можно было найти огонь, тягу к жизни. Но это здесь – явление временное, понял Райн Тайн.

Тогда Райн не решился подойти к родителям. Ему не захотелось выбежать и броситься на шею матери, обнять отца. Не хотелось, ему было противно даже подумать о том, чтобы подойти и заговорить с этими почти мертвецами, покрытыми сочащимися язвами. Он струсил и сбежал. Он бежал до тех пор, пока не закончились силы. А перед глазами стояла страшная

картина, которую он успел придумать сам себе, – он видел, как его руки покрывает серый налет, который разъедает кожу, заставляя ее целыми пластами отставать от мяса, свешиваясь лохмотьями и цепляясь за ветки пролетающих мимо кустов.

Руки, голые по локоть, он действительно изодрал в кровь. Но радиация тут была ни при чем – просто он, не разбирая дороги, бежал сквозь густой лес.

Ночь он провел в случайно подвернувшейся пещере, а утром уехал на первом же грузовом мобиле, водитель которого согласился подбросить подростка с перепуганными глазами до следующего городка.

Тот день стал переломным для Райн Тайна. Он сбежал из Кьяунгсина и так никогда и не вернулся домой. Ему посчастливилось попасть в какую-то благотворительную миссию, названия которой он не знал до сих пор. Да и какая разница, как там она называлась? Главное в том, что Райн смог получить образование, стать учителем. Потом, через много лет после того, как о генерале Ру Балае перестали вспоминать только с ненавистью, ужасом и содроганием, он попал в политику. Случайно его кандидатуру на выборах предложил директор школы – потому что сам не хотел, а кого-то направить должен был.

Спустя еще семь лет Райн Тайн – давно уже не юнец – стал Президентом.

Но лица родителей – пустые глаза, смотрящие в никуда, медленно жующие полусырой рис рты – остались в его памяти навсегда.

Генерал Ру Балай смог поднять экономику страны из пропасти, в которую та стремительно падала. Спустя несколько лет после поездки юного Райн Тайна в Кьяунгсин в Мьянме появились первые пищевые комбинаты. За несколько лет голод был побежден. Тот самый голод, который генерал Ру Балай и его команда создали искусственно: людьми, готовыми удавиться за миску бесплатного риса, управлять не просто легко, они сами жаждут, чтобы ими управляли.

По официальным данным, за время правления Президента Балая от голода и невыносимых условий труда на вредных и опасных производствах погибло около шести миллионов человек. Райн Тайн видел истинные отчеты – на самом деле жертв было почти втрое больше.

А теперь снова пришло время принимать непопулярные решения. И принимать их придется ему – Райн Тайну, тому самому пацану, который лишился родителей, а потом и брата.

– Ая, что говорят звезды?

Президент и главный астролог неспешно шли из храма, куда оба ходили воздать должное Будде. Время решений пришло, но Президент никак не мог начать действовать. Он еще надеялся, что удастся все решить малой кровью, без тех ужасов, что он увидел тридцать лет назад в Кьяунгсине.

Бредущие по пыльной дороге мертвецы, покрытые язвами, с потухшими глазами.

– Звезды указывают на север, – изрек Ая Сигай после секунды раздумий.

– Что там, на севере?

Откуда астрологу было знать, что творится на севере? Ведь даже он, Президент страны, этого не ведает.

А китайцы знают. И индусы что-то там затеяли.

– Там счастье, там решение проблем.

Райн Тайн резко остановился, пристально разглядывая собственного астролога, как будто увидел его впервые в жизни.

– На севере джунгли, Ая. Откуда там счастье?

– Так говорят звезды.

Астролог пожал плечами – не в его правилах было сомневаться в том, что показывают расчеты, выполненные древним, существующим уже больше тысячи лет, способом. Ошибка исключалась – теперь обсчитаться невозможно, коммуникатор считает быстро и точно.

Можно собрать людей и отправить их на север. Если не знаешь, что нужно искать, подойдет что угодно: поставить людей в цепь и пускай несут все, что им покажется необычным. Если звезды не врут, их ждет большой куш. Их ждет указатель к выходу из сложившегося кризиса, туда, где нормальная жизнь, где нет голода из-за неработающих пищевых фабрикаторов.

Но если звезды ошибаются... Если кто-то здесь и ошибается, то им может быть только Ая. Звезды не могут врать, движением небесных светил управляют боги, а они не оставят свой народ.

Райн Тайн посмотрел туда, где медленно, но верно поднималась вверх красная пагода. Новая, ее приказал построить лично Президент.

На севере радиоактивное заражение. Именно там, куда настойчиво лезут индусы, там, куда, если верить словам генерала Лала, неоднократно наведывались китайцы.

Живые мертвецы, бредущие по пыльной дороге. Взгляд отца. Взгляд бестолкового затравленного умирающего животного.

Нет, он не пошлет людей на север. Пускай там роются китайцы с индусами. А его задача – выдоить из богатых соседей как можно больше денег и ресурсов. Пусть только заикнется Лал о вывозе чего-нибудь с территории Мьянмы. Расплачиваться ему

придется электричеством. Еще бы поймать китайцев и всех тех, кто якобы ищет нефть.

Глава 23

Обыск, проведенный впопыхах, ясное дело, ничего не дал. Обычная деревня – с полтора десятка ветхих лачуг, часть которых развалилась во время урагана, посетившего эти места той злополучной ночью. Из леса ведет тропинка, разделяющаяся на две-три узких улочки, по сторонам которых и стояли лачуги.

Никакой системы в расположении домов не было, это место совершенно не походило на привычные европейские города и деревеньки, где все четко продумано и детерминировано законом. Здесь строили кто во что горазд. Да и строительством возведение этих шалашей назвать трудно.

Восемнадцатая поняла, что где-то просчиталась. Не то гроза стала помехой, не то слишком активные действия бойцов. На самом деле она вообще не рассчитывала, что заниматься делом придется в таких условиях – она привыкла работать в одиночку, без свидетелей и суеты. А когда вокруг началась настоящая бойня, понять что-либо было трудно.

Она вернулась в деревню, чтобы осмотреть все внимательней. Скорее всего, придурки, бывшие несколько недель ее коллегами по «номерному» отряду, сделали работу за нее. Возможно, немного покопавшись в том, что осталось, она найдет доказательства и со спокойной душой отправится обратно в Мандалай. Со спокойной душой и круглой суммой на счете.

В сказку о том, что ее вытащат отсюда, восемнадцатая не верила. Номер, рассчитанный на дураков, – приходи, возьмем с собой. Ага, как же, – в качестве свежезастреленного трупа. Свидетели никому не нужны. Даже свидетели того, что по большому счету никому не интересно – интересы имеют обыкновение со временем меняться.

За крайними домами кто-то усиленно чавкал. Восемнадцатая насторожилась – всяческого зверья в здешних джунглях хватало.

За хижиной, заваленной ветром, обнаружились два леопарда. Хищники оторвались на мгновение от трапезы – под их красивыми пятнистыми лапами лежало два трупа, уже изрядно пожеванных, – метнув равнодушные взгляды на человека, и вернулись к прежнему занятию. Восемнадцатая понимала, что вряд ли заинтересует этих грациозных кошек, которым бойцы «номерного» отряда оставили достаточно еды, не собирающейся убегать или оказывать сопротивление. Но все же «Патанг» взяла в руки и сняла с предохранителя.

– Тихо, тихо, кошечки, – прошептала она, отходя за стену.

Пока можно поискать на другом конце деревни. Но соседство

с леопардами не добавляло спокойствия. Да и падали здесь теперь много, вполне может пожаловать кто-то еще. Восемнадцатая не знала, много ли в этих краях тигров, но встречаться с гигантскими кошками большого желания не имела. Особенно принимая во внимание не самое серьезное оружие, которым она в данный момент обладала.

Восемнадцатая обследовала две крайних хижины и не нашла внутри ничего интересного. Скудный нехитрый скарб, остатки еды, успевшие протухнуть, одежда, в большинстве своем старая и дешевая.

Никаких признаков чего-то технологического или хотя бы такого, что работало бы от электричества. Правильно – здесь электричества отродясь не бывало. Но по всем данным, которыми ее снабдили, тот, кого она искала, должен быть где-то рядом. Других деревень в округе не было, восемнадцатая успела проверить за эти дни.

Из-за кустов вышли давешние леопарды. Остановились, облизывая измазанные багровым морды. Смотрят безразлично, можно даже сказать – по-доброму. Молодняк, они бы с удовольствием поиграли, но боятся ее. Впрочем, она тоже особого доверия к пятнистым бестиям не испытывает.

– Пошли, пошли! Домой! – крикнула она им, для большей убедительности махнув в их сторону стволом автомата.

Леопард, что стоял ближе, ощерился, глухо зарычав. Шерсть на загривке встала дыбом.

– Иди домой!

Конечно, леопарды не понимали человеческой речи. И уж точно – английский. Но воспринимать интонации они вполне способны.

Обиженный недружелюбным поведением женщины, леопард повернулся и затрусил по тропинке, догоняя уже скрывшегося в кустах собрата.

На всякий случай восемнадцатая подождала на тропинке пару минут. Леопарды больше не появлялись. Они обязательно придут еще. Завтра или послезавтра, как только проголодаются. Не факт, что что-то останется, но они вернутся проверить. А восемнадцатой нужно закончить здесь все дела сегодня, иначе она рискует провести время в постоянной обороне от назойливых любителей поживиться падалью.

Никакого дискомфорта от того, что леопарды ели мертвых людей, восемнадцатая не испытывала. Она сама никогда не была вегетарианкой и с удовольствием при возможности ела натуральные стейки. Чем тогда ужасна трапеза хищников в джунглях? Человечина ничем не хуже и не лучше говядины. А что

до ценности человеческой жизни, так ценность эта сильно завышена.

Но отчего-то ты отпустила четырнадцатого с метелкой.

В рухнувшей хижине, рядом с которой остановилась восемнадцатая, провожая леопардов, на первый взгляд тоже ничего интересного не было. Но проверить все нужно тщательно.

Какое-то барахло, миска с чем-то присохшим, обломки самодельной, топорной работы мебели, черный проводок, молоток, что-то сельскохозяйственное в грязи...

Стоп! Взгляд красивых голубых глаз метнулся назад, туда, куда уже смотрел. Глаза поймали деталь, которой здесь быть не должно, но уставший разум пропустил ее, однако вовремя одумался.

Среди прочего хлама, похоже, что свалившегося на пол с разбитого теперь упавшей сверху балкой стола, торчал тоненькой черный проводок. И восемнадцатой такой проводок был очень хорошо знаком, у нее у самой в рюкзаке лежал такой же – коннектор психопривода «балалайки»! Вот это уже становится интересно.

Женщина опустилась на колени, рассматривая, что лежало под ногами. Слишком много мусора, еще и джунгли добавили, припорошив тут все листвой. Придется разгребать. А для этого нужно положить автомат. Плохо, очень плохо – ее могут застать врасплох. Она быстра, но, чтобы начать стрелять, сначала необходимо поднять оружие. Только иного выхода нет.

Восемнадцатая аккуратно, чтобы ничего не пропустить, отбросила все, что казалось ей лишним. Ничего подозрительного, кроме психопривода, в валяющемся на полу хламе не нашлось. Но вряд ли на этом проводке сушили белье.

Наемница обошла хижину вокруг, внимательно всматриваясь в каждый сантиметр покрытого плесенью и изъеденного жучками строения. Хижины здесь ставили на сваях. При мысли о том, какой поток несся с горы вниз во время каждого дождя, эта особенность местной архитектуры не казалась излишней. По этой же причине было невозможно сооружение всяческих погребов и подвалов под домами.

Сваи делали из толстых бамбуковых стволов. Некоторые опоры не то от времени, не то по вине вчерашнего урагана треснули. Внутри одной вроде бы что-то лежало.

Если обрезать бамбук ниже перегородки с одной стороны и выше – с другой, получится отличная ваза.

Так и есть – в третьей опоре обнаружилось то, что она искала. Половую доску в этом месте явно неоднократно отрывали. Восемнадцатая повторила маневр хозяев, и ей открылся отличный

тайник.

Ничего крупногабаритного в нем, конечно, было не спрятать. Но вот «раллер», ширина которого не превышала десять-двенадцать сантиметров, довольно легко умещался в неглубоком отверстии, прикрытом сверху оторванной перегородкой бамбукового стебля.

В тайнике лежала черная сумка, в каких обычно носят «раллеры». Восемнадцатая надела перчатки, запас которых имелся в рюкзаке, и осторожно вытащила сумку наружу. Лишние отпечатки не нужны, они помешают найти хозяина этой, вероятно, недешевой вещицы. Флакон со специальной флюоресцирующей жидкостью тоже входил в комплект. Так же, как специальная программа в «балалайке», распознающая отпечатки пальцев. Сейчас сличить их с базой данных не удастся, но через несколько часов наукомовский спутник пройдет над головой, тогда можно будет посмотреть, чьи «пальцы» остались на «раллере».

Только никаких данных найти не удалось – и сумка, и сам «раллер» оказались чистыми. Ни одного отпечатка. И почти выдохшийся, но все же заметный запах какой-то химии – отпечатки выводили намеренно.

В кармашке сумки лежало несколько носителей. Можно не проверять, и так понятно, что никакой информации на них не осталось. Так же, как на дисках «раллера» – восемнадцатая подняла крышку, но ни один из индикаторов машины не загорелся. Техника была безнадежно мертва.

Опять никаких следов!

Дело с самого начала не казалось простым, но чтобы ниточка оборвалась вот так, чтобы «клиент» ушел из-под самого носа.

А почему, собственно, ушел?

Восемнадцатая достала из рюкзака планшет. Ее личный гаджет, а не коммуникатор, выданный на базе, где собирался «номерной» отряд. Зарядка батареи в полном порядке – когда покупаешь вещи, которые могут пригодиться в деле, скупиться не стоит: увеличенная емкость аккумулятора и сниженное энергопотребление в лесной глуши вещи более чем стоящие.

Она вернулась в деревню утром, сразу после того, как разобралась с четырнадцатым и его девчонкой.

Отпустила, а не разобралась.

Хищники еще не добрались до тел, которые лежали по всей деревне. Наверное, зверье пугал запах оружия или память о живых людях, которых здесь теперь не было. Восемнадцатая насчитала тридцать один труп. У восьми из них имелись «балалайки», их имена были прописаны в таблице сразу. Еще

шестерых системе удалось распознать по лицам и отпечаткам пальцев – это стало возможно только тогда, когда в небе появился наукомовский спутник. Остальные тела – просто жители деревни. В любом случае, среди неопознанных тел того, кто был нужен восемнадцатой, не было со стопроцентной вероятностью. Ей требовался человек, имеющий понятие, что такое сеть. Значит, выбор всего из восьми.

Но кто из них? Если бы на сумке или клавиатуре «раллера» остался хотя бы один отпечаток, хотя бы фрагмент, который смог бы переварить мощный коммуникатор восемнадцатой, проблема, возможно, разрешилась бы.

Думай, думай! Что мог упустить ломщик, оставивший свой инструмент? Правильно сделал, что оставил – профессиональный киллер тоже всегда бросает оружие, конечно, если нет желания потом подставить кого-нибудь. Ломщик – тот же киллер, только убивает он не людей, а программы в сети. Хотя, если копнуть поглубже... Человеческие жизни даже теперь, после того как планету чуть не вывернуло наизнанку, слишком сильно зависят от сетевых программ.

«Раллер» облили раствором, растворяющим жир. Именно жир, выделяемый сальными железами кожи, и ответственен за появление отпечатков пальцев. Сумка, компьютер, носители в кармашке – все от души облито жидкостью. Даже пластик немного покоробился. Есть ли слабые места?

Восемнадцатая вытащила из рюкзака «раллер». Руки крутили маленький компьютер из стороны в сторону. Где-то должна быть зацепка, в чем-то этот гений компьютерного взлома мог просчитаться. А если нет, если не просчитался?

Тогда нужно брать руки в ноги и валить отсюда куда подальше. Чтобы никто найти не мог. Состояние «в бегах» начинает входить в привычку.

Если ломщик не допустил ни одной ошибки, найти его вряд ли получится. Во всяком случае, ей, восемнадцатой, поскольку теперь это дерьмо всплывет где-нибудь совсем в другом месте.

А она останется здесь...

Нужды искать точку подключения ломщика не было никакой. Ее уже нашел Лейтенант. Неизвестно, откуда взялись в нетронутых джунглях те катакомбы, что откопали здесь хмыри, которых сюда притащил все тот же Лейтенант. А потом их всех и прикончил. Правильный мужик этот Лейтенант, работает почти без промахов – взять ее, восемнадцатую, в отряд было промахом, только совсем без промахов работать невозможно. Надо думать, он это прекрасно понимает, только искать промахи Лейтенанта восемнадцатой не нужно. Ей нужно найти промах ломщика.

Откуда в джунглях подземный бункер, ей вовсе не было интересно. А вот то, что аккуратными штабелями было навалено внутри, сомнений не вызывало – явное старье, но однозначно это барахло имело непосредственное отношении к Цифре. В специфике машинистских терминов восемнадцатая не разбиралась, ей это и не требовалось.

Нужны ей были следы, которых найти, опять же, не удалось. Она изо всех сил старалась попасть в подземелье первой, когда вся толпа ринулась внутрь, охваченная какой-то животной жаждой охоты. Но ее опередили и мешали осмотреть даже то, что еще оставалось не залапанным и не затоптанным граблями семнадцати мужиков, изнывающих от длительного воздержания.

Ломщик работал аккуратно. Слишком аккуратно, словно ждал, что скоро в его логово нагрянут «исследователи». Ждал, однозначно ждал. Они всегда ждут, такой они народ, эти нейкисты. Всю жизнь в ожидании и неуемном желании что-нибудь сломать и разрушить.

Если какие-то следы и имелись в подземелье еще до того, как Лейтенант выгнал всех наружу и послал в деревню стрелять узкоглазых, то их тщательно и со всем возможным вандализмом уничтожили бойцы.

Восемнадцатая вышла из развалин хижины наружу и еще раз осмотрела трупы. Только те, у кого стояла «балалайка». Где-то поработало зверье, где-то птицы. Но самым отвратительным был запах – в теплом и влажном климате тропиков плоть разлагалась с потрясающей скоростью.

Волосы, татуировки – это важно, ломщики любят отмечать свою принадлежность к стаду поклонников сумасшедшей «поэтессы» прической и отметинами на черепушке, руках или спине. Тату у некоторых имелись, но ничего похожего на ту лабуду, что рисовали на своих телах нейкисты. И ни одного лысого. Коротко стриженных – очень коротко – двое, но лысых нет.

Глаза. Наноэкраны у семи из восьми. Как пользовался «балалайкой» восьмой, непонятно, но это его личное дело. Скорее всего, просто экран полетел, а менять негде. Да и незачем.

Руки… Вот с этим она просчиталась. Сильно просчиталась. У всех восьмерых руки сильно пострадали. Погрыз кто-то мелкий, наверное, крысы. Но кое-что рассмотреть можно: грубые, натруженные руки, кожа в мозолях, ногти обломаны или вовсе изъедены грибком. Но и это не было главным…

Дело в том, что «балалайки» были имплантированы у девяти сельчан, а не у восьми, как восемнадцатая считала.

Черт бы подрал этого четырнадцатого! Только теперь

восемнадцатая поняла, что пропустила нечто важное – перед глазами фотографией стоял затылок метелки, которую боец «номерного» отряда потащил с собой. Черные, неровно обрезанные волосы, достающие до плеч, затылок надежно спрятан. Ей была дана команда встать, она поняла не сразу, она бирманка, по-английски понимает плохо.

Понимает, может, и плохо, но прикидывается темной деревенщиной весьма неплохо, очень натурально у нее получалось.

Девчонка несколько раз оборачивается, бросая затравленные взгляды на восемнадцатую, потом немного наклоняется, чтобы в следующее мгновение резко подняться на ноги.

Вот в этом месте стоп-кадр. Черные как смоль волосы на секунду взлетают вверх, открывая затылок. На котором четко просматривается горизонтальная черта «гнезда», внутри установлена «балалайка», отсвечивающая светодиодом.

Все, волосы упали вниз, скрыв чип от посторонних глаз.

У этой девчонки установлена «балалайка», она и есть девятая!

Она последняя в списке. Кхайе Сабай, четырнадцатый ее именно так и называл. И восемнадцатая вдруг вспомнила ее руки. Еще одна картинка, слишком поздно выползшая из хранилища под названием память, – тонкие пальцы, кожа гладкая и даже, можно сказать, нежная. На руках этой Кхайе были царапины, под ногтями грязь. Но руки человека, большую часть жизни ковыряющегося на грядках – или где они тут ковырялись, должны же узкоглазые что-то есть в джунглях, – так не выглядели. Вот у офисного работника, ни с того ни с сего решившего посвятить себя работе на даче, такие руки быть могли. От непривычки работать с садово-огородным инструментарием, а не от регулярного тяжелого труда.

Какого дьявола она вообще увязалась за четырнадцатым? Вопрос, конечно, риторический: куда ей еще тут в лесу деваться?

И что делать теперь? Искать доказательства, что один из восьми трупов с «балалайками» в башках и есть тот самый ломщик, которого она должна убрать, или отправляться в погоню за четырнадцатым? Знать бы еще, куда этого гада понесет. Вот ведь мужики – одни проблемы от них.

Проблема выбора – самая страшная вещь. Она это хорошо знает. Даже когда выбор очевиден и выбрать можно только из двух, казалось бы, вполне естественных вещей – жить или умереть. Можно было умереть тогда, год назад. Уверенности, что смерть будет скорой и мгновенной, не было никакой, и это только добавляло груз на противоположную чашу весов. Она выбрала жизнь и до сих пор не убеждена в правильности выбора.

Черная сумка с непристойно чистым «раллером» отправилась в рюкзак. Руки сами собой – движения совершаются на автомате, она давно привыкла выполнять подобную работу – забросили «Патанг» на плечо, проверив перед этим затвор и предохранитель.

Навигатор в планшете работал отлично. Карту она обновила в Манадале во время одного из редких сеансов подключения к сети – со связью в Мьянме было совсем плохо и до Катастрофы, а современные гаджеты, способные подключаться без ретрансляторов, наподобие коммуникаторов, которые им выдали в тренировочном лагере, сюда никто не завозил. Неподалеку располагался какой-то городок. Нонгуин, не без труда прочла восемнадцатая надпись на экране.

Убогий язык, убогая страна, убогие люди! Какого черта она здесь вообще делает?! Она найдет этого негодяя. Или негодяйку. И получит свой приз – возможность выбраться в нормальный мир, где она сможет заняться нормальной… Чем она там сможет заняться? Ответ пока неизвестен. Хотелось верить, что ее работа пользуется спросом и сейчас. Да что там – хотелось бы! Наверняка пользуется, она это знала. Только вот…

Профессионализм потерян.

Только вот захочет ли она заниматься тем, чем привыкла? Большой вопрос. Очень большой.

Глава 24

Грохот, удар, тонны воды обрушиваются на голову, прижимая к холодному и чужому металлу. Зачем он здесь? Душераздирающий скрежет рвущегося на части металла толщиной в руку. И вибрация, от которой, кажется, сейчас начнут крошиться зубы.

Вокруг ничего не видно, все застит вода, она льется непрерывным потоком, и нет ей ни конца ни края. Вода прозрачная, в зеленоватом водопаде, разбавленном белесой пеной, то и дело мелькают руки, ноги, головы... Все летит и движется. Или это он летит, а все вокруг стоит на месте? Какая разница, все в этом мире относительно. Даже сам мир.

А потом пол вздрагивает и больно бьет по ногам, вколачивает бедренные кости внутрь тела. Кажется, колени торчат где-то на уровне груди. Спине больно ужасно, но боль – это хорошо. Боль означает, что спинной мозг все еще способен нести сигналы в черепушку, что позвоночник каким-то чудом уцелел.

Вода больше не льется. Литься можно откуда-то куда-то, а когда вокруг только вода, это уже океан, а не водопад. Легкие, избитые снизу коленями, жжет, словно на адском огне, безумно хочется вобрать полную грудь воздуха, но воздуха нет. Нет ничего.

Зеленое с бурунами сменяется черным. Абсолютная чернота. Он знает, что черное – это цвет созидания, изначальный цвет, на котором боги рисуют миры. Это полотно художника, на котором он светом напишет шедевр. Чернота – это начало и конец. Только он уже ничего не понимает, он неспособен отличить конец от начала.

Именно в этот момент Окоёмов и отпустил руки. Возможно, это его и спасло. Неизвестно, как все обернулось бы, если б он не сумел разжать пальцы, сведенные судорогой, сомкнутые на скобе, вмонтированной в толстую броню палубного орудия.

Все, что происходило дальше, Окоёмов помнил смутно. Его подобрали какие-то монахи. Ни имен, ни лиц этих молчаливых и покорных судьбе людей он не запомнил. Мир для него превратился в некое подобие театра абсурда: размытое изображение, в котором едва угадывался смысл. А для того чтобы увидеть этот смысл, требовалось приложить хотя бы толику старания, на которое у Окоёмова попросту не хватало сил.

Он до сих пор не знал, разговаривал ли с кем-то в тот период. В памяти остались только картинки. Будто фотографии, загруженные в мозг с чужой фотокамеры не самого лучшего

качества. Когда он пытался вспомнить людей, места, события, что происходили с ним, создавалось впечатление, что он рассматривает фотографии мест, в которых никогда не бывал. И даже не подозревает, где фотограф проводил свою фотосессию.

Воспоминания начинались с момента, который Окоё– мов запомнил очень хорошо. Улыбающееся лицо лысого тощего человека с темной кожей и раскосыми глазами, завернутого в желто-оранжевую ткань. Это был один из монахов буддийского монастыря, в котором лечили русского моряка.

Лечили ли? Наверное, они пытались пробудить отключившийся разум какими-то своими монашескими методами. Но у них ничего не вышло – сознание, словно бы выпавшее от удара из головы и обосновавшееся в пятках, не находило пути назад.

До тех пор, пока монахи не решились попробовать «джьяду гумра». Или они хотели испытать голубой порошок на ком-то, кого не было жалко? Трудно сказать. Вообще-то, буддисты трепетно относились к живому, даже если оно лишилось рассудка.

Под действием порошка фотокамера, которую кто-то зачем-то оставил в голове Окоёмова, выключилась, и на какое-то время наступила полная темнота. Цвет созидания, эпоха созидания, мир созидания.

После первой дозы «джьяду гумра» чуда не произошло, разум не вернулся. Но порошок открыл путь для мира, который окружал Окоёмова, внутрь. Мир начал появляться внутри головы моряка.

Вторая доза наркотика сделала с его мозгом нечто, чего он до сих пор не мог описать. Для этого не было слов, он не знал, что там, внутри черепной коробки, изменилось, открыв путь наружу.

Теперь мир явился ему во всей красе. Отныне Василий Окоёмов, мичман крейсера «Иван Грозный», сгинувшего в приливной волне, что смыла два года назад почти сотню километров побережья Мьянмы, вернулся. Он был внутри мира, он знал все, что должен был знать, он вспомнил то, во что верил.

Только не было никакой уверенности, что мир, который он видит перед собой, тот же самый, что видели его глаза и осязали руки до Катастрофы.

И было ли в новом мире место для веры и старых воспоминаний?

Пока Окоёмов регулярно вдыхал «джьяду гумра», этот вопрос не очень беспокоил. Под действием порошка он приобретал способность раскрашивать Абсолютную Черноту и воспользовался этой способностью сполна. Но если у каждого есть свой Абсолют, который он, в меру отпущенных природой и «порошком»

дарований, может разукрашивать по собственному усмотрению, играет ли какую-то роль вера и преданность? Имеет ли цену верность в мире, где каждый может перекраивать мироздание по собственному проекту?

Окоёмов давно не задавался подобными вопросами. С тех самых пор, как «джьяду гумра» стал для него не отпущением грехов, а адским пламенем. Но теперь пришло время вспомнить и решить. Определить для себя раз и навсегда, с кем он и во имя чего.

Василий смотрел на престарелого китайца и думал. Маленький и тощий, с перекошенным от непонимания самого себя лицом, дрожащими руками сжимающий какой-то жеваный провод, старик не знал, что делать: броситься пришедшим на шею, разрыдавшись от счастья, или бежать отсюда во все лопатки, чтобы понадежней скрыться от странников.

Как ни странно, но примерно те же чувства испытывал и сам Окоёмов.

– Кто это?

– Сатарик Чжи Бяо, – промямлила метелка.

– Кто?!

Окоёмов повернулся к девчонке, пристально всматриваясь в движение ее губ в надежде разобрать хоть что-то из этого лепета. Потом внезапно, без повторений, понял, что первое слово означало «старик». А все остальное...

– Фэн Чжи Бяо, – повторила Кхайе.

Так и есть – имя. Ну конечно же, он ведь китаец.

– Часовщик, – отчетливо произнесла девушка.

Значит, Часовщик не профессия, а прозвище этого сумасшедшего. Но, видимо, заодно и ремесло: ведь Кхайе сказала, что он может починить коммуникатор.

Кстати о коммуникаторе – если Окоёмов правильно помнил расписание из присланной кем-то таблицы,

...а то ты не знаешь, кто это прислал...

пролет спутника над здешними местами должен произойти в самое ближайшее время. И нужно постараться не пропустить это не самое частое явление. Все-таки хотелось бы получить хоть какие-то разъяснения. Только, надо признаться самому себе, он прекрасно понимал, что никто никаких разъяснений не даст. Не в *их* это правилах. Окоёмов был в деле, если можно так выразиться, а значит, должен... вернее, готов выполнить то, что поручат. Не спрашивая, зачем и кому это нужно.

– И зачем мы сюда пришли? – спросил Окоёмов, разглядывая кавардак, царящий в сарайчике китайца. Он отлично понимал, что с Часовщиком ему, судя по всему, очень повезло. Так что

вопрос был риторическим.

Кхайе, нахмурив брови, смотрела на Окоёмова, явно пытаясь понять, что он сказал. Василию было все равно, понимает ли его слова девчонка – от этого ничего не менялось. Его больше занимало другое. То, что он видел вокруг.

А в сарайчике оказалось много интересного. Всюду – на столах, покосившихся на подломленных ножках, на стульях, на полу и многочисленных полках – виднелись предметы явно техногенного происхождения. Для чего они были нужны в этой мьянманской глуши, Окоёмов не знал. Но он знал, что можно собрать из деталей, которые видел. Точнее, что из них можно было бы собрать, если бы кто-то – скорее всего, сам Часовщик – не разгромил тут все, уничтожив большую часть оборудования.

Груды пластикового и металлического хлама, рассыпанные по растрескавшимся доскам утлого, почти рухнувшего сарайчика, были не чем иным, как деталями работавшей когда-то электролабы. Для ее полноценного функционирования, не считая того, что большая часть деталей была разбита, не хватало одной маленькой детали – электричества.

– Починить... вещь, – совладав наконец с чужим языком, сказала Кхайе.

– Вещь в порядке, – сказал Окоёмов, не сводя глаз с притихшего китайца.

Этот взгляд ему что-то напоминал. Что-то очень близкое и хорошо знакомое. И Василий даже знал что, но боялся признаться самому себе в этом.

Неужели и я так же?..

Фэн Чжи Бяо резко поднял глаза, до того затравленно рассматривающие мусор у себя под ногами. Теперь в болезненного вида, покрасневших и слезящихся глазах китайца читалась неприкрытая агрессия. Уголки его губ медленно поползли вверх, обнажая два ряда кривоватых желтых зубов в хищном оскале.

– Этих людей мы и ждали, – пробормотал Часовщик, роняя на пол капельки вязкой слюны. – Это то, чего ты добивался, проклятый ублюдок.

Кхайе смотрела на китайца, в ее глазах без труда можно было заметить испуг. Она приложила пальцы сложенных вместе ладоней к подбородку и медленно поклонилась, не сводя взгляда с Часовщика.

– Чжи Бяо, что с вами? – спросила она по-бирмански. Окоёмов понял фразу, потому что ее наконец-таки распознал зашитый в «балалайку» переводчик.

Китаец что-то лопотал, переходя с замогильного шепота на

агрессивное ворчание. Он говорил по-китайски, не особенно заботясь о том, понимает ли его обратившаяся к нему Кхайе. Ему, похоже, было вообще все равно, понимает ли его кто-нибудь, ему вполне достаточно самого себя. И этот симптом Окоёмов тоже хорошо знал. Но сейчас его интересовало другое. Василий прошел в глубь небольшого сарайчика, разгребая разбросанные остатки явно устаревшей, но когда-то вполне работоспособной электролабы.

Где еще могли сделать то, о чем было написано в задании, которое получил Василий вчера? Здесь не было электричества, этот фактор не вписывался в предполагаемую схему. Но электричества не было сейчас, неизвестно, как обстояли дела несколько дней или недель назад. А может быть, и месяцев – о сроках в послании ничего не сообщалось.

– Где процессор? – четко произнес на китайском Окоёмов прямо в лицо замолкнувшего на секунду Часовщика, схватив его за шиворот.

Тот посмотрел на Василия очумелым взглядом, словно только заметил, что в сарае кто-то появился. Его руки бессильно упали, а сам он обмяк, повиснув на руке Окоёмова. Спустя еще одно мгновение он снова встрепенулся и заговорил столь быстро, что отличный сертифицированный переводчик Окоёмова не успевал переводить. Только отдельные слова всплывали из общего бормотания: «пошел», «зачем», «виноват» и целые тирады какой-то отборной ругани, которую Василий плохо понимал даже в русской интерпретации.

– Перестань, Бэзил! – закричала Кхайе и бросилась на помощь китайцу.

Нет, от Часовщика ничего не добиться. Никакого смысла в расспросах. Тут ничто не поможет – ни уговоры, ни пытки. Он просто не может ответить, если уж на то пошло, он, скорее всего, действительно не знает ответа. Сейчас не знает. Может, когда-нибудь вспомнит, забыв его через пару мгновений. Но как поймать нужный момент?

Окоёмов не знал. Те, кто дал ему поручение, возможно, знали. Наверное, существуют какие-то методы, позволяющие извлечь из головы то, что однажды туда попало. Даже если голова эта стремительно теряет рассудок.

– Посмотри, может, у него есть какие-нибудь вещи, которые могут пригодиться в походе, – бросил он Кхайе, не особенно заботясь о том, поняла она его или нет.

– Что с вами, тхакин[21] Фэн? – еще раз спросила Кхайе.

Девушка вглядывалась в бегающие воспаленные глаза китайца. Глаза безумца. Или, правильней сказать, – безумцев.

– Оставь его пока. Он все равно пойдет с нами.

Метелка смотрела на Окоёмова. В ее темных глазах застыли слезы. А она симпатичная, хоть и узкоглазая, отметил про себя Василий, не особенно задумываясь, что сейчас, наверное, не самое подходящее время для подобных мыслей. Да и не такая уж узкоглазая – разрез глаз у нее по-настоящему красивый. Чуть полноватые темно-вишневые губы, нежная молодая кожа, тонкие руки...

– Почему? – пробормотала Кхайе по-английски.

Окоёмов встряхнул головой, сгоняя наваждение. В штанах стало неудобно – а ведь он, черт возьми, возбудился.

– Что – почему?

– Почему он такой? Что с Часовщиком?

– Волшебный порошок, – бросил Василий и отвел глаза от девушки. Он нагнулся, чтобы лучше рассмотреть хлам, горой насыпанный под столом.

Здесь было много чего – обломки компьютерных плат, пустые болванки «поплавков», отдельно валяющиеся, видимо, выдранные из нутра компьютеров чипы, целые на вид процессоры. Все что угодно из этого могло оказаться тем, что искал Окоёмов.

Знать бы еще, что вообще надо искать.

Могло статься так, что ничего из разбросанного Часовщиком хлама тем самым процессором не являлось.

– Здесь есть сеть? – спросил Окоёмов, не поворачивая головы и ни к кому конкретно не обращаясь.

– Сдурел, что ли? – с акцентом, но на чистом английском произнес старик.

Василий повернулся, его глаза встретились с глазами Часовщика. Нет, это просто случайность, никакого смысла внутри узких китайский щелочек не появилось. Но на всякий случай, не надеясь услышать ответ, Окоёмов спросил еще раз, теперь на английском:

– Где процессор?

Бессмысленно. Часовщик уже ковырялся в полуразобранном стенде электролабы.

– Здесь нету сети, – ответила Кхайе. Она все так же говорила с жутким акцентом, сильно коверкая слова, но Окоёмов, вероятно, привык к ее произношению и стал понимать девушку лучше.

Понятно: как спросил, так и ответили. И так ясно, что сейчас здесь сети нет.

– А раньше была?

Теперь он и не пытался обратиться к Часовщику.

Кхайе отрицательно помотала головой. Тогда получается, что нужного чипа здесь быть не может – в сообщении было написано

четко: «подключенный к сети процессор». В этой хибаре его никак не подключить.

Или…

Окоёмов вспомнил о коммуникаторе, который лежал в рюкзаке. Этот гаджет к сети подключался и здесь. Да и, надо думать, в любой другой точке планеты.

Или…

То подземелье, куда привел их Лейтенант. Одинокие огоньки светодиодов, мерцающие в вечной тьме. А ведь там было электричество. Если не подведенное кабелем, то как минимум запасенное в аккумуляторных батареях. И горы запыленного оборудования, расставленного на стеллажах, вызывали прямые ассоциации с сетью. Если бы тогда Окоёмов знал о процессоре…

Как бы там ни было, Лейтенант рвался в эту нору неспроста. И намеревался ликвидировать всю свою группу он тоже не просто так. Он нашел то, что искал – нетрудно сложить простые данные, чтобы получить результат: он искал тот самый процессор.

Тогда, значит, Лейтенант не был заодно с единомышленниками Окоёмова, иначе для чего понадобилось бы перепоручать то, что выполнил один, кому-то еще?

И восемнадцатая в лесу… Скорее всего, она тоже искала этот процессор. Или того, кто его забрал.

Окоёмов поднял взгляд. Метелка с китайцем все еще стояли рядом.

– Я сказал, посмотри, что у него в доме! И уходим! – рявкнул Василий на Кхайе.

Она вздрогнула, коротко кивнула и нерешительно дернула Часовщика за рукав. Тот посмотрел на нее пустым взглядом, ни толики узнавания в нем не было.

– Пойдемте, Часовщик.

– Он сказал, что может. Можно подумать! А ведь я ему говорил, тупая его башка! – вдруг выпалил китаец, отвернувшись в сторону маленького, зарешеченного бамбуком окна, и пошел следом за Кхайе.

Окоёмов на всякий случай выглянул наружу. Нет, там никого не было, китаец разговаривал с несуществующими собеседниками.

Все, что хоть сколько-нибудь походило на процессоры, отправилось в рюкзак. Пускай в назначении этого электронного хлама разбираются другие. Его задача найти и доставить.

Не переставая активно работать руками, Окоёмов вдруг понял, что принял решение. Не задумываясь. Решение пришло само, прочно укоренившись в его сознании.

Как было и у Часовщика – он сам по себе, его мысли сами по

себе.

Он готов выполнить любое поручение. Он готов делать то, в чем его предназначение. Что будет потом, Окоёмов не думал. Но сейчас он сделает все, что от него ждут.

Прежде чем выйти наружу, Василий уничтожил те части электролабы, которые в принципе еще могли бы работать. Разбил и растоптал, доведя электронный хлам до такого состояния, что было бы очень трудно опознать в нем электролабу. За процессором охотится не один он, это очевидно, так что не стоит оставлять лишние подсказки конкурентам. Спасибо девчонке, к Часовщику он успел первым. И задерживаться здесь надолго тоже не стоит.

Небольшая жестяная коробочка с открытой крышкой промелькнула на самой периферии поля зрения. Но не заметить ее содержимое Окоёмов не мог. Очень хотелось сделать вид, что не разглядел, и уйти, но руки сами потянулись к жестянке. Рассыпав часть драгоценного содержимого, Василий дрожащими пальцами закрыл крышку и спрятал коробочку в рюкзаке. Только крепко затянув замок, он вздохнул полной грудью. Оказалось, что до этого он задерживал дыхание. Знакомый едкий запах ударил в ноздри, а слева, на груде покореженных остатков электролабы, что-то закопошилось.

Темные волосы, прищуренные глаза и рот, растянутый в жутковатой ухмылке.

Там нет ничего. Просто мусор. Мусор и больная фантазия, обострившаяся от разнесшегося по сараю запаха. Нужно выйти на свежий воздух, и все пройдет.

Никогда не пройдет, не тешь себя...

– Ты готова?! – крикнул Окоёмов Кхайе, выйдя из сарая.

Снаружи уже наступило утро. Туман, стелившийся по ложбинам, исчез, из-за горы, покрытой густой шапкой джунглей, пробивались первые лучи солнца. Новый день вступал в свои права.

– Здесь ничего нет, – ответила девушка, высунувшись из окна крохотной хижины Часовщика. Сам хозяин жилища сидел рядом, на ступеньках бамбуковой лестницы, ведущей на небольшую веранду.

– Смотри еду и оружие.

Окоёмов внезапно остановился, а потом резко нырнул между сваями под пол хижины.

– Крысы любят уютные норы, – прокомментировал Чжи Бяо. А может, его реплика и не имела никакого отношения к тому, что сделал боец.

Плевать, что любят крысы. Быть живой крысой куда лучше,

чем мертвым львом. Как он сразу не сообразил, что в хижине Часовщика вполне могло быть оружие. И если оно там было, то теперь оно в руках Кхайе. Которую он, Окоёмов, всего пару дней назад пытался убить.

На самом деле все было совсем не так.

Или не пытался? С тех пор как Василий очнулся в шалаше, сплетенном Кхайе, он больше не вспоминал о той злополучной ночи. В памяти упорно всплывал образ затылка Кхайе, который разбивает приклад «Патанга». На этом воспоминания заканчивались: что-то тяжелое ударило Окоёмова по голове, и он потерял сознание. Но девчонка была жива и с целой головой. И она что-то говорила по поводу той ночи. Что же?

Что ты спас ее.

Что-то очень странное, это навело Окоёмова на смутные подозрения, но тогда все испортила восемнадцатая, сбив его с мысли.

Все это сейчас не важно, а важно то, что если Кхайе нашла в берлоге китайца оружие, она запросто может пустить его в ход. Или не стоит валять дурака – для чего бы тогда она спасала его от змеиного яда, чтобы теперь застрелить? Наверное, прятаться не было необходимости.

– Нет еды, нет оружия, – сообщила девчонка. Ее голос доносился из глубины хижины.

– «Раллер» есть?

– Нет. Тут вообще ничего нет.

Окоёмов бросил взгляд на китайца – тот сидел на бамбуковой перекладине и кудахтал, беседуя сам с собой. Этот делом занят, никуда не денется. Да и старый он – догнать, если что, труда не составит.

Внутри действительно не было ничего. Ни мебели, ни вещей. Пустой прямоугольник пять на три метра, пол застелен побитыми черными пятнами грибка циновками, по стене змейкой к разбитой лампе на потолке бежит черный электрический проводок. Окоё– мов перерезал провод и осторожно прикоснулся ножом к медным жилам – не запитан. Надо думать, давно. А в деревне, где жила Кхайе, электричества не было никогда, хотя она совсем недалеко отсюда.

Циновки перевернуты, доски пола, неплотно пригнанные друг к другу, местами приподняты.

– Ничего не спрятано, – объяснила Кхайе, проследив взгляд Окоёмова.

А девчонка не промах. Интересно, что она хотела найти под полом? Василий посмотрел на нее – нет, спрятать она ничего не могла; у нее нет никаких вещей, только тонкая холщовая роба,

под которой ничего не утаишь. Вон, маленькая грудь как просвечивает…

Окоёмов понял, что опять возбуждается. Эх, если бы не нужно было спешить… Да и обижать девчонку он не хотел.

– Пошли. Бери старика и показывай, где у вас здесь дорога.

– Брать Чжи Бяо?

– Его, родимого.

– Зачем?

Судя по выражению лица, она на самом деле не понимала, зачем тащить с собой старика. Да и откуда ей было знать, что сотворил этот сумасшедший китаец? Если уж начистоту, Окоёмов и сам не знал точно, что такое сделал Часовщик. Да и он ли автор этого мифического процессора, большой вопрос. Хотя получается так, что больше некому. Но девчонке нужно что-то ответить.

– Ну не оставлять же его здесь, – пожал он плечами. – Выведем его в город. В нормальный город. Может, его там вылечат.

– Где?

Откуда ему знать, где старика могут вылечить.

И самому интересно, ты не представляешь, девочка, до чего интересно.

Но путь предстоит неблизкий, до Магуэ – единственного теперь порта в этой забытой всеми богами стране. Только там остался фарватер. Хоть и сомнительный, но сухогрузы, везущие в Анклавы, Европу и страны Конфедерации Вуду продовольствие, выращенное на мьянманских полях, шли строем в город, который всего три года назад располагался в сотне километров от моря. Только метелке все это знать совсем не обязательно. Магуэ тоже не деревня, в конце концов.

– В Мандалае, может быть. Идем!

Старика подняли под руки и пошли. Китаец шагал бодро и не сопротивлялся.

– Дорога есть? – спросил Окоёмов.

– Там, – Кхайе показала рукой в кусты, располагавшиеся с противоположной стороны от той, откуда они пришли сюда.

Везде кусты и деревья. Василий не знал, как выглядели города в северной Мьянме до Катастрофы, когда здесь еще было электричество и какое-то подобие коммунальных служб, но теперь все населенные пункты, которые ему довелось здесь увидеть, представляли собой разбросанные среди чуть менее густых зарослей, чем в лесу, хижины и домишки различной степени ветхости. Нонгуин не являлся исключением.

– До Мандалая доберемся?

Кхайе пожала плечами. То ли она не знала, что такое

Мандалай, то ли не ведала, в каком состоянии теперь пребывает дорога.

– Ладно, посмотрим.

Глава 25

До городка он добрался только к полудню. Когда солнце стояло в зените и нещадно жгло абсолютно лысую, гладко выбритую макушку. Любое дело требует тщательной подготовки и достоверности, поэтому пришлось протопать полтора десятка километров пешком. Сначала лесом, потом по дороге, разбитой и покрытой сетью неглубоких провалов, которые остались еще со дня Перерождения.

Монах поправил сангати, сползшее с плеча, и переступил порог, обозначающий границу владений этой семьи. Из дома – небольшого, но сложенного из камней, – вышел мужчина, одетый в лонджи[22] и клетчатую рубашку, цвета которой поблекли до почти равномерного серого оттенка. Хозяин дома учтиво поклонился вошедшему монаху. Ли Ханьфанг, который и был тем самым монахом, ответил на приветствие.

– Не сочтет ли бханте[23] возможным отобедать в нашем доме? – спросил мужчина.

– Я не могу принять твои дары, но Будда может, – согласно положенной формуле ответил Ли Ханьфанг.

Стол накрыли на улице. Нехитрая снедь и чистая родниковая вода пришлись как нельзя кстати после долгого пути по жаре. Разговаривали о звездах, благословении Будды Шакьямуни и том, что стоило ожидать в следующем году. Обычный, ничего не значащий треп, требующийся в подобных ситуациях.

На самом деле Ли Ханьфанга привело в городок совсем другое дело. Ему было глубоко наплевать и на обосновавшихся совсем недалеко от границ Нонгуина индусов, если только они не найдут первыми то, что было нужно майору. Он хотел найти того, кто сделал процессор. Тот самый, черный с оранжевыми кругами, который лежал в кармашке, специально пришитом к уттора санге изнутри. Потому что Ли Ханьфанг знал: сам процессор ничего не решает, имеет значение технология. Анклавы доказали своей более чем полувековой историей, что технология решает все.

– Нет ли в ваших краях человека, который смог бы починить вот это? – спросил монах, протягивая хозяину небольшой коммуникатор в темном титапластовом корпусе.

Сипай, как звали хозяина дома, принял из рук монаха устройство и с интересом посмотрел на него. Похоже, он никогда раньше не видел коммуникаторов. Тем более таких, произведенных корпорацией «Науком» уже после Перерождения.

Мужчина выглядел удивленным, он не предполагал, что у монаха может оказаться подобная игрушка.

– На окраине, – Сипай жестом показал, где, – живет старый китаец. Его зовут Фэн Чжи Бяо, но все называют его Часовщиком. Он поселился в наших краях больше пяти лет назад, привез с собой много каких-то коробок, которые расставил в своем сарае. Я не знаю, для чего они. Но Часовщик умеет чинить разные вещи. Возможно, он сможет справиться и с твоим устройством.

Больше пяти лет назад? То есть в те времена, когда на мировой арене появились тритоны. Очень похоже, что этот Часовщик именно тот, кто нужен майору. И насчет коробок все очень похоже.

– Не затруднит ли тебя, Сипай, показать, где живет этот человек?

– Конечно, я покажу. Только сначала позвольте предоставить вам ложе, чтобы вы могли отдохнуть, бханте, после долгой дороги.

– Благие дела не могут ждать, – многозначительно произнес монах и встал.

Городок был совсем небольшим, до хижины Часовщика дошли меньше чем за полчаса. На участке, заросшем густым кустарником, стояли два небольших строения на сваях. Во всем ощущалось запустение и разруха.

Ли Ханьфанг поблагодарил услужливого Сипая, приняв от него напоследок дары в виде вяленого мяса какой-то дичи, убитой в этих краях. Разумеется, есть эту гадость майор не собирался и выбросил воняющий падалью сверток в кусты сразу же, как только Сипай скрылся за ближайшим холмом.

С первого взгляда было ясно, что его кто-то опередил. В покосившемся сарайчике, торчавшем на едва держащихся опорах, царил полнейший кавардак. Но тот хлам, в который превратилось содержимое строения, давал четкий и однозначный ответ на вопрос, кто такой этот Часовщик.

Фэн Чжи Бяо никакой не часовщик. Конечно же, он хорошо разбирался во всевозможном электронном барахле. Это всегда было его профессией, утратившей актуальность в течение последних пяти лет. Он был гравером.

Майор Ли достал коммуникатор производства «Науком», способный подключаться напрямую к спутнику. Очень удобная штука. Несмотря на то что китайские машинисты основательно поработали с устройством, майор все же старался не пользоваться гаджетом без лишней надобности. Однако сейчас он хотел проверить правильность своей догадки. От этого многое могло зависеть.

Спутник как раз двигался где-то над головой, в темном холодном космосе, передавая сетевой сигнал на многие тысячи

километров. Подключенная психоприводом к коммуникатору «балалайка» легко нашла требуемую базу данных.

Никакого Фэн Чжи Бяо там, разумеется, не было. Об этом легко можно было догадаться из самого имени – непривычного для местных, но вполне понятного для китайца. Иероглифы, которыми писалось имя гравера, как раз и означали «мастер, ремонтирующий часы». То есть часовщик.

Но в базе данных был некий Фэн Фэй Ху. Этот гравер работал в Анклаве Гонконг, он исправно платил дань триадам, которые и сливали подобную информацию в МГБ Поднебесной, – но семь лет назад исчез при загадочных обстоятельствах. Вместе с гравером исчезла и большая часть его электролабы. Куда и почему столь скоропостижно отчалил мастер Фэй Ху, так и никто и не узнал. В те времена профессия гравера утратила ценность, великие мастера, создававшие истинные шедевры в мире Цифры, стали никому не нужны: подонки из банды баварского прохвоста Сорок Два наводнили рынок относительно дешевыми и доступными штамповками. Услугами граверов иногда пользовались, в основном – истинные ценители искусства Цифры (или те, кто считал себя таковым), заказывая эксклюзивные «поплавки», ставшие чем-то вроде коллекционных экспонатов. Такие одноразовые заказы не могли прокормить большинство граверов, и мастерам приходилось искать иные пути.

Кропотливая работа с фактами навела Ли Ханьфанга на мысль, что Фэн Фэй Ху нашел свое *Дао* здесь. Майор опрыскал дверь и обломки, валявшиеся повсюду, специальным раствором. Отпечатков почти не было – глупо искать следы того, кто забрал гравера, маловероятно, что попавшие сюда люди не являлись профессионалами. А вот «пальцы» хозяина отыскались. Стертые, фрагментированные, но большой и указательный палец правой руки Ли Ханьфангу удалось найти на одной из выдернутых из чрева электролабы плат.

Коммуникатор тихонько пискнул, просканировав блестящие от раствора отпечатки. Еще секунда – и результат готов: девяносто семь процентов вероятности, что эти фрагменты потожировых следов принадлежат граверу Фэн Фэй Ху. Более чем достаточная степень точности, учитывая количество и размер образцов.

Обломки плат, выдернутые из гнезд лазеры, микроскопы, какие-то детекторы и целый набор разломанных на осколки микроманипуляторов могли быть чем угодно. Могли быть и электролабой. Той самой, что мастер Фэн Фэй Ху вывез из Анклава Гонконг семь лет назад. Наверное – стопроцентной уверенности Ли Ханьфанг не испытывал, он видел настоящую

электролабу всего дважды и оба раза в собранном и работоспособном виде.

Итак, майор нашел останки электролабы. Но здесь нет самого гравера. Куда он мог деться? Ушел, тщательно стерев с оставшегося хлама отпечатки пальцев? Ради чего? Неужто Часовщик, забросив ремесло гравера, научился предвидеть будущее и решил скрыться от разыскивающего его майора МГБ Народной Республики?

Нет, это досужие домыслы, не более того. За Часовщиком охотился не только майор Ли. Это очевидно. Как минимум, недалеко от городка лагерем стояли индусы. Правда, Сипай сказал, что они не заходили в сам Нонгуин, но где гарантия, что кто-то из них не поговорил так же, как Ли Ханьфанг с Сипаем, с каким-нибудь другим жителем городка? И не посетил жилище гравера.

Майор, облаченный в одеяния буддийского монаха, внимательным взглядом еще раз обвел темный и пыльный сарайчик. Все здесь выглядело как-то не так. Слишком мало обломков, слишком мало деталей. Осталось только то, что наверняка сломано, ничего целого здесь нет.

В сарае что-то искали. Быстро, но тщательно, со знанием дела. И все, что вызывало хоть малейшее подозрение на причастность к этому... как его назвали машинисты, «резонансу», забрали с собой.

Сам процессор был у Ли Ханьфанга – в этом те, кто устроил здесь кавардак, просчитались. Хотя есть ли гарантия, что Часовщик не припас еще парочку таких игрушек? В любом случае, важен не процессор – один чип лишь игрушка, не более, – важна технология, существенна возможность сделать еще сотню, тысячу таких процессоров.

И никаких зацепок.

Майор потянул носом воздух. Он никак не мог понять: в сарае действительно чем-то пахло или ему только казалось. Какой-то едва уловимый едкий запах, щекочущий ноздри. Что-то настолько слабое, что опознать аромат не удавалось.

Осколки плат, какие-то растоптанные чипы, тяжелый стол с противопылевой и антивибрационной защитой. Нет ничего, что можно назвать следами.

Слева, у маленького, почти непрозрачного от залепившей его пыли и грязи окошка что-то мелькнуло. С кучи электронного хлама в углу посыпались искореженные детали.

Ли Ханьфанг резко повернулся на шум. Его мышцы напряглись, левая рука приподняла посох, который был единственным оружием, доступным сейчас майору. Негоже

монахам носить с собой «дыродел», оружие вместе с одеждой осталось в мешке, спрятанном в джунглях. Даже если монах временный – ненастоящих буддийских монахов не бывает, каждый волен выбирать время, когда приходит пора посвятить себя служению Будде. Кто-то остается в этой ипостаси навсегда, кто-то спустя месяц или год возвращается к мирской жизни. Ли Ханьфанг планировал вернуться в образ майора МГБ сегодня к вечеру, но сейчас он был монахом. И обязан был действовать как монах.

Какая-то неясная тень промелькнула сбоку и скрылась за спиной. Монах обернулся, вскинув посох и пытаясь перехватить его поудобней правой рукой. Дерево глухо ударилось о титапласт – в правой ладони по-прежнему лежал подключенный к спутниковому сигналу незарегистрированный коммуникатор.

Ли Ханьфанг на мгновение опустил глаза, автоматически посмотрев на помешавшийся гаджет, и в этот момент перед ним предстал образ…

Маленькая оборванная девчонка.

Майор не понял, что это было. Какая-то тень, блик от несуществующего зеркала на стене. Будто призрак, на короткое мгновение ставший видимым и тут же исчезнувший. Он был…

Маленькая девчонка во плоти. Никакой это не призрак.

…небольшой, по грудь майору. И он улыбался…

Держи карман шире – это звериный оскал, а не улыбка.

От неожиданности Ли Ханьфанг взмахнул рукой с зажатым в ней коммуникатором, психопривод больно дернул затылок, и штекер выпал из гнезда, разомкнув цепь. Устройство «Науком» залилось трелью, оповещая о прерывании связи, и обрубило подключение к спутнику, посчитав предыдущий шаг сигналом к окончанию сеанса связи.

Ли Ханьфанг судорожно крутил головой, пытаясь найти того, кто так внезапно появился в сарае гравера. Если уж начистоту, то этот кто-то здорово напугал майора.

Еще немного, и она вонзила бы свои острые зубки в твою незащищенную шею.

Нет, здесь никого не было. Обломок платы скатился вниз сам, никаких духов, никакой мистики: сарай едва держался на тонких бамбуковых опорах, пошатываясь под порывами несильного ветра.

Но ведь ты ее видел…

Едкий запах как будто усилился, но от этого не сделался более узнаваемым. Напротив, ноздри пекло – несильно, но беспрерывно, и это донимало, – и нос, казалось, утратил способность различать другие ароматы.

Немного кружилась голова. Ли Ханьфанг, потеряв равновесие, оперся руками о холодную металлическую станину электролабы. Раньше на многочисленных полочках и крючочках крепилось разнообразное оборудование, большая часть которого сейчас изломанной грудой лежала за спиной майора.

Прямо перед глазами на металлической поверхности было что-то нарисовано. Изображение словно проступало сквозь туман, но, присмотревшись, Ли Ханьфанг понял, что это только так кажется – картинка нарисована в тонком слое пыли, покрывавшем станину. Видимо, кто-то набросал странное изображение пальцем.

Где-то он такое уже видел. Где-то уже было что-то похожее. Майор открыл папку с изображениями на коммуникаторе, просматривая содержимое. Точно, вот оно! Корявый рисунок, набросанный пальцем в пыли, был почти идентичен компьютерному отображению того самого «резонанса». Изображение в коммуникатор Ли Ханьфанга загрузили машинисты. Дома, в МГБ.

Какие еще требовались доказательства? Теперь никаких сомнений: именно с помощью этой электролабы сделали тот самый «пустотник». Тот черно-оранжевый квадратик, лежащий сейчас в кармане Ли Ханьфанга, из-за которого и загорелся весь этот сыр-бор.

Ли Ханьфанг отключил коммуникатор, гаджет и проводок психопривода отправились в потайной карман уттора санге. Пора уходить. Осталось решить, куда держать путь.

Если бы был вертолет, возможно, тех, кто пришел сюда раньше майора, удалось бы выследить с воздуха. Но вертолета не было – теперь винтокрылая машина грудой обгоревшего металла лежала в джунглях в двадцати километрах отсюда. Так было нужно, номинально майор Ли Ханьфанг погиб в авиакатастрофе. Но не поторопился ли он?

Не важно, свершившегося не вернешь. Да и что можно увидеть сверху сквозь плотное зеленое покрывало джунглей?

Интересно, для чего Часовщику понадобилось подключать свое изобретение к серверу в бункере? И откуда он вообще узнал об оставленной здесь несколько десятилетий назад серверной станции, электропитание на которую подали совершенно случайно всего полгода назад? Или процессор в подземелье оставил не гравер?

Слишком много вопросов. И пока ни одного ответа. За исключением самого главного – сам процессор лежал в потайном кармашке монашеского одеяния Ли Ханьфанга.

Взгляд задержался на чем-то, блеснувшем в высокой траве,

рядом с бамбуковой лесенкой, ведущей в дом, где жил гравер. Майор наклонился и, раздвинув посохом траву, поднял предмет. Небольшой металлический орел с двумя головами, смотрящими в разные стороны, поблекший от влаги и времени. Кокарда, какие носили на форменных фуражках русские военные.

Пальцы медленно потирали слегка шероховатый прохладный металл, а рот майора расплывался в довольной улыбке. Ли Ханьфанг раньше уже видел такую вещицу. Вернее, не такую, а именно эту. Он знал, откуда она могла здесь появиться – по идее, ее быть здесь не должно, но всякое бывает – Дао такое, какое оно есть, а не такое, каким люди хотят, чтобы оно было.

Причина, по которой кокарда смогла попасть в эти края, не важна. Важно то, что теперь Ли Ханьфанг знал, как найти человека, который увел гравера.

В его руке появился коммуникатор, а в сарае опять зашуршали осыпающиеся с верхушки груды хлама осколки.

Маленькая девочка со звериным оскалом.

Осталось лишь дождаться, когда появится сигнал.

Глава 26

В абсолютной и непроглядной черноте ничего не получалось. Все валилось из рук. Может быть, оттого, что никаких рук в этом мире не было. Здесь вообще ничего не было, все нужно было *представить*, но ему не удавалось это сделать, и туманные, совершенно бессмысленные фантазии моментально рассыпались, не оставив после себя даже воспоминаний.

То, что пришло время возвращаться, Шанкар почувствовал сразу. Его словно бы потянуло куда-то, засасывая в быстрый водоворот, из которого уже не выбраться. Его сознание провалилось в черную дыру, являвшуюся основой мироздания этого мира, но выхода с той стороны дыры не было. Там уже кто-то обосновался. Непрочно, потому что недавно, но вполне надежно. И уходить этот кто-то не желал.

Перед глазами медленно, будто проталины на белом снегу, какой иногда выпадал зимой в северных штатах, проступала картинка мира. Привычного, внутри которого Шанкар провел всю свою жизнь, за исключением последних нескольких... сколько прошло времени с тех пор, как он вдохнул щепотку голубоватого порошка, Шанкар не знал. Не мог представить даже порядок цифр – часы, минуты, секунды.

Тот, кто занял его тело на время отсутствия хозяина, нехотя отступал. Совершенно безмозглый тип, судя по всему. Что он делал здесь, пока Шанкара не было? Не натворил ли чего-то, о чем Десай теперь мог бы пожалеть?

Наконец, открыв глаза, молодой человек осмотрелся. Он лежал на покрытом травой холме. Чуть ниже, метрах в пятидесяти, медленно несла свои воды какая-то река. На поверхности мутной желто-коричневого цвета воды плыло несколько лодок: люди рыбачили и перевозили траву для скота. Городок находился на том берегу.

– Очнулся, хвала Шиве! – воскликнул приятный женский голос совсем недалеко.

Шанкар дернулся, резко повернувшись, и упал лицом в траву. Женщина, которая только что говорила, звонко засмеялась. Молодой человек медленно приподнялся на локтях и посмотрел туда, откуда доносился голос.

Метрах в двух от него на давно поваленном, рассохшемся стволе огромной смоковницы сидела юная девушка. Очень красивая. Ее лицо украшала задорная искренняя улыбка. Девушка была одета в бордово-синее сари, успевшее потерять яркость красок. Теперь редко можно увидеть яркую одежду – почти все

вынуждены одеваться в то, что уцелело после Пралайи. Да и сам Шанкар выглядел сущим оборванцем.

– Ты кто? – спросил Шанкар, с недоверием глядя на смеющуюся девушку.

– Авани, – ответила девушка. Она перестала смеяться, но ее губы украшала чарующая улыбка. – Ты смешной. Сначала я думала, что ты умер.

Видимо, широко раскрытые от удивления глаза Шанкара выглядели не слишком уместно, потому что Авани снова рассмеялась.

– Как видишь, я жив.

Молодой человек поднялся на ноги и подошел к девушке.

– Шанкар, – представился он.

– Что это с тобой было?

– Заснул? – Шанкар сам не знал: утверждает он или спрашивает.

– Тогда почему ты катался по траве и мычал? Зачем ты выдернул половину своих волос?

Десай опустил глаза на ладони – между пальцами оставались прилипшие к потной коже волоски. Он провел рукой по голове – волосы торчат в разные стороны, местами ощущаются явные проплешины.

– Разве мертвые мычат? – Шанкар не придумал другого вопроса.

– Но потом ты замер. И даже, по-моему, не дышал. Я решила, что ты умер, и подошла посмотреть. А ты вдруг… проснулся?

Молодой человек улыбнулся. Авани сама подсказала подходящий ответ.

– Конечно! Наверное, кошмар приснился.

– Ты не помнишь свой сон? – удивилась девушка. Как будто все люди обязаны помнить сны после того, как проснутся.

– Нет. Только смутные ощущения.

Руки сами собой опустились вниз, туда, где на поясе висел румаль. Пальцы нервно начали теребить прохладный шелк. Потому что на самом деле Шанкар обманул Авани. Он прекрасно помнил свой сон. Да, теперь, сидя на твердом камне, теплом от нагревшего его за день солнца, сейчас почти коснувшегося горизонта, все то, что Шанкар пережил совсем недавно, легко принять за самый обыкновенный сон. Только он уверен, что это не было сном, там, в абсолютно черном мире, на чистом листе мироздания все было по-настоящему.

Там он был Брахманом – великим духом всего сущего. Его мысль могла управлять мирами, могла создать новый мир. Только он ничего не создал, все его попытки оказались

тщетными.

Пытаясь создать свой мир там, населив его собственными аватарами, он разрушал здешний мир, отрывал его от богини, мешал выполнить Кали то, что было ей предначертано. Он предал богиню, теперь по-настоящему предал, он встал на ее пути и не знал, захочется ли ему отойти с дороги.

Но ведь богиня не должна спрашивать твоего согласия. Она просто уничтожит тебя, пройдя мимо и не взглянув на поверженный труп.

Там, где он побывал, было куда больше одного мира. Несть им числа. Только все они были темны и девственны, каждый мог превратиться во что угодно. В то, во что захотел бы превратить их Шанкар. Если бы сумел, если бы ему хватило духа.

Теперь, побывав вовне этого мира, молодой тхаг отчетливо увидел, что Кали-Юга не закончилась, что все только начинается. И не было никакой Пралайи. То, что случилось два года назад, в одночасье изменив жизнь всей планеты, было всего лишь аварией на Станции у русских. Землетрясения всегда были частью этого мира, и только богиня Кали способна уничтожить то, что пошло неправильно, освободив место для создания нового, более совершенного мира. Требовалось форматирование носителя, на котором был записан образ нынешнего мира, и никто, кроме Кали, не в силах правильно завершить этот процесс.

Никто, только Кали.

И тот, кто вдохнул «джьяду гумра». Только основным понятием остается слово «правильно», недоступное наркоманам… вроде Шанкара Десайи.

Шанкар почувствовал, что его всего трясет. Словно холодный ветер, несущий снег, спустился с вершин Гималаев.

– Что это с тобой? – спросила Авани, положив ладонь на спину Шанкару.

Рука девушки, казалось, обжигала. Словно она была раскаленной подошвой утюга, нежно гладящего застывшую ледяную гору, растапливая ее, уничтожая лед.

– Ты замерз?

Ее руки легко и проворно обвили его тело. Но дрожь от этого только усилилась. Конечности Шанкара отяжелели, будто налились свинцом, в голове помутилось. Ничего не чувствующие ладони прижали нежное тело девушки, гладя гладкую и такую горячую кожу.

Авани вздрогнула и попыталась отстраниться, когда плотно завязанное сари стало сползать с ее плеча, повинуясь умелым рукам Шанкара. Но было поздно – разгоряченный тхаг уже не мог остановиться.

– Отпусти меня!

Она не кричала. Да и если бы закричала – услышать ее здесь было некому.

Сари, тихо шурша, упало к ногам девушки. В ноздри Шанкара ударил пьянящий запах восхитительного женского тела. Десай уже не мог себя контролировать, его руки срывали с Авани остатки одежды. Она не сопротивлялась, поняв, что это бесполезно. Или, может быть, она специально сделала это? Намеренно заставила Шанкара поступить так?

Богиня Кали, потрясающая ожерельем из отрубленных голов.

Так и есть, она специально заманила его сюда, когда он пребывал в беспамятстве, находясь под действием наркотика.

Шанкар не знал наверняка, но подозревал, что за время, пока его разум блуждал по девственным мирам, тело проделало немалый путь. Кто управлял его телом в это время?

Вспомни, как тяжело было вернуться. Вспомни!

Руки дрожали все сильней. Но не зря Шанкар лучше всех владел румалем, не зря его сделали бхутотом. Джемадар ошибся, но не в умении кандидата. Он ошибся в его преданности.

К чему преданность, когда есть такая возможность? Есть путь, которым идут боги. Только теперь по нему могут пройти и люди. Каждый, кто захочет. Каждый, кто сумеет. Чего боялся Раджеш? Того, что Кали останется без работы?

Чушь! Этот мир достоин смерти, его необходимо уничтожить. И богиня выполнит эту работу, будет Шанкар нюхать щекочущий ноздри голубой порошок или нет.

Авани извивалась в его руках. Она сильна, но с Шанкаром ей не совладать.

Десай резко, с силой вошел в нее, заставив закричать. Это был еще один девственный мир, доставшийся ему сегодня.

Движения становились все быстрей и быстрей, наслаждение, поднимающееся снизу, от паха, и взрывающееся фейерверком внутри головы, наполняло все его существо. Вот, значит, как нужно – теперь он знал, каково это, создавать новый мир. Теперь он знал технологию, нужна лишь небольшая помощь.

Рука, как будто действуя по собственному желанию, нашарила в мешке, валяющемся рядом с извивающимися телами, завернутый в скомканный полиэтилен порошок. Заскорузлые пальцы с грязными ободками обгрызенных ногтей зачерпнули столько, сколько смогли, и явили «джьяду гумра» на свет.

Еще чуть-чуть. Осталось совсем немного.

Ноздри шумно потянули внутрь голубой порошок, который мгновенно растворился на влажной слизистой носа, спустя секунду достигнув первых нейронов в мозге.

Мир – это лишь то, что мы себе вообразили.

Старые связи разрывались, чтобы создать новые, еще невиданные. Ткань мироздания переплеталась заново.

Оргазм накрыл Шанкара внезапно, словно стометровая волна, как та, которая, говорят, почти стерла с лица земли город богини – Калигату, больше известный, как Анклав Калькутта. Авани закричала, тоже попав под волну наслаждения Шанкара.

Десай улыбался: он смог изменить мир, у него получилось передать свои чувства Авани. Или этот мир не тот, в котором он убил джемадара и весь свой клан? Вполне может быть. Это уже не имело значения, потому что прямо перед ним открылась быстро надвигающаяся черная дыра, разорвавшая сознание Шанкара на мириады кусков.

Глава 27

Сейчас первой на очереди стояла задача найти и спросить. Не просто спросить, а настойчиво. Есть такие методы, когда при всем желании невозможно не ответить. Их придется применить. Но восемнадцатая надеялась, что подобных разговоров удастся избежать – в конце концов, они все люди мирные и не хотят ссориться.

Городок Нонгуин оказался почти такой же деревней, как та, что уничтожили бойцы «номерного» отряда, только раз в пять больше. Те же непроходимые джунгли, вырубленные в центре городка, но упорно продолжающие наползать на человеческие поселения. Зачем эти люди здесь живут?

Восемнадцатая смотрела на покосившиеся домишки, преимущественно построенные из древесины и бамбука, сквозь богатые щелями стены которых зачастую можно было разглядеть, что происходило внутри. Она снова и снова задавала себе вопрос: зачем они живут в этой глуши? И каждый раз ответ приходил сам собой откуда-то из глубины сознания, из личного, потаенного уголка – затем же, зачем здесь и она. Им некуда идти.

Но у жителей Нонгуина есть одно преимущество перед восемнадцатой: здесь их дом. А у нее… Был ли у нее вообще дом? Трудно сказать.

Она остановилась в какой-то развалюхе, считавшейся в этих краях рестораном. На самом деле заведение не тянуло даже на заштатную забегаловку. Однако неизвестно, когда еще представится случай поесть горячую еду в спокойной обстановке. Нехитрую, но натуральную пищу. В Европейском Исламском Союзе, да и в Анклавах о натуральной еде за такие деньги даже мечтать смешно. А здесь – пожалуйста. Если не вспоминать о рванувшей два года назад атомной станции в сотне километров к северу, то можно считать, что сегодняшний обед выдался эксклюзивным.

Она жевала какую-то зелень, сдобренную горстью перца и других неизвестных ей специй, и думала. Она вспоминала, с чего началось то, что привело ее сюда, в юго-восточную глушь, где приходится палочками отгребать от салата поджаренных насекомых, поскольку от того, что привыкли есть эти узкоглазые, ее просто воротит.

Родилась в Амстердаме, потом, выбившись из-под родительской опеки, она перебралась в Анклав Марсель. Родителям было все равно, они не обращали особого внимания на дочь. С тех пор юная девушка с красивыми светлыми волосами и

безупречной фигурой стала гражданкой Анклавов.

Беззаботная жизнь длилась недолго. Она работала официанткой в ресторанчике у моря. Платили безбожно мало, но девушка не оставляла надежды на лучшую жизнь и верила, что с ее данными она достойна и может добиться чего-то большего. Она не ошиблась.

Ошибка состояла в другом: ее планы не совсем совпадали с планами Али Бен Камаля, который держал целую сеть борделей в портовом районе Марселя. Братва из группировки Камаля давно присматривалась к смазливой метелке, несколько раз к ней подкатывали с предложениями поработать в одном из «развлекательных центров», находящихся под крылом Али Бен Камаля. Она, разумеется, отвечала отказом.

Умные люди… собственно, в той среде, куда попала восемнадцатая после того, как прибыла на очередной «суперсобаке» в Марсельский транспортный узел, умных отродясь не водилось. Но мудрые и опытные старожилы портового района попадались. Так вот, эти самые жители Анклава неоднократно намекали девушке, что долго играть с людьми Камаля не стоит. Али не из тех, кто понимает слово «нет».

Восемнадцатая…

Женщина вздохнула. Во рту пекло от специй, которых, казалось, в салате больше, чем зелени. Она поднесла ко рту глиняную чашку, наполненную не то отваром, те то соком. Какая разница – чего? Все равно после салата язык никакого вкуса не ощущал. Ей приходилось есть такое, что меню этой забегаловки в забытом всеми богами Нонгуине вполне можно считать райской пищей.

Там, в Марселе, она была семнадцатой. Иногда ее называли Титу – клиентам хотелось как-то называть симпатичную метелку, так почему бы не Титу? Какая разница, как называть то, что продавалось за деньги?

В борделе, куда привели ее отморозки Бен Камаля, существовал каталог шлюх. Чтобы клиентам было удобней выбирать. А для удобства всем шлюхам присваивались номера. Ей достался семнадцатый. Вообще-то, в заведении, названия которого она уже не помнила,

…все ты помнишь, просто тебе хочется верить, что ничего этого не было…

шлюх было гораздо больше семнадцати. Просто случилось так, что именно это место накануне как раз освободилось. Куда делась предшественница, вновь прибывшая пленница не знала. И не хотела интересоваться – было страшно.

Она выдержала три месяца. Ложась под потных арабов из

Африки и немытых негров с Карибов, под местных работяг, скопивших за пару месяцев жалкие гроши на красивую шлюху, и заезжих командировочных, которых в портовых офисах было с избытком. Она извивалась и кричала в объятиях клиентов, но ничего не чувствовала, кроме омерзения и ужасного желания прекратить все это. Ее поведение в постели не было заранее запланированной актерской игрой – все получалось как-то само собой. Она лишь хотела, чтобы ее оставили в покое. Только мнения шлюх здесь никто не спрашивал – она стала собственностью банды Бен Камаля, и с ней обращались, как с вещью.

Правда, платили неплохо, денег стало в несколько раз больше, чем во времена, когда она работала официанткой. Но она так и не потратила из причитавшейся ей суммы ни одного евродина – было противно даже подумать, что эту грязь можно как-то использовать. Благо в борделе кормили бесплатно.

Семнадцатая пользовалась популярностью, поэтому к ней захаживали и «бесплатные» клиенты – отморозки Али. Один из них допустил оплошность. Непростительную ошибку. Расслабившись в объятиях симпатичной куколки, воркующей в его грубых лапах, он отлучился в отхожее место, оставив свои вещи там, где бросил, когда нетерпеливо раздевался, пожирая глазами извивающуюся на кровати обнаженную Титу. Она ждала его, желала почувствовать его упругий член. Так он думал.

Среди вороха одежды лежал полностью заряженный «дыродел» и несколько обойм к нему. Дома в Амстердаме та, которую хозяин «дыродела» называл Титу, много раз бывала в тире. Ей нравилось стрелять. И это у нее хорошо получалось.

На самом деле у нее хорошо получалось многое. Но только это умение пригодилось в жизни.

В общем, когда оставшиеся в живых посмели высунуться из номеров, в борделе лежало четырнадцать трупов. С аккуратными дырочками во лбах. Прибывшие безы пожали плечами и высказали предположение, что работал профессионал. Им было все равно. Да и Бен Камаль безов не звал, он вполне обходился собственными силами – СБА вызвал кто-то из соседей, за что вряд ли получил благодарность бандитов, держащих этот район.

Оказалось, что убивать просто. Намного проще, чем делать вид, что ты без ума от того, что тебя трахает какой-то немытый мужлан.

«Дыродел» она выбросила в море. После того как перестала быть семнадцатой. Теперь ее звали Антонина Карлайл. Имя ей досталось от какой-то обколовшейся наркоманки, отправившейся на дно залива с дырой во лбу немногим ранее «дыродела». У

будущей восемнадцатой была «балалайка» этой девицы, а способ приспособить ее к собственной голове она найдет – в Анклаве не являлось большой проблемой нанять ломщика, способного состряпать поддельный чип.

Позже, когда она уже привыкла к своему новому имени – Тони, один марсельский паренек сумел внести изменения в базу данных и, «потеряв» обретенную пару лет назад «балалайку», она получила новую, теперь уже совсем настоящую: на имя Антонины Карлайл. Жаль, что умельца, провернувшего это дело, тоже пришлось убрать – он был весьма неплох в постели.

В руках женщины, одетой в грязный камуфляж с закатанными на три четверти рукавами, с немного отросшим за несколько дней колючим ежиком светлых волос, появилась маленькая тряпичная кукла. То, что держало ее почти полтора года. То, что она получила и стала свободной.

Достаточно оглянуться вокруг, чтобы понять, чего стоила эта так называемая свобода.

Ее звали Тони. Она получила это имя взамен номера. А теперь номер снова заменил ей имя. Тони...

Не обманывай себя, ты никогда не была Тони, родители назвали тебя совсем по-другому.

В файлах «балалайки», которая, как все, что связывало ее с прошлой жизнью...

...с первой жизнью...

покоилось на дне Марсельского залива, ставшего теперь немного шире, было записано...

Восемнадцатая застонала, сжав от боли зубы. Она посмотрела на свои руки, сдавившие тряпичную куклу, набитую соломой, и все поняла. Она уже пробовала делать так, просто сейчас получилось случайно. Кукла все еще работала. Маленький бестолковый сувенир, сделанный руками хунгана Вуду из Храма Легбы в Эдинбурге. Ее кукла.

Она неосторожно сдавила выступ, заменявший тряпке с соломой голову, и получила приступ головной боли. Это ее тайна. Кукла была ахиллесовой пятой, о которой она никому не рассказывала после того, как ей удалось получить амулет в свои руки.

Эдинбург. В этом Анклаве все проблемы и начались.

Став Антониной Карлайл, она зарегистрировалась в базе данных всемирной организации наемников. Той самой, из которой вышел легендарный Сорок Два, по сути практически развалившей организацию. В dd она была на хорошем счету – готова взяться за любой заказ, стреляет без промаха. И без сожалений.

Восемнадцатая проработала наемницей восемь лет. Она не лезла в гору – заказы брала только надежные, без каких-либо авантюр. И только тогда, когда ей для чего-нибудь нужны были деньги. В обычной жизни Антонина Карлайл ничем особо не выделялась среди своих соседей, тихо обитая в одном из спальных районов Марселя.

А потом появился заказ в Эдинбурге. Простой – убрать какого-то негра, который кому-то насолил. Обычные разборки, так делались дела во всех точках земного шара и во все времена. Бизнес и ничего более.

Так она думала, оставляя свою электронную подпись под заказом. Один удар указательным пальцем по твердой поверхности – отчего-то картинка навсегда врезалась в память: палец быстро и решительно опускается на расписанную под орех пластиковую столешницу в дешевой забегаловке, – и судьба кардинально меняется. Тони еще не знает, что следствием этого безобидного движения станет множество страшных событий. Она еще не в курсе того, что в очередной раз готовится потерять имя.

Черномазый, которого Тони завалила одним выстрелом, особо и не целясь, оказался каким-то боком причастен к таинствам, происходившим в Католическом Вуду. Вроде он не был хунганом. Да и какая, к черту, разница, кем был этот нигер?! Она кое-что слышала о вудуистах, знала, на что способны их колдуны. Правда, всего три года назад большую часть этих историй она считала полнейшей чушью. Как сильно изменилось ее мнение теперь! Она была в курсе, что для того, чтобы воздействовать на человека, им нужна какая-нибудь вещь, принадлежавшая ему.

У вудуистов такой вещи не было, рассудила Тони. Да и ерунда это все, так она думала. Но она ошиблась. И в первом, и во втором предположении.

Пуля. Пуля, принесшая смерть «клиенту» и оставшаяся в его теле, была собственностью убийцы. Тони держала ее в руках, тонкие красивые пальцы нежно вставляли эту пулю в магазин любимой винтовки СВУ-25МА производства «Науком». Винтовкой dd дорожила больше всего на свете, люди для нее не могли и близко сравниться с оружием.

Сейчас пуля покоилась внутри куклы, которую восемнадцатая держала в руках. В дрожащих от напряжения руках.

Не обманывай себя – руки дрожат от страха и жалости к себе.

Пальцы все так же тонки и грациозны. Только кожа на них перестала быть гладкой – ладони покрыты сетью мелких царапин, ногти с темными ободками грязи, некоторые обломаны. Тогда ее

руки выглядели совсем иначе.

Вудуисты ничего ей не сделали. Хунган, к которому ее привели, только один раз легонько воткнул раскаленную в пламени свечи иголку в куклу. После этой нехитрой демонстрации Тони была готова на все что угодно. Она бы сделала все, что попросили бы негры.

И они попросили – ничего особенного, всего лишь выполнить работу. Обычную для нее работу, с винтовкой в руках. Нужно было прикрыть эдинбургского хунгана в транспортном узле Роберта Стейна, когда тот заходил на борт прибывшего из Конфедерации страта.

Хунган нес что-то, у него был пристегнутый наручником к руке кейс.

Они проиграли. Все проиграли. Или выиграли? Кто знает, что негр хотел переправить в Конфедерацию – может быть, это благо, что тот кейс спер ненормальный из клана Бойда? Лохлан Флетт. Тони он никогда не нравился, поэтому пулю в грязную оборванную спину она всадила без сожаления. Впрочем, сожаления она никогда не испытывала.

Зачем ты врешь сама себе? Рассказывай байки другим, а себе расскажи правду.

Но дело не в выстреле. Дело в том, что происходило перед тем, как Тони попала во Флетта. А происходило в транспортном узле Анклава Эдинбург черт знает что.

Ей было так страшно, что она сбежала с крыши, где заняла позицию до начала операции, бросив винтовку – самое дорогое, что было у нее в жизни. Самое родное существо.

Винтовка – это всего лишь вещь!

Про куклу она не забыла. Кукла оставалась у вудуистов, но страх заставлял бежать без оглядки, не задумываясь о будущем.

Он встретил ее у выхода из Роберта Стейна, куда она спустилась с крыши. Он был молод – лет двадцать пять, не больше. И он был негром.

Он улыбался. Странной такой улыбкой – грустной или, скорее, обреченной. А в руках молодой черномазый держал куклу. Ту самую.

Руки потянулись за винтовкой, но верное оружие осталось на крыше. Выбора не оставалось – острый охотничий нож, который Тони всегда брала на дело, но ни разу так и не воспользовалась, рассек горло парня за считаные доли секунды. Темная кровь потоком хлынула на его куртку.

Она думала, что сейчас негр сделает с куклой что-то страшное, что вот теперь и пришел ей конец. А он только протянул руку – от неожиданности Тони отшатнулась – и отдал

ей тряпичного уродца. Перед тем как рухнуть на асфальт с остекленевшим взглядом.

Антонина Карлайл, dd и убийца, больше ничего не была должна Католическому Вуду. Только почему-то от этого не стало легче. Она была свободна и жива. А все остальные...

Ее последним местом работы стал клан Шотландца. Белобрысого гиганта Бойда, который заварил в Анклаве такую кашу, что не снилась еще никому. Он вознамерился свергнуть власть СБА. И ему это почти удалось. Почти...

Все они были мертвы – заводила, по-детски наивный Бойд, способный свернуть гору, если решил, что горе здесь не место; стерва и молчунья Лиса, в одиночку подчинившая сеть Анклава; ненормальный зануда Лохлан Флетт, укравший у вудуистов какую-то вещь; десятки бравых ребят из клана Бойда – они были готовы поддержать своего лидера даже в самых безумных начинаниях. Все они стали ее семьей. Семьей, которой по большому счету у dd Тони никогда не было. И, как ни жаль, поняла это она только здесь, когда сухогруз, на который ей удалось пробраться в эдинбургском порту, мягко ударился бортом о мьянманский берег. Только ступив на эту землю, она осознала, что страх исчез, уступив место отчаянию.

В живых осталась одна она – бывшая девчонка из Амстердама, бывшая шлюха номер семнадцать из салона мадам Линды, бывшая dd Антонина Карлайл, бывшая восемнадцатая из «номерного» отряда. Теперь не осталось ничего, только эта задрипанная забегаловка в деревеньке на радиоактивном севере Мьянмы.

Еще осталось задание. Она могла не выполнить его – вряд ли ее здесь найдут. Даже если станут искать. Но это маловероятно – кому она, в сущности, нужна? Если она не выйдет на связь с заказчиком, они просто пошлют другого наемника. Правда, им придется попотеть, чтобы найти в этой тропической глуши того, кто согласится выполнять подобную работу.

Найти средства к существованию в этой нищей стране нелегко. Она могла вспомнить былое – различных притонов и борделей в портовом Магуэ и шумном, кишащем людьми Мандалае хоть отбавляй. Но начинало тошнить при одной мысли о том, что можно зарабатывать таким путем. Нет уж, Марселя с мадам Линдой, упокоившейся с пулей в голове, с нее довольно.

Окончательно отчаявшись, она забрела на сервер dd. В тот день в центре Мандалая вдруг включилась сеть – такое случалось, но частота явления граничила с понятием «чудо».

Странно, но пароль доступа не изменился, и она легко попала на страницу, где обычно получала заказы. Там почти ничего не

было, всего пара-тройка мелких заказов. И один из них – на поиск и ликвидацию таинственного ломщика, окопавшегося где-то на севере Мьянмы.

Подобный заказ, в сущности, был обречен на провал – даже за те неплохие деньги, что обещал заказчик, сложно найти сумасшедшего, который согласится отправиться к дьяволу в задницу – в страну, названия которой никогда не слышала большая часть населения планеты. При одном исключении – она, dd по имени Тони, уже находилась в Мьянме. Она согласилась, не думая, просто кликнула на том месте, где нужно было поставить электронную подпись.

Когда она вышла из забегаловки, где сидела в тот момент, на пыльной, пропахшей тяжелым запахом специй улице ее ждал еще один сюрприз: на растрескавшемся столбе висело обтерханное объявление о наборе людей, имевших боевой опыт, в экспедицию на север. Именно в тот район, что был обозначен в заказе.

Само собой, она, не медля, отправилась на вербовочный пункт.

Глава 28

Сридар не стал отправлять обнаруженные им данные на «балалайку» шефа. Он пришел сам – новость была достойна того, чтобы доложить о ней лично.

Генерал Лал ленивым движением пальца листал на планшете страницы с корявым, переведенным автоматическим переводчиком текстом. Смысл угадывался с трудом – это не было отчетом, скорее информацию надергали кусками из массива данных значительно большего размера. Но информация не могла ждать, она была слишком важной.

По мнению Раджагонапала Сридара.

Машинист еще не знал. Он светился от счастья и нетерпеливо ждал реакции начальства. А начальство не спешило улыбаться. Оно подозрительно вздыхало и отводило глаза от принесенного Сридаром текста.

Машинисты наконец нашли данные о китайском сервере. Да, сервер был именно китайским, поднебесники оставили в джунглях Мьянмы, как оказалось, целых три серверных станции, зарытых под землю несколько десятков лет назад. Во время Больших Нефтяных войн. Поднебесники планировали остаться в тех краях надолго, но им не обломилось с мьянманской нефти – черное золото вероломно закончилось до того, как солдаты НОАК успели добраться до вышек.

Оборудование, которое должно было обеспечить беспрепятственное подключение китайских войск к сети, простояло в подземелье много лет, но, судя по всему, все еще работало.

– Точных данных по серверным станциям, похоже, не сохранилось, – объяснял Раджагонапал, – проект был настолько засекреченным, что даже у самих поднебесников есть только указание на район, в котором находятся эти объекты. Поэтому китайские вертолеты прочесывают местность – они не могут их найти.

Да, Раджагонапал не знал. Ему никто не сообщил, что данные, добытые его отделом, теперь никому не интересны.

Всего полчаса назад Абхай Лал получил известие о том, что в джунглях недалеко от Нонгуина, городка, в котором стоял батальон территориальных войск Индии, подконтрольный лично генералу, обнаружили одну из этих серверных станций. Вскрытую.

Со слов командующего индийским контингентом в Мьянме выходило, что электричество все еще поступало на чипы, зашитые

внутри стоящего там оборудования.

Нужно готовить группу машинистов, которые аккуратно прощупают станцию. Наверное, возглавит ее сам Сридар. Действовать нахрапом здесь нельзя: раз сервер продолжает работать, значит, поднебесники следят за всем, что там происходит.

Только все это впустую, никакого смысла в действиях, о выполнении которых генерал отдаст приказ через несколько минут, уже не было. Сервер вскрыт, вокруг входа в бункер, пробитого с помощью компактной буровой установки, лежат несколько объеденных животными трупов, внутри – тоже труп. Вряд ли погибшие отравились некачественными продуктами. Особенно если учесть тот факт, что у всех имеются явные осколочные и пулевые ранения.

Глупо надеяться, что если процессор – «пустотник» – и был там, он все еще находится в бункере. Остается признать, что это сражение ведомство генерала Лала проиграло. Теперь нужно срочно менять приоритеты. «Пустотник» с большой долей вероятности способен вскрыть практически любой из существующих на сегодня кодов. Для того, кто владеет технологией производства «пустотников», никаких преград в сети больше не существует. Даже троица Сорок Два, если верить отчетам Раджагонапала, сущая безделица в сравнении с тем, чего можно добиться с помощью потерянного теперь процессора.

Но сам процессор – это еще не технология. Они упустили это с самого начала. Они исходили из предположения, что процессор находится у того, кто его создал, а чип в это время работал в пустом подземелье.

В современном мире почти невозможно отыскать умельца, который в одиночку создаст что-то принципиально новое. Техника настолько усложнилась, а технологии стали включать в себя такое количество смежных данных, что для того, чтобы создать какую-нибудь небольшую деталь нового двигателя, приходится организовывать целую лабораторию с несколькими десятками сотрудников.

Но кто мог испытывать «пустотник» в джунглях? Лал пытался представить, как такое возможно, и понимал, что изобретатель процессора нового поколения либо гений, либо сумасшедший. А скорее всего он был и гением, и сумасшедшим в одном лице.

Ни о какой лаборатории не могло быть и речи. На территории Индии команд, способных создать такое чудо, не было, Абхай Лал знал это наверняка – по должности положено. Китайцы тоже отпадали – если бы это был их проект (даже если предположить безумную мысль, что поднебесники решили

работать над процессором не на своей территории), им не понадобилось бы искать бункер, привлекая вертолетами внимание соседей.

– Отправляйся туда, Раджагонапал, – сказал генерал.

На лице машиниста отразилось непонимание.

– Бункер – один из тех, что обнаружили твои машинисты, – нашли бойцы подполковника Рабинды. Его кто-то вскрыл до нас. И он до сих пор работает.

– Работает?!

Лал посмотрел на Сридара. Он не понял: тот удивлен или не верит словам генерала?

– Во всяком случае, там есть электричество.

– А процессор?

Раджагонапал смутился, он понял, что генерал не мог знать ответ на этот вопрос.

– Отправляйся туда, Раджагонапал. Проверь эту станцию, узнай, что там есть. Или – что было. Только делай все аккуратно: поднебесники наверняка следят за сервером.

Машинист кивнул и повернулся, чтобы уйти – действовать следовало быстро.

– И еще один момент, – остановил Сридара генерал. – Подумайте, сможем ли мы что-нибудь противопоставить этому… технологическому чуду.

Машинист закусил губу. Похоже, дела обстояли еще хуже, чем Абхай Лал полагал.

– Мы можем выстроить защиту от ломщиков, вооруженных «пустотником»?

– Я не знаю, – замялся Сридар. – У нас недостаточно данных, но…

– Отправляйся в джунгли и добудь столько данных, сколько нужно для решения проблемы! – жестко приказал генерал, понимая, впрочем, что Раджагонапал и так сделает все, что в его силах.

– Есть! – машинист вытянулся по стойке «смирно», а потом, позволив себе расслабиться, добавил: – Данные не помогут. Есть небольшая вероятность того, что я ошибся в расчетах, но по всему выходит, что остановить атаку, идущую под управлением процессора с такими характеристиками, невозможно. Никакими силами.

С этими словами машинист удалился.

Генерал чувствовал, что этим все должно было закончиться. Морально он был готов к провалу. Хотя до окончания операции еще далеко. Нужно приложить все силы к поиску того, кто воткнул процессор в китайский сервер. Того, кто его сотворил.

Как ни крути, но другого варианта Лал не видел – процессор установил на сервере кто-то из местных. Кто-то, живущий неподалеку. Других причин забираться в такую глушь, чтобы испытать чип, он не видел.

«Скорее всего, – думал генерал, – на сервер изобретатель наткнулся случайно. Обнаружив там сетевое подключение, решил проверить изобретение в действии».

Нет, какая-то глупость получается.

– Раджагонапал, – генерал вызвал только что ушедшего машиниста через «балалайку», – кто мог создать процессор? Если предположить, что это мог сделать один человек самостоятельно?

– Гравер, – без запинки ответил машинист. Этот ответ был очевиден, как же Лал сам об этом не догадался?!

– Спасибо, Раджагонапал.

Конечно же, гравер! А спрятать электролабу практически невозможно. Вот кого нужно искать – человека, владеющего электролабой.

Спрятать электролабу сложно в нормальном мире. Среди этих дикарей бирманцев спрятать можно все что угодно: они просто мимо пройдут и ухом не поведут, никто из них никогда не видел электролабу и, наверное, даже не слышал, что подобные вещи существуют в природе.

– Мне нужна связь с подполковником Рабиндой по закрытому каналу, – сказал генерал, активировав «балалайку» и вызвав связистов.

– Сеанс связи будет возможен через шесть часов двадцать три минуты.

– Почему такие проблемы?!

– В Мьянме нет сети, нам приходится ждать, когда над горизонтом появится спутник, – объяснил связист.

– Бездельники!

Связист, конечно, не виноват. Просто хотелось начать поиски прямо сейчас. Хотя нужно было начинать их еще неделю назад, глупо предполагать, что «гениальные» мысли насчет гравера могли посетить только голову генерала Лала. Слишком все медленно, неправильно все они делают. И он, Абхай Лал, прежде всего.

– Как только появится возможность связаться с подполковником, немедленно оповестите меня.

– Так точно!

Генерал нервно потирал ладони. Как поздно приходят правильные мысли. Они гонялись за малым, упустив из вида большое.

Если исходить из предположения, что технология

производства «пустотника» для Индии потеряна окончательно, то что остается? Сесть в кресло и ждать, когда поднебесники объявят, что контроль всех систем, сопряженных с сетью, находится в их руках? С сетью сопряжено девяносто девять процентов систем в стране. Поднебесникам очень нравится это число.

Нет, сдаваться просто так он не намерен. Оставался еще голубоватый порошок, переворачивающий мозги. И оставался тхаг Шанкар Десай, убивший несколько человек на брошенном заводе «Фармы 1» и, судя по всему, спаливший остатки плантации таинственного растения, подарившего миру «джьяду гумра».

Гуру Шарма согласился бы с генералом. В храме Аннамалаияра они много о чем говорили. Гуру считал, что...

Глава 29

Заостренная с одного конца длинная палка легко вошла в слегка размокший грунт. Днем опять шел дождь. Одежда намокла, и настроение испортилось. А теперь пришло время готовиться к ночлегу.

Кхайе, как оказалось, хорошо разбиралась в походной жизни. Откуда такое умение, Окоёмов добиться от метелки так и не смог. Но из подручных материалов она сооружала небольшой шалаш ловко и быстро. Даже Окоёмов, проведший в этом лесу почти месяц и имевший за плечами немалый боевой опыт, за ней не поспевал.

Часовщик, как обычно, что-то бормотал. Ему не требовалось общество, он сам был обществом, поэтому ему всегда было с кем поговорить. Василий слышал о такой реакции, да что там, отчасти и сам испытал подобное, но ни разу не видел, чтобы ипостаси появлялись сразу по нескольку штук. Видимо, старик с дозой несколько перебарщивал.

– Почему он такой? – спросила Кхайе, кивнув на Чжи Бяо.

Она уже задавала этот вопрос, но тогда Василий так и не ответил ей.

– Из-за порошка.

– Какого порошка? Ты уже говорил про порошок, Бэзил. Что это?

Окоёмов воткнул свою палку в землю и тяжело вздохнул. Ему не нравилось вспоминать о порошке. Но он отдавал себе отчет, что это глупо, что он лишь пытается бежать от реальности, словно безмозглый страус, пряча голову в песок. Только под ногами вместо песка сплошной бетон, от горизонта до горизонта.

– «Джьяду гумра». Слышала?

– Нет, – для убедительности Кхайе помотала головой. Волосы черным облаком разлетелись в разные стороны.

Окоёмов посмотрел на девчонку, еще раз отметив про себя, что она действительно хорошенькая. Не красавица, если сравнивать с напомаженными дамами, живущими в Анклавах. Ее красота была натуральной и свежей. Те, кто жил в Анклавах и крупных городах, давно утратили естественность, они забыли, что в мире существует что-то еще кроме «балалаек», нанов, скоростных многоуровневых дорог и синтетической пищи.

– Это такой наркотик. Новый. Его делают где-то в этих краях. У людей, которые долго его употребляли, что-то происходит с головой. У них случается... – Окоёмов повертел ладонями у висков, не зная, как объяснить то, что происходит с любителями

порошка. – Раздвоение личности. Человек один, но в голове у него как будто живут еще несколько.

– Как такое может быть?

Василий улыбнулся. Хороший вопрос, ему и самому интересно, как.

– Не знаю. Но наш Фэн Чжи Бяо, похоже, совсем не один.

Кхайе кивнула и засмеялась.

Хотя Окоёмов во всем этом видел мало смешного. Его провалы в «пластиковый мир» были ничем иным, как попыткой другой личности, живущей внутри него с тех самых пор, когда он впервые вдохнул дозу голубого порошка, выбраться наружу. Он смог вовремя остановиться...

А для чего в таком случае ты прихватил коробку с порошком, которую нашел в электролабе Часовщика?

...и теперь держал тот мир, что существовал в его голове, запертым. Еще немного – и контроль над собой был бы потерян. Он бы превратился в подобие бормочущего и вскрикивающего что-то без перерыва Фэн Чжи Бяо. Интересно, что видит сейчас Часовщик? Наверняка не лес и построенный наполовину шалаш. Хотя тот, кто видит что-то иное, давно уже не Часовщик. Или, если быть более точным, никогда Часовщиком и не был.

Проблема заключалась в том, что ипостасей у гравера слишком много. Окоёмов до сих пор не понял, сколько. Пять, десять, двадцать? Или, может быть, пара сотен? Он не знал, какая из них ведала о технологии. А ведь только тот Часовщик, который запустил электролабу в самый последний раз, владел информацией, из-за которой Окоёмов тащил старика через всю страну к морю. Все остальные ворчливые и говорящие писклявыми голосами, тихие и взбалмошные личности, порожденные голубым порошком, даже не подозревали о существовании в мире процессора. Того, что создала их собственная рука.

– Откуда ты знаешь? – спросила Кхайе.

Она перестала смеяться, но в лукавых, слегка раскосых глазах еще горели огоньки веселья.

– Что знаю?

– Про порошок. Этот... джьяду гу... ?

– «Джьяду гумра», – Окоёмов вздохнул. – Я пробовал его. И не один раз.

Лицо девушки мгновенно изменилось. В глазах запечатлелась озабоченность.

– Зачем?

Она что же, переживает за него?

Окоёмов пожал плечами. Он не знал, что ей ответить. Не

рассказывать же ерунду про удар крейсера о дно морское. Он пытался найти себя. Нашел ли? Скорее, едва не потерял.

– Давай лучше костер разводить, – поменял тему Василий, положив ладонь на руку девушки. Не задумываясь, он едва заметно сжал ее. Кхайе быстро опустила глаза на свои руки, но ладонь не убрала.

Он совсем уже одурел в этом лесу. Хотя...

– Давай ужинать и спать. Смотри, наш старикан, похоже, уже улегся без ужина.

Кхайе повернула голову в сторону, где прикорнул Фэн Чжи Бяо, и заливисто рассмеялась.

Она в твоей власти, ты можешь сделать с ней все, что захочешь.

– Нужно будет его покормить, – сказала она.

– Да, – Окоёмов отдернул руку и отошел от уже готового шалаша. – Обязательно.

Василий заблудился окончательно. Кхайе утверждала, что эта местность ей знакома и до города доберутся часов через пять, не раньше. Идти ночью больше не было никаких сил, глаза слипались, ноги отказывались передвигаться. Им всем требовался отдых. Тем более что дорога в этих краях была понятием условным. Асфальта на ней не было никогда, а после Катастрофы целые участки провалились, превратившись в обширные овраги, и заросли плотной стеной джунглей. Дорога здесь была просто направлением, а не ровной лентой, пригодной для удобной ходьбы и передвижения на мобиле.

Вода в котелке закипела быстро. Благо в джунглях нет проблем с поиском воды. Особенно сейчас, в сезон дождей. Ни чая, ни кофе не было, поэтому пили просто горячую воду, откусывая куски пряного рациона, выданного бойцу «номерного» отряда. Сублимированных брикетов оставалось все меньше, но Окоёмов надеялся пополнить запасы провизии в каком-нибудь городке.

– Скажи, откуда взялась ваша деревня в том лесу? – спросил Василий, жуя размокшую массу пайка.

– Люди построили. В лесу легче выжить. И там никто не тронет.

Кхайе сказала последнюю фразу и осеклась. Окоё– мов отвел глаза. Оба понимали, что надежды жителей деревеньки на безопасность не оправдались – им не повезло, их встретили на своем пути Лейтенант с бойцами.

– Да уж, – пробормотал Окоёмов.

– В Мьянме не так, как в других местах, – попыталась объяснить девушка. – Здесь, когда нужны работники, приходят

полицейские или военные и забирают столько людей, сколько нужно.

– А если кто-то не хочет? Убивают?

– Нет. Всего лишь лишают средств к существованию. В Мьянме всегда, когда нужно много работников, начинается голод.

Окоёмов кивнул. Известная тактика – голодные готовы работать за горбушку черствого хлеба. Во время голода тех, кто не хочет, наверное, не бывает.

– А в джунгли никто не придет. Никто не знал, что мы там жили. И еду в джунглях найти намного проще.

В глазах Кхайе, только что смеющихся и озорных, появились слезы. Видимо, она вспоминала своих соседей, погибших от рук сослуживцев Окоёмова.

– Мне жаль, что так получилось, – тихо сказал Василий, осторожно прикоснувшись ладонью к щеке девушки. Кожа была влажной от слез и дурманяще нежной.

– Ты не виноват, Бэзил, – прошептала Кхайе, прижимаясь к его руке. – Ты пытался помочь.

Окоёмов наклонился и нежно поцеловал ее в губы, ожидая, что сейчас она оттолкнет его и убежит. Но девушка ответила на поцелуй. Она аккуратно положила у костра недоеденный паек – сказывалась привычка беречь еду. Ее руки скользнули вверх, обвивая шею Окоёмова.

Василий поднял Кхайе на руки и перенес в построенное ими укрытие. Мягкая подстилка из листьев, насыпанная внутри шалаша, щекотала локти.

На девушке одежды было немного, и спустя несколько секунд обезумевший от страсти Окоёмов гладил ее живот, а губы нежно целовали вмиг затвердевшие соски. А вот с обмундированием Василия пришлось повозиться – одежда, рассчитанная на удобство в бою и походе, имела массу застежек, кармашков, ремешков и прочих излишеств, мешающих быстро избавиться от нее. Кхайе хохотала, помогая любовнику освободиться от куртки и брюк.

Войдя в нее, он едва удержался от того, чтобы не закончить дело сразу. Возбуждение было слишком велико. Он начал медленно двигаться, Кхайе тихо застонала. Ее руки сильно сжались на спине Василия, царапая ногтями кожу. Но Окоёмов не чувствовал боли, он ничего не видел и не слышал, кроме субтильной девушки, извивающейся в его объятиях.

Потом, когда они лежали, обнаженные и тяжело дышащие, Кхайе рассказала, что произошло в ту ночь в деревне. Василий попросил ее об этом, сославшись на то, что из-за действия змеиного яда почти ничего не помнит. На самом деле он думал,

что дело не только и не столько в змее, сколько в том, что происходило внутри его головы из-за «джьяду гумра».

– Мужчина с безумными глазами ворвался в мой дом, – голос Кхайе звучал тихо, но было слышно, что ей тяжело вспоминать недавние события. Она говорила быстро, и Окоёмов с трудом понимал ее ломаный английский. – Он хотел убить меня, он целился в меня, у него было оружие. А потом появился ты. Ты посмотрел на меня так… странно, а потом…

Она на секунду замолчала, а Окоёмов внезапно вспомнил. Не все события, а только то, что увидел в момент, когда молния за потрескавшимся окном на мгновение высветила сцену внутри хижины Кхайе. Будто фотография, выполненная неумелым фотографом, – пересвеченная и смазанная, но все же несущая какую-то информацию. Такое уже было, похожие картинки остались от той эпохи, когда он жил у монахов, подобравших его на берегу.

Полубоком, отвернувшись от Окоёмова в сторону окна, стоит четвертый. В его глазах, которые почему-то видны Василию, – а ведь должен быть виден затылок, – читается какой-то нездоровый блеск. Губы шевелятся, четвертый говорит что-то, но слов не разобрать.

Ты все понял, ты даже отвечал ему.

Он говорит что-то про девчонку, которая застыла у окна, широко раскрытыми глазами глядя на вошедших в ее дом людей. Но в ее взгляде нет ужаса, она просто не рассчитывала, что в хижину ворвутся так скоро. И у нее мокрые волосы – она уже выходила под дождь, но зачем-то вернулась.

Откуда тебе знать?

В руках девчонки что-то есть. Что-то черное, она прижимает это к груди, словно единственное дитя. Она стремительна и прекрасна, Окоёмов очарован этой девушкой.

Четвертый предлагал поиметь ее вместе, а ты сделал вид, что не расслышал.

Палец нажимает на кнопку затвора, механизм внутри автомата тихонько взвизгивает и стопорится, застряв навсегда. Окоёмов несколько раз пытается передернуть затвор вручную, но что-то там внутри «Патанга» заклинило и не желает сдвигаться. Тогда Василий поднимает автомат и со всего размаха опускает тяжелый приклад на затылок четвертого.

Да, у четвертого были черные волосы.

А в следующий момент сам получает удар по голове рухнувшей с потолка балкой.

Было ли все именно так на самом деле или его сознание само дорисовало детали, которые он хотел увидеть? Кхайе рассказала

только о том, что четвертый собирался ее убить. Ни слова о разговоре Окоёмова с бойцом, ни о том, что происходило дальше.

Когда Окоёмов очнулся в лесу на следующее утро, у Кхайе не было никаких вещей. Только вот эта одежда, лежащая сейчас рядом. Но Василий помнил черную сумку. Что было внутри и почему девушка ее *так* держала?

Нет, спрашивать у нее он не собирался. Глупо. И какая разница.

– Так, значит, я тебя спас?

– Я ведь тебе это уже говорила.

Да, говорила, он помнил. Но только сейчас в памяти всплыла картинка. Остальное пока скрыто туманом, но Окоёмов теперь был уверен, что в ту ночь он никого не убивал. Вообще никого. И четвертый, получивший прикладом по затылку, погиб не от рук Окоё– мова. Он подорвался на мине, оставленной Лейтенантом, удар только оглушил его.

Потом они бежали. Или ползли – здесь воспоминания путались. Но он точно как-то передвигался. Вряд ли Кхайе, такая маленькая и тонкая, смогла бы оттащить его самостоятельно. Удар балки и змеиный яд стерли эти воспоминания навсегда.

Пальцы Окоёмова гладили волосы Кхайе. Прямые черные волосы, такие же, как у большинства бирманцев, только отчего-то ему они казались чем-то исключительным. На затылке рука постоянно цепляла едва возвышающийся над кожей пластик – гнездо «балалайки». И сам чип у девушки тоже имелся. Редкость для этой странной страны.

– Откуда у тебя это?

– «Балалайка»?

Смешно слышать исконно русское слово из уст девчонки, которая и по-английски-то говорит с трудом.

– Да. В Мьянме мало у кого есть чипы.

– Я жила в большом городе.

Окоёмов бывал в «большом городе». В Мандалае. Там с сетью дела обстояли немногим лучше, чем здесь, в лесу. Доступ найти можно было, но за очень большие деньги, в очень определенных местах и в очень определенное время, которое случалось в лучшем случае пару часов в месяц. И Катастрофа не внесла особые коррективы в расписание работы сети, насколько понял Василий.

– В Янгоне, – добавила Кхайе.

Янгон когда-то давно, лет двести назад, еще при британцах, был столицей. Теперь его нет, на том месте, где стоял огромный мегаполис и порт, в котором вполне возможно, и был нормальный доступ в сеть, плескалось море. Причем до

ближайшего берега простиралось еще около сотни километров водной глади.

Окоёмов вспомнил море. Последний раз он видел его, когда ушел из монастыря. Море уничтожает следы человека не просто быстро – мгновенно. Это на берегу можно найти массу свидетельств произошедшей катастрофы: обломки домов, покореженные мобили, разбросанные вещи, которые были дороги кому-то, а потом в одну секунду превратились в никому не нужный мусор. А море, сожравшее чуть ли не треть страны, совершенно обычными и чистыми волнами плескалось о свалку, в которую превратилось побережье. Оно выплюнуло человеческий хлам на берег.

Кхайе куда-то ушла. Из темноты было слышно, как от ее движений шуршит листва.

Окоёмов слушал звуки ночного леса. Вокруг пищала, шуршала, кричала настоящая сила. Природа, жизнь – вот сила, которую не победить. Ее не берет ничто: ни технологии, ни радиация, ни люди с их неуемной жаждой уничтожения. Живое легко умирает, так задумано, в этом суть живого. Но жизнь – бессмертна. На смену динозаврам обязательно придут млекопитающие, даже если выжигать каждый клочок планеты напалстером. Истинная эволюция, вектор развития, который никогда не поменяет своего направления. Так задумали боги. И так задумали богов.

Но есть ли сила в Традиции? Традиция движет умами, она заставляет толпу идти в одном направлении, скрепляя слабых поодиночке людей в непобедимую массу. Но направление выбирают люди. Традиция не работает сама, ее основу составляют те, кого называют поводырями. Или не называют – не все поводыри видны, кто-то направляет, оставаясь в тени. Так в Традиции сила или в поводырях?

История знает немало фактов, когда поводыри ни в грош не ставили саму Традицию. Она была для них лишь инструментом, удобной и доступной силой. Но стала ли от этого Традиция слабее? Скорее, нет. Сильными поводырями Традиции только крепнут.

До Катастрофы Окоёмов верил в силу Традиции, теперь ему стало все равно. Он делал то, чего от него хотели, не потому, что считал это правильным. Просто лучшего варианта не было, а бездействие убивало не хуже краш-пули.

– Окоёмов! – кричал старпом. Здоровенный мужик с пышными рыжими усами, которые превращали своего обладателя в персонажа не то детских мультфильмов, не то не менее детских сказок. – Ты в Джакарте бывал?

– Нет. Никогда.

Воспоминания нахлынули сами, Василий не мог ничего с ними поделать. Сознание медленно отключалось, организм устал и требовал сна.

Старпом был хорошим мужиком. Веселым.

Был – Окоёмов собственными глазами видел, как голова рыжего гиганта разлетелась на куски после того, как он сам пустил себе пулю в лоб. Его могучее тело медленно вращалось, улетая с гребня исполинской волны, на которую взобрался крейсер, вниз, туда, где маячило коричневатое дно.

– Вот и посмотришь, – старпом улыбнулся, видимо, вспоминая предыдущие визиты в Индонезию. – Тебе понравится. Точно говорю, тебе понравится.

Ему бы обязательно понравилось. Если бы он добрался до Джакарты. И после того как Индонезийский порт принял их крейсер, Окоёмов больше никогда не увидел бы палубу «Ивана Грозного».

Тогда он еще верил в силу Традиции.

Глаза закрылись, став тяжелыми, словно отлитыми из свинца. Сон полностью завладел сознанием бывшего мичмана Василия Окоёмова.

Глава 30

Несмотря на то что давно наступила ночь, тишины не было. Лес жил своей жизнью – днем одной, ночью совсем другой. Люди полагают, что это они придумали «ночную жизнь», в мегаполисах и Анклавах, не засыпающих ни на секунду. Вечно бурлящих, залитых светом электрических огней. Здесь ночью ярче, чем днем, солнце не в силах тягаться с гигаваттами электрического света. Так было раньше. Скоро, совсем скоро все вернется на круги своя – планета медленно, но верно приходила в себя. Или возвращалась в болото, в котором постепенно тонула последние несколько сотен лет?

Но жизнь никогда не прекращалась с наступлением темноты. Это люди – дневные животные, видящие во тьме лишь собственные страхи, порожденные атавистической памятью, доставшейся в наследство от обезьян, – решили, что сделали возможной жизнь ночью, залив все электрическим светом. Но лес так же, как миллион лет назад, бурлил, ночная жизнь в нем кипела, и ей не требовался свет.

Маленькие лягушки, какой-то быстрый зверек, похожий на крысу, еж, змеи, лениво ползущие в ночной прохладе. В лесу нужно соблюдать осторожность – здесь человек гость, а не хозяин, и вести себя требуется соответственно.

Когда Кхайе вернулась к шалашу, Бэзил уже заснул. Наемник вертел головой и сопел, бормоча что-то на русском. Бэзил спал неспокойно, его мучили кошмары. Кхайе не могла понять, в чем причина этих кошмаров. Но было совершенно ясно, в чем причина того, что мужчина поддался на искушение попробовать новый наркотик. Как он его назвал? Сложное название, Кхайе не запомнила.

Часовщик спал тихо. Бедного старика так и не покормили. Впрочем, сам виноват, ему никто не запрещал присоединиться, когда остальные ужинали. Ничего, утром получит свой паек. Что происходило в голове безумца, Кхайе не бралась даже предполагать.

Мужчины спали крепко. Девушка проверила, крикнув несколько раз. Бэзил лишь перевернулся на другой бок, простонав что-то нечленораздельное. Для наемника, привыкшего просыпаться от малейшего шороха, это было странно. Возможно, причиной был все тот же порошок.

Кхайе не собиралась ни бежать, оставив Бэзила наедине с Часовщиком, ни тем более убивать наемника. Трудно сказать, кем считал Бэзил ее, Кхайе Сабай, но совершенно ясно, что старика он

тащит с собой не просто так. И уж точно не из жалости и желания помочь. Старик в прошлом был гравером. Вот главная причина, почему он интересовал наемника. И, надо думать, не его одного.

Пока он шел туда же, куда намеревалась попасть Кхайе. Мандалай явно не был целью путешествия Бэзила, его интересовало море, а точнее – порт. Выбор небогат, Магуэ единственный действующий порт Мьянмы.

Ее путь начался в Магуэ, суждено ли ему закончиться там же? Или это лишь начало нового этапа? Да и вообще – если уж на то пошло, что она забыла в порту? Покидать страну она не собиралась. Да и вряд ли ее выпустили бы – Президент Райн Тайн, известный своей демократичностью, стремительно превращался в полное подобие своих предшественников, считавших граждан Мьянмы личной собственностью. Рабочая сила, вот кем всегда был народ Мьянмы. Но это если пытаться убраться отсюда легально.

А с чего вообще эти мысли об отъезде? Не для того она целый год прожила в джунглях, чтобы вдруг сорваться и снова... Что снова? Что ее ждало там, в другом мире? Вечное забвение, смерть? Или успех?

Кхайе почувствовала, что к горлу подступает тошнота, а суставы начало ломить, будто у старухи, страдающей артритом. Она заметила появление симптомов еще днем, но все еще надеялась, что обойдется. Но нет, обманутый однажды мозг ошибок не прощал. Он требовал добавить еще и еще, разучившись обходиться своими силами.

Она понимала чувства Бэзила. Хоть он и не рассказывал, она знала, как ему тяжело без этого его «порошка». И как же погано ей. И ничего не сделать.

Есть одно средство, ее научили им пользоваться люди из лесной колонии, которую Бэзил называет деревней. У тех были похожие проблемы, они нашли какое-то растение – Кхайе не знала названия, – пожевав стебли которого, можно было получить передышку на несколько часов. Совсем не отпускало, но все же можно жить. Конечно, это тоже не лекарство, это лишь слабенький заменитель.

Пальцы давно уже сжимали очищенный от коры стебелек. Кхайе разыскала нужное растение еще днем, благо оно не такая уж редкость в местных зарослях. Зубы легко откусили горьковатую мякоть, тщательно разжевывая ее, чтобы получить как можно больше сока.

Но если химию можно хоть как-то заменить растительным сырьем, то остальное... Собственно, она и не смогла обойтись, она нарушила обещание, которое давала прежде всего себе. Чего

будет стоить отсутствие этой части целого? Как спастись от наваждения?

Черт! Ее все-таки вырвало. Жаль ужин. Есть не хотелось, хотелось свернуться калачиком, закрыв лицо руками, и чтобы никто не трогал. Но этого она не могла себе позволить. Если сдаться, это будет означать, что она проиграла. Это будет началом конца – однажды упав, она больше не сможет подняться, она это знала. Слишком уж тяжело дался подъем нынешний.

Пошатываясь и морщась от пронзающей боли в коленях, она подошла к шалашу. Стараясь не шуметь, осторожно забралась внутрь.

Ее интересовало содержимое рюкзака Бэзила. Ей нужно кое-что. Кроме того, то, что у нее было с собой, необходимо где-то спрятать. Собственно, эта вещь была даже не с собой, а *в себе*. Внутри. И процесс ее вынимания удовольствия не доставил. Кхайе поморщилась, вспомнив совсем недавние ощущения. Благо, она успела сделать это до того, как Бэзил отнес ее в шалаш.

Старик всхрапнул и стал бормотать что-то быстро-быстро на китайском. Кхайе замерла, ожидая, пока в шалаше все успокоится. На самом деле Чжи Бяо был плох. Он совершенно ничего не помнил, от него не удавалось добиться ни одного вразумительного слова. Беседовал старик исключительно сам с собой, вереща на разные голоса. Он был болезненно худ, глаза ввалились, руки дрожали столь сильно, что при попытке почесаться или что-то поправить он постоянно царапал себя обломанными грязными ногтями. Все его лицо было расцарапано, словно он общался с целым выводком агрессивно настроенных кошек.

Нет, все тихо. Даже Бэзил наконец успокоился и перестал вскрикивать. На его губах застыла едва заметная улыбка. Значит, кошмар закончился.

Кхайе тоже улыбнулась, вспоминая час, который они провели в объятиях друг друга. У нее давно не было мужчины. Очень давно. Как ни странно, не было и желания. До того момента, пока она не увидела Бэзила. Может, это стресс той ужасной ночи, когда погибли все жители деревни. Все, кроме нее. В который раз она была на волосок от смерти, но осталась в живых? Не в первый и даже не во второй. Впору поверить в божье провидение.

Только она никогда в подобную ерунду не верила. Если боги и существовали где-то, им явно наплевать на людские дела. Люди сами вершат свои судьбы, и не нужно уповать на каких-то там богов.

Но остальные, все, кто был с тобой в те несколько раз, уже мертвы.

Пальцы аккуратно открыли застежку рюкзака. Обычная металлическая защелка, никаких технологических заморочек вроде сканера отпечатков пальцев. Это хорошо, меньше возни.

Из-под клапана пахнуло затхлостью и смесью не самых приятных ароматов. К горлу снова подступила тошнота. Не имеет значения, что ужин остался на земле за кустом, выворачивать может еще и еще, пока не закончится желчь и спазмы не начнут выдавливать из желудка кровь. Кхайе отпрянула от рюкзака, вдохнув полной грудью глоток свежего воздуха. Кусочек горького стебелька уже лежал во рту. Вроде бы отпустило.

Остатки рациона – несколько упакованных в полиэтилен брикетов, грязное тряпье, пара чистых носков – надо же! – веревки, патроны (для чего, если автомат он выбросил?), пара ножей. Здесь ничего.

Есть еще два кармана.

В одном навалом целая куча электронного хлама. В сарае старика Фэна набрал. Угу, найдешь ты там чего-нибудь интересного, жди. Хотя Бэзил, наверное, искать в этой куче ничего и не будет – если бы хоть что-то понимал в электронике, не тащил бы с собой этот хлам.

Второй карман – проводок психопривода. Хоть что-то. Но где же тот гаджет? В одежде? Да нет там ничего похожего, она сама снимала с него эту пропитавшуюся потом робу, так что почувствовала бы.

Еще раз посмотреть в основном отделении. Брикеты, ножи, патроны. В груде грязного, воняющего немытым мужиком тряпья, которую она при первом обыске сразу же отложила в сторону, что-то твердое. Так и есть, вот он.

Девушка быстро затолкала все, что доставала из рюкзака, обратно.

В руках она держала небольшой, дюймов шесть-семь в длину коммуникатор. Корпус титапластовый, батарея с функцией подзарядки от движения, экран из биоорганики. Отличная вещица. Но самое замечательное в ней – это то, что Бэзил подключался с ее помощью к сети, невзирая на отсутствие в лесу сетевого сигнала.

Эта вещица ловила сигнал непосредственно со спутника. Если Кхайе хоть что-то понимала в движении небесных сфер, то именно сейчас, может, еще через полчаса-час, спутник как раз должен проплывать над ее головой.

Кхайе непроизвольно подняла голову, посмотрев на небо. Темный, глубокий, как Марианская впадина, космос весело подмигивал мириадами звезд. Это зрелище завораживало ее. С того самого момента, когда она впервые попала в джунгли и

увидела это великолепие. Бриллиантовые дороги, путь богов.

И где-то посередине между Большой Медведицей и Гончими Псами довольно быстро двигалась небольшая, совершенно немерцающая звездочка. Спутник. Возможно, именно тот.

Сначала Кхайе услышала странный клацающий звук, а потом поняла, что она снова грызет ногти. Пропади она пропадом, эта дурная привычка! Она всего лишь задумалась, кому может принадлежать этот космический объект.

Ее взгляд упал на серебристую крышку коммуникатора, который уже нагрелся от тепла ладони и перестал казаться чем-то чужеродным. Там была надпись, которую кто-то непонятно зачем постарался содрать чем-то острым. Но недостаточно тщательно – складывая оставшиеся черточки и кляксы, мозг уверенно получал знакомое слово «Науком».

Глава 31

Отправить условленный сигнал оказалось самым простым действием. Сложнее дела обстояли с программным обеспечением – «раллер» утрачен вместе с большинством программ. Приходится шарить по сети, собирать все, что осталось от былых дел.

– Рад снова видеть тебя.

Призрак появился столь внезапно, что Мыш вздрогнул. Это даже к лучшему, ломщик ожидал, что увидится с заказчиком только при следующем сеансе связи.

– И вам здравствовать, – ответил Мыш.

Безликий не изменял себе – такая же пляшущая клякса. Ни рта, ни чего-то иного, что могло бы рождать звуки. Звук появлялся внутри головы, после того, как «балалайка» обрабатывала сигнал, пришедший с незарегистрированного коммуникатора Призрака.

– Ты взял большую паузу.

Укор? Или просто констатация факта?

– Были проблемы.

Противное бульканье. Недовольство или смех?

– Подобные тебе любят эту фразу.

– Кого вы называете подобными мне?

Признаться, странная манера Безликого вести разговор раздражала все больше. Что он хотел узнать? Настоящее имя Мыша? Если уж на то пошло, этого имени – настоящего – уже не существовало. Да и что оно могло значить? Имя – всего лишь обозначение переменной: сегодня одно, а завтра, при изменении условий системы, совершенно другое. Или Призрак всерьез полагал, что ломщики – настоящие ломщики – видят какую-то проблему в том, чтобы сменить имя, зашитое в «балалайке»?

– Я считал, что нанял ломщика. Нет?

Хитрый черт. С ним невозможно разговаривать. Но придется.

– Я перечислил сумму, о которой мы договаривались, – сообщил Призрак.

Нет, дорогой, так просто ты от меня не отделаешься. Дело не в деньгах – Мыш неоднократно напоминал сам себе, что средств на счетах в офшорных банках достаточно. Для чего угодно достаточно. Правда, покупать собственный джет он не планировал – слишком заметная вещь.

Мыш молчал, ожидая продолжения разговора.

– Ты волен завершить контракт.

Нет, этот гад, похоже, мечтает, чтобы Мыш начал умолять его продолжить сотрудничество. Пальцы нетерпеливо барабанили по

гладкой поверхности сенсора. Пускай он сам продолжает разговор.

Безликий забулькал, и чернильное пятно на миг застыло. Сбой?

Пальцы быстро переориентировали работающие программы. Сигнал устойчивый, все должно работать, хоть и лежит в сетевых хранилищах. Были у Мыша свои «закрома» в сети. В основном из прошлой жизни. Разумеется, он рисковал, пользуясь ими. Но риск был невелик, так что...

Антрацитовое облако вновь пришло в движение, в черном окне пустота. Нет, никаких сбоев у него не бывает, это всего лишь очередная уловка. И Мыш на нее в очередной раз попался. Чего же Безликий хочет?

– У меня есть еще задание, – и все-таки Мыш перемолчал Призрака. – Берешься?

– Да.

Возможно, он дал ответ слишком быстро. Наверняка анализаторы голосовых модуляций на том конце запутанной цепи, по которой сигнал идет от ломщика к коммуникатору заказчика, уже оценили степень нетерпения ломщика. Да, он хотел получить эту работу. И ему было все равно, в чем ее смысл, главное, что работать нужно в сети.

А еще тебе интересны программы, которые дает посмотреть Безликий Призрак.

– Скажи, ты раскрыл секрет того алгоритма?

Может, и раскрыл бы. Если бы было чем раскрывать. «Раллера» больше нет, и это проблема.

– Почти. Возникли технические трудности.

– Программа не попала в чужие руки?

Ему показалось, или Призрак наконец-то изобразил эмоции – в его голосе звучала явная озабоченность.

А какая, в сущности, разница? Ведь Безликий сам хотел, чтобы Мыш разместил этот алгоритм на сервере МегаСофта. Взамен какого-то их файла, вероятно, похожего назначения. Хотя назначение алгоритма Призрака Мыш так до конца и не понял. Но в любом случае файл теперь был запросто достижим для специалистов корпорации, имеющих определенный уровень доступа. Да, в конце концов, любой нормальный ломщик, если не безрукий, мог слить этот файл – ведь Мыш сумел его туда закачать. Так какого рожна Безликий беспокоится о «чужих руках»?

– Разумеется, нет, – Мыш не отказал себе в сарказме, подержав перед ответом достаточную для создания напряжения паузу.

– Вот и отлично. Если есть желание, можешь продолжить изучение этого алгоритма.

– Для чего я внедрил его на сервер МегаСофта?

– Тебе видней.

– Что?!

Да он просто издевается!

– Ведь это ты внедрил его туда.

– По вашему заказу.

– Заказчики всегда объясняют тебе свои цели?

Мыш вздохнул. Как ни веди разговор, Призрак все равно оказывается прав. Что это – признак большого ума? Так и Мыш не дурак. Или Призрак – это не человек? Точнее, не один человек, а целая команда?

Самое непонятное для ломщика в его взаимоотношениях с Призраком было само наличие заказов. Уже неоднократно можно было убедиться, что возможности Безликого или того, кто его прикрывал, не уступают, а скорее всего, намного превосходят возможности самого Мыша. Для чего этот цирк? Не хотят светиться, прикрываясь неизвестным, но подающим надежды ломщиком? Или цель в чем-то ином? В чем тогда? Пока Мыш не понял. Но он обязательно поймет.

– Ты выяснил, что на картинке?

– Какой? – в первое мгновение Мыш на самом деле не понял, о какой картинке речь.

– Той, что я дал тебе вместе с алгоритмом.

– Нет, – быстрый ответ, без раздумий. – Я не понял. Это похоже на «резонанс». Но лишь в общих чертах. Я не инженер и не гравер, подробностей рассказать не могу.

Правильно, незачем ему знать о той странной находке.

Мыш скосил глаза на часы. Время заканчивалось. Теперь сеансов связи, не ограниченных во времени, похоже, не будет долго.

– У меня мало времени. Четыре минуты, – сообщил ломщик.

– Вижу.

От этого ответа по спине у ломщика пробежали мурашки. Он не ослышался, Безликий *видел*, сколько времени осталось до окончания сеанса связи? Тогда он не просто может предположить, кто такой Мыш. Он наверняка, с точностью до метра, если не большей, знал, где находится ломщик.

Отключиться к чертям и больше никогда не выходить на связь с этим сетевым монстром!

Очень опасно, высший уровень угрозы! Но ведь палец никогда не нажмет на кнопку, обрывающую связь. Мыш будет работать на Призрака, потому что...

…он никогда не увидел бы ничего подобного цифровому лабиринту, если бы не Безликий…

…ему нужна работа в сети. Он ломщик – это не профессия, это состояние души, особая физиология, если хотите, – он не может без сети.

И так хочется узнать, как выглядит Минотавр, хозяин лабиринта Призрака.

Но почему не покидает ощущение, что он покорно двигает руками и ходит по сцене, повинуясь незаметным, но точным движениям рук Безликого Призрака? Хотя у того и рук-то никаких нет.

Похоже, пора уматывать, пока при памяти. Но палец, зависший над изображением кнопки отключения, так и не сдвинулся ни на миллиметр.

Можно нажимать все, что угодно. Это все равно не поможет – ты в полной власти Призрака, когда тебе отключаться, решит он. А не ты…

Заказчик-загадка. К нему тянуло, словно магнитом.

– Вот эти файлы, – перед ломщиком появилась стопка измятой бумаги; всего лишь иконка на экране, но как натурально выглядит, – нужно поместить на сервере Eurex. Взамен тех, что появятся там через три дня ровно в полночь.

– У меня не получится.

Ломщик отвечал на автомате, мозг по привычке просчитывал варианты, мгновенно выдавая ответы. Через три дня в полночь спутник будет за горизонтом. Да и появится ли возможность подключиться, когда он пронесется над головой, – тоже большой вопрос.

– Это отчеты топ-менеджеров нескольких корпораций. – Призрак не обращал внимания на отказ Мыша. Он знал, что ломщик все равно сделает. – Они, как ты понимаешь, немного исправлены. На сервер биржи должны попасть именно эти версии. Но после того как их содержимое прочтут с этого адреса, – на одном из листков появились строчки букв, – нужно вернуть исходники. И так, чтобы никто ничего не заподозрил.

– Они смогут сравнить версии.

Для чего он это рассказывает ломщику? Его работа – просто внедрить файлы и спрятать ошибку так, чтобы все выглядело по-настоящему. Какая разница Мышу, что он внедряет на сервер Eurex?

Мыш знает ответ, но делает вид, что не понимает. Сам для себя делает вид.

– И даже сравнят. Именно в том и состоит твоя задача, чтобы они не смогли найти концов – заключение экспертов должно быть

однозначным: в день релиза была выпущена ошибочная версия.

– Это сложно.

– Вроде бы мы этот вопрос обсуждали – я нанял тебя именно потому, что тебе по зубам сложные дела.

Говорил. Он вообще не устает повторять подобные фразы – подбадривает? Или держит на крючке?

Ну спроси же. Тебе ведь интересно.

Это он подумал или Призрак произнес те слова? Иногда Мышу начинало казаться, что Безликий не только способен считывать все, что угодно, с его компьютеров, но и подключаться напрямую к мыслям.

Да, черт его дери, ему интересно!

– Чьи отчеты *мы* подделываем?

Призрак закудахтал. Как же, мать его, определить, черная клякса довольна вопросом или наоборот?

– МегаСофт, Дельта, CyberSecur, 2D-pro.

Вот так, запросто. Вопрос – ответ. Никаких секретов друг от друга. Как в детстве, когда поклялись на крови и стали братьями на всю жизнь. Не родными, но кровными.

– Мы не занимаемся взломом, мы меняем мир, – медленно и задумчиво произнес Мыш.

– Ты прав. Кажется, я это уже говорил – ты быстро учишься.

– Не проще ли подкупить менеджеров, которые пишут отчеты? У каждого есть цена. Так и выглядеть все натуральней будет.

Не его это дело задумываться о том, что было бы проще. Его дело выполнять.

– Иногда нужно, чтобы те, кого обманули, поняли, что обмануты.

Он ждал ответа, только Мыш не знал, что ответить. Призрак откровенно изучал Мыша. Своего ломщика.

Ему не нужен ломщик, ему нужен именно ты. Конкретный человек. Но откуда он знает…

И он его обучал. Подбрасывал идеи и данные. И смотрел, что из этого сотворит Мыш. Подопытная лабораторная мышь с шерсткой белого цвета и красными глазками. Мышь никогда не уйдет от кормушки. Только ради педальки, что запускает импульс на электродах, вживленных в центр удовольствия. Мыш останется ради того чувства полета, невзирая на измучившую морскую болезнь.

Он знает. Ему известно все, и тебе с этим ничего не поделать.

Котировки акций, липовые отчеты софтверных корпораций, которые спустя пару дней вдруг превратятся в настоящие. Какие-то программы на серверах, которых там отродясь не бывало.

Теперь можно сложить кучку неизвестных вместе и получить вполне понятную сумму – кто-то собирается скупить акции софтверных корпораций. И это ему удастся. С помощью ломщика по имени Мыш.

Мы не занимаемся взломом...

Но для чего нужен цифровой лабиринт на сервере МегаСофта? Или Мыш неправильно понял суть алгоритма? Какой смысл в программе, если ее все равно невозможно запустить – не хватит мощностей? Или у МегаСофт есть что-то, о чем Мыш еще не в курсе?

Мы меняем мир...

Что-то во всем этом было. Что-то вертелось на самой границе восприятия. Казалось, еще немного, еще всего один фрагмент пазла встанет на место, и изображение сделается понятным. Но пока смысл ускользал от ломщика.

Пока он не понял, он будет работать на Призрака. Заказчика, который не нуждается в ломщиках, но пользуется услугами Мыша.

Нужно создать программу, которая сама забросит липовые отчеты из сети на сервер биржи Eurex. Но открыть доступ нужно вручную – автоматика может подвести, она не чувствует, что происходит в мире машинистов. Только человек способен почувствовать, что другой человек заподозрил неладное и готовится проверить сеть. Только машинист поймет машиниста.

Раздумывая об алгоритме, который необходимо написать, Мыш не заметил, как связь оборвалась. Спутник вышел из зоны доступа, пора сворачивать работы и возвращаться в реальный мир. Пришло время снова играть роль, которая постепенно даже начинала нравиться.

Глава 32

Шум разнообразных механизмов, пыль, поднятая ногами сотен людей и колесами многочисленных повозок, удушливый дым, выплюнутый плохо работающим дизелем – только представьте себе! – какого-то проржавленного грузовика, который по всем определениям ездить не мог, но все-таки ехал. После тишины и умиротворения джунглей, закончившихся за пару десятков километров от города, толчея людской массы вместе с порождаемыми ею звуками и испарениями казались предвестниками грядущего конца света.

Городок назывался Мьичина. По китайским меркам, это жалкое скопление людей даже до деревни недотягивало. По местным понятиям – довольно крупный центр. Суета, крики, возня, вонь.

Ли Ханьфанг решил не менять амплуа монаха. В конце концов, Мьянма была буддийской страной, хоть и основное распространение здесь получила старая, не признавшая большую часть верных и необходимых дополнений Традиция. Бирманцам неведомы понятия Дао, однако монахи здесь, будь они бирманцами или китайцами, пользовались неизменным уважением. Монах не вызывал подозрения, а уттора санге, укрывавшая верхнюю часть тела ниспадающими каскадами желтой материи, являлась своеобразным пропуском, открывавшим дорогу практически в любое место. Как бы то ни было, монашеское одеяние больше подходило случаю, чем полевая форма Народно-освободительной армии КНР со знаками отличия МГБ.

Неказистость мьянманских городков была на руку майору. На всю Мьичину всего три постоялых двора. Назвать эту рухлядь отелями язык не поворачивался. Ли Ханьфангу нужно найти людей, довольно приметных в однообразной толпе бирманцев, так где их искать, если не на постоялом дворе.

– У тебя белые не останавливались? – задал вопрос монах, беседуя с хозяином одного из отелей.

– У меня – нет. Но был тут один, все спрашивал про ночлег.

– Давно?

– Пару дней назад.

– А куда он подевался?

– Откуда мне знать. У меня места свободного не было. «Цветок лотоса» – хороший отель, у меня проблем с постояльцами нет.

Ли Ханьфанг непроизвольно окинул взглядом «хороший

отель». Потолок, покрытый сетью трещин и паутиной, когда-то был белым, но теперь превратился в закопченную пеструю поверхность. Вентиляторы с опутанными паутиной и длинными, колышущимися на сквозняке клочьями пыли, отвисшими лопастями навевали ассоциации с поверженными монстрами. Конторка, за которой стоял сам портье, была затерта тысячами грязных рук постояльцев до непроницаемой черноты. Относительно свежее впечатление производила лишь ротанговая мебель, взятая, судя по всему, в счет оплаты проживания от какого-то ремесленника. В общем, от понятия «отвратительный сарай, непригодный для жизни» «хороший отель» ушел совсем недалеко.

– А постояльцы откуда? – поинтересовался Ли Ханьфанг.

– Вон, ждут, – кивком хозяин показал на мнущихся у крытого бамбуком крыльца грязных крестьян с тюками.

Во всем облике хозяина постоялого двора, в его тоне сквозила гордость за самого себя и свой бизнес. Чувство превосходства над соседями и вообще всеми так и перло из него. Долгом монаха было указать человеку на ошибки, но стоило немного повременить с нравоучениями: Ли Ханьфанг еще не получил всей информации, на какую рассчитывал.

– А с кем был этот европеец?

Хозяин постоялого двора смотрел на монаха, прищурившись. Внимательный изучающий взгляд скользил то по бритой голове, избегая цеплять глаза, то по запыленной, но аккуратно уложенной уттора санге, то по торбе, перекинутой через плечо. Этот человек явно имел смутное представление о собственной Традиции, но все же что-то останавливало его. На то она и Традиция, чтобы влиять на людей без всякого осознания. Это выше осознания, это чувство идет от богов.

Это лишь способ держать простолюдинов в узде. Ты ведь это прекрасно знаешь.

Ли Ханьфанг взирал на человека за конторкой портье спокойным, лишенным всяческих эмоций взглядом. Кроткими и беспристрастными глазами. Ли Ханьфанг, в отличие от этого мужчины, хорошо был знаком со всеми особенностями Традиции. Будучи монахом, он на самом деле являлся служителем Будды. Нельзя использовать уттора санге для прикрытия, боги не простят.

А нужно ли тебе их прощение?

Денег Ли Ханьфангу было не жаль. Но, в конце концов… Хозяин постоялого двора с удовольствием принял бы от путника несколько купюр в обмен на информацию. Наверное, даже в случае, если бы ничего не знал – кто проверит? Но брать деньги у

монаха...

– С какой-то девчонкой. И еще хрыч какой-то с ними крутился. Вон там, – он пальцем показал на плетеный столик, стоящий между двух кресел, – заплевал все. Постояли, поговорили о чем-то. Ушли.

– А старик? Он что-нибудь говорил?

Подозрительности во взгляде хозяина «отеля» становилось все больше. А в самом деле: с чего бы монаху проявлять интерес к какому-то европейцу? С другой стороны, интересы монаха – это интересы Будды.

– Постоянно что-то бормотал. Он вроде как придурочный.

– Как это?

О тех ли людях говорил хозяин? Гравер, изобретший этот особенный процессор...

Острые, словно зубы маленького дракона, лапки чипа приятно царапали кожу на пальцах, запущенных за полу монашеского одеяния.

...не может быть придурочным. Он гений. Хотя гений и безумие зачастую идут рука об руку.

– Разговаривал сам с собой. Выкрикивал что-то, – лицо мужчины скривилось от неприязни, и он повторил уже сказанную ранее фразу: – Заплевал тут все.

Ли Ханьфанг обратил внимание, что вокруг столика, на который показывал хозяин, действительно было особенно грязно, и на растрескавшемся деревянном полу отчетливо виднелись следы плевков. Убирали здесь не так уж часто. Если, конечно, вообще убирали.

– Ты видел когда-нибудь такую штуку?

На конторку легла кокарда, выполненная в форме двуглавого орла. Хозяин постоялого двора взял ее, поднес к глазам, посмотрел зачем-то на просвет, будто мог что-то разглядеть внутри слегка отмеченного следами коррозии металла. Он взвесил ее на ладони, помял пальцами и наконец вернул владельцу. Ясно было, что толку с него никакого не будет.

– Да-а, – промычал он, – занятная вещица.

Ли Ханьфанг молча спрятал кокарду в сумку. Здесь делать больше нечего.

– Не забывай об умеренности и необходимости ежеминутно усмирять свою гордыню, – сказал Ханьфанг и, коротко поклонившись со сложенными у лица ладонями, пошел к выходу.

– Возможно, вы голодны, бханте? – бросил вслед хозяин.

Вспомнил. Ли Ханьфанг усмехнулся про себя. Дела у этого «воротилы» местного бизнеса шли неплохо. Но все в этом мире временно. И достаток в том числе. Дело даже не в Традиции, не

уповая на учения и богов, было ясно, что этот человек скоро поплатится за свое недостойное поведение.

– Спасибо, – не оборачиваясь, бросил монах, – я уже поел.

Даже если с первого раза не повезло, теперь он точно знал, что тот, кого он ищет, был здесь.

Пальцы с силой сжали металлического орла. На коже остался отпечаток правой головы птицы. Слишком приметная вещь, чтобы могло быть много кандидатов на роль ее хозяина. Ли Ханьфанг уже видел этого орла. Занятная вещица, правильно сказал хозяин отеля. И видел майор ее в руках другого человека. Того, которого теперь искал. Который, похоже, оказался совсем не тем, за кого выдавал себя. И который опередил майора и увел гравера из-под самого его носа.

Ли Ханьфанг, порывшись в холщовой сумке, достал кривую и разбухшую сигарету и воткнул ее в рот. Кремень зажигалки весело чиркнул, запалив пахнущий бензином фитиль. Майор набрал полные легкие ароматного дыма и шумно выдохнул табачные клубы, словно дракон. Курение вредило здоровью, и Дао здесь помочь не могло. Но иногда Ли Ханьфангу было это необходимо.

Следующий отель, который намеревался посетить Ли Ханьфанг, располагался в нескольких километрах. Теперь приходилось ходить пешком, никакого транспорта. Хорошо, повезло на пути сюда: подвезли крестьяне на повозке, запряженной парой лошадей. Они везли на продажу в город урожай с рисовых полей. Отправляться ночью в обратную дорогу мало кто отваживался, поэтому постояльцев в трех работающих гостиницах города не счесть.

Городской рынок пестрел товарами и людьми. Здесь все покупали и продавали, люди торговались, стараясь дороже продать и купить дешевле, но, как обычно, обманутыми себя считали и те и другие.

Ли Ханьфанг шел, почти не обращая внимания на происходящее вокруг. Сейчас как раз можно выйти в сеть – спутник двигался где-то прямо над головой, посылая вниз мощный и устойчивый сигнал. Еще около часа он будет в зоне доступа, а следующего сеанса придется ждать почти двое суток, поэтому возможностью нужно воспользоваться.

Тоненький проводок психопривода тянулся от затылка монаха под ткань уттора санге, где прятался включенный коммуникатор. Палец Ли Ханьфанга едва заметными движениями плясал по шероховатой поверхности желтого монашеского одеяния.

Он хотел проверить данные по человеку, который, как

предполагал майор, потерял двуглавого орла. Все было проверено и перепроверено несколько раз еще тогда, когда отбирали кандидатов. Но так бывает – когда не ждешь подвоха, мелочи можно не заметить.

Идентификационные данные «балалайки», стоявшей у этого человека в затылке, полностью соответствовали параметрам, зарегистрированным в базе данных. Конечно, информация с сервера китайской разведки – не прямой доступ к исходникам, но все же доверие к своим коллегам у Ли Ханьфанга было.

– Не хотите ли отведать табака?

Ли Ханьфанг вздрогнул. Мужчина обращался к нему. «Балалайка», занятая выборкой сведений из огромной базы данных, к которой в данный момент подключился майор, перевела фразу с небольшим запозданием.

Перед торговцем лежали крупные, хорошо высушенные листья табака. Товар был свежим – запах Ли Ханьфанг чувствовал даже на расстоянии. И несмотря на то, что он недавно выкурил сигарету, аромат будоражил чувства.

– Табак местного производства? – спросил китаец.

– Конечно! – с гордостью в голосе отозвался мужчина.

Лицо загорелое и обветренное – он явно все свое время проводит под палящим солнцем. На бедрах неизменное у местных мужчин лонджи, ноги босые, с затвердевшими почти до состояния копыт подошвами. На правой голени грубый толстый шрам, создающий впечатление, что ногу мужчины однажды переломили пополам и не очень удачно склеили обратно. Ли Ханьфанг видел подобные раны, они остаются от удара широким и острым лезвием. От косилки. Или от мачете. Это не боевое ранение – типичное крестьянское увечье в местах, где экономили на технологиях, полагаясь на силу и умение собственных рук.

Монах взял листок из разложенного на выцветшей газете товара. Странно – майор задумался, видел ли он раньше когда-нибудь бумажную газету вот так просто, не в музее. Скорее всего, нет. Зачем они, если есть сеть с десятками тысяч новостных серверов?

Ли Ханьфанг не понаслышке знал, что в Мьянме сеть и до Перерождения была практически под запретом. Сейчас жалкая горстка серверов в нескольких городах страны почти не работала. Но до сих пор он не осознавал смысла и масштаба технологической пропасти, в которой оказались простые люди этой страны. До сих пор, пока не увидел этот клочок бумаги, который в Китае можно повстречать только в качестве музейного экспоната.

Аромат табака оказался еще более изысканным, чем

показалось вначале. Ли Ханьфанг считал искусственные стимуляторы, к которым относился и никотин, чем-то непотребным и недостойным настоящего человека. Но дым хорошего ароматного табака, как, например, этого, хотелось вдохнуть, сделать затяжку просто ради удовольствия.

Наверное, он устал. Слишком сильно, больше, чем мог признаться сам себе. Наверное, именно поэтому майор не заметил сразу маленького несоответствия, способного привести к большой беде – у того, кому принадлежала «балалайка» с указанным номером, должен быть хорошо заметный, грубый рубец на большом пальце правой руки. В добытой машинистами МГБ информации говорилось о нанесенной каким-то допотопным сельскохозяйственным инвентарем травме. Но ни одного упоминания о том, что последствия этой травмы когда-либо подвергались медицинскому воздействию.

Ли Ханьфанг смотрел на изуродованную ногу крестьянина, выращивающего замечательный табак, и уверенность его крепла – шрам обязательно должен был остаться.

– Вам непременно понравится, – бодро заявил торговец.

На его лице радушная, от уха до уха, улыбка. Но Ли Ханьфанга не обманешь: он страшно переживает, что монаху может не понравиться его товар. Если табак не удастся продать, его семья, скорее всего, обречена – если не на смерть, то на голодное существование уж точно.

– Да, наверняка.

Монах улыбнулся в ответ. Только улыбка вышла неуверенной и натянутой. Ему не было весело, все его внимание поглощено изучением досье, строчка за строчкой всплывающего на глазном наноэкране. Там было еще много интересного, что при должном внимании навело бы на неоднозначные выводы. Слишком очевидно, чтобы...

Слишком очевидно, когда знаешь, что там есть, что копать.

В прошлый раз он это пропустил. Замылился глаз? Потерял профессионализм? Или кто-то слишком хорошо готовил досье, не оставив ни одного явного промаха, а только мелкие подозрения?

Шрама на пальце не было. На той руке, в которой майор прежде видел маленького металлического орла с двумя головами, вообще не было никаких шрамов.

Хороший разведчик обязан быть параноиком. А он слишком расслабился, посчитав, что в этой занюханной стране не может быть ничего примечательного.

А табак все же был очень хорош.

Ли Ханьфанг, не переставая улыбаться, положил пару высушенных листочков в перекинутую через плечо сумку и с

трудом удержался от попытки расплатиться с помощью «балалайки». Здесь с тем же успехом можно платить по счетам с помощью магических пассов руками – когда нет привычки к технологии, она может показаться мистикой.

Монах достал пару затертых купюр и отдал их крестьянину, на лице которого наконец-таки появилась настоящая искренняя улыбка. Он наклонился, чтобы взять еще пару листов, и протянул их Ли Ханьфангу.

– Возьмите это в подарок.

Монах кивнул.

– Я могу принять твой дар. Я обязательно поделюсь им с братьями.

Ли Ханьфанг, продолжая вчитываться в бегущие перед глазами строчки, повернулся, чтобы продолжить свой путь, и тут его взгляд уловил что-то, заставившее отвлечься от загрузки досье. Майор не сразу понял, что это было, а когда легкое, почти неуловимое подозрение окрепло, превратившись в уверенность, то, что он увидел, уже исчезло. Вернее, тот, кого он увидел…

Глава 33

Крики людей, занявших трибуны огромного стадиона, постепенно переходят в монотонный, похожий на звук вошедшего в раж урагана, рев. Каждый из тех, кто сейчас кричит во все горло, знает, зачем он это делает. Зачем он пришел сюда. И у каждого свои мотивы, свои цели. Своя правда.

Здесь соседствуют азарт и смерть, душевный экстаз и страшные телесные муки. Здесь все едино и каждый сам за себя. Это Игры Шакти Шивы Кали – массовый религиозный обряд и развлечение для десятков тысяч.

А еще это смерть для сотен и сотен на большой пыльной арене, расположенной в чаше стадиона. Смерть во имя и с благословения богини Кали. Смерть ради рождения новой жизни, ради развития и обновления.

Шанкар не кричал, он вообще не издал ни звука с того самого момента, как попал на восточную трибуну стадиона. Прийти сюда просто так нельзя – вход только по особым приглашениям. Или нужно быть человеком известным и проверенным, принесшим большую пользу делу богини, чтобы попасть на Игры безо всяческих билетов и пропусков. И если тебя нет в списках допущенных внутрь лиц, лучше не настаивать. Лучше вообще не подходить близко к стадиону, превратившемуся год назад в храм Шакти Шивы Кали, – запросто можно угодить не на трибуну, а на арену, где тебя ждет встреча с самой богиней. Только встреча эта будет недолгой – клинки Кали остры и никогда не тупятся, готовые в любой момент рубить головы с плеч.

У Шанкара пропуска не было. Но его привел Раджеш, которому доверяли. Чем заслужил джемадар такое доверие, Шанкар не знал. Тогда не знал.

Массивный, обмотанный целой связкой тонких ремешков мужчина взмахнул огромным, широким загнутым мечом, снося головы сразу трем тщедушным жертвам. Кровь потоком полилась на землю, смешиваясь с пылью. Под ногами гиганта медленно росла темно-багровая лужа. Трибуны взревели, оглушая Шанкара. Еще несколько частиц вернулись к Вечному Абсолюту, помогая Кали приблизить день начала перерождения мира.

На противоположном конце вытянутой овальной арены открылись ворота, и оттуда, почти неслышимы за ревом толпы на трибунах, выкатились две колесницы. Каждая запряжена парой черных лошадей. Колесницы набирали скорость, приближаясь к гиганту, воздевшему руки к небу. Возницы хлестали лошадей, заставляя их бежать изо всех сил, на осях бешено вращающихся

колес сверкали острые лезвия. Одно из лезвий задело ногу кого-то из статистов, сбившихся в кучку среди арены в ожидании своей участи. Ждущих своей очереди присоединиться к богине. Человека подбросило, серая пыль обагрилась свежей кровью, а отсеченная ступня полетела в сторону. Наверное, упавший кричал от боли и отчаяния, но его никто не слышал. Все ждали того, что должно произойти: великий воин, уже исполнивший волю богини, убив десятка три человек, до сих пор не заметил приближающихся колесниц, в каждой из которых за спиной возницы стоял боец, вооруженный коротким мечом.

Предположение, что воин не знает о приближении колесниц, оказалось ложным: неправдоподобно быстрым для его массивной комплекции движением он развернулся, одновременно выхватывая из-за пояса второй, не менее устрашающего вида меч, и точным, почти незаметным движением снес головы обоим бойцам.

Он просчитался только в высоте, на которой были установлены лезвия, венчающие ступицы колес. Подпрыгнул он недостаточно высоко, поэтому приземляться пришлось на два кровоточащих обрубка.

Шанкар не мог оторвать глаз от происходившего на арене действа. Кровь лилась рекой, отрубленные головы, руки, ноги усеивали пространство жертвенного алтаря, растянувшегося больше чем на сотню метров.

– Давай, давай!

Кричали совсем рядом. Шанкар слышал слова, не особенно придавая им значение, пока не понял, что кричал его джемадар. Он повернулся и увидел, как Раджеш забирает из рук соседа, сидящего сзади, рядом выше, мятые купюры, которые тот не спешит отдавать.

– Давай! Ты говорил, что Вринджапур выстоит. Не выстоял, так что отдавай долг!

– Но ведь он жив!

– Пока, мой друг. Пока – жив, но откликнуться на зов богини ему предстоит совсем скоро.

Шанкар смотрел на происходящее, и его рот медленно открывался. Нет, он не собирался начать орать, как делали все вокруг, впав в раж. Челюсть отвисла от удивления – важный, ничем не заменимый обряд, приближавший миг торжества Кали, прямо на его глазах превращался в обычную торговлю. Здесь делали ставки. Только теперь Десай заметил, что этим занимались многие. После падения могучего воина, которому колесницы отрубили обе ступни – судя по всему, его и звали Вринджапуром, – активность букмекеров выросла. Вринджапур

был популярным воином Кали, и его проигрыш в этом раунде игр, наверное, дорого им обошелся.

А колесницы между тем закончили разворот. Возницы, несколькими пинками избавившись от бесполезных теперь воинов, стегали лошадей, заставляя скакать их быстрей и быстрей. Вринджапур, сжав зубы, медленно поднимался, вставая на обрубки ног. Наверное, он кричал от боли, наверное, он едва держался, чтобы не упасть в обморок, но за гулом обезумевшей от вида кровавой бойни толпы на трибунах голоса воина слышно не было.

Широкие, загнутые на концах мечи взлетели вверх, прочная сталь сверкнула в руках воина. Шанкар смотрел на арену, на Вринджапура, от которого его отделяло не менее шестидесяти метров, и видел только лицо воина. Настоящего воина, преданного богине и готового отправить на ее суд столько противостоящих ему бойцов, на скольких хватит сил. На скольких хватит жизни.

Внезапно оба клинка начали бешеное вращение, со свистом рассекая воздух. Звук не достигал ушей Шанкара, вокруг стоял такой шум, что молодой человек вряд ли услышал бы сам себя, но все же его воображение слишком живо дорисовывало то, что не могли воспринять органы чувств.

Вжи-ик! И голова первого возницы полетела в сторону, а лошади, почувствовав свободу, дернулись в разные стороны, переворачивая колесницу. Лезвие, закрепленное на оси правого колеса, взлетело вверх и отсекло левую руку Вринджапура вместе с зажатым в ней мечом. Но воин был слишком велик. Уже в падении оставшийся меч резко ухнул вниз, точно поразив свою цель – клинок рассек тело второго возницы от левого плеча вниз, наискосок, застряв где-то на уровне пупка.

Могучий воин, истекая кровью, рухнул на песок. Его рот беззвучно открывался, словно у выброшенной на берег рыбы, пытающейся поймать пригодный для дыхания воздух. Зрители затихли, внезапно над ареной повисла тишина, нарушаемая лишь шуршанием песка, гонимого ветром, в которой отчетливо прозвучали последние слова Вринджапура: «Я иду к тебе, о великая Кали! Я вижу тебя, я здесь, я твой...»

Шанкар бежал вниз по ступенькам. Куда он хотел попасть, он не знал. Не знал и того, зачем бежит. Молодой тхаг был настолько потрясен увиденным, что на какое-то время перестал контролировать свои действия.

– Прими соболезнования.

Услышанные слова заставили Шанкара остановиться. Он еще не понимал, почему, как не понял и смысла сказанного. Но его

внимание привлекли два хорошо одетых господина, оба из варны кшатриев. Они стояли под широким сводом прохода, ведущего из чаши стадиона наружу. Вход в арку был закрыт решеткой, а у калитки стояли двое мужчин, открыто держащих огромные «дыроделы».

Шанкар замедлил шаг. Останавливаться здесь не стоило – громилы у калитки запросто могли пустить в ход свои внушительные пушки. Или просто вытолкнуть его на арену, до которой отсюда, с нулевого уровня стадиона, рукой подать. Но Десайю стало интересно, о чем говорят важные кшатрии.

– Все вершится на благо замысла Шивы, в помощь Шакти Кали! – усмехнувшись, ответил второй.

Он смеялся! Иронизировал, произнося имя богини! Шанкар не мог поверить собственным ушам. И делал это кшатрий здесь, в жертвенном храме Кали, в нескольких метрах от огромного алтаря.

– Жаль Вринджапура, отличный был воин.

– Прибыльный, – кивнув, согласился второй.

– Но с тебя не убудет.

Кшатрий улыбнулся.

– Конечно, Вринджапур не последний. Да и новая партия *мяса* скоро поступит. Богиня не позволит опустеть нашим карманам.

– Истинно так, – мужчина сложил руку, коснувшись пальцами лба и закатив глаза. – Хвала великой Кали.

Шанкар, не сводя взгляда с продолжавших светскую беседу важных господ, попятился. Он рисковал – за его спиной в каких-то двадцати метрах, отделенная невысокими перилами, начиналась арена. Место, где кровожадная богиня получала то, что ей причиталось.

– Пойдем, Шанкар, – знакомый голос вывел молодого тхага из прострации.

Рядом стоял Раджеш. Он улыбался. Одной рукой джемадар придерживал Шанкара за плечи, а в другой держал довольно внушительной толщины пачку бумажных денег. Результат удачных ставок? Или аванс за еще не выполненный заказ? Шанкар был новичком в их клане, ему еще было не положено знать все стороны жизни адептов Кали.

– Чего невеселый такой? – спросил джемадар.

Шанкар что-то промямлил, впрочем, и сам не понимая, что его так расстроило. Или напугало? Трудно сказать. Просто игры, посвященные богине, он представлял себе иначе. То, что он увидел на арене, не было играми. Это было бойней, массовым кровавым убийством нескольких десятков человек, привезенных

сюда тхагами. И самому Шанкару в скором времени предстояло заняться тем же – он тоже станет добытчиком *мяса*, о котором говорили кшатрии. Те, что рассчитывали на прибыль...

– Что тревожит тебя, Шанкар?

На мгновение Десайю показалось, что рядом стоит Раджеш. Но нет, это была Авани. Раджеш теперь гнил где-то на севере Мьянмы в развалинах завода корпорации, создавшей страшную траву, из которой делали голубой порошок, способный изменять мир. Страшная и страшно притягательная вещь.

Почему он вспомнил об играх Шакти Кали? Может быть, потому, что его неуклонно влекло к богине, он всей душой желал встретиться с ней. Но вместе с тем всеми силами пытался избежать этой встречи – он понимал, что после того, как повстречает Кали, закончит свое существование, не станет больше Шанкара Десайя, лишь еще один блудный Атман сольется с великим Абсолютом Брахмана.

Что-то заставило Шанкара посмотреть по сторонам. Какое-то неприятное чувство, будто кто-то чужой и недружелюбный пристально наблюдал за ним.

Вокруг было много людей, но все они шли по своим делам, кто-то стоял или сидел прямо на тротуаре, многие беседовали. Обычная жизнь обычного города. Но ни один из них не смотрел в сторону Шанкара – невзрачный облезлый паренек с нездоровым тусклым взглядом не был никому интересен. Возможно, интерес могла вызвать Авани – девушка привлекательная и даже красивая, – но мрачное лицо и помятое и покосившееся сари тоже делало ее неприметной в многолюдной толпе.

Нет, это чувство исходило не от человека. Оно шло откуда-то сверху, из-под крыши вон того дома. Там блестело что-то небольшое, взирающее на улицу бесстрастным мертвым глазом объектива. Автоматическая камера наблюдения. Она работала, Шанкар готов был дать руку на отсечение, он чувствовал, что камера включена.

Шанкар остановился, пальцы нырнули в мешок.

– Что случилось, Шанкар? – голос девушки звучал тревожно.

Он едва не убил ее там, на берегу. Когда тахг пришел в себя, то обнаружил, что держит Авани в почти смертельном захвате румаля. Хватило бы одного незаметного движения, чтобы девушка умерла – видимо, сама Кали спасла ее. Это был знак. Шанкар медленно провел взглядом по грациозным ступням, по разорванной ткани сари, по расцарапанным, но все равно прекрасным бедрам, по обнаженной груди. Авани прекрасна, она достойна важного дела. Понимание пришло внезапно, вместе с верой в правильность выбора – Авани родит от него сына.

Шанкар не планировал обзаводиться детьми. Во всяком случае, в ближайшее время. Но в иных мирах, куда он попал с помощью «волшебного порошка», ему было видение. Теперь он знал, что аватаров могут создавать не только боги. Точнее, богом может стать каждый. При определенных условиях, конечно.

Его сын станет его аватаром, он изменит мир! Это должно быть так, мир мог изменяться, и старые боги...

Старым богам не место в этом мире. И новым – тоже. Поэтому ему, Шанкару, придется уйти, оставив аватара.

Но ему хотят помешать. И этот стеклянный глаз – одна из помех на верном пути тхага. На верном пути нового бога.

Резкий запах ударил в ноздри. Мир раздвоился, потом каждый из миров разделился еще на несколько. Какой из миров был изначальным, не имело никакого значения. Тем более что никакого изначального мира никогда не существовало: все миры лишь плод чьего-то воображения.

Могут ли одну мысль думать сразу несколько существ?

Мир – лишь мысль. Шанкар не желал думать о камере наблюдения. В его голове не было места подобной мысли. Поток сознания, непрерывно текущий в каждой из его голов – а их много, десятки, если не сотни, – легко справился с задачей: на этом доме нет никакой камеры наблюдения. И никогда не было. В ином мире, не принадлежащем Шанкару, может быть, и была, но не здесь.

Вот она – сила веры. Сила мысли.

Небольшой, покрашенный кем-то отвратительной серой краской короб камеры наблюдения медленно, словно сахар в горячей воде, растаял.

Одну мысль могут думать сколько угодно существ, несомненно, это так. Ведь на одну камеру наблюдения могут одновременно смотреть сколько угодно человек, и это никого не удивляет, не так ли? И существует ли эта камера, если о ней никто никогда не думал?

– Что случилось? – повторила вопрос Авани.

Она ничего не видела, для нее камеры никогда не было, только Шанкар – создатель и властитель этого мира – знал о том, что в иной ипостаси мироздания здесь висел стеклянный глаз всевидящей сети.

– Все хорошо, моя Шакти, – тихо произнес тхаг.

Авани вздрогнула, услышав в свой адрес подобное обращение, но возражать не стала. Она шла вместе с молодым человеком. Это казалось естественным, ей некуда было идти, а этот странный, чуть не убивший ее парень назвал ее Шакти.

Через полчаса на все деньги, что были у Авани, Шанкар

купил два билета на поезд, идущий до Лудхияны. Недалеко от этого города каждую неделю проходили игры, посвященные Кали.

Глава 34

– Сколько это стоит?

– А за сколько возьмешь?

Губы покупателя растянулись в улыбке. Тратить время на то, чтобы предаться излюбленной азиатской забаве, он не планировал. Но неуемная тяга азиатов торговаться не могла не вызывать умиления: там, откуда он был родом, подобный вопрос можно услышать на рынке от девяти продавцов из десяти. Манера общения местных торговцев навевала ностальгию. Но вместе с тем немного раздражала – хотелось наконец купить все, что ему необходимо, и немного отдохнуть перед дорогой.

– Эй, эй! Постой, недорого отдам! – продавец встрепенулся и даже пытался бежать следом, когда Окоёмов повернулся и пошел дальше по ряду.

Мяса на рынке, тем более копченого или вяленого, было мало, так что не нужно слишком уж перегибать палку.

– Сколько стоит? – не оборачиваясь, повторил вопрос Окоёмов. Простенький словарик в его «балалайке» вполне позволял общаться на рынке и в магазинах – вести беседы здесь не предполагалось. Но вот торговаться с имеющимися лингвистическими возможностями сложновато.

– Тридцать пять!

Даже не глядя в глаза торговца, понятно, что он чувствует себя ужасно неуютно. И неуверенно – он не умел продавать, называя фиксированную цену: а не продешевил ли? Или еще хуже – вдруг покупатель решит, что слишком дорого, и уйдет?

Большого смысла упираться не было. Дело даже не в цене или манерах торговца. Просто он торговал действительно лучшим мясом на всем рынке.

Рынков в Мьичине – довольно крупном по местным меркам городке, являвшемся, как выяснилось, столицей этого штата, – оказалось целых три. Портье в гостинице, где они остановились, посоветовал именно этот. Только здесь, если верить портье, продавалось мясо. Нет смысла запасаться зеленью или быстро портящимися фруктами, от которых к тому же мало прока, в смысле количества калорий. Сублимированные высококалорийные армейские пайки, наподобие тех, что еще оставались в рюкзаке Окоёмова, на рынках Мьичины, да и, пожалуй, вообще в Мьянме, найти вряд ли удастся. Оставался один вариант – мясо, подходящее для длительного хранения.

– Тридцать, – не останавливаясь, бросил Окоёмов.

– Ну...

Торговец на секунду отстал. Скорее от неожиданности: он не привык, что люди с запада умеют торговаться. Кто его знает, покупал ли у него товар кто-нибудь из коренных европейцев вообще, но вряд ли их было много. А вот русских он, похоже, не встречал никогда. Иначе вел бы себя по-другому.

Окоёмов улыбнулся – он не собирался оставлять торговца «без штанов», хотя денег и было в обрез, но преподать урок вполне стоило. Или просто для того, чтобы немного развлечься.

– Ладно, за тридцать четыре бери, – по тону торговца можно было решить, что скидка огромная до неприличия. Он не знал, что на русских подобная тактика действует плохо.

– Тридцать, – еще раз сказал Окоёмов.

Он остановился и повернулся лицом к торговцу. Невысокий, тщедушный человечек. Улыбка хитрая, но в глазах страх. Да, не ожидал он подобного поворота событий. «Не переиграть тебе меня», – подумал Окоёмов.

– Тогда я, пожалуй, пойду. Ты меня не уважаешь, – бросил Василий, разворачиваясь. Старый проверенный прием.

– Стой, стой! Хорошо, тридцать два давай. Меньше не могу. Дети, жена. Мясо дорогое. Да нет его вообще, мяса-то. Тридцать два, последняя цена.

Времени уже много. А то можно было бы и за двадцать пять купить. Цена явно завышена – раз говорит, что мясо дорогое, значит, отдает действительно дорого.

– Хорошо, – Окоёмов сделал вид, что доволен предложенной ценой. Но окончательно сдаваться он не собирался.

Брал Василий много, местные отродясь столько за один раз не покупали. Так что торговцу он отвалил по здешним меркам целое состояние.

– И вот это, – Окоёмов водрузил на уже взвешенную кучу еще один довольно увесистый кусок и добавил тоном, не терпящим возражений: – В подарок.

– Э-эх, – торговец укоризненно покачал головой, но на лице его была искренняя улыбка: он хоть и потерял в цене, но пообщался с интересным человеком. Здесь, в Азии, люди ценили впечатления.

– Спасибо, – сказал Окоёмов и тоже улыбнулся в ответ.

Пора возвращаться. Кхайе с Часовщиком ждут его в номере отеля. Эту рухлядь, ставшую за годы настоящим гнездовьем тараканов, мышей и крыс, назвать отелем можно с большой натяжкой. Но отелей в Мьичине не больше, чем рынков, и попасть в переполненные гадюшники, чтобы не остаться ночевать на улице, не так-то просто. В первом встретившемся им на пути отеле отказали. Сослались на отсутствие номеров. Скорее всего,

номеров действительно не было – Окоёмов не возражал заплатить вдвойне, и по лицу портье было заметно, что тот переживает о потере денег.

В каком-нибудь Анклаве, скажем, во Франкфурте или в Эдинбурге, если брать не самый респектабельный район, хозяин подобного заведения вряд ли стал бы сильно церемониться со сбродом, неспособным перебить цену нового постояльца – бедняка выкинули бы на улицу, да и деньги вряд ли вернули бы. Но здесь не Анклав. Да и настоящим государством Мьянму назвать вряд ли можно. Только людям плевать, как называется место, где они живут. Люди такие, какие они есть, какими были их родители и какими вырастут их дети. Мир принадлежит людям. А не Анклавам, государствам или корпорациям.

Окоёмов спешил назад. Потому что Кхайе осталась там одна. Часовщик не в счет, с него толку никакого – во всех смыслах. Чего опасался Окоёмов? Пожалуй, он и сам не мог вразумительно ответить на этот вопрос. Того, что Кхайе воспользуется его отсутствием и сбежит? Возможно. С другой стороны, у нее была масса возможностей поступить так, но она до сих пор шла вместе с ним. В конце концов, она могла просто не спасать его – никаких проблем, он загнулся бы от яда той злосчастной змеи. Если, конечно, раньше не пристрелили бы свои.

Нет, она не уйдет. Да и куда ей здесь идти? Тогда почему он так спешит вернуться? Времени мало, но отменить отдых не удастся, как ни крутись – у человеческого организма есть свои пределы. Даже в случае, если его регулярно насиловать стимуляторами.

Он знал, на самом деле знал. Только не хотел признаваться себе в этом. Те ночи, что они провели вместе в лесу, всплывали в памяти снова и снова. Ее нежная кожа, ее маленькое стройное тело, извивающееся в пароксизме блаженства. Ее стоны и ее лицо в момент, когда... Мгновенно возбудившаяся плоть оттопыривала штаны и мешала идти.

Окоёмов просто хотел еще побыть вместе с Кхайе. До утра, а после рассвета они отправятся дальше. И он был уверен, что девушка хочет того же.

Выспаться, судя по всему, не удастся.

Тяжелая сумка, наполненная продуктами, оттягивала плечо. Но Василий не замечал тяжести. Мимо него проходили люди, кто-то смотрел на него, кто-то – совсем в другую сторону. Но опытный глаз ловил все детали.

Опытный глаз... Опыт дается старанием. Мало просто делать одно и то же дело много раз – ничего не получится. Важно каждый раз делать лучше. Тогда можно стать мастером. Но до

этого еще нужно дожить.

Василий снова подумал о Кхайе. Кто она ему? Кто она вообще такая, чтобы он мог тратить время и силы на… хотя бы на раздумья о ней?

Она женщина, которая спасла тебя. Которая тебе небезразлична.

Мог ли он позволить себе подобные вольности? Особенно сейчас?

Скажи правильно, зачем играть в игру с самим собой – можешь ли ты позволить себе любить ее?

Слишком громкое слово «любовь». Глупо даже рассуждать на эту тему после пары проведенных вместе ночей. И дело не в количестве раз, дело в другом…

В чем?

Он не мог позволить себе. Он дал слово, он должен, и он выполнит.

Что ты выполнишь? Да и кому ты давал слово – ты же ни одного имени уже не вспомнишь?

Имена не важны, важна идея. Важно то, что ты считаешь правильным и к чему стремишься.

А к чему ты стремишься?

Мы меняем мир.

Внезапно Окоёмов остановился, словно перед ним вырос невидимый столб, в который он врезался на полном ходу. Эта странная фраза звучала снова и снова в его голове. «Мы меняем мир». Именно так он когда-то говорил, именно в это верил. Но вера не удержалась, она рухнула. С высоты огромной волны, обрушившейся на мьянманский берег.

Он должен был выполнить задание в Джакарте. Именно туда шел российский крейсер «Иван Грозный».

– Окоёмов! Ты в Джакарте бывал?

Будто заевшая запись в «балалайке», вопрос повторялся эхом, не желая исчезать из памяти. Слова старпома, словно выжженные каленым железом прямо по коре головного мозга, навсегда запечатлелись в памяти. Они постоянно были перед глазами.

– Нет.

Это было неправдой. В Индонезии Окоёмов бывал. И не раз. Он все подготовил еще полгода назад. Тогда его звали иначе, но это не имеет никакого значения.

– Тебе понравится там. Точно говорю, тебе обязательно понравится.

Нет, ему не понравилось. Ни в первый раз, когда он поехал туда просто осмотреться, ни во второй, когда дело уже началось. Грязная жаркая страна. К тому же – невозможно влажная и

душная. Он не любил южные страны, ему не нравились азиаты. Но об этом никто не догадывался – он хорошо владел собой.

Тогда он верил в то, что делал. А теперь?

Теперь рыжего старпома давно доели морские обитатели. Возможно, кости еще найти можно, но слишком уж сложная задача – ударом и последующими волнами их, скорее всего, разметало по округе.

Их учили, что ни у кого из них не может быть личной жизни. Нет, им никто не запрещал иметь отношения с женщинами. Или с мужчинами – это кому что нравится, личные вкусы не обсуждались. Но это лишь физиология. А личной жизни быть не должно.

Эту простую истину вдалбливали в головы с самого первого дня. С того момента, как он, услышав завороживший разум рассказ о будущем человечества, пришел к этим людям. Решение посвятить себя будущему пришло в одночасье, он не раздумывал ни секунды.

Пожалел ли он о своем решении, принятом много лет назад?

А ты уверен, что принял его сам?

Решения можно принимать, тщательно обдумав все нюансы и представив все возможные последствия. Можно ни о чем не задумываться, а просто сказать: «Я так решил!»

Только ты ничего не решаешь, все давно решено.

Если бы предопределенность была столь неотвратимой, то для чего нужна борьба? К чему трепыхаться, если будет так, как будет?

Не тебе решать, как будет.

Сейчас он мог отказаться. Легко – очень просто остаться в этом медленно разрушающемся городке, забыть обо всех учениях и рассказах.

Легко ли?

Он не знал, для чего нужно то, что он делал.

Не строй из себя идиота – для того же, для чего и все остальное: для власти.

Они делают мир лучше.

И ты в это веришь?

Нет!

Если это так, то какого черта он тащил этого несчастного старика в Магуэ? Зачем вообще ввязался в это дело?

Ясно, что у них все на крючке – достаточно было только подключить «балалайку» к сети, и его тут же нашли. Мгновенно, обрубив, судя по всему, все программы, зашитые в коммуникатор людьми, которым подчинялся Лейтенант. Сам Лейтенант к хозяевам Окоёмова отношения не имеет. Это не вызывает никаких

сомнений.

Поскольку то, на что смотрел «опытный глаз» Окоё– мова, сомнения отметало раз и навсегда.

Недалеко от покосившегося навеса, под которым сидело несколько торговцев и роилось целое облако мух, стоял монах. Обычный буддийский монах, завернутый в желтую, цвета детской неожиданности тряпку. Монах был китайцем: типичный разрез глаз, плоский, словно проваленный нос, относительно светлая кожа – бирманцы выглядели немного иначе. Как положено, он был лыс. Взгляд спокойных, на первый взгляд покорных всему глаз, при более детальном рассмотрении оказывался цепким и жестким, будто стальная проволока. И цвет они имели соответственный – серо-стальной.

Ничего в этом аккуратном, интеллигентного вида китайском монахе не напоминало о человеке, о котором думал сейчас Окоёмов. Но его учили находить сходство даже там, где его не было в принципе.

– Сколько здесь вертикальных зеленых полос?

Голос произносил слова мягко и тихо, можно сказать, с какой-то нежностью. Только от каждого звука, произнесенного этим голосом, отчего-то хотелось свернуться калачиком, спрятаться под одеялом и больше никогда не показывать оттуда носа.

– Я не…

На листе – обычном бумажном – хаос из разноцветных полос. Будто младенец позабавился, дорвавшись до коробки с карандашами.

– Сколько здесь вертикальных зеленых полос?

Нет, бить его никто не будет. Вообще – пальцем не тронут. У них другие методы, они действуют словом. Придется слушать и повторять. И так – пока не помутится в голове.

– Триста шестнадцать.

Черт его разберет, сколько на этом листе полос – не сосчитать. Считать никто и не просил, приказали просто назвать число. Их так и учили: не раздумывать, а принимать мир таким, каков он есть. Интересно, тот, кто спрашивает, сам знает правильный ответ?

– Правильно.

И сразу же, не делая паузы:

– Кто изображен на этом рисунке?

Те же каракули, только немного ярче. Никто там не изображен, какая-то галиматья, а не занятия.

– Дедушка Ленин.

В голосе ирония – он только что смотрел исторический

фильм об истории России. Созданный специально для малолетних образ вождя особенно понравился.

– Вы делаете успехи, – отозвался голос. – Я предполагал только описание внешности.

То есть там что – на самом деле Ленин нарисован? Чего удивляться: он ясно видел, что сквозь каракули, штрихи и кляксы уверенно прорывается знаменитый прищур вождя пролетариата. Только он так и не понял – какое отношение Ленин имел к пролетариям?

Так вот, этот монах – китаец до мозга костей – был не кем иным, как Лейтенантом. Темноволосым, с прямым носом и миндалевидными глазами выходца с Ближнего Востока, лишенными какого бы то ни было выражения. Это был именно тот человек, никакие каракули не смогли бы скрыть черты его лица от Окоё– мова.

Заметил ли Лейтенант Окоёмова? Нечего и раздумывать – этого человека наверняка готовили не хуже, чем Василия. Да и над лицом бойца не работали пластики – тут и узнавать ничего не надо: даже одежда осталась прежней.

Монах продолжал разговор с торговцем и в сторону Окоёмова не смотрел. Не стоит обманывать себя, он и сейчас внимательно следит за действиями бывшего бойца его отряда. Того самого, который он сам и уничтожил. И Окоёмов оказался лишним свидетелем.

Вопрос, чего здесь ищет Лейтенант, тоже больших сомнений не вызывал. Ему нужен гравер. Он всем нужен. Собственно, сам старик никому не сдался, но каждый из кожи вон вылезет, чтобы завладеть технологией, которую угораздило изобрести Часовщику. На свою беду. А может, и не только на свою.

Василий медленно продолжил движение. Пока просто вперед – в отель возвращаться нельзя. Хотя Лейтенант, скорее всего, уже в курсе, где они остановились. Кхайе и Часовщика нужно вытащить оттуда. Как-то незаметно, чтобы миновать Лейтенанта. И всех, кого он мог притащить сюда.

Его Лейтенант не тронет. Во всяком случае, сейчас. Сам Окоёмов ему не нужен.

Василий свернул направо. Туда, где в полусотне метров впереди виднелся выход из квартала, в котором располагался рынок. Предстояла работа, настоящая, а не как раньше – просто идти по лесу. Ну что ж, это даже к лучшему. Так веселей. Только смеяться совершенно не хотелось.

Глава 35

Если возвращаться к тому, что происходило в мире каких-то три года назад, то дело было предельно банальным. Ну кого можно было в то время удивить тем, что часок повалялся в ванной? Разве что какого-нибудь нищего из засушливых районов Африки.

Так было три года назад. Но уже спустя год все заметно изменилось. Цели вышли из фокуса, ориентиры размылись, превратив в таинственную трясину, где каждый шаг может стать последним, четкий и вполне понятный путь. Дорога, казалось, так и будет долго и уверенно идти прямым, как спица, автобаном к естественному и оттого нестрашному окончанию. Жизнь из обыденности превратилась в настоящее приключение. Многие люди мечтали о таком повороте событий всю свою никчемную жизнь, так ничего путного и не дождавшись – перемены к лучшему никогда не приходят сами. Само становится только хуже. Так было всегда. И так всегда будет. Если, конечно, дальше вообще что-нибудь будет.

Горячая вода и небольшой кусок резко пахнущего самодельного мыла способны творить настоящие чудеса. Не в том мире, где возможность принять ванну была вполне ординарной частью жизни. В этом, где остались только грязь, разруха и глубокая, бесконечная безысходность.

Плевать на безысходность. До чего приятно вот так валяться в подогреваемой тлеющим огоньком бочке, смотреть, как над коричневатой водой медленно поднимается наполненный ароматами особых трав пар. Мир полон проблем. Но не сейчас. Вспомнить о проблемах еще придет время. К сожалению, быстрее, чем хотелось бы. Но сейчас – пошло оно все!

Удовольствие стоило дорого. Пришлось отдать почти половину того, что у нее оставалось. Но – никаких сожалений, это было одно из самых правильных вложений.

Восемнадцатая лежала в бочке с горячим настоем из трав, который подобрал для нее местный банщик – этот маленький невзрачный человечек оказался настоящим волшебником, – и ни о чем не думала. Она даже задремала на какое-то время.

Но так не могло продолжаться вечно. К сожалению.

Униформу, которую ей выдали на сборном пункте в Мандалае, она не стала стирать. Просто выбросила – с прошлым нужно расставаться легко. Нормальную одежду в этой глуши найти оказалось нелегко, но возможно. Не новые, но вполне приличные джинсы, рубашка, присланная сюда лет пять назад

какой-нибудь армией спасения, но так и осевшая в магазине секонд-хенда, где оказалась никому не нужной тряпкой. Высокие ботинки на толстой рифленой подошве восемнадцатая купила новые – обувь не постираешь, а носить то, в чем кто-то посторонний долго потел, она не собиралась.

Армейский рюкзак, ополовиненный за время путешествия по лесу, вполне вязался с обликом заядлого туриста. А вот «Патанг» пришлось продать – человек с автоматом, висящим на плече, в обитаемых местах вызывал ненужные подозрения. В городах люди ее профессии никогда не работали столь грубо. Только в исключительных случаях. С не совсем законной сделкой помог все тот же банщик. Выручить за автомат удалось не очень много – она рассчитывала на большее, – но зато продажа свершилась быстро и без лишней суеты. Она очень жалела, что больше нет наукомовской СВУ-14МА – снайперской винтовки, с которой она не расставалась долгое время. Оружие, ставшее ей роднее любого человека.

Но СВУ владела dd Тони, а Тони больше не было. Она умерла там, у стеклянных дверей транспортного узла имени Роберта Стейна. «Патанг» продавала восемнадцатая – наемница без имени, лишенный прошлого призрак. Однажды dd Тони предала своего друга, она бросила дорогую ей вещь, ту самую винтовку, спасая собственную шкуру. Они больше не могли быть вместе: люди способны простить предательство, оружие – никогда.

Из бани она вышла другим человеком. Вымытой, благоухающей и отдохнувшей. Словно вдохнула какого-нибудь «порошка жизни», как в компьютерной игре. Но мир вокруг игрой не был, здесь приходилось быть начеку – право на ошибку существовало, но воспользоваться им можно было только один раз.

Свой один раз ты уже использовала с вудуистами, помнишь?

Рука скользнула по чуть отросшим волосам. Они уже почти перестали колоться, словно иголки ежа. Еще пару недель, и можно попробовать сделать какое-то подобие прически.

Вопрос в том – для чего?

Восемнадцатая посмотрела по сторонам. Нет, после такого омовения в целебных травах и мир казался не столь враждебным. Отчасти он даже немного нравился. Но лишь чуть-чуть, так, чтобы в нем можно было продолжать существование. Выбора ведь нет – иного мира не существует, только этот.

Вудуисты, буддисты, христиане, мусульмане, храмовники... Они все обещали какие-то загробные чудеса и лучший, справедливый и невероятно комфортный мир. Разумеется, только для тех, кто согласится соблюдать правила. Правила – простой

способ внушить рабам, что есть хорошо, а что не очень. Очень просто назвать законом то, чего желает правящая верхушка. Верхолазы, настоятели, прелаты, шейхи… Какая разница, термины ничего не меняют, здесь главное суть, а не название. Жрецы власти.

Есть еще Мертвый с его новыми мирами. Иными мирами – не загробными, а просто иными. Хотя в чем различие? Да и кто эти миры видел?

Тот же Мертвый – всего лишь новый жрец, дергающий за ниточки, тянущиеся к верхолазам, к президентам и султанам. Ко всем людям, рано или поздно. От ниточек, ползущих откуда-то сверху, не спрятаться, они достанут каждого. Включайся в общий процесс или выпадешь из стройных рядов. Падать высоко и больно. Если верить жрецам – ад, как и рай, является неотъемлемой частью системы. Метод кнута и пряника, древний, как само время.

Мысли неслись непрерывным потоком. Остановить их не получалось. Мир снова поблек, утратил краски и покрылся налетом затхлости и разложения. Восемнадцатая знала, как это называется, термин давно известен – депрессия. Но она не верила, что причиной всему какие-то химические реакции внутри ее головы. Она уверена: причина внутри мира, прогнившего насквозь, давно готового умереть, но никак не умирающего. Зомби мироздания, летящий сквозь холодный и равнодушный космос.

Коммуникатор она уже несколько минут держала в ладони. Индикатор показывал низкий заряд батареи. Специальный механизм, подпитывающий аккумулятор во время движения, не справлялся с зарядкой на сто процентов. Так и должно быть. Вот только зарядить гаджет негде – провода, чаще всего оборванные, висели на столбах, играя роль насеста для птиц, больше они ни на что не годились.

Иконка спутника медленно мигала. Сигнал появился, но все еще оставался неустойчивым. Еще несколько минут, и восемнадцатая получит доступ в сеть. Пароль она помнила наизусть – от пагубной привычки записывать пароли в память «балалайки» или на клочках бумаги ее отучили много лет назад.

А может, забросить этот незарегистрированный коммуникатор в кусты? Что там? Шумит вода, наверное – река. Вот и славно, вряд ли гаджет удастся восстановить после того, как он понырет в бегущем с гор потоке. Оборвать ниточку, связывающую ее с «цивилизованным миром», очень просто. Только страница на сервере dd, закрытая паролем, связывала ее с заказчиком. Никто не станет искать не выполнившего задание

наемника в Мьянме. Они там, поди, и названия такого не слышали. Или...

Или она не сделает этого? Восемнадцатая заметила, что руки дрожат. Она боялась. Боялась потерять связь с миром, который знала и который ненавидела. И еще она боялась вернуться в тот мир. Она запуталась в собственных желаниях, она не знала, что делать.

Коммуникатор резко пискнул, сообщая о подключении к спутнику. Спасибо корпорации «Науком», сеть теперь доступна почти в любой точке планеты. Правда, не всегда, но это, судя по всему, вопрос времени. Мир изменился, мир остался прежним, мать его!

Палец сам собой прикоснулся к экрану, в том месте, где красовалась кнопка подключения к серверу. Последним посещенным в сети местом был сервер dd, страница с запросом пароля которого уже красовалась перед глазами восемнадцатой. Остался маленький шаг из девяти символов.

Пользователь: «снайп».

Пароль: *********

Вход выполнен. Рубикон перейден.

Не надо драматизировать – путь назад открыт, никто не мешает развернуться и чесать, сверкая пятками.

Заказчики не интересовались состоянием дел. Они, похоже, об этом состоянии знали куда лучше самой восемнадцатой. И даже снизошли до оказания помощи. Интересно, чем им так насолил этот ломщик? Странное прозвище – Мыш. Будто сетевой разбойник желал подчеркнуть свое именно мужское начало. Самая большая ошибка новичков: конспирация должна быть незаметной, а не привлекающей внимание.

В общем-то, след беглецов был потерян. Но восемнадцатая видела совсем немного вариантов. Выбор направления труда не составлял – допущение, что ломщик мог быть бирманцем, получалось нежизнеспособным, поэтому делать зарвавшемуся Мышу в Мьянме больше нечего. Направлений «отсюда» существовало только три: в Китай через горы (как раз те, из которых она только выбралась), в Индию или морем – куда угодно. Что-то подсказывало восемнадцатой, что ломщик выберет третий путь. А вот в этом случае конец маршрута по территории Мьянмы известен заранее – после Катастрофы здесь существовал только один порт, который до катаклизма располагался довольно далеко от моря. Магуэ.

Двигаться нужно было именно туда. Но сначала неплохо бы попасть в Мандалай – возможно, удастся найти какой-нибудь транспорт. Тем более что заказчики тоже советовали перебраться

в Мандалай. Причины подобного решения они не объясняли.

«Состояние заказа».

Восемнадцатая, скривившись от отвращения к самой себе, выбрала закладку со словом «активен». Она все еще dd, заказ все еще ее проблема.

Она доведет это дело до конца и...

Не лги себе, ты же больше ничего не умеешь.

Заткнись!

Думать о том, что будет после, время еще не пришло. Сейчас нужно найти и уничтожить недоразвитое существо, назвавшее себя Мышом.

Глава 36

Это событие не стало новостью номер один. Некоторые каналы дали краткий сюжет о том, что авианосец Европейского Исламского Союза в сопровождении еще нескольких судов меньшего масштаба вошел в воды Бенгальского залива. Об этом говорили в утренних новостях. А вечером, не снимая из нарезки сюжет про флот ЕИС, в новостях сообщили о прибытии в ту же акваторию Мирового океана нескольких судов под флагом Конфедерации Католического Вуду.

Аналитики новостных каналов не делали поспешных выводов о причинах присутствия в водах Бенгальского залива эскадр двух крупных государств. Все словно бы чего-то ждали. Высказывались предположения о каких-то совместных учениях, слухи о которых то подтверждали, то опровергали военные чины из Европы и Америки, но все это явно было не более чем разговорами: чины, говорившие о причинах передислокации судов, имели должности смехотворные, и их высказывания ставили цель поскорее избавиться от дальнейших расспросов репортеров. Информацией делиться никто не хотел.

Райн Тайн, пристально следивший за новостями последние несколько дней, хотел верить в то, что знает чуть больше тех, кто эти новости готовил к выпуску. Хотел, но понимал, что всего лишь успокаивает себя – о том, что творилось на территории вверенной ему страны, он, по сути, не знал ничего. Единственное, что он понимал совершенно точно: в Бенгальский залив не прибывали эскадры поднебесников и индусов только потому, что ни тем, ни другим не было нужды добираться до Мьянмы морем. Индусы официально, с его личного президентского разрешения, уже неделю что-то искали на севере. Китайцы неофициально, но не менее пристально, искали что-то там же, только несколькими днями раньше. Если судить по тому, что поднебесники вроде бы несколько дней не появлялись, да и у индусов поубавилось бравады, можно предположить, что приз уже находится на территории Народной Республики.

– Мы сделали официальный запрос в военные ведомства Исламского Союза и Конфедерации, – сообщил министр обороны.

«Настоящий фарс, – подумал Райн Тайн. – Министр обороны есть, но нет никакой обороны. На самом деле хватит одного авианосца, чтобы захватить всю Мьянму целиком. Много времени не потребуется – сколько там нужно, чтобы штурмовой вертолет добрался от берега до северных границ? Конечно, партизаны тут же поднимут сопротивление в провинциях. Но они всегда воюют,

это их обычное занятие. Впрочем, бессмысленное и бесперспективное при любом раскладе».

Армия Мьянмы существовала в основном для внешнего вида, для украшения страны. Ну, или потому, что во все времена было принято, чтобы у государства – настоящей державы – имелась собственная армия.

– И что они говорят?

– Ответ краткий и невразумительный. Сообщили о необходимости конвоирования судов, выходящих из Магуэ.

– Для этого нужны авианосцы?

Министр обороны, плотный и обильно потеющий мужчина, хмыкнул, скривив губы, и пожал плечами.

– Это все отговорки. К тому же – совершенно неаргументированные. Им наплевать на наше мнение. Да и вообще на чье бы то ни было, – заявил Президент. – Объясните мне, почему весь мир вьется вокруг наших северных территорий, а мы живем здесь, управляем этой страной, но ничего не знаем о причинах суматохи?

Впрочем, ответ Райн Тайн знал и сам. Этой страной никто из сидящих сейчас в кабинете Президента на самом деле не управлял. Они все только делали вид. Министр так называемых финансов еще надувал щеки. Страна, никогда не бывшая единым целым, сейчас стремительно разваливалась на куски. Не нужно никаких сепаратистских настроений в условиях, когда власти почти ничего не знают о том, что происходит за пределами столицы.

– У нас имеются некоторые результаты, – голос произнесшего эти слова прозвучал тихо, но все его услышали.

– Доложите о них после совещания, – резко отдал указание Райн Тайн. Он не желал делиться информацией со всем кабинетом министров – нет никаких сомнений, что по меньшей мере половина из них работает на индусов. Не зря же Лал приезжал сюда лично. Впрочем, вторая половина, скорее всего, активно осведомляет каких-нибудь китайских агентов, которых в Нейпьидо тоже немало.

Человек, который сообщил об имеющихся новых данных, был министром сельского хозяйства. Он ничего не знал. Он лишь был в курсе, у кого следует спрашивать – сельское хозяйство до сих пор было основной отраслью в Мьянме, и люди из этого ведомства имели наиболее тесные контакты с народом.

Райн Тайн в который уже раз задавал себе вопрос: для чего он пытается вытянуть Мьянму из глубокого и полного коллапса. Для кого? Государство ради государства? Бывало уже такое, и не раз. Мьянма оставалась независимой и самобытной страной. Слишком

уж самобытной. Только каждый раз сохранение этой самобытности обходилось каждому третьему жителю самым дорогим, что у него было, – жизнью. Государство складывалось из людей, а не из правительства и армии.

Зомби с пустыми глазами, бредущие по пыльной дороге...

Президент с силой зажмурился, прогоняя наваждение. Не будет никаких зомби, он не допустит повторения этой страшной картины.

– Не следует закрывать глаза, ибо тогда ты ничего не увидишь.

Слова произнес монах, который сидел, скромно сложив руки, на диване с другой стороны стола для совещаний. Он был стар, кожу, словно пересушенный пергамент, покрывал рисунок из складок и морщин, в костистой руке зажат отполированный многолетними прикосновениями посох. Райн Тайн знал, кто это. Этого человека пригласил сюда министр сельского хозяйства. Тот самый, который ничего не знал.

– Эти стены закрывают мне весь вид, – тихо сказал Райн Тайн.

– Тогда выйди наружу и посмотри вдаль.

Президент улыбнулся.

– Я все равно ничего не увижу.

– Чтобы увидеть, необязательно всматриваться. Главное – замечать то, что происходит рядом.

Райн Тайн не задавал вопросов монаху. Он ждал, когда тот сам выложит все, что считает нужным.

– На севере говорят, что индусы интересуются какими-то компьютерами, – сказал монах. Что он мог сообщить о компьютерах, когда даже сам Райн Тайн, в кабинете которого было два коммуникатора и периодически появлялась возможность подключиться к сети, мало что смыслил в электронных игрушках? – Им нужен какой-то процессор.

– Что за процессор?

Глупый вопрос. Даже если монах ответит, что сможет понять из его объяснений Райн Тайн? Разговор слепого с глухим, вот что это было.

– Этого я не знаю. Знаю лишь, что им нужна трава и процессор. Знаю также, что в Нонгуине, недалеко от того места, где обосновались индусы, появлялся монах. Китаец. Он тоже очень интересовался людьми, которые раньше делали особые процессоры...

Монах нахмурил брови, явно пытаясь вспомнить слово, которое для него было пустым звуком.

– Граверами? – попытался помочь ему Райн Тайн.

– Да, граверами. И не нашел их.

Было бы странно, если бы он их там нашел. Отсутствие в Нонгуине граверов как раз не являлось чем-то экстраординарным.

– Но в этом городке жил один человек, которого все называли Часовщиком. Знающие люди говорят, что он был гравером.

Если бы Райн Тайн сейчас что-нибудь держал во рту, он бы наверняка подавился. Гравер в Нонгуине?! Но что он там делал, какие процессоры?

– Что случилось с Часовщиком? – понятно, что если монах сказал «жил», то больше в Нонгуине гравера не было.

– Он исчез. Его нет. И никто не видел, куда Часовщик запропастился.

– Китаец?

– Нет. Китайца видели, он ушел один.

Вот, значит, как. Стало быть, все они хотят заполучить какой-то процессор. Интересно, что он такое особенное может? Предположений возможно множество, но Президенту страны, в которой отсутствует правительственное ведомство, состоящее сплошь из квалифицированных машинистов, никогда не узнать, которое из них верное.

– Спасибо, – Президент поклонился монаху, сложив руки у груди. Старик повторил его жест. – Дары уже отправлены в ваш монастырь.

– Мы не можем принять ваши дары, но Будда может.

Райн Тайн поклонился еще раз.

Нужно все тщательно обдумать. Процессор – маленький кусочек пластика, сдобренный щепоткой редкоземельных металлов, атомы которых граверы располагают особым образом. Именно из-за него возня на севере. Именно из-за него в заливе стоят две эскадры, каждая из которых способна за полдня уничтожить всю Мьянму. Кто еще желает завладеть процессором? Наверняка желающих масса – все, кто знает о его существовании.

Этот самый Часовщик – гражданин Мьянмы. Стало быть, что бы он там ни изобрел, все принадлежит государству. И это подтвердит любой суд, если Райн Тайн решит обратиться туда, правильно сформулировав претензии. Осталось уточнить три небольшие детали: выяснить, на кого подавать иск, куда девался Часовщик и как вообще доказать, что процессор существует и сделал его гравер из Нонгуина. Самая малость, чего уж там... Райн Тайн усмехнулся, только радости он не испытывал.

Из коммуникатора раздался звук входящего вызова. Сегодня день приносит много сюрпризов, даже подключение к сети действует.

Звонил Лал.

– Здравствуйте, дорогой генерал! – Райн Тайн расплылся в

улыбке. Но веселья так и не добавилось.

– Здравствуйте, Райн.

– Как продвигаются дела с геологоразведкой на севере?

Все-таки он не смог удержаться от продолжения разработанной заранее легенды, хоть она теперь и трещала по всем швам. А может быть, он и сам где-то в глубине души верит в то, что нефть может вернуться в недра Мьянмы?

– Неважно, – похоже, генерал не кривил душой. Только вряд ли он сейчас думал о черном золоте. Все его мысли занимал только процессор.

– Достаточно ли вам имеющихся компьютерных мощностей?

Если вопрос Райн Тайна и удивил Лала, на его лице это никак не отразилось.

– Вполне, Райн. Мы привезли все оборудование с собой.

Но ведь кое-что вы надеетесь и увезти, не так ли?

Козырь в игре теперь известен, главное – применить его в нужный момент. И еще немаловажной проблемой было то, что козырь в чужих руках. Вот только в чьих – большой вопрос.

– Вы нашли то, что искали?

– Можно сказать, да, – голова Лала на экране коммуникатора кивнула. – Сырья, из которого делали «порошок», похоже, больше не существует. Это растение, судя по всему, с самого начала росло не очень хорошо. И кто-то постарался уничтожить то, что еще оставалось.

– Китайцы?

– Вряд ли. Скорее, кто-то из местных.

Юлит генерал. Если бы это совершили бирманцы, монах, которого привел министр сельского хозяйства, обязательно рассказал бы об этом.

– Мы продолжим геологоразведку. Пока еще не все возможности исчерпаны.

– Разумеется, продолжайте. Мы со своей стороны готовы оказывать всяческое содействие.

Еще как готовы, особенно в свете прибытия двух авианосцев.

Да, чужое военное присутствие у своих берегов нервировало. Пока индусы… нет никакой разницы: индусы, китайцы, русские – главное, чтобы кто-то из тех, кто может адекватно ответить, находился на территории. Тогда вторжения не будет. Если уйдут индусы, братской помощи в борьбе с качинскими сепаратистами не избежать. Жаль только, что после оказания подобной помощи ни от так называемых сепаратистов, ни от всей остальной Мьянмы ничего не останется.

– Может быть, Индия сочтет возможным присоединиться к исследованиям, которые проводят наши специалисты недалеко от

побережья?

Угу, особенно в этом заинтересовано ведомство Лала.

– Тем более что мы планируем начать активное внедрение цифровых технологий. Говорят, сейчас появилось много нового в этой отрасли, – Райн Тайн закончил фразу – корявую, родившуюся в его голове экспромтом – и, не сводя глаз, смотрел на изображение генерала Лала, ожидая реакции.

И реакция последовала. Едва заметная, но она была. На короткое мгновение глаза Лала открылись шире, чем обычно. Но в следующую секунду генерал совладал с собой.

– Не исключено, – медленно проговорил индус. – Индия будет рада предложить вашей стране самые передовые технологии. Вероятно, мы сможем принять во внимание ваши материальные трудности и договориться об отсрочке платежей. Главное – добрососедские отношения, ведь так, Райн?

– Вне всякого сомнения.

Райн Тайн улыбнулся. Впервые за сегодняшний день из-за того, что ему действительно хотелось сделать это.

Глава 37

Интересно, как можно узнать то, что никогда не видел? Прикидывать по описаниям, опираться на то, как «сосед напел Карузо»? Метод, не выдерживающий критики. Тогда как?

Решение нужно найти, нет иного варианта. И нет необходимого оборудования, лишь маленький неудобный экран, с трудом понимающий происходящее, когда к нему прикасаешься больше чем двумя пальцами одновременно. Хотя на самом деле это все ерунда – есть только один незаменимый инструмент, он всегда с тобой. Его невозможно отобрать, не лишив жизни. Небольшой студенистый комочек внутри довольно прочной черепной коробки, обычно его называют мозгом.

Написать программы – физически написать, облечь в символы – дело плевое. Мыш об этом даже не думал. Было бы что писать. Проблема – придумать, как это будет работать.

Автоматическую отгрузку липовых отчетов взамен поступивших на сервер настоящих устроить несложно. Сначала нужно сломать защиту и поставить на ее место свою заплатку, а дальше, как говорится, дело техники.

Но вот как заставить программу распознать поступивший отчет? Ни сам Мыш, ни тем более его программа этих отчетов в глаза не видели. Скорее всего, окончательная версия документов пока вообще не существует в природе, над ними еще работают менеджеры корпораций, тщательно маскируя реальные данные приукрашенными подробностями там, где это выгодно директорам. Или акционерам.

Мыш просмотрел то, что дал ему Призрак. Сам Безликий обычно не возражал против того, чтобы ломщик знакомился с поступающими в его распоряжение материалами. Если честно, у Мыша сложилось впечатление, что Призрак даже настаивал на ознакомлении.

В отчетах не было ничего интересного. Отчеты как отчеты. Столько вложили, столько получили, такие-то инновации. Семь отчетов, семь стилей. Каждый документ имел какую-то особенность, что-то отличало его от остальных. И Мыш был уверен, что стиль каждого полностью соответствовал тому, как писались оригинальные отчеты в этих корпорациях. Вот только нужно найти алгоритм, нужно выделить узловые моменты, чтобы тупая машина, делающая только то, что велит машинист, смогла опознать поступивший на сервер текст и заменить его тем, что даст ей Мыш.

Символы, функции, команды. Строчка за строчкой программа

появлялась на свет. Первый прогон. Четыре из семи. Плохой результат, так не пойдет. Нужно, чтобы четко распознавались все семь.

Руки занемели от однообразных движений, палец непривычно шуршит по сенсору, являя из цифрового небытия команду за командой. Еще попытка. Шесть. Неплохо, но победа – сто из ста. Участие в этом виде спорта не имеет никакого значения.

Еще две попытки. Третья. Есть! Все семь. На всякий случай Мыш загрузил несколько произвольных текстов из сети – алгоритм четко разделил их по авторам. Программа работала.

Ряд софтверных корпораций должны стать жертвами... Чьими? Ломщика, работающего под ником Мыш? Нет, ломщик лишь орудие, ему неведомы истинные мотивы заказчика. Да и неинтересны.

Но без всякого интереса ты то и дело задумываешься о смысле всей операции.

С чего начался этот взлом? Мыш помнил совершенно точно – с подтасовки котировок акций некоторых корпораций. И среди них не было ни одной из нынешней семерки. Какая в этом логика? Мыш слишком плохо разбирался в биржевых торгах, чтобы сделать правильные выводы.

Потом какие-то подправленные графики, слегка измененные программы. Везде замена, подлог, коррекция данных. Каждый раз – чуть добавить, немного переиначить, незначительно изменить, подкинуть какую-нибудь мелочь. Слишком большие усилия для слишком маленьких результатов. Или Мыш неправильно понимал размах полученного в итоге? Из всей картины совершенно отчетливо проступало только одно – раз за разом он, подобно настоящей тюремной мыши, точил кирпичик за кирпичиком, прогрызая проход внутрь отлично защищенного и почти неприступного сервера биржи Eurex. Теперь цепочка программ, отлаженных и заточенных под взлом именно этого сервера, всегда была под рукой. Нужно всего лишь забить в линки путь – и можно действовать.

Известен ли этот путь Призраку?

Ты делаешь вид, что идиот, или на самом деле неважно соображаешь? Конечно же, он знает. Он все о тебе знает и не один раз давал это понять.

Так вот что он хотел получить – ему не нужны коррекции и исправления. Ему нужен путь, четкий и беспроблемный. Путь внутрь сервера Eurex.

Мыш плохо разбирался в биржевой игре. Но хорошо – в серверах. Из фактически взломанной им сети Eurex можно попасть на серверы практически каждой из участвующих в торгах

корпораций. Так устроена система, так прописаны коды. Разумеется, везде стоит защита. Но защиту пишут люди – нет неуязвимых систем, всегда остается место человеческому фактору.

Нет, в эту версию Мыш не верил. Призраку нужно что-то другое. Что-то связанное с проделанными ломщиком в защите сети Eurex дырами, но не сами дыры.

Все семь отчетов быстро ушли в сеть. Туда, куда их послал Мыш. Программа установлена на сервере – на независимом сервере, а не в сети биржи. Когда придет время, детище Мыша включится и нужные места будут найдены, а отчеты заменены. Осталась самая малость – подготовить место, где созданный алгоритм сможет внедриться. Прогрызть очередную дыру в сервере биржи Eurex.

Мир Цифры – это мир технологий. Сложно противостоять целому штату машинистов, работающих на отличных современных машинах. С самого своего появления Цифра боролась за скорость. Прежде всего – скорость обмена информацией. Обмен данными сегодня производился с быстротой, сравнимой со скоростью света. И тогда появилась новая проблема – поступающую и исходящую информацию необходимо обрабатывать. И здесь выигрывал тот, кто делал это быстрей. Цифра – это соревнование скоростей.

Оборудование, которое сейчас находилось в распоряжении Мыша, не выдерживало никакой критики. Низкая скорость счета, весьма ограниченные параметры сетевого обмена данными, урезанная версия оперативной системы, поддерживающая не все протоколы. Сложностей было много.

Тем интересней преодолеть их все.

И самый главный враг – время. С каждой секундой уходила возможность что-то исправить или переделать. По существу, в распоряжении ломщика только один шанс.

Отправка сообщения. Защита закрыла доступ, узрев в посылке крамолу. Защита работает штатно, никаких вирусов в ушедшем письме нет, это просто тест, проверка способностей системы. Отлично, никаких фокусов, никаких новшеств. Все стандартно и давно известно.

Загрузка червя. Черт возьми, как все медленно работает! Пальцы от бессилия сжимались в кулаки, но это не могло помочь – от рук ничего не зависело. Вся проблема в оборудовании.

Не имея преимущества в скорости, у тебя только один вариант опередить оппонента – умение. В сети работают не компьютеры, управляют всем программы. А пишут их машинисты. И выиграет тот, чья программа умнее, хитрее и неуязвимей.

Загрузка прошла успешно. Теперь немного подождать, пока червь – отличная программа взлома, которую Мыш написал сам, давно, еще в прошлой жизни – не прогрызет дыру достаточного размера. Тогда можно начинать внедрение. А до тех пор есть два варианта: что-то предпринять, чтобы червя не обнаружили, или, если возможности нет, просто молиться.

Что там происходит? Окно открывается слишком медленно. Неудобно переключаться между потоками данных. Как не хватает «раллера»! Хоть бы один «поплавок» подключить. Все происходит настолько медленно, что создается впечатление, будто программа вообще зависла.

Пришел ответ. Что-то в нем… Нехороший ответ, очень нехороший. Что же это?

Как будто ты не понимаешь – они пытаются поймать тебя.

Они всегда пытаются, в этом их работа.

Нужно менять программу, необходимо изменять условия и корригировать алгоритм. Вот оно, соревнование в скорости.

Черт бы их побрал! Они не просто нашли его, они двигались по следу, пытались подключиться к его «балалайке»! Обезопасить себя легко – достаточно выдернуть проводок психопривода из затылка. Только тогда ничего не получится, тогда не выполнить задание Призрака. Если поступить так, ломщик Мыш может считать свою карьеру законченной. Потому что второго шанса на внедрение программ в сеть Eurex не будет. Поддельные отчеты не заменят настоящие, не случится то, чего ждет Безликий Призрак, операция будет провалена.

Но как же не хватает скорости! Ощущение такое, словно он пытается на чахлом ослике обогнать кавалькаду байкеров, несущихся мимо на мощных, способных переплюнуть скорость звука машинах. Пальцы лихорадочно колотили по экрану, выбирая нужные программы. Именно выбирая – времени создавать что-то новое нет совершенно.

Не успеть. Ничего не успеть, даже выбор слишком медленный.

Есть одна программа, которую еще никогда не пробовали в настоящем деле.

Мы не занимаемся взломом, мы меняем мир.

Цифровой лабиринт Безликого Призрака. Программа доступна, ее можно загрузить. Возможно, если постараться, ее даже удастся запустить, как минимум, несколько минут Мыш сможет отвоевать у машинистов, защищающих бастион атакуемой им сети. А ему очень нужно это время, хотя бы минута, лучше – пять.

Открыть путь. Вот он, лабиринт Призрака. Загрузка…

Так они тебе и позволили загружать на их сервер всяческое дерьмо.

Все подступы закрыты, червь уничтожен. Остается только признать поражение.

Очень хотелось садануть коммуникатором о стену, но делать это никак нельзя. Отключение, перенастройка параметров – важно сохранить предыдущий образ, когда коммуникатор отправится на свое место, в нем все должно остаться без изменений. Снова вход в сеть.

Таймер? Время таяло, словно айсберг, добравшийся до экватора.

Вход выполнен. Плавающая... Да нет ничего плавающего, нет в этом дерьме ни одного «поплавка»! Вот эта программа. Есть! Хотя бы карту сервера посмотреть.

Опытный глаз мгновенно поймал точку, с которой нужно начинать второй акт. Только еще чуть-чуть, несколько секунд.

Ломая ногти, Мыш отодрал от коммуникатора титапластовую крышку...

Глава 38

По стене, оклеенной бордовыми обоями, быстро бежала длинная мохнатая сороконожка. Остановилась на секунду, словно раздумывая, не стоит ли задержаться здесь подольше, а потом юркнула в широкую щель, открывающую влажный бетон давно не знавшей ремонта стены. Наверное, для сороконожки эта потерявшая от пыли и копоти цвет стена представлялась чем-то вроде марсианской поверхности. Хотя какое ей дело до Марса?

Кхайе подняла глаза и встретилась взглядом с Часовщиком. Его маленькие раскосые глаза, не мигая, смотрели на девушку, словно пытаясь рассмотреть не саму ее, а проникнуть внутрь, добраться до самой сути. От взгляда старика бросало в дрожь.

– Как вы себя чувствуете, тхакин Фэн? – спросила Кхайе.

Ответа не последовало. Как вполне можно было ожидать.

Она не сводила глаз со старика, его сверлящий взгляд не давал покоя, а в маленьком номере, который удалось снять Бэзилу, уединиться было негде. Да и Бэзил настоятельно рекомендовал не оставлять Чжи Бяо без присмотра.

Нет, это же невозможно вынести! Девушка поднялась с несвежей постели, на которой сидела, и подошла к старику. Его глаза медленно двигались следом на ней. Кхайе резко помахала рукой прямо перед лицом Часовщика, но тот даже не шелохнулся. Он смотрел на нее, но явно ее не видел. Что сейчас представало перед его взором?

Впрочем, ей до этого нет никакого дела. Есть проблема, и решать ее нужно быстро. Время стремительно исчезало, растворялось в небытии. Еще несколько минут.

Пальцы правой руки сжимали то, что было нужно. То, что лежало под крышкой коммуникатора Бэзила, того самого, с содранной чем-то острым надписью «Науком». То, что создал гений Фэн Чжи Бяо, бессмысленным взглядом взирающего на свое детище.

В ее руке был маленький пластиковый квадратик, черную поверхность которого покрывала сеть царапин и каких-то рытвин. То, ради чего погибло столько людей, то, ради чего многие в этом мире готовы были погибнуть сами, лишь бы иметь шанс заполучить это чудо технологий в свои руки. Это был тот самый процессор, последнее творение гравера по прозвищу Часовщик.

– Скажите, тхакин, что он сделает с мозгами? – Кхайе спрашивала сама у себя, она знала, что Часовщик не ответит.

В этой комнате не было того человека, в голове которого родился образ архитектуры процессора.

Чип готов к использованию. Маленькие острые ножки, усеивающие обратную сторону процессора, точно подходили к отверстиям на «балалайке». Осталось сделать последний шаг – вернуть «балалайку» на место. Маленький и несложный шаг, на который так трудно решиться.

И главный вопрос – ради чего?

Она знала, что будет, если в «балалайку» поставить «поплавок». Испытывала это ощущение, и не раз. Выжить возможно только с синдином. Но синдина не было. Да и если бы был…

Ты ведь предпочла бы сдохнуть от последней дозы, но все равно полезла бы в сеть. Признайся, ведь так?

В тот раз, когда она открыла глаза и поняла, что снова вернулась в этот мир, люди, стоящие вокруг, наверное, поверили, что чудеса возможны. Врач, осматривавший ее, решил, что она мертва. Кто-то не захотел в это поверить и заставил врача осмотреть девушку еще раз. Как и почему она выжила, не знал никто. Тем более это не было известно ей самой, безжизненной, провалявшейся несколько суток в каком-то подвале, куда ее притащил человек, которого она никогда не считала другом. Друзей не выбирают, но ей повезло.

Она выжила, но синдин с тех пор для нее означал примерно то же, что, например, цианид калия. Почти мгновенная смерть – врач сказал, что вегетативная нервная система не выдержит еще одного такого же надругательства и перестанет управлять работой внутренних органов. Она плохо понимала, что все это означает, только в память врезалось странное название – автономная дизрефлексия. То, что поставит точку в ее жизни, если она попробует снова воспользоваться динамическим наркотиком.

Но как работать с «поплавком» без синдина?!

То, что ты держишь в руках, не является «поплавком».

А кто знает, чем оно является?

– Что вы сотворили, тхакин Фэн? – губы двигаются, слова почти беззвучны. Только шелест пересохшей от волнения плоти.

От страха пересохли твои губы, от страха.

Ответить некому. Она не знает, а Фэн Чжи Бяо не скажет. Кхайе подняла глаза и посмотрела на старика. Глаза в глаза. Только за блеклыми радужками, застывшими, словно они были не живой плотью, а качественным стеклянным протезом, ничего не разглядеть. Там пустота. Там грань, за которой спрятался Часовщик.

– Вернись, мастер Чжи Бяо, вернись! Расскажи свой секрет!

Она думала, что кричит, но на самом деле ей не удавалось

даже шептать.

Никто не поможет. Сделать выбор должна она, это ее шаг и ее решение.

Кто его знает, как в ее руках оказалась металлическая коробочка, которую Бэзил носил в рюкзаке. Во всяком случае, сама Кхайе не помнила, когда и где взяла ее, а старик, продолжавший следить немигающим взглядом за каждым движением девушки, ничего не расскажет. Рюкзак Бэзил забрал с собой, а жестяная коробочка каким-то образом очутилась на исцарапанной столешнице, сделанной из полированного красного дерева. В Европе за такой стол можно было бы выручить целое состояние.

Но Европа далеко.

И Европа так близко – достаточно воткнуть проводок психопривода в «балалайку», которую она по-прежнему держала в руке, и Европа окажется слишком близко. Внутри черепной коробки. Это даже ближе, чем хотелось бы.

Пальцы схватили щепотку нежно-голубого порошка тонкого помола. А, может быть, его никто и не молол. За ненадобностью: для чего измельчать то, что с самого начала мелкое.

Как неприятно жжет ноздри. И запах – он, казалось, заполнил все вокруг, проник в каждую пору, в каждую клеточку, в каждую молекулу. Едкий и вместе с тем чарующе необычный. «Джьяду гумра», проклятие и благословение Мьянмы.

Время истекает, еще минута – и не успеть. Тогда все эксперименты станут напрасными.

Пан или пропал. Пальцы, твердо держащие «балалайку», нащупали прорезь «гнезда» на затылке. Нельзя раздумывать – можно передумать. Выбора нет, есть только путь.

Тихий щелчок ознаменовал, что «балалайка» зафиксировалась в «гнезде» и начала подключение. Доли секунды уходят на тестирование нового, неизвестного программному обеспечению оборудования. А потом...

Главное – не обделаться.

Не произошло ровным счетом ничего. Ни боли, ни обострения всех чувств, как при подключении «поплавка». Ничего, полный ноль. Только в верхнем правом углу поля зрения появилась надпись, возвещающая, что обнаруженное новое оборудование установлено и готово к работе.

Психопривод замкнулся в контакте, коммуникатор пискнул, подтверждая соединение.

Сервер Eurex.

Защиты нет. Уловки машинистов не работают. Ничего не работает. В один миг все программное обеспечение – надежно

функционирующее годами и созданное всего несколько минут назад в ответ на атаку, предпринятую ломщиком по имени Мыш, – безбожно устарело. Вся сеть, в сравнении с мощью, захлестнувшей мозг Кхайе, превратилась в застойное болото. Защита, способная выдержать атаку организованной банды тритонов, в мгновение ока стала не прочнее истлевшей паутины.

Лабиринт Призрака замысловатой улиткой разворачивался в сети биржи. Кхайе видела, как машинисты Eurex безуспешно пытаются остановить его. Программа пожирала мощности сети, она загружала ее сонмами бессмысленных операций. Путь был свободен. Не только тот, который хотел пройти Мыш. Любой путь, на выбор – преград больше не существовало. Никто не обратит внимания на небольшой алгоритм, внедрившийся в структуру одного из многочисленных серверов европейской биржи. Вся заняты лабиринтом.

Они думают, это новый вид вируса. Они ошибаются.

Мы не занимаемся взломом…

Команды, которые отдает лабиринт, лишь кажутся бессмысленными. Просто их невозможно понять, не имея достаточной пропускной способности. Цифра – это то, что можно посчитать. Скорость счета важна. Она влияет на восприятие: пока информация не обработана, ее попросту не существует. Только человек способен воспринимать информацию. Только человек наполняет Вселенную смыслом.

Права была Поэтесса, когда утверждала, что каждый человек способен достичь уровня бога. Нужно всего лишь понять информацию, и мир покорится. Ведь мир – это информация в чистом виде. Каждый квант имеет свое место в мироздании, его будущее предопределено четкими алгоритмами. Об этом известно, но никто не способен *воспринять* и тысячной доли всей информации, описывающей эти простые процессы.

А лабиринт продолжал считать. В его недрах рождались закономерности, там они развивались. И числа им не счесть. Мир внутри мира – вот чем была программа Призрака.

Мы меняем мир…

Мощности катастрофически не хватало. Программа захлебывалась в потоках порождаемых ею самой данных.

Лабиринт развивался столь стремительно, что сети Eurex в самом недалеком будущем грозило полное уничтожение. Это не входило в планы.

Кхайе задумалась на мгновение, как решить проблему. Этого оказалось достаточно – лабиринт остановился.

Программы пишут руками, набирая на клавиатуре символ за символом. Не важно, состоит эта клавиатура из пластиковых

кнопок или нарисована в виртуальном пространстве, суть одна. Но любая программа – всего лишь набор нулей и единиц. Цифры среди пустоты.

Если говорить правду до конца, то Цифра на самом деле не была никакой Цифрой. Мир Цифры представлял собой бескрайнее пространство, пустоту, наполненную сполохами электрических разрядов. Нули и единицы. Пустота и заряд. Находясь внутри Цифры, нельзя понять, что происходит снаружи, что видит сторонний наблюдатель. Но можно представить. Конечно, если обладать достаточными для этого возможностями.

Процессор, работающий в «балалайке» Кхайе, не касался зарядов. Ему хватало пустоты Цифры. Пустота холодна, она не греет процессор и не грозит поджарить мозги ломщика. И, как выяснилось, пустота очень легко находила общий язык с медленной аналоговой системой человеческого мозга.

Кхайе протянула руку... Рук не было, здесь, в мире Цифры, существовали только электрические разряды. Сверкающие сполохи потоками протянулись туда, куда нужно было девушке. Она видела истинное лицо Цифры, и вместе с тем процессор снабжал ее разум общей картиной. Она знала, что означает это море сверкающих огней, она видела то, что доступно обычному пользователю, подключившемуся к сети.

Программа, казалось, сплеталась сама собой, повинуясь воле Кхайе. Процессор гасил ненужные, лишние заряды, замещая их пустотой. Нули уверенно вклинивались в стройные ряды единиц. Ни ноль, ни единица не являются программой. Только вместе, только единство противоположностей способно породить мир. Ноль и единица, свет и тьма, ад и рай, инь и ян... Примеров множество, и все суть одно.

Ткань мироздания изменилась, цифровой лабиринт на секунды замер, остановив свое стремительное движение. Кхайе почудилось, что она слышит стенания побежденного Минотавра, а в следующее мгновение только что зародившийся мир начал разваливаться на куски. Его не жаль, он был обречен с самого начала – мощности сети Eurex все равно не хватило бы, чтобы закончить развитие.

Таймер? Время ничего не значит – с момента запуска процессора, управляющего пустотой, прошло несколько секунд. Операция завершена, а машинисты Eurex еще долго будут недоумевать – что они такое видели. Потом все спишут на внезапный сбой, а еще позже, когда в сети появятся истинные версии отчетов софтверных корпораций, поймут, что сеть все-таки была взломана.

Они все поймут очень скоро. Помнишь ту картинку, что

получил Мыш от Безликого Призрака?

Картинку она помнила. Всего лишь небольшое усилие воли – процессор безошибочно определяет, что нужно делать – и перед глазами точная копия изображения. «Резонанс», который не «резонанс». Вот в чем разница – этот след основан не на зарядах, размазанных по угодившим под бурю неопределенности плавающей технологии Копперфильда-Найденова субатомным частицам, а на пустотах между этими зарядами. Что-то вроде негатива.

Как только спецы Eurex снимут картинку этого «резонанса» наоборот, для них все станет понятно. Не нужно ждать, когда откроется афера с подложными отчетами. Достаточно только увидеть оставленный процессором след и соотнести с тем, что машинисты видели во время взлома, чтобы понять: будущее – то самое, о котором частенько рассуждают в дешевых фантастических интерактивках про ломщиков, – уже наступило.

Таймер отмерял секунды, до выхода спутника из зоны видимости оставалось несколько минут.

Кхайе не могла отключиться, ее накрыло блаженство единения с Цифрой, и она хотела использовать его на все сто процентов. Подобное чувство довелось пережить лишь однажды. Почти год назад, там, в Эдинбурге, внутри сети Анклава, до того, как ее подмяла под себя совершенная система, разработанная машинистами «Науком».

Кхайе Сабай. Странное имя, к которому она привыкла за прошедшие месяцы. Она привыкла к своей новой внешности, созданной каким-то пластиком, который, по словам приведших ее к нему людей, был одним из лучших. Что-то у этого пластика не заладилось в жизни, и он вынужден был прозябать здесь, на окраине мира.

Об имени, которое дали ей при рождении родители, погибшие от рук малолетних подонков, она не вспоминала давно. Альмас Хамидди. Она привыкла называть себя Лисой, но на смену рыжей хищнице пришел юркий и незаметный Мыш.

Там, в Эдинбурге, ей удалось на несколько мгновений ощутить, что значит слиться с Цифрой. Об этом ли писала Поэтесса в «Числах праведности»? Кхайе не знала. Так же, как не знали этого Альмас Хамидди, Лиса и Мыш. Возможно, кому-то еще довелось достигнуть подобного блаженства, вероятно, так работали Великие. Но они не знали троицы Сорок Два, каждый из двенадцати был способен подключаться к сети без помощи нанов. А Лиса…

Синдина в тот день ушло столько, что Лиса лишь чудом осталась жива. Медики запретили ей даже думать о синдине.

Если верить врачам – достаточно попасть в кровь одной капле зелья, и конец неизбежен.

В Эдинбурге осталась Лейла – сестра Альмас Хамидди. Лисе удалось спасти ее из лап подонка и педофила, работника аналитического отдела эдинбургского филиала СБА. Но им так и не довелось встретиться. Помнила ли малышка Лейла свою сестру? Что с ней теперь? Лиса этого не знала.

Первое время после того, как Лиса оказалась в Мьянме, она не находила места, думая о судьбе сестры. Но она не могла ничего поделать – то, что вдруг подвернулся доступ в сеть, стало абсолютной случайностью. Она знала, что Лисе вход в сеть заказан. Так появился Мыш – новый персонаж виртуальной игры. Но узнать о Лейле все равно не удавалось: сеть Эдинбурга теперь была полностью под контролем программ «Науком».

Кхайе хорошо запомнила тот миг, когда программы «Науком» переформатировали сеть Анклава, которую она – тогда еще будучи Лисой – держала под контролем. Все, чего касалась новая программа москвичей, тут же превращалось в неприступную крепость. Ядро системы «Науком» навсегда осталось для Лисы великолепным бриллиантом – невероятно прочным и совершенным творением, к которому нельзя даже прикоснуться: тут же взвоют сирены сигнализации.

А вот теперь все изменилось. Кхайе захотела узнать…

Лейла сестра Альмас. Не называй себя Кхайе.

Ей всего лишь захотелось узнать, как поживает сестра. Мысль и намерение – вот все, что нужно гениальному творению Фэн Чжи Бяо. Разумеется, процессор пользовался программами, конечно же, он не писал программы сам. Но работать с ним было настолько легко, что казалось, будто он все совершает самостоятельно. Дело ломщика – изъявить волю, задать направление.

Сеть «Науком» осталась прежней. Великолепный бриллиант остался драгоценностью, но теперь Лиса… или Мыш… или Кхайе… Разум Альмас Хамидди в мгновение ока оказался внутри, сверкающие грани драгоценного кристалла сверкали, окружая ее со всех сторон. Все пути были открыты.

Лейлу нашли в квартире ее мучителя Али Арчера, убитого по наводке Лисы. Сестру определили в приют для несовершеннолетних, созданный по инициативе директора эдинбургского СБА Мортимера Мортенса при поддержке все той же корпорации «Науком». Не нужно семи пядей во лбу, чтобы понять: москвичи выделяли средства не по доброте душевной – они искали одаренных детей. И Лейла им подошла.

Смешанные чувства обуревали Кхайе. С одной стороны,

радость и гордость за сестру, чьи способности оценены по достоинству. С другой… «Науком» не внушал доверия.

Внутри октаэдра наукомовского алмаза движение информации не замирало ни на секунду. Отданные кем-то команды, расчеты, письма, чьи-то жалкие попытки взлома. Все как обычно. За исключением нескольких кодов, которые Кхайе видела отлично. И еще одна странная вещь – на мгновение ей показалось, что она видит размазанное, пляшущее антрацитовыми протуберанцами черное облако.

Кристально чистый и математически выверенный мир сети «Науком» исчез мгновенно, лопнул, будто мыльный пузырь. Несколько секунд Кхайе сидела, глядя в одну точку и продолжая сжимать нагревшийся в ладони коммуникатор, а потом поняла, что внезапная смена декораций вызвана исчезновением сетевого сигнала – спутник скрылся за горизонтом. Коммуникатор производства «Науком», спутник производства «Науком», сеть производства «Науком»… Не слишком ли много «Наукома»?

И черное облако – тоже «Науком»?

Ломщик Мыш выполнил задание заказчика.

Альмас Хамидди была спокойна за судьбу сестры.

А вот Кхайе Сабай придется потруднее. Похоже, ее время подходит к концу.

– Что ты такое сотворил, тхакин Фэн? – продолжая смотреть в никуда широко открытыми глазами, еще раз спросила девушка.

Она не ждала ответа, но ответ был дан:

– Чудо.

Голос, произнесший это слово, был тонким и скрипучим, словно звук заржавевшей дверной петли. Он мог принадлежать Часовщику – особая форма помешательства снабдила его не только несколькими десятками сумасбродных личностей, но и способностью разговаривать на разные голоса: личности были полностью индивидуальны. Но Кхайе готова была поклясться, что губы Фэн Чжи Бяо оставались плотно сомкнутыми все это время.

Вот они, первые признаки сумасшествия. Или ты уже забыла, что нюхала порошок из коробки Бэзила?

Не может все произойти так быстро. Наверняка это сказал старик, просто она не заметила.

Смутная тень мелькнула сбоку, с противоположной от окна стороны. Кхайе резко обернулась, всматриваясь в мельтешение пестрых пятен, падающих сквозь полупрозрачное от толстого слоя пыли стекло.

Именно так и начинается сумасшествие. А на самом ли деле ты смотришь сюда?

От странной мысли, возникшей в голове, Кхайе сделалось не

по себе.

Страшно?

Она бросила взгляд на висящее чуть в стороне зеркало, пытаясь определить положение собственной головы. Бред, полнейшее сумасшествие. Для чего она это делает?

Смотри не обмочись, детка!

Пальцы непроизвольно впились в смятое одеяло, на котором сидела Кхайе, словно пытаясь удержать себя на месте, не позволить телу унестись вслед за пошатнувшимся рассудком.

Голова Кхайе в зеркале оказалась повернута так, как и должна была. В отражении присутствовала только одна проблема…

Чувствуешь, под тобой уже становится мокро?

Лицо отражения принадлежало не Кхайе. Черты лица похожи, прическа такая же. Только это было лицо девочки-подростка, а не молодой женщины. Черные глаза прищурены и смотрят на свой реальный прототип с усмешкой… или с презрением? Рот растянут в противной, вызывающей мурашки улыбке, а за узкими темно-красными губами просматриваются острые, словно рыбьи, мелкие зубки.

Если бы не перехватило горло, Кхайе закричала бы.

Она сотворила для тебя Чудо, чего ты боишься?

Девушка заметалась, не зная, что делать. Руки сами собой выполняли какие-то действия, Кхайе не пыталась их контролировать. Она трясла Чжи Бяо, схватив его за отвороты льняной рубахи, что-то пыталась ему доказать. Но старик не реагировал на нее, он вообще ни на что не реагировал, продолжая смотреть в одну точку. В ту точку, где сидела черноволосая девочка-подросток с острыми зубками.

Наваждение исчезло лишь тогда, когда из-за приоткрытого окна послышался тихий голос, показавшийся Кхайе смутно знакомым. Прежде чем она поняла, что это Бэзил, девушка проверила гаджеты, которые использовала в работе, – все было разложено по местам, никто ничего не заподозрит. Она не стала смотреть, но наверняка все логи недавнего подключения стерты из памяти коммуникатора Бэзила.

– Что случилось? – так же тихо, подойдя поближе к окну, спросила Кхайе.

– Собирай вещи. Нам нужно быстро уезжать. Причем выходить вам придется через окно.

Окно?! О чем это говорит Бэзил? Почему через окно? Но, учитывая ее нынешнее положение, лучше не спорить.

– Хорошо. Две минуты.

Только когда распахнула окно и бросила взгляд вниз, туда,

где среди густой листвы стоял Бэзил, она поняла, что забыла про свой «бирманский» акцент, который старательно изображала последние несколько дней.

Часовщик не сопротивлялся, шел туда, куда его вели. Немного сложней оказалось спустить его по бетонным перемычкам вниз, но здесь большую роль играл его возраст, а не душевное состояние.

– Почему мы спешим? – тщательно коверкая слова, спросила Кхайе. Но после нормального английского языка, который был родным для исчезнувшей несколько лет назад рыжеволосой шестнадцатилетней жительницы эмирата Шотландия по имени Альмас Хамидди, ненастоящий бирманский акцент казался смешным и слишком ненастоящим.

– Помнишь людей, расстрелявших твою деревню?

Кхайе кивнула. Картина бойни в джунглях неожиданно ярко всплыла в памяти.

– В этом городе я встретил человека, который отдал приказ уничтожить деревню. Он считал, что и ты, и я мертвы.

– И он видел тебя, Бэзил, – Кхайе собиралась задать вопрос, но получилось, что она утверждала. И снова «бирманский» акцент подвел.

Окоёмов искоса посмотрел на девушку, в его взгляде таились подозрение и непонимание. А может быть, так только казалось.

– Да. Видел.

– И ты всю жизнь собираешься убегать?

Бэзил ничего не ответил. Только плотнее сжал губы и, подхватив вещи, пошел куда-то в глубь зарослей, подступавших к самой стене отеля.

Кхайе, прежде чем отправиться следом за Окоёмовым и послушно затрусившим за ним стариком, бросила взгляд наверх, на окно их номера. Из приоткрытой створки торчала головка, обрамленная черными волосами. И острые рыбьи зубки сверкали в лучах заходящего солнца.

Но Кхайе не придала этому значения, ее мысли внезапно заняло то, что она обнаружила внутри бриллианта сети «Науком». Не данные о Лейле. И не мимолетное видение, похожее на заказчика Мыша. Внутри алмазного бастиона она нашла концы исчезнувшей «нити Ариадны», которую когда-то – казалось, что это было столетия назад – прикрепила к линку Безликого Призрака.

Глава 39

Строчка сменяла строчку, превращая набор бессмысленных символов в нечто, наделенное властью. Властью над умами людей, над их восприятием. Символы, которые человеку несведущему запросто могли показаться просто красивыми – и то на любителя – закорючками, несли в себе главную ценность этого мира. Информацию. То, чего не существовало без человека, без существа, способного понимать знаки, будь они кириллическими буквами, санскритским письмом, иероглифами или вообще – наскальными рисунками, очень отдаленно напоминающими вымерших мамонтов и стадо перепуганных антилоп.

Можно долго восхищаться красотой и великолепной задумкой художника, набросавшего найденной по случаю снизошедшего божественного провидения охрой пяток недобитых волосатых слонов, но главное в этой картине не красота, главное – информация. Не будь этой и подобной ей картин, никогда не узнать бы нынешним людям, почти уверившимся в том, будто они венец творения, что их далекие предки весьма лихо охотились на огромных и весьма опасных зверей. Информация – событие, описанное символами. Наверное, самый величайший подарок из всех, что людям сделали боги.

Текст уверенно полз вверх, повинуясь командам «балалайки» хозяина коммуникатора, лежащего на столе. Осталось совсем чуть-чуть. Сухой канцелярский язык не коробил, способ подачи имеет значение, но сама информация может перекрыть любой недостаток отображения.

Абхай Лал читал последние строчки отчета, подготовленного заместителем, словно детективный триллер с лихо закрученным сюжетом. Сами символы или конкретные формулы, несущие смысл, лишь канва. Действие развивается в сознании того, кто читает. Или слушает. Или смотрит. Можно повториться – способ подачи не имеет значения. Мир – это лишь то, что мы можем себе представить. Отражение того, что существует в реальности.

Как бы ни было интересно, но человеку никогда не узнать реальности вселенной, в которой он существует. Так говорят боги. Об этом генералу рассказал Гуру Шарма.

И именно в этом сейчас Лал был готов усомниться. Несколько сотен коротких строчек, исполненных простой, на первый взгляд, информацией, были тому причиной.

Абхай Лал выслушал рассказ офицера лично. Но сбивчивая речь перепуганного и ошарашенного кшатрия только спутала все представления генерала. Времени познакомиться с мнением всех

участников происшествия у генерала решительно не было. Но компетентное начальство всегда выбирает себе компетентных подчиненных. Дханпатрай Бхадури ел свой хлеб не зря – лучших отчетов, обобщающих сведения из сотен источников, чем подготовленные заместителем, Абхай Лал не видел. В мире много информации, она разбросана повсюду или размазана по самой поверхности истины сонмом слухов и домыслов. Собрать ее порой непросто. Но Дханпатраю это дело было по плечу.

История с камерой наблюдения, висевшей на улице небольшого северного городка, перечеркивала все то, что рассказал Лалу Свами Вишванатхичаран Шарма в храме Шивы. Камера была, она висела там много лет. Но ее не было. Не то, чтобы не было теперь – ее никогда там не было. И как такое может быть, понять не мог никто. Даже те, кто участвовал в инциденте лично.

В ведомстве Дханпатрая не поленились и подняли документацию о камерах наблюдения. Терабайты и терабайты информации. Где-то камера значилась, где-то нет. Обычная неразбериха. Если не считать того, что такая же неразбериха царила и в головах людей, всю жизнь проживших в том городке. Только три человека были уверены, что камера была, но исчезла – ее не украли, она именно исчезла: никаких следов воровства, вообще никаких следов наличия в этом месте камеры наблюдения. Остальные…

Пятеро имеющих отношение к вопросу людей пребывали в полной уверенности, что камера все так же висит на положенном ей месте. Только вот снять с нее данные не удавалось – ничего, обычный программный глюк или физический сбой носителей сервера, такое бывает. Но еще четверо совершенно не сомневались, что камеры нет и никогда не было в этом месте.

И вот еще какая штука, которую удалось раскопать лично Дханпатраю – один из тех, кто утверждал, что камеры никогда не было, еще вчера показывал пальцем на пустое место, рассказывая, когда эту камеру сюда повесили. Странная ситуация явно усугублялась с течением времени.

«Джьяду гумра», процессор-«пустотник», исчезающие камеры наблюдения… Какой еще сюрприз приготовит мир? Или это всего лишь игра воображения Брахмы, однажды задумавшегося о возможности существования какого бы то ни было мира?

Мир – это то, что мы видим. То, что чувствуем, слышим. То, что можем познать с помощью созданных нами же приборов. Мир познаваем. Ты понимаешь, что это означает? – Вопрос Гуру казался простым. Он был задан меньше недели назад, но только теперь Лал до конца осознал ответ на него. Хотя не исключено,

что до самого конца еще очень и очень далеко.

На деле Абхай понимал, что этот великий человек не может говорить о простых вещах. Слова, сказанные в храме Аннамалаияр, просты, ни к чему усложнять их, но информация, заложенная в произнесенном, стоит многих энциклопедий.

– Может ли человек стать полновластным хозяином мира?

Слова Лала прозвучали робко. На самом деле он не знал ответа на этот непростой вопрос. Он всего лишь предположил, заранее понимая, что ошибается.

– Не знал, что ты увлекаешься чтением «Чисел праведности».

Гуру шутит или действительно полагает, что Лал мог читать этот бред?

Хочешь сказать, что тебе не было интересно, что ты не открывал файлы, написанные Поэтессой?

– Человек – это часть мира. Как часть может стать хозяином целого? Поверь, Абхай, иногда физикам стоит верить. – Гуру усмехнулся. – Дело в том, что мы называем миром лишь часть настоящего мироздания. Причем часть эта сама по себе не существует. Она существует только внутри нас, в нашем сознании. Мир – это отражение части настоящего, не более. Ты видел такую странную игрушку русских – называется матрешка?

Лал улыбнулся. Конечно, он видел матрешку.

– Кажется, что круглая толстая кукла без рук и ног одна, но стоит открыть ее, как понимаешь, внутри целого таится множество подобий. И каждое из них равноценно целостно, так же, как каждое одинаково состоит из множества других. Мир чем-то напоминает матрешку, он целый, но состоит из частей восприятия миллиардов людей. Сотен миллиардов, всех тех, кто когда-либо существовал на нашей планете.

– Именно поэтому я и пришел к вам, Гуру. Вы прочитали отчет о «волшебном порошке», вы...

– Я заметил. Возможно, ты прав, обратив внимание на то, что «джьяду гумра» влияет на восприятие. Все наркотики изменяют сознание. Принято считать, что они расширяют его. На самом деле это не так.

У опытного фармаколога, каким великий Свами Вишванатхичаран Шарма был до того, как стать Гуру, может быть свое мнение на этот счет. Основанное на знаниях, а не на вере.

– Наркотики сужают восприятие, обращая его внутрь и в конце концов замыкая сознание на одном только действии – поиске зелья, способного удовлетворить остатки рецепторов разрушенного наркотиком мозга. А вот с «джьяду гумра» ситуация иная. Он ничего не уничтожает, он на самом деле освобождает...

– Сознание?

Шарма покачал головой.

– Не знаю. Он освобождает нейроны. Вот что написано в твоем отчете. Пока «порошок» действует, человек свободен, он волен наполнить свое сознание новым восприятием, создать внутри новый мир, отличный от прежнего.

– Но ведь это всего лишь воображение! – дух противоречия, проснувшийся в генерале Лале, не был проявлением неуважения к Гуру, это было проявлением пытливости его ума: истина способна родиться только в споре. И Шарма не имел ничего против, брахман был человеком весьма неглупым.

– Весь мир – всего лишь воображение! Брахмана, Брахмы, Шивы, Кали... Какая разница? С тех пор как замышлен наш мир, прошло столько времени, что никто уже и не разберет, кто есть чье порождение. Важно только, что изначально вся наша вселенная вертится в одной голове. Если, конечно, у Брахмана есть голова.

Абхай Лал, завороженно глядя на Гуру, оторопело качал головой. Он не мог поверить, что все это правда. Он сам нашел это, именно он увидел в написанном официальным и не везде понятным научным языком отчете связь с тем, что много тысячелетий назад было написано в Ведах. Но до конца поверить, что подобнее возможно, он не мог.

– Но если я перестану думать, что камень это камень, скала не превратится в цветок.

– Ты не сможешь перестать так думать, ты смотришь на камень и видишь камень. Твое сознание рисует картину мира, потому что твои нейроны скованы навязанным тебе с детства восприятием. Этот мир появился не сразу, его формировало воображение живых существ миллионы лет. И миллионы, если не миллиарды, лет эволюции ушло на то, чтобы появилось человеческое сознание. Мысль быстра, но не мгновенна, ей нужно время, чтобы развиться.

– А «джьяду гумра»?

Выражение лица Гуру изменилось. Теперь он смотрел на кшатрия, как на умственно неполноценного.

– Я не знаю, Абхай, – сказал он. – Я никогда не видел этот «джьяду гумра», я только читал твой отчет о нем. Так что в моем мире «порошка» не существует.

На минуту в храме воцарилась тишина. Лишь тихий посвист бьющих по воздуху крыльев какой-то птицы, заблудившейся под каменными сводами, нарушал умиротворение.

– Но я верю в него, – добавил Шарма. – Если он освобождает мозг, то может появиться возможность создать новую картину

мира.

– И разум сделает человека подобным богу, – пробормотал Лал. Он произнес эту фразу сам для себя, просто всплыла из памяти.

– Все-таки ты читал «Числа праведности».

Лал, словно нашкодивший ребенок, потупил взгляд.

– Правильно сделал, – Шарма кивком обозначил одобрение, – нужно знать все, что людям известно о богах. Но я не думаю, что разум или «волшебный порошок» сможет сделать человека подобным богу. Не тот уровень. Единственное, на что я надеюсь, – это доступ в мир богов. Туда, куда до сих пор людям путь был заказан.

– Так же, как богам путь вниз, в Срединный мир?

– Боги сами выбирают свой путь! Но Срединный мир – не место для богов. Миры неодинаковы, поэтому людям не дано подняться вверх. Но вот этот «порошок»... Если то, о чем я думаю, окажется правдой, возможно, нам удастся найти способ говорить с богами напрямую. Это даст нам большие преимущества.

– Мы сможем просить большего?

– Не исключено, что мы получим возможность в чем-то приказывать.

Последние слова Гуру произнес шепотом, как будто боги могли слышать только крик.

– Сегодняшний мир слишком сильно изменился, мы почти утратили власть. Боги больше не нужны людям, а люди перестали интересовать богов. Мы почти проиграли.

Лал открыл рот, намереваясь что-то сказать, но горло перехватило, и только приглушенный хрип раздался в храме. Генерал лучше других знал ситуацию, царившую в геополитике: мир варился в собственном соку, медленно разваливаясь на куски, жила только Москва и тринадцатый полигон «Науком» на Кольском полуострове. Но Лал не думал, что не менее плачевно обстоят дела и в духовном мире.

А ведь теперь Станция стала загробным миром, местом, где каждый мог обрести свободу, каким бы богам ни поклонялся. Только в чем эта самая свобода заключалась, мало кто смог бы внятно объяснить.

– Если нам суждено потерять этот мир, может быть, удастся договориться с богами насчет другого? Найди то, из чего делают «джьяду гумра», обязательно найди. Отыщи подарок богов.

– Мир внутри мира, – все так же тихо продолжал говорить Шарма. Похоже, что он разговаривал сам с собой. – Бесконечность из вложенных друг в друга миров. Вселенская матрешка.

– Знаешь, – теперь Гуру обращался к Лалу, – есть только одно

отличие матрешки миров от деревянной игрушки русских: находясь внутри одного из миров, мы никогда не узнаем, какой мир в какой вложен. Все миры будут равнозначны – вложенность не означает, что каждый следующий меньше.

Странная история с камерой наблюдения вряд ли попала бы в поле зрения генерала Лала, если бы не одно обстоятельство – к тому самому месту, где было установлено (или не было?) фиксирующее устройство, шел Шанкар Десай. Его видели люди, они не знали тхага по имени Шанкар, даже те, кто говорил с ним, называли его иначе. Но цепь трупов, задушенных шелковым платком, отмечала путь негодяя лучше любого навигатора. Гензель и Гретель, чтоб ему было пусто! Одна беда – каким-то непонятным образом Десайю удалось привести аналитиков в полное замешательство: они даже приблизительно не могли сказать, куда он направится дальше.

Помнишь ту камеру? Он что-то делает с миром, поэтому его и не могут поймать – этот тхаг навязывает аналитикам нужное восприятие.

Поиски человека, создавшего процессор-«пустотник», ни к чему не привели – гравера кто-то перехватил, и никто в ведомстве Лала не мог предположить, кто это был и куда он направился. Ни спутники, ни камеры наблюдения помочь не могли – они не знали, что нужно искать.

Но оставался «джьяду гумра», способный изменять мир. И тхаг по имени Шанкар Десай, который знал, как правильно пользоваться порошком.

Ничего, он найдет тхага. И без камер наблюдения – методы существуют, в конце концов, камеры наблюдения, подключенные к сети, существовали не во все времена. А людей находили и раньше.

Глава 40

Поискам всегда приходит конец. Либо находится то, что требовалось, либо оно перестает быть нужным. По большому счету приемлемы оба варианта, но не в этот раз. Сейчас можно праздновать победу. До завершения начатого дела осталось всего ничего. Несколько шагов, отделяющих от цели.

Звучит грустно – когда нет цели, незачем жить. Но Ли Ханьфанг не относился к тем неудачникам и рохлям, которые не могут найти свое Дао. Да, конечно, он знал, что истинное Дао недостижимо, не стоит и пытаться. Но идти туда, куда ведет путь, – вот истинное предназначение настоящего человека. Жизнь не терпит простоя, остановился на секунду – потерял годы.

Не в этот раз.

Портье не стал делать вид, что ему дорога конфиденциальность постояльцев отеля. Зашедший в лобби монах поинтересовался, не останавливался ли здесь европеец среднего роста, плотного телосложения с коротко остриженными темными волосами. Может, и лысый – что это меняло? Ни одного другого европейца Ли Ханьфанг не видел в этом городе.

– Останавливался, бханте, – с легким поклоном ответил портье. По всему видно, человек, чтящий Традицию. – Номер 305.

– Он там один?

– Нет. Вместе с ним прибыли девушка и старик. Но европеец только он.

И этот тоже рассказывает о какой-то девушке. Интересно.

Черные волосы, хищный оскал и острые, будто у акулы, зубки.

Ли Ханьфанг едва заметно мотнул головой, прогоняя странные мысли. Или это был знак?

– Этот человек все еще в отеле?

– В журнале нет отметки, что он выбыл.

Китаец опустил глаза – перед портье лежала толстая, обтрепанная по краям бумажная тетрадь. Кошмар, какая отсталость! Совсем рядом с Поднебесной – настоящий каменный век.

– Он выходил?

– Вроде бы да. Но никто из его спутников не покидал номер.

Отлично, значит, сбежавший гравер Фэн Фэй Ху здесь. И забрать его, похоже, труда не составит. Правда, с ним в номере какая-то девушка.

Острые зубки – клац-клац. Ты же испугался, правда?

– Как выглядела девушка, что пришла сюда с европейцем?

Вопрос прозвучал чуть напористей, чем следовало бы

говорить монаху. Глаза портье на секунду раскрылись шире, и мужчина немного отпрянул от собеседника. Привычка вести допрос – привычки это слабость, но от них никуда не деться.

– Черные волосы, молодая. Худая такая, – портье пожал плечами. Он не знал, как еще описать обычную девчонку.

С острыми зубками, да?

– Спасибо тебе, добрый человек, – сказал Ли Ханьфанг, благословляя портье. – В номере есть замок?

Мужчина не стал отвечать, он просто положил на исцарапанную деревянную столешницу конторки, за которой стоял, небольшой металлический ключ. Никаких кодов для «балалаек» или хотя бы электронных карт.

Монах кивнул и, взяв ключ, неспешным шагом направился к лестнице.

Привычным движением, не поворачивая головы, Ли Ханьфанг нашарил в сумке холодный металл рукояти «дыродела». Возможно, оружие и не понадобится, но оно всегда должно быть наготове.

Костяшка указательного пальца уперлась во что-то шершавое. Жестяная кокарда, изображающая орла с двумя головами. Такие приколоты к фуражкам всех российских военных. Интересно, для чего таскал с собой эту вещицу Окоёмов? Память о флоте, на котором служил?

Это предположение могло бы быть истиной, если бы тот человек, который был наемником под номером четырнадцать в команде смертников, что вел через джунгли Ли Ханьфанг, на самом деле являлся мичманом ВМФ России. В армии все просто: для чего выдумывать имена, если есть звания. Например, Лейтенант. Не нужно никаких имен.

Ли Ханьфанг лично изучал дело каждого из наемников. Бывшие убийцы, бывшие солдаты, бывшие безы, бывшие dd… Все они были бывшими, отбросами, о которых никто не вспомнит.

Дело Василия Окоёмова, мичмана российского крейсера «Иван Грозный», исчезнувшего у берегов Мьянмы в день, когда произошла авария на Станции «Науком», не вызывало подозрений. Ли Ханьфанг знал, что все следует проверять тщательно, и лучше – по нескольку раз. Только тратить время на смертников не хотелось: для чего нужно знать все секреты этих *бывших*, если из джунглей никто из них не вернется?

С Окоёмовым он ошибся. По всем пунктам.

В базе данных МГБ КНР майор Ли нашел файл, слитый когда-то из взломанной сети российского ВМФ. Действительно стоящей информации – ноль, никто из машинистов, ломавших сервер русских, в тот раз не получил повышения в звании. Но данные

хранились. На всякий случай. И Ли Ханьфанг этим случаем воспользовался. Только слишком поздно.

Мысль поискать поглубже пришла после того, как Ли Ханьфанг обнаружил несоответствие между детской травмой и отсутствием у взрослого Василия Окоёмова шрама на пальце. Маленькое расхождение, которое он пропустил месяц назад, когда видел досье впервые.

Василий Окоёмов, мичман крейсера «Иван Грозный», погиб за несколько недель до выхода судна из порта. Эта никому не нужная информация отыскалась в базе данных китайского МГБ по запросу «Василий Окоёмов». Довольно легко отыскалась. И что-то подсказывало майору, что обнаружить эти файлы в сети русских ВМФ сейчас уже не удастся. Иногда такое случается – подчищаются все данные, человеку перепрошивают «балалайку» лучшие машинисты, причем перепрошивка не ломаная, а самая настоящая, не стоит и пытаться найти в ней баги – их там попросту нет. Но одна маленькая деталь, такая, как эта, может перечеркнуть весь проект. Интересно, кто он на самом деле и чья это операция?

Гадать смысла не было – маловероятно, что задание человека, жившего под именем погибшего почти три года назад русского мичмана, имело хоть какое-то отношение к Ли Ханьфангу или Фэн Фэй Ху. Предугадать развитие событий тогда было просто невозможно. Но случайности не только мешают и путают карты, иногда от них можно получить много пользы.

То, что Окоёмов профессионал, сомнений не вызывало. Майор проверил сеть – у каждого бойца «номерного» отряда была установлена радиометка, кроме того, коммуникатор должен посылать в эфир собственные географические координаты. Ли Ханьфанг обнаружил метки восемнадцатой: эта стерва выжила и двигалась куда-то на юг. Да и хрен бы с ней. Но вот метки Окоёмова не было, а его коммуникатор успел послать в эфир только одно сообщение, совсем недалеко от вскрытого подземного сервера.

Ли Ханьфанг осторожно дернул ручку на двери с номером 305. Закрыто. Ключ бесшумно утонул в отверстии замка, не встретив преграды. Изнутри свой ключ жильцы вынули.

«Дыродел» давно уже перекочевал из сумки в руку, Ли Ханьфанг был готов пустить его в действие в любое мгновение.

Осторожно, стараясь не привлечь внимания шумом проворачивающегося механизма замка, майор повернул ключ. Дверь, тихонько скрипнув, отошла от косяка, приоткрывшись на несколько сантиметров. Времени на раздумья не оставалось – дверь внесла коррективы в планы, этот скрип могли услышать.

Нельзя дать противнику подготовиться. Тем более что сам Ли Ханьфанг давно был готов к самым решительным действиям.

Остался всего один шаг. До цели, обозначенной невзрачным стариком, немного полноватым, с короткими седыми волосами и цепким взглядом спокойных, холодных глаз. Человеком, известным под именем Фа.

Кем был товарищ Фа, Ли Ханьфанг не знал. Ни фамилии, ни звания. Фа всегда был одет в идеально отутюженный китель военного образца, лишенный знаков отличия, и светлые, оттенка хаки брюки. Он всегда выглядел одинаково, словно был не живым человеком, а куклой. Одинаковая одежда, одинаковая прическа, одинаковое выражение лица.

Старик не занимал никаких постов. Но в МГБ к его мнению прислушивались. До последних месяцев. Сейчас авторитет Фа, пока еще держащийся на высоте, стремительно падал – операция, проводившаяся под руководством старика где-то в Африке, провалилась, и поговаривали, что недовольство действиями Фа выражал сам Председатель. Майор Ли знал, что старик потерял в Африке не то сына, не то племянника. Наверное, это дело не только сильно подкосило позиции Фа в МГБ, но и надломило его внутри. Но на работе, на том, что делал старик, это никак не сказалось. Этот человек неуклонно следовал своему Дао. И именно поэтому майор Ли Ханьфанг, знавший о товарище Фа не так уж и много, безоговорочно поверил ему.

В тот день, когда генерал Ши рассказал майору о специальном задании, которое будет ждать его в Мьянме, в кабинете присутствовал еще один человек. Нетрудно догадаться, кем он был – товарищ Фа.

Старик тихо сидел в кресле, повернутом в сторону большого, от пола до потолка, окна. Он никак не проявлял себя, казалось, ему абсолютно неинтересно происходящее в кабинете, как будто слова генерала его вообще не касались. Фа с выражением умиротворения на лице внимательно рассматривал маленькую черную собачку, весело прыгавшую по аккуратно стриженным газонам внутренней территории МГБ КНР, похожей скорее на парк, чем на место, где базировалось строгое государственное учреждение.

Фа не принимал участия в разговоре, он даже не слушал, о чем говорит генерал. Ли Ханьфанг то и дело бросал косые взгляды на высокую спинку кресла, за которой скрывался старик. Он не знал, для чего тот здесь, но понимал – раз товарищ Фа остался в кабинете генерала, значит, так нужно.

Генерал Ши закончил рассказ о «резонансе», о чудо-процессоре, способном, если верить предположениям

машинистов, взломать какую угодно из существующих на сегодняшний день систем защиты информации. Или поддерживать работу неприступной для любых вирусов системы со своей стороны – здесь подходы могли меняться, суть оставалась прежней. Майор не слишком глубоко разбирался в компьютерной терминологии, для него было ясно одно – процессор, с помощью которого возможно взломать что угодно, это оружие куда действенней тактического ядерного заряда. Он понимал важность возложенной на него миссии – майор был готов приложить все усилия, чтобы процессором владела Народная Республика.

Когда в кабинете генерала Ши повисла тишина, нарушаемая лишь тихим причмокиванием хозяина, который нервно грыз костяшку указательного пальца, кресло, обращенное к окну с обширной лужайкой и играющей на ней собакой, повернулось.

Старик бросил взгляд на генерала. Ши, нахмурив брови, резко поднялся. Старик кивнул, после чего хозяин кабинета резко, нервно чеканя шаг, вышел в приемную, плотно затворив за собой дверь. Из собственного кабинета, оставив майора и товарища Фа наедине.

– Вы должны понимать два момента, товарищ майор, – без вступлений сказал Фа. – Во-первых, прежде всего, важна технология, а не сам процессор.

Ли Ханьфанг кивнул. Эта мысль была очевидна, но не приходила в голову до слов старика.

– Приятно, что вы понимаете, о чем я. Не все об этом задумываются.

Майор непроизвольно осмотрел кабинет – если товарищ Фа хочет говорить конфиденциально, неужели он полагает, что в кабинете генерала не установлены скрытые камеры или микрофоны?

Старик задумчиво крякнул, видимо, заметив действия Ли Ханьфанга.

– Не переживайте, генерал не станет за нами… подглядывать, – ответил старик на незаданный вопрос майора.

Ли Ханьфанг кивнул. Ему-то, в сущности, какая разница?

– Процессор не должен попасть в Китай, – медленно проговорил товарищ Фа.

Майор помолчал несколько секунд, переваривая услышанное, – слова старика никак не вязались с тем, что двумя минутами ранее говорил генерал, – а потом недоверчиво переспросил:

– Что вы сказали?

– Вы правильно меня поняли, майор, – товарищ Фа неспешно

кивнул. – Ни процессор, ни технология его изготовления не должны попасть на территорию Народной Республики.

Но как же это?! А преимущество, а благо Родины?! Не об этом ли только что говорил генерал Ши?

– Я не понимаю. Моя задача...

Ли Ханьфанг был обескуражен.

– Ваша задача, майор, состоит в том, чтобы не допустить попадания процессора в руки других держав.

– Я должен уничтожить образец?

– Ни в коем случае! Человек не имеет права уничтожать то, что даруют боги. А любое изобретение – это дар богов. Вы должны будете передать образец и технологию... или носителя технологии в руки надежного человека.

– А мое задание?

– Официально оно остается прежним. Не все разделяют мое мнение. К счастью, генерал Ши достойный ученик, чтящий Традицию своих предков. Поэтому я надеюсь на успех. Вам, майор, придется предать свою страну.

– Но я не понимаю...

На самом деле Ли Ханьфанг все прекрасно понимал. Его воображения вполне хватало, чтобы догадаться, что имеет в виду старик.

– Технологии должны соответствовать эпохе. Вы знаете, майор, что паровой двигатель впервые придумали еще в Древней Греции? С Героном Александрийским все закончилось мирно – в те времена крутить насос с помощью двух ослов было куда дешевле, чем двигателем. Но отказ от использования технологий не всегда происходит столь безмятежно.

– Нам не нужна война, – подвел итог Фа. – Сейчас не время. Да и преимуществом мы не сможем воспользоваться: сеть слишком фрагментирована, и при планировании боевых действий командование любой державы будет принимать во внимание компьютеры в последнюю очередь.

– Что я должен сделать? – майор Ли уже все понял, он не нуждался в дополнительных объяснениях, поэтому, воспользовавшись паузой, решил остановить ненужные разговоры.

Товарищ Фа кивнул. А Ли Ханьфанг так и не осознал, появилась ли в этот момент на лице старика улыбка на самом деле или ему только показалось...

...Дверь номера 305 резко распахнулась, замерев в сантиметре от стены. Ствол «дыродела» хищно облетел все пространство небольшой комнаты, выискивая жертву. Но плюнуть свинцом пистолету оказалось не в кого – в помещении было

пусто.

Смятая постель, пыльные следы на затертом коврике, следы пальцев на мутноватом зеркале, обрывки пластика от каких-то упаковок. Они были здесь, были совсем недавно – постель еще не успела остыть, на ней кто-то сидел. Но они опередили его.

Майор видел Окоёмова на рынке. Он хотел проследить за ним, но наемник как сквозь землю провалился. Ли Ханьфанг был уверен, что русский не узнал его – он ликвидировал временную пластику лица, которую сделали спецы МГБ, сразу после того, как устроил аварию вертолета. Так было нужно – теперь в Поднебесной его считали погибшим, а процессор потерянным, и он мог спокойно выполнить то, чего хотел товарищ Фа. С обритой наголо головой майор изменился до неузнаваемости. Но в очередной раз он, как оказалось, ошибся с четырнадцатым. Кто же ты такой, таинственный русский?

С выбором отеля Ли Ханьфанг тоже ошибся – из двух оставшихся первым он посетил тот, в котором Окоёмов не был. Он дал наемнику время, которым тот не преминул воспользоваться. И через лобби отеля ни он, ни девчонка или старик не проходили.

Теплый ветер, врывающийся в комнату через широко открытое окно, поднимал полупрозрачную белую занавеску. Вот как выбрались они отсюда.

Ли Ханьфанг сделал шаг в сторону окна, и на секунду ему показалось, что за белой занавеской кто-то стоит. «Дыродел» мгновенно взлетел вверх, уставившись черным глазком ствола на неясный силуэт. Из-за развевающейся на ветру белой ткани послышался чей-то тихий смех.

И скрежет острых акульих зубок, ты слышал?

Майор резким движением дернул занавеску, карниз с грохотом полетел на пол. Конечно же, там никого не было. Только пластиковая рама тихо поскрипывала на давно не смазывавшихся петлях.

За окном вниз уходили осыпающиеся от времени бетонные перекладины, по которым легко можно было спуститься вниз. Архитектурные излишества, чтоб им!

Все-таки Окоёмову удалось удрать. Вместе с технологией, которая хранилась в голове старика.

Ли Ханьфанг знал, что нужно сделать. Он многократно представлял себе, как это произойдет. Но какой-то русский, делавший вид, что попал сюда совершенно случайно, путал все планы.

Майор с силой ударил рукояткой пистолета по раме окна. Стекло со звоном обрушилось вниз, а с улицы, из густых зеленых

зарослей, снова послышался тихий девичий смех.

Глава 41

Время – лучший разрушитель из всех, известных человечеству. Даже мощь ядерного взрыва меркнет рядом с тем, что способно сотворить время. Разумеется, в последнем случае придется подождать, но то, что не смогла разрушить цепная реакция, обязательно уничтожит время. Если ждать достаточно долго, то исчезнет и Вселенная вместе с атомами, электронами и протонами. Вместе с людьми и богами. Вот только интересно – останется ли само время?

Проржавевший, скособоченный грузовик, который удалось найти в Мьичине Окоёмову, казалось, сумел договориться с беспощадным временем о помиловании. Автомобиль пыхтел, плевался черным вонючим дымом, но, хотя и вздрагивая то и дело, продолжал устремляться вперед по ухабам давно не знавшей ремонта дороги.

Окоёмов особенно не вдавался в подробности, откуда этот монстр взялся. Скорее всего, остался с тех пор, когда мир еще не знал Большого Нефтяного Голода. Кто-то сохранил грузовик, наверное, его оставили как экспонат коллекции или что-то вроде того. Но теперь автомобиль пригодился. Самой большой для Окоёмова загадкой остался вопрос, где хозяин раритета добыл топливо. Но невысокий бирманец с хитрым взглядом получил хорошую плату – почти все деньги, что оставались у Окоёмова, – кроме того, он в любом случае отправлялся в Мандалай.

В кузове, где сидел Окоёмов с Кхайе и Часовщиком, было еще несколько человек. Все местные и, судя по затравленным взглядам, ехали в Мандалай на заработки впервые. Если судить по выражениям лиц, попутчики не надеялись когда-нибудь вернуться домой.

– Как ты думаешь, зачем им в Мандалай? – кивнув на сбившихся в кучу людей, спросил Окоёмов.

Кхайе замерла в объятиях Василия. Она не шевелилась, а ее тело было напряжено, будто девушка замерзла и вот-вот начнет дрожать. Окоёмов машинально постарался обнять ее крепче, чтобы согреть, хотя, несмотря на ночь, температура воздуха явно зашкаливала за тридцать градусов. Ночной воздух давно стал влажным и каким-то липким, отсюда, из-под тента, неба видно не было, но и так ясно, что скоро пойдет ливень. Главное, чтобы дорогу не размыло, иначе придется снова идти пешком.

Часовщик давно спал, улегшись на каких-то тюках в углу у борта. Его тщедушное тело подскакивало и с сухим стуком падало на деревянный настил кузова всякий раз, когда грузовик

натыкался на очередную кочку или проваливался в одну из многочисленных ям. Чжи Бяо громко сопел и, загребая руками, словно краб клешнями, забирался обратно на тюки. Все это он проделывал во сне, так ни разу и не проснувшись.

– Они ищут лучшей жизни, – ответила Кхайе. – Как все.

– Хорошо там, где нас нет, – сказал Окоёмов.

– Что ты имеешь в виду?

Василий отстранился от девушки, посмотрел ей в глаза. Она вздрогнула, но, опомнившись, снова прильнула всем телом к мужчине.

Значит, ему не показалось там, возле отеля, когда они спускались по бетонным перемычкам. Слова, к которым относился вопрос Кхайе, были произнесены по-русски. Бирманская девчонка никак не могла знать русского языка, переводчик стоял в ее «балалайке», которой, если ей верить, она и пользоваться-то особенно не умела. И ее английский стал лучше с тех пор, как впервые она заговорила с ним. Много лучше.

– Ты не бирманка.

Окоёмов не спрашивал, он делал выводы из того, что видел и слышал.

– Послушай, я...

– Не важно, – перебил ее Окоёмов. – Почему ты спасла меня там, в джунглях?

– Просто...

– Почему?

– Тебе обязательно нужно, чтобы все имело причину? Чтобы во всем присутствовал умысел? Я же сказала – просто. Потому что ты умирал, а я могла помочь. Потому что... потому что мы люди, в конце концов!

Все-таки она начала дрожать. От возмущения и горечи. Ее щеки стали влажными от слез – Окоёмов чувствовал это своей небритой щекой, к которой прижималась Кхайе.

Группка перепуганных местных сбилась в еще более плотную кучу после резких слов девушки. Они не понимали ее, но эти забитые люди боялись всего, даже повышенного голоса соседки, говорящей на непонятном языке.

– Ведь я пытался убить тебя, – пробормотал Окоёмов, елозя губами по мокрой щеке девушки. Во рту сделалось солоно от слез.

– Ты был не в себе, тебя укусила змея.

У него было достаточно времени, чтобы все обдумать. Он поверил в ее рассказ о змее, так было удобней. Тем более что змей в этих джунглях было хоть отбавляй. Но все изменилось с тех пор, как выяснилось, что он не просто потерявшийся в диких

местах путник. С тех пор, как он подключил свою «балалайку» психоприводом к замечательному спутниковому коммуникатору, который ему выдали. Теперь он снова стал служителем, он выполнял то, что должен, то, для чего был предназначен. Не важно – хорошо это или плохо, это наполняло смыслом его бестолковое существование. С этих самых пор его сознание, до того дремавшее от бездействия и чувства обреченности, будто бы включилось. Он начал замечать многие вещи, которые раньше не имели для него никакого значения.

– Не было никакой змеи. Здесь, – Василий показал не небольшой шрам, оставшийся после «лечения» Кхайе, – была радиометка, которую мне поставили в лагере наемников. Они говорили, что это какая-то прививка.

– Но...

– Стали бы они тратиться на прививку ради швали, которую так и так собирались пустить под нож.

Окоёмов отстранился от Кхайе, чтобы видеть ее лицо.

– На кого ты работаешь?

Задавая этот вопрос, Окоёмов сам был в одном шаге от того, чтобы разрыдаться. Он на самом деле не мог представить себе, что в мире может что-нибудь происходить просто так, без какого-то – доброго ли, злого ли – умысла. Он слишком живо помнил те ночи, что они провели с Кхайе вместе. Это тоже было частью плана? В это верить не хотелось.

Разумеется, она все продумала. Ведь теперь ты не сможешь ее убить, если придется? А если и сможешь – сто раз подумаешь перед тем, как спустить курок.

– Ни на кого.

Глаза опущены, губы плотно сжаты, ноздри раздуваются в такт дыханию.

– Тогда для чего ты вынула метку?

– Тебя бы искали.

Конечно, искали бы. И нашли бы, причем вместе с тобой. А вот этого тебе как раз и не было нужно.

– Для чего тебе это?

– Я хотела добраться до порта. Мне необходимо убраться отсюда.

– И все?

– А этого мало? Я же не спрашиваю, для чего ты тащишь старика в Магуэ? Или ты полагаешь, что я поверила в твое неуемное желание вылечить его?

Окоёмов отвернулся и тяжело вздохнул. Тема «джьяду гумра» не давала ему покоя.

– Это не лечится. Ты знаешь, кто этот старик?

– Откуда?!

– Что ты вообще делала здесь?

Кхайе усмехнулась.

– Пряталась. Что же еще?

– А теперь Мьянма перестала тебя устраивать в качестве убежища? Или…

Окоёмов внезапно замолк, вспомнив, что сделал их «номерной» отряд с деревней, в которой жила Кхайе.

– Извини, – сказал он. – Даже если они были тебе чужими людьми…

– Они не были мне чужими. Я прожила вместе с ними почти год, я стала для них своей. Но дело не в этом – меня ищут. Наверняка это кто-то из ваших. Скорее всего, та женщина, которую ты называл восемнадцатой. Это ее имя?

– Нет, номер в отряде. Мы не пользовались именами.

– Понятно, – Кхайе кивнула. – Рано или поздно она все равно найдет меня. Она профессионал, убийца, возможно, dd.

Насчет восемнадцатой Окоёмов верил – он давно подозревал, что она пришла в джунгли ради собственных интересов, и видел, как метко она стреляла, ее профессионализм не оставлял никаких сомнений.

– Но почему ты сама не стала добираться в Магуэ? Зачем тебе нужен был я?

Вопросы, по сути, были риторическими, Окоёмов не собирался верить ни одному варианту.

– Потому, черт тебя дери, Бэзил, что я маленькая слабая женщина. А ты здоровый мужик с оружием, – Кхайе почти кричала, от возмущения ее тонкие пальцы сжались в кулачки, на которые невозможно было смотреть без умиления, а на глазах снова показались слезы. – И дурак к тому же!

Ну и что с ней делать?

И ты все еще сомневаешься, что она спала с тобой, не имея по этому поводу никакого умысла?

– От кого ты прячешься?

– Не знаю.

Узкие худые плечики резко подпрыгнули вверх, вторя словам.

– То есть как? А для чего тогда пряталась?

– Я – ломщик, Бэзил. Ломщики не всегда знают, кому принадлежит то, что они ломают.

– У тебя была сумка, черная… – Окоёмов внезапно вспомнил момент, когда встретился с Кхайе впервые. Не самый лучший повод для знакомства, что уж говорить.

– Да, была. В ней лежал мой «раллер». «Убитый». Я оставила ее в джунглях, в тайнике.

– Как тебя зовут? На самом деле.

– Не важно, как меня звали раньше. Сейчас меня зовут Кхайе Сабай.

– Как ты работала в этой глуши?

Хотя, если вспомнить лежавший в рюкзаке чудесный незарегистрированный коммуникатор, который способен подключаться к сети через спутник, все не столь уж и загадочно.

– Какая разница? Ты ведь не расскажешь, что ваш отряд делал в джунглях и какого черта вы расстреляли моих друзей! – она снова кричала.

Окоёмов хмыкнул. Картина вырисовывалась действительно забавная.

– Я не знаю, – сказал он. – Мы решили, что ищем нефть, но это явно не соответствовало истине.

Кхайе тоже улыбнулась. Смешно – два человека, попавших в переплет, и ни один не знает точно, по какой, собственно, причине.

– Скажи, что делает этот порошок... как ты его назвал... который ты пробовал и который превратил Чжи Бяо в это недоразумение? – резко сменила тему Кхайе.

Заметь, она не собирается ничего рассказывать о себе. Но хочет знать, чего можно ожидать от тебя.

Доверять нельзя никому – это непреложная истина. Но не становиться же параноиком. Те, кто учил его поступать таким образом, далеко. А Кхайе рядом, такая нежная и трогательная. Красивая и...

Ну, нет, они же не одни в кузове. Даже если не считать за человека Часовщика, здесь еще человек восемь местных. Затихли – не то заснули, не то стараются не отсвечивать. Второй вариант на правду похож больше.

Окоёмов глубоко вздохнул. Потом еще раз. Не помогло.

– «Джьяду гумра», – сказал он. – Я не знаю, что он конкретно делает там, в голове, но он... не знаю, как это объяснить. Он позволяет сознанию полностью отрешиться от этого мира. Можно придумать другой, свой – если хватит фантазии. Некоторые, как Часовщик, слишком увлекаются и остаются в своих мирах. Сколько миров, столько и жителей. Рано или поздно у всех наступает раздвоение сознания. Потом – полная деградация. Старик уже на грани, еще пара-тройка недель – и начнет пускать слюни.

– А ты...

– Я смог остановиться, – теперь настала очередь Окоёмова сжимать кулаки. – Если бы ты знала, чего мне это стоило. И случившееся не прошло полностью, что-то осталось, кто-то...

– У тебя тоже? – Кхайе покрутила обеими руками у висков, изображая человека с двумя головами.

– Н-нет, – заикаясь, ответил Василий. Он ни в чем не был уверен, когда дело касалось «джьяду гумра». – Я не знаю. Иногда на меня что-то накатывает, я словно проваливаюсь в иной мир. Не полностью, лишь наполовину, но в такие моменты я плохо контролирую оба мира. Это… не знаю, как объяснить. И очень хочется попробовать еще.

– Очень хочется смеяться, но нельзя, – кивнув, сказала Кхайе.

– В каком смысле? – не понял ее Окоёмов.

– Это очень старая сказка. Про халифа, который стал аистом.

– Европейская сказка?

Девушка усмехнулась.

– В общем – да. Злой колдун дал халифу волшебный порошок, понюхав который, можно было превратиться в аиста. Для того чтобы снова стать человеком, нужно сказать волшебное слово. Но в этом колдовстве существовало одно условие: ни в коем случае, будучи в образе аиста, халиф не должен смеяться, иначе – нужное слово не вспомнить.

– Он засмеялся?

– Конечно. Иначе не было бы сказки. Но он встретил сову, которая оказалась заколдованной принцессой, и они вместе выведали у колдуна слово.

– Какое?

– Что?

– Какое было слово?

Кхайе загадочно улыбнулась. Ее глаза смотрели куда-то в темноту, а вот в них улыбки не было. Скорее там был страх.

– Ты ничего не видишь? Там? – она показала рукой.

На мгновение Окоёмову показалось, что у переднего борта кузова, в том месте, куда указывали дрожащие пальцы девушки, что-то промелькнуло. Но в следующее мгновение наваждение исчезло: ничего, кроме рассохшихся досок, там не было.

– Нет там ничего, успокойся. Наверное, тени от веток мелькают. Так какое слово?

– Теперь это слово вряд ли забудешь, даже если хохотать не переставая. Мутабор. Кстати, сегодня новолуние.

– При чем здесь Мутабор?! – последнюю реплику Кхайе он пропустил мимо ушей.

– Таким было слово. Это латынь, в переводе означает «изменяюсь».

Что означало слово «Мутабор», Окоёмов прекрасно знал. Он не понял, как название корпорации попало в старинную сказку. Или это слово из сказки прижилось в его мире?

– А что случилось с колдуном?

– Его казнили. Все это он подстроил специально, чтобы посадить на трон халифа своего сына. Но сказки не всегда соответствуют реальным событиям.

– Что ты имеешь в виду?

– Слово известно каждому, волшебный порошок перестал быть секретом, только халифу помочь некому.

– Из тебя выйдет прекрасная сова, – Окоёмов улыбнулся и поцеловал девушку в губы.

– Только тебе, Бэзил, никогда не стать халифом, – ответив на поцелуй, сказала она. – Теперь весь мир превратили в… в аиста. И о целях колдуна ничего не известно – отчего-то версия с троном халифа в последнее время стала мне казаться несостоятельной.

– Ты имеешь в виду Милостивого Владыку храмовников?

Кхайе пожала плечами.

– Я просто рассказала тебе о старинной сказке. Только и всего.

Глава 42

Тихое шуршание, словно термиты точат дерево. Хотя откуда здесь взяться термитам – все из бетона и пластика. Такой звук обычно раздражает. Обычно, но не сегодня.

Сегодня у Президента Райн Тайна хорошее настроение. Сегодня он наконец-таки может забыть миф об этой треклятой нефти и заняться настоящим делом. Не в том смысле, что стоящим, а именно настоящим, без выдумок и откровенного вранья, как в случае с нефтью.

– Ну что там выходит, новости есть? – спросил он у ползающего по огромному листу рисовой бумаги главного астролога Ая Сигая.

Астролог прекратил шуршать, оторвавшись от своих линеек и каких-то не совсем понятных Президенту инструментов, и поднял голову. На его лице сегодня, на удивление, тоже была улыбка.

– Похоже, строительство новой пагоды принесло свои плоды, – заявил он.

– Не томи. Что там?

Строительство пагоды... Да, наверное, это тоже имело значение.

Ты ведь совсем забыл о пагоде, как не вспоминал о богах и о Будде в последнее время.

Не важно. Главное – он, Президент Мьянмы, все устроил. Он старался, и он смог.

– Звезды указывают направление, – сообщил главный астролог. – Скоро я узнаю, откуда следует начинать возрождение страны.

Судя по всему, снова пришло время переносить столицу. Но с этим придется немного повременить. Для строительства новой столицы понадобятся деньги. Много денег. Вот когда они будут, тогда... А они обязательно будут!

Ты так в этом уверен?

– Что звезды говорят о будущем?

– Гороскоп не готов до конца. Но все идет к тому, что нас ждет процветание.

Конечно, ждет! Или Райн Тайн старался зря? Нет, не для того он прошел длинный и тернистый путь, чтобы сейчас сдаться и спокойно смотреть, как страна – его страна – постепенно исчезает под гнетом нищеты и разрухи.

– Мы обязательно построим новую столицу там, куда укажут звезды. Теперь я вижу, что мы на правильном пути – нам благоволят боги, с нами согласны небеса.

Ая Сигай кивнул и вернулся к созданию карты. Его лицо при этом выражало максимальную серьезность – астролог верил в то, чем занимался. Так же как Президент верил в то, что у него все получится.

Какой бы процессор ни искали индусы, китайцы – да все, кто собрался в округе, – секретом его создания владел только странный человек из Нонгуина. Старик китаец с забавным прозвищем Часовщик, исчезнувший несколько дней назад.

А вот теперь самое интересное, как раз то, что лучше любого антидепрессанта, будь он хоть производства исчезнувших ныне храмовников, развеяло тоску Президента. Вчера из штата Качин поступило сообщение, что человек, соответствующий описанию Фэн Чжи Бяо, известного в Нонгуине как Часовщик, был приведен каким-то европейцем в Мьичину накануне. А теперь они вместе ехали на грузовике в Мандалай. Туда, куда их везли люди Райн Тайна.

Можно сказать, что они во власти Президента. Они еще думают, что свободны, что делают то, что хотят. Но на самом деле грузовик, в кузове которого сидели европеец, бирманка с севера и старик китаец, ехал в Мандалай не просто так. Откуда, скажите на милость, владелец старинного автомобиля смог бы взять в той глуши бензин? Ниоткуда, если бы не личное распоряжение Президента выделить сотню литров из стратегического запаса.

Их можно взять хоть прямо сейчас. Но что-то подсказывало Райн Тайну, что спешить не стоит. Они под пристальным наблюдением, они в Мьянме – его стране. Деться им некуда. А вот узнать, что затевает этот европеец, кто он и какие у него планы – очень даже интересно. И еще один момент: на кого он работает? Индусы и китайцы проявляли недюжинный интерес к северу, а стало быть, и к процессору, но Часовщика увел какой-то европеец. Тихо и незаметно.

В заливе стояли корабли Исламского Союза и Конфедерации – их человек? Неизвестно, но неплохо бы узнать. Так что лучше немного повременить с арестом.

О том, что делать с процессором, Райн Тайн думал уже не раз. Мьянме, как это ни прискорбно, чип не нужен. Вещь, безусловно, важная и очень дорогая, но здесь ей уготована роль эксклюзивного музейного экспоната. Надо признать, Мьянма безбожно отстала в вопросах современных технологий – процессор попросту было некуда применить.

Да и стоило ли пытаться? Хватит ли пальцев на руке, чтобы посчитать всех тех, кто имеет виды на процессор? И каждый из них стоит десятка, если не сотни таких мьянм. Если Президент

упрется рогом и решит не отдавать процессор, страну просто сотрут в порошок. Не военными действиями, так задушат экономически – мало ли способов, когда в твоем распоряжении оборотные средства, превосходящие десятилетний бюджет Мьянмы.

Нет, есть только один вариант – торги. Выиграет тот, кто предложит больше. Конечно, не обойдется и без подковерной игры, но сначала нужно дождаться ее начала. Выбирать нужно после того, как поступят предложения.

– Скажи, Ая, что говорят звезды о путешествиях на завтра?

Астролог оторвался от черчения замысловатых фигур на листе и с непониманием в глазах посмотрел на Президента.

– Хорошее ли сейчас время для путешествий? – уточнил вопрос Райн Тайн.

– Вы собираетесь отправиться в вояж?

– Не важно. Ты узнай, что говорят звезды.

Прогноз не занял много времени. Ая Сигай поводил пальцем по пересекающимся под разными углами карандашным линиям, сделал несколько записей на полях и набрал что-то на экране коммуникатора. На плоском экране сменились таблицы с данными, после чего астролог вписал несколько дополнительных линий в фигуру, напоминающую цветок лотоса.

– Нет, господин Президент, на завтра лучше отложить все поездки. Путешественников могут ждать трудности.

Губы Райн Тайна растянулись в довольной улыбке.

– Вот и здорово, Ая.

Он направился к двери, бросив на ходу:

– Закончи, Ая, эту карту. Завтра мне обязательно понадобится совет звезд. И не ошибись!

Оставив астролога наедине со звездами и большим листом рисовой бумаги, Президент отправился в личный кабинет. Предстояло внимательно изучить обстановку и решить, как лучше сообщить всем заинтересованным сторонам новость о процессоре.

О технологии, принадлежащей государству Мьянма.

Глава 43

Работа каждого человека, как правило, однообразна. Каждый день люди выполняют одни и те же действия, возможно, не полностью идентичные вчерашним, но очень похожие. Когда навык выполнения достигает полного автоматизма, в рамках которого человек выполняет строго навязанные правила, это называют профессионализмом. Профессионализм – это здорово. Это отличное качество и быстрое выполнение заказа. Это удовольствие для клиента.

Только не надо путать профессионализм с мастерством. У профессионализма есть и обратная сторона. Словно у Луны, скрывающей от землян свой траченный метеоритами затылок. Человек делает одно и то же дело, он делает его столь хорошо и четко, что отступления от программы начинают попросту игнорироваться. Взгляд замыливается, руки бьют молотком мимо гвоздя, круша ценнейший кристалл, расположенный в этот раз на пару миллиметров правее, снайпер промахивается, когда жертва двигается нестандартно. Мир, в котором мы живем, вполне стандартизирован, поэтому ошибки случаются редко. Но и сам мир склонен иногда ошибаться.

И вот тогда-то и наступают… последствия.

Абхай Лал работал в структурах госбезопасности много лет. Он знал, как и что нужно делать. Обычные операции – например, захват каких-нибудь террористов – мало беспокоили начальника службы. Разумеется, его квалификация позволяла разработать подобную операцию от начала и до конца, но голова генерала Лала была занята совсем другими вопросами. Его стезей была разработка стратегии, принятие решений. Он определял направление, а исполняли другие. Те, кто находился несколькими ступенями ниже на служебной лестнице.

– Его засекли, – губы Дханпатраи шевелились на экране коммуникатора беззвучно, слова рождались внутри головы генерала, посланные туда «балалайкой». Лала раздражал этот диссонанс настоящего и оцифрованного.

– Камерой?

– Нет, – голова заместителя покачалась из стороны в сторону, несколько раз выскользнув за границы экрана. Лал поморщился и выключил видеосопровождение звонка. – Его засекли наши сотрудники на вокзале в Лудхияне. Они не уверены, но с ним была какая-то девушка.

– Ну и что?

– Я повторяю их информацию.

Странно, что этого идиота понесло в Лудхияну. Первое место, где стоило бы начать его поиски – осиное гнездо тхагов. Хотя, возможно, он выбрал правильную тактику: именно по этой причине в Лудхияне Шанкара Десайю прицельно никто и не искал.

И все же ему не удалось пройти незамеченным. Чувство гордости за собственную службу на секунду зародилось внутри генерала.

Будешь радоваться, когда он расскажет тебе, что сделал с камерой наблюдения.

– Проследить, куда он направится, и доложить мне. И пускай группа захвата будет наготове где-нибудь поблизости.

– Есть, – вяло отозвался Дханпатрая. – Вы думаете, для его поимки потребуется группа захвата?

– Мы должны быть готовы к разным поворотам – неизвестно, для чего он приехал в Лудхияну.

– Конечно, – картинку генерал выключил, но и без изображения по голосу прекрасно ощутил, что заместитель пожал плечами.

Лал дал отбой. Конечно, Дханпатрая сомневается. Есть с чего – в Лудхияне тхагов, как звезд на небе. Кроме того, так называемые Игры Кали, которые регулярно проводятся на стадионе, расположенном в пригороде, несут сакральное значение только для собирающегося на трибунах быдла, орущего до потери голоса и с удовольствием тратящего последние деньги на ставки по боям. Они ставят на того, кто окажется лучшим воином Кали.

На самом деле Игры Кали были хорошо организованным и очень прибыльным бизнесом. И не заметить это мог только слепой. Или идиот, каковыми являлись почти все рядовые тхаги.

По этой причине соваться на Игры или просто поднимать бучу против тхагов в Лудхияне попросту опасно. Никто не мог бы обвинить генерала Лала в трусости, но и в глупости заподозрить его тоже было бы сложно. Прежде чем лезть на рожон, нужно раскрыть всю сеть, поддерживающую культ тхагов, уничтожить их идейных лидеров, а только после этого приступать к масштабной ликвидации самого движения. Иначе провал обеспечен – даже если подавить сопротивление удастся, – а оно обязательно будет, – на месте уничтоженных тхагов к вечеру того же дня появятся еще какие-нибудь умалишенные и все закрутится по новой.

Но с Десайем совсем другой случай. Абхай Лал был готов пожертвовать многим, чтобы заполучить этого тхага в свои руки. Только нужно узнать, для чего он приперся в Лудхияну.

Гуру Шарма сказал, что создать «личный мир» не получится. «Не тот уровень» – так он выразился несколько дней назад под каменными сводами Аннамалаияра. Тогда Свами еще ничего не знал о камере наблюдения, которую… отменил? – да, наверное, это слово подойдет лучше всего – Шанкар Десай. Абхай Лал не вправе указывать Гуру на ошибки, он даже не мог позволить себе считать слова брахмана ошибкой, но…

Но он видел то, что видел. Скала переставала быть скалой, мир терял границы и четкость очертаний. И кто знает, что еще сможет сотворить деревенский дурак, получивший в личное пользование орудие богов? Или в том, что к Шанкару Десайю попал «джьяду гумра», тоже заключена воля богов? Во всяком случае, Абхай Лал не мог предположить, что недоумок самостоятельно понял, какую выгоду можно извлечь из «порошка», и нашел путь, как этого добиться. Ему подсказали, его направили.

Боги? Больше некому. Но тогда правильно ли он поступает, пытаясь остановить Десайя?

А ты уверен, что это твои собственные сомнения?

Холодок страха пробежался вдоль позвоночника и засел где-то в глубине затылка. Если тхаг смог вычеркнуть из мироздания камеру наблюдения… Имело ли для него какое-нибудь значение, что вычеркивать? Какая разница мирозданию, что убрать, а что добавить – бездумную железяку или живого человека? Ответ очевиден – никакой. Тогда…

Но такого просто не может быть, у Десайя ума на такое не хватит.

А если хватит, если ты – это не ты, а лишь ипостась деревенского недоумка, возомнившего себя новым богом?

Лал с силой сжал левую руку правой ладонью. Ногти врезались в кожу, оставляя глубокие, медленно наливающиеся кровью полулуния. Мир выглядел столь же настоящим, как всегда.

Весь мир – лишь мимолетная мысль Брахмана. Эта непреложная истина известна людям не одну тысячу лет. Ее пытались опровергнуть, однако это оказалось невозможным. Равно как невозможно и доказать, что утверждение об эфемерности мира истинно – нельзя узнать, какой мир в какой вложен, находясь внутри него. Так сказал Гуру, да это, собственно, было вполне очевидно.

Ты прав, ты никогда не узнаешь, чьей мыслью являешься на самом деле.

Но Шанкар Десай – часть этого мира, он не может быть его создателем!

Правильно, решение есть. Не стоит слишком глубоко копать, так можно и умом повредиться. «Джьяду гумра» очень необычен, у него много еще не исследованных возможностей. Но не до такой же степени!

Тот Шанкар Десай, что прибыл в Лудхияну, лишь воплощение, он понятная тебе ипостась – боги всегда поступали так. Боги могут спускаться в Срединный мир. Люди подняться вверх – никогда.

Дрожащие руки генерала с третьей попытки открыли небольшую коробочку, которую он достал из сейфа. Едкий запах мгновенно наполнил кабинет, мозг Лала, почуяв знакомое зелье, расслабился, перестав терзать сознание ненужными сомнениями.

В конце концов, «джьяду гумра» есть не только у Десайя.

Только ты не умеешь создавать новые миры. Ведь так? Ты всего лишь зритель во вселенной образов.

Щепотка голубоватого порошка тонкой прослойкой повисла между большим и указательным пальцами правой руки. Осталось только вдохнуть.

Резкий звук вызова коммуникатора вывел генерала из забытья. Тонкий порошок высыпался на полированную столешницу. Звонил Бхадури.

– Что случилось, Дханпатрая?

Генерал закрыл коробочку с наркотиком и спрятал «джьяду гумра» обратно в сейф.

– Шанкар Десай вошел на стадион Лудхияны.

– На алтарь Кали?

– Да.

Абхай Лал пока точно не знал, почему, но это обстоятельство, вне всякого сомнения, осложняло ситуацию.

– Взять его. Немедленно. Группа захвата может действовать по своему усмотрению, но Десай мне нужен живым.

Глава 44

Маленькие пылинки, словно планеты, заблудившиеся в бескрайнем космосе, сновали из стороны в сторону в яркой полоске солнечного лучика, выбивающегося из-под неплотно прикрытой шторы. Свет врывался в полумрак помещения, словно мечом рассекая пространство на две половины.

Справа от яркой полосы лежал, посапывая, Бэзил. Слева, рассматривая хаотичный танец пылинок, – Кхайе. Выживший из ума Фэн Чжи Бяо, выспавшийся в дороге, что-то тихо бормотал в соседней комнатке. Да, в Мандалае наконец удалось нормально выспаться, причем в этом городе в гостиницах существовали двухкомнатные номера, и Часовщика удалось на время изолировать.

Девушка посмотрела на Бэзила. Мужчина мирно спал, его лицо было безмятежно, тело расслаблено.

Ночью они снова были близки. Только нужна ли была эта близость кому-то из них? Бэзил пыхтел и старался изо всех сил, хотя ясно было, что его «мужская сила» держится едва-едва, и пару раз ему удавалось продолжить процесс, лишь приложив большие усилия. Кхайе, со своей стороны, издавала страстные стоны, не испытывая при этом никакого удовольствия. Оба старались показать, что ничего особенного не произошло, что все по-прежнему и их отношения в силе.

Кхайе на самом деле очень хотелось, чтобы так и было. Но…

Но ночной разговор в кузове разящего гарью грузовика все испортил. Расставил на свои места и испортил, уничтожив неповторимое чувство чего-то особенного, чего-то неземного. Факты губят романтику, четкие линии несовместимы с размытыми гранями любви или страсти. Факты не терпят неопределенности, им все необходимо разложить по полочкам.

Вчера они с Бэзилом попытались расставить точки над «i». Ничего не изменилось – она не знала, на кого работает он, он так и не узнал, что такого натворила она, из-за чего теперь ей приходится бежать куда глаза глядят. Но чудом выжившего русского военного, которого спасла от укуса ядовитой змеи попавшая в переплет простая деревенская девчонка, больше не существовало. Как, наверное, не существовало больше и чувства, влекущего их друг к другу. Факты объяснили необъяснимое – они были нужны друг другу, они использовали друг друга. И больше ничего – факты вещь упрямая.

Так уж и ничего? Кхайе от досады стиснула зубы. Он был наемником, выполнял чье-то задание. Он… Да какое ей, к черту,

дело до его заданий?! Ей нужен сам Бэзил! А насчет заданий – каждый зарабатывает, как может.

Только вот она сама... Чего хочет она? Осталось еще разобраться, кто она такая – Кхайе, Мыш, Лиса или Альмас. Ведь каждая из ее ипостасей хотела чего-то своего, у каждой были свои цели, свои интересы. Не важно, как звучит имя, важно, что ты за человек. А эти четверо никогда не были одинаковыми. Так кому из них нужен Бэзил, кому дорог этот наемник?

Вчерашний разговор заставил маски исчезнуть. Не до конца, суть лишь приоткрылась. Но снятая наполовину маска перестала казаться настоящим лицом.

– Старый дурак! Не вздумай ничего рассказывать! – проворчал Часовщик, заскрипев диваном.

Власть в голове старика захватила одна из его взбалмошных ипостасей. Не самая боевая – этот просто ворчал, не предпринимая никаких активных действий. И хорошо – пускай Бэзил поспит, он слишком устал за последние дни.

Значит, Бэзил ей все-таки небезразличен? Кто такой Бэзил для нее – чудом выживший, отравленный странным наркотиком неудачник или расчетливый и жестокий наемник? Нежный и робкий любовник или решительный и беспощадный боец? И есть ли между этими Бэзилами разница? Это все один и тот же человек или, сбросив маски, мы превращаемся в иное существо, сменив, подобно безумцу Фэн Чжи Бяо, одну ипостась на другую?

Нужен ли этот наркотик – «джьяду гумра», – чтобы научиться менять маски? Люди испокон веков любили прикрываться вымышленными персонажами. Со временем придуманная маска прирастает к лицу и уже не распознать, где настоящее лицо, а где – карнавал. И где истина – ее не увидеть, не отодрав маску от плоти. Только в таком случае снятие маски превращается в кровавый процесс, это больно – отдирать с мясом.

– Кхайе, – позвал ее чей-то голос.

Девушка обернулась, ища глазами того, кто мог это произнести.

То видение с острыми зубками?

Слышать собственное имя из уст Часовщика было настолько странно, что она не сразу поняла, что говорил старик.

– Что, тхакин Фэн? – шепотом спросила она.

– Подойди сюда, – прошептал в ответ старик.

Кхайе сделала шаг, потом остановилась, сообразив, что она совершенно голая. В таком виде идти к Фэн Чжи Бяо она не собиралась. Ее одежда лежала на стуле, стоявшем рядом с кроватью с той стороны, где лежал Бэзил. Он так и не проснулся, его дыхание было ровным и глубоким – до естественного

пробуждения еще не меньше двадцати минут.

Девушка быстро надела короткие штаны и майку. Она сделала шаг – босые ноги ступали по грязному ковру, лежащему на полу перед кроватью, почти бесшумно, – когда взгляд упал на руку Бэзила, рядом с которой чернела вороненая сталь «дыродела». Все-таки он не доверял ей, даже во сне не расставаясь с оружием. А что скажет он, если...

Кхайе осторожно взяла пистолет с кровати. Альмас Хамидди одно время приходилось промышлять карманным воровством – особых вершин этого неправедного искусства она не достигла, но некоторые навыки остались.

– Подойди, Кхайе! – старик не повышал голос, придерживаясь предложенных правил, но тон его стал более требователен.

Глаза Часовщика изменились. Такое выражение в них Кхайе не видела ни разу – насупленные брови, острый, наполненный мыслью и вместе с тем несущий печать какой-то вселенской скорби взгляд. Этот человек не был безумцем, он был гением. Девушка догадалась, что именно эта ипостась старика и создала тот самый процессор, который она спрятала внутри коммуникатора Бэзила – она установила чип в плату, немного изменив схему подключения: к процессору не поступало электричество, но заметить инородную деталь, бросив мимолетный взгляд, теперь было бы трудно.

– Что вы хотели, тхакин Фэн?

Она не знала, как нужно вести себя с этим человеком. Гением, сумасшедшим и полной рухлядью в одном лице. Создателем великой технологии и...

Острые зубы, способные разгрызть твердь алмаза.

...безумцем, выпустившим на свободу опасную игрушку, способную уничтожить мир.

– Я знаю, ты видела, что может мой процессор, – прошелестел Чжи Бяо. – Расскажи мне о нем, о том, что он способен сделать с данными.

Могла ли она рассказать, что процессор творит с данными? Она не особенно обращала внимание на данные, но хорошо поняла, что чип творит с сознанием. Скорость ее мысли в тот момент была столь близка к стремительной Цифре, что два несовместимых понятия почти слились воедино – разум и машина.

Совершенство мысли, способное расколоть совершенство Цифры. Помнишь, что было внутри «алмаза»?

Ощущения, которые давал процессор Чжи Бяо, даже сравнить не с чем. Это – словно ураган, промчавшийся через бескрайнюю степь и унесший домик маленькой Дороти в страну Оз. Дороти

получила в награду отличное развлечение, но стране Оз на самом-то деле не поздоровилось – столько там всего произошло с момента появления канзасской девчонки. «Не дай вам бог жить во времена перемен» – так говорят поднебесники. И они тысячу раз правы. Вот именно это и принесла на крыльях урагана неугомонная добрячка Дороти.

Время безумства тритонов прошло, но память о не столь давних событиях осталась, наверное, у каждого. Сама Кхайе, в те времена, когда ее называли Лисой, пробовала троицу Сорок Два много раз – последствия использования синдина до сих пор давали о себе знать. И, скорее всего, будут напоминать о себе до конца жизни. Она хорошо была знакома с тем ощущением свободы, с чувством, что ты самый быстрый, что твой освобожденный синдином и «поплавком» разум не догнать никому.

Так вот, то, что давала троица Сорок Два, было детским лепетом в сравнении с чувством и возможностями, которые дарил процессор Часовщика.

Можно обрадоваться, воткнуть в «балалайку» суперпроцессор, играющий с пустотой носителей, и ломать сервер за сервером. Преград нет. И их не будет. Долго не будет: Кхайе понимала, что даже если установить такой же процессор в сеть, которую она будет ломать, это не решит вопроса.

Дело не в том, что защита плоха. Любая защита рассчитана на то, что на подбор правильного варианта уйдет неимоверно много времени. Кто сказал, что невозможно найти определенную песчинку на пляже, тянущемся несколько десятков километров? Если нужная песчинка существует, рано или поздно ее найдут. Вопрос лишь во времени. А теперь попытайтесь представить, что вам дарована способность внимательно рассматривать пару триллионов песчинок за наносекунду. Нереально? Не важно – времени на поиски нужной песчинки уйдет во много раз меньше. Наверное, даже отдохнуть в уик-энд успеете.

Так вот пустотный процессор – это та самая способность просматривать полпляжа песчинок в одно мгновение. Защита есть, просто сломать ее удастся очень быстро.

Кхайе смотрела на гравера и легонько качала головой из стороны в сторону.

– Я понимаю, – прошептал Фэн Чжи Бяо. Его правая рука задергалась и потянулась к шее, растопырив крючковатые, с изъеденными артритом суставами пальцы, словно он пытался задушить сам себя. Видимо, так оно и было: его ипостаси внутри боролись за первенство. – Я знаю, что сотворил. Но сначала расскажи, как работает процессор.

Девушка опустила взгляд, остановившись на вороненой поверхности «дыродела», который она продолжала держать в правой руке. Предохранитель был опущен. Большой палец привычным движением повернул металлический флажок вверх. Одно движение и...

...разрушишь целый мир...

...все будет кончено.

– Как? Работает? Процессор? – выдавливая слова из себя, словно засохшую зубную пасту из тюбика, пробормотал Часовщик.

Кхайе видела, как меняется его взгляд. Водянистые светло-серые глаза то подергивались какой-то пеленой, будто начиная смотреть внутрь черепа, то снова приобретали ясность и живость. Внутри него шла ожесточенная борьба. Борьба за тело, борьба за мозг. Где умещались те десятки, если не сотни людей, что жили в голове несчастного старика? Откуда приходили ипостаси, дарованные дьявольским «джьяду гумра»? Ответ знал лишь злой колдун, подаривший миру волшебный порошок. И разрешивший людям смеяться – над собой и собственной глупостью.

– Нет, – Кхайе трясла головой, словно пытаясь прогнать непрошеные мысли. Но мысль быстра, она развивается. И порождает выводы.

– Расскажи!

Она безучастно смотрела, как «дыродел» поднимается вверх, вперившись черным глазком ствола в висок старика.

– Нет!

Если технология изготовления таких процессоров станет известна хотя бы кому-то одному, кому-то, кто решит использовать знания в собственных целях, триумф победителя продлится недолго. Это будет конец – не та репетиция всемирного бардака, которую устроили тритоны несколько лет назад, а самый настоящий и окончательный кошмар. День, когда изобретенная Фэн Чжи Бяо технология начнет работать, станет началом конца того мира, что существует сегодня. Никакой р-вирус не сможет сравняться разрушительной силой с изобретением безумного гравера. Мир, большинство производств и знаний которого завязаны в сети и электронных носителях, перестанет существовать. Что останется взамен? Каменный век и отсутствие сети даже в далекой перспективе.

В таких условиях сеть сможет работать только при соблюдении жестких правил пользования информацией. Честность в мире людей? Абсурд – разум тем и отличается от рефлексов животных, что научился лгать.

– Расскажи!

В глазах, теперь смотрящих в разные стороны, мольба и вера, которой мог бы позавидовать самый истый праведник любой из Традиций. Он гений, он заслужил знать, что создал. И он готов принять суд – это тоже читалось в его глазах.

– Вы создали совершенство, тхакин Фэн, – сказала Кхайе и нажала спусковой крючок.

«Дыродел» коротко плюнул огнем, по рукам больно ударило и дернуло вверх. Голова гравера вздрогнула и с треском упала на стоявший перед диваном столик, заливая столешницу быстро набегающей красной лужей.

– Которое уничтожит мир, – добавила девушка, опуская оружие.

Альмас Хамидди родилась в благополучной британской семье, но ей не суждено было стать благопристойной британской дамой. Судьба распорядилась иначе – Альмас Хамидди было суждено исчезнуть, не дожив до восемнадцатого дня рождения. Ее в этом мире заменила Лиса – хитрая ломщица, высококвалифицированный специалист своего дела, которая однажды в одиночку захватила сеть целого Анклава. В тот день ее смогли переиграть. Но не машинисты эдинбургского СБА – непобедимую Лису повергла программа всемогущей корпорации «Науком». День поражения стал последним в жизни ломщицы, работавшей под ником Лиса. Какое-то время она жила без имени. Да и жизнью это назвать трудно – больше недели ее организм балансировал между жизнью и смертью. В день эдинбургского бунта она перебрала с синдином, по-другому было нельзя.

А теперь Кхайе, родившаяся здесь, в Мандалае, расплачивалась за грехи Лисы. В голове снова что-то сжалось, поле зрения сузилось до маленькой пульсирующей точки, к горлу подступила тошнота, с которой уже не было сил бороться. Ее вырвало желчью, которую она выплюнула прямо в расплывающееся пятно крови убитого ею гения.

Бэзил не был знаком с Лисой. Это его и подвело.

Наверное, он подумал, что Кхайе вырвало от отвращения или от осознания только что совершенного убийства. Он, голый, со смешно болтающимся между ног членом, на секунду замер в дверном проеме, разделявшем две комнаты номера. Нескольких упущенных наемником мгновений девушке хватило, чтобы хотя бы частично прийти в себя.

Стрельба никогда не была любимым занятием Лисы. Но она умела стрелять. И убивать ей тоже доводилось – несколько лет она работала на самого крутого бандита Эдинбурга Бойда – двухметрового блондина, которого большинство называло просто Шотландец. Так что от вида крови ее никогда не мутило.

– Ты что… – начал было Бэзил, но ему пришлось заткнуться. Правда, ужас, отчетливо читающийся в глазах наемника, никуда не делся.

– Заткнись и положи руки на затылок, – сказала Кхайе. «Дыродел» со снятым предохранителем уже смотрел точно между глаз мужчины.

Бэзил сделал движение руками, словно собирался прикрыть ими гениталии. Но пуля, выбившая щепу из косяка двери, в проеме которой он так и остался стоять, заставила его передумать.

– Я это уже видела, если помнишь, – без тени улыбки произнесла Кхайе. Голос срывался на хрип, в горле стояла горечь и ощутимо пекло. Но голова стала ясной, как никогда.

– Зачем ты его убила? Что ты наделала?! Ты же не понимаешь…

– Я сказала – заткнись! И понимаю я больше, чем ты.

– Но ведь меня убьют, у меня же задание, я должен…

Вроде бы Бэзил нервничал на самом деле – на игру это не походило.

– Заткнись наконец, – тихо попросила Кхайе. – И слушай. Внимательно слушай. Сейчас ты не спеша – и без фокусов, чтобы я тебя хорошо видела – отойдешь к кровати и наденешь штаны. Мы вместе пойдем к моим друзьям – они смогут помочь и тебе, и мне. Я перепрошью твою «балалайку», и мы вместе уедем отсюда. Тебя не найдут. Конечно, если ты не собираешься сидеть тут в номере и ждать, когда придут ребята с «дыроделами».

А заодно неплохо бы проверить, что ты успел слить на свой чип – нет ли там технологии Часовщика.

– Я…

– Потому что, если собираешься, то дождаться их тебе не суждено: я пущу тебе пулю в лоб раньше них.

– Но…

– Хотя мне этого и не хочется делать.

– Ты не станешь.

– Я ломщица, Бэзил. Ты забыл? У ломщика нет друзей, у ломщика нет тех, кто дорог. А если и есть – своя шкура дороже.

А на кой черт ты тогда собираешься перепрошивать его «балалайку»? Ведь поймать две ломаные «балалайки» куда проще, чем одну.

– Штаны у кровати. Медленно, не оборачиваясь, делаешь три шага назад.

Чтобы не беспокоили дурацкие мысли, нужно действовать. Когда мозг занят, рефлексировать некогда.

Правая рука крепко держала «дыродел», который, не

смещаясь ни на миллиметр, смотрел точно на Бэзила, резво натягивающего штаны. Хотелось бы верить, что наемник принял правила игры. Левой рукой Кхайе отточенным и привычным движением вынула из затылка мертвого Фэн Чжи Бяо «балалайку». Смотреть вниз ей не было нужды, для Лисы эта манипуляция была столь привычна, что потребовалось не больше пары секунд на то, чтобы маленький пластиковый треугольник перекочевал в карман.

Теперь рюкзак Окоёмова. К счастью, он стоит здесь, у дивана. Кхайе знала, что внутри. Нужно вытащить два ножа и набор каких-то острых спиц – скорее всего, метательное оружие. Все, теперь он может взять вещи. Девушка ногой пнула рюкзак в сторону мужчины.

– Ты готов?

Бэзил кивнул.

– Тогда бери свой рюкзак и пошли. Пропускать вперед даму необязательно.

Мужчина, недовольно поджав губы, забросил весьма увесистый мешок на плечо.

И в этот момент перед глазами Кхайе появилась пиктограмма, сообщающая о том, что ее «балалайка» подключена к сети. Редкий, почти небывалый для Мьянмы момент.

Глава 45

Темные, сине-свинцовые тучи как-то нехотя и злобно клубились совсем невысоко над землей. Прошедший ночью ливень смыл пыль, накопившуюся за несколько сухих дней. На западе время от времени сверкали молнии, присылающие сюда тихие рокочущие раскаты далекого грома.

В общем, погода полностью соответствовала настроению, которое было еще мрачней сгущавшихся над головой туч. Сказать прямо – настроения не было никакого.

Ли Ханьфанг, уставший и измотанный дорогой, стоял перед пагодой Махамуни. Дао привело сюда майора, сейчас пребывающего в ипостаси монаха.

Внутри пагоды, все такой же величественный и огромный, восседал погребенный в золоте Будда Махамуни. Три монаха, как обычно, притирали к его бедру и колену листочки сусального золота, пожертвованные простыми людьми. Времена настали тяжелые, поэтому монахи не спешили, совершая медленные тщательные движения и созерцая после каждого результаты работы, – видимо, в запасе у хранителей пагоды оставалось слишком мало золота.

Ли Ханьфанг тоже принес один золотой лист, который лежал в холщовой сумке, перекинутой через плечо. Майор обязательно принесет дар Будде, но сначала нужно найти другого монаха.

Товарищ Фа рассказал, к кому подойти в главном храме Мандалая, все пути были предопределены. Оставалось лишь отдать то, что лежало в потайном кармане и признать поражение в борьбе за технологию. Впрочем, гравера Ли Ханьфанг, возможно, еще найдет. Если, конечно, удастся отыскать следы беглецов.

Майор пытался воспользоваться возможностями своего ведомства. Но он не мог действовать открыто – в Поднебесной он считался погибшим при крушении вертолета. Товарищ Фа сказал, что нельзя допустить ни малейшей возможности, чтобы его секретную миссию могли раскрыть.

Доступ к файлам МГБ у майора был. Перед началом операции «Южная молния» для него создали отдельную учетную запись, привязанную к данным совершенно другого человека. Именно через нее, не опасаясь раскрыть себя, и подключался к ведомственной сети Ли Ханьфанг.

Только толку от этого подключения было немного. Окоёмов оказался куда более опытным бойцом, чем рассказывал о себе. Он прекрасно умел скрываться, поэтому данные со спутников ничего

не изменили – коварный русский умудрялся не попадать под всевидящие объективы орбитальных камер слежения. Благо в этой тропической стране было достаточно густой растительности, чтобы надежно затеряться среди нее.

– Приветствую вас, бханте Ли.

Прозвучавший за спиной голос заставил майора вздрогнуть. Он резко обернулся, правая рука мгновенно опустилась на бедро, по привычке ища там отсутствующую сейчас кобуру с пистолетом.

Поздоровавшийся монах был немолод и тщедушен. Голова, как положено, брита наголо, непропорционально крупные уши торчали в стороны, лицо спокойное, но в глазах угадывается легкий, внимательный прищур, левую щеку пересекает тонкий, но хорошо различимый на обветренной и загорелой коже белесый шрам. На сложенных вместе ладонях висят четки из розового нефрита.

– Приветствую вас, бханте Пто, – ответил на приветствие Ли Ханьфанг.

Это именно тот человек, с которым ему нужно встретиться в храме Махамуни. Описанию товарища Фа он полностью соответствовал.

– Давайте пройдем к столу, – предложил Пто. – Вам нужно отдохнуть с дороги. Я заварю для вас чудесный чай.

– Было бы очень кстати, спасибо, – совершенно искренне поблагодарил монаха Ли Ханьфанг.

Пто провел гостя в небольшую комнатку, располагавшуюся внутри одного из храмовых зданий. Там, действительно, стоял корявый столик из металлокаркаса со столешницей под дерево, крашенный в белый цвет, и несколько таких же стульев.

Монах поставил на стол две чашки и отошел на секунду к небольшой металлической жаровне, в которой переливались багровым жаркие угли. Видавший виды латунный чайник только что закипел, словно Пто точно знал время, когда должен появиться Ли Ханьфанг. От темно-бурого брикета, лежавшего на маленьком столике рядом с жаровней, монах отломил несколько небольших крошащихся кусочков. Кипяток наполнил глиняный чайник, туда же отправились и кусочки пуэра – настоящего чая, привезенного из Китая.

Основным производителем пуэра издавна была провинция Юньнань, но теперь, когда вся южная часть провинции была заражена радиоактивными осадками… Вероятно, Пто запас пуэр еще до Перерождения. Тем ценнее был его подарок прибывшему Ли Ханьфангу.

Как только кипяток заполнил заварной чайник до краев, а кусочки чая набухли и утонули, Пто тут же выплеснул

содержимое на траву. Все правильно – настоящий чай – это то, что получится после того, как пэур очистится и пропитается кипятком. Только европейские варвары пьют помои, получившиеся после первой заварки. Второй раз заполнив глиняный чайник и накрыв его крышкой, Пто присел на белый стул напротив майора.

Монах всем своим видом олицетворял аскетизм и покорность – на и так небольшом стуле он примостился на самом краешке, в напряжении держа осанку.

– Вы принесли то, что должны были?

Ли Ханьфанг кивнул одними глазами.

– Отлично. Я протестирую *это,* пока мы будем пить чай.

С этими словами он, встав на ноги, разлил уже заварившийся пуэр по чашкам. Потом монах наклонился и достал из небольшой кожаной сумки, примостившейся около ножек его стула, «раллер».

Разумеется, Ли Ханьфанг понимал, что они находятся в храме, что здесь святое место, но все же – без всякого надзора лежит брикет пуэра, стоивший, наверное, целое состояние, на земле брошен «раллер». Дело даже не в стоимости того, что могли украсть, – никто не охранял беседку, примостившуюся недалеко от храмовых строений, – ведь наверняка в памяти этого «раллера» хранится достаточно важная информация, какие-то особые программы. В противном случае как Пто собирался проверять процессор?

Майор внимательным взглядом осмотрел окрестности – никаких признаков того, что за ними кто-нибудь наблюдает. Или это взгляд притупился и ему только кажется, что охраны нет? Сейчас нужно держать ухо востро, он чужой среди своих, компромат на товарища Фа. Нет, товарищ Фа выкрутится в любом случае, ему плевать на мнение людей в кабинетах, но вдруг оживший майор представлял угрозу для тех, кто знал об особой миссии.

Ли Ханьфанг почувствовал себя неуютно. Не согревал душу даже горячий пуэр, над которым медленно клубился в полном безветрии белесый пар. Казалось, что в спину или затылок кто-то пристально смотрит. Причем через глазок оптического прицела. Только ощущения, никаких признаков вокруг он не видел.

– Отличный пуэр, – шумно глотнув, сказал Ли Ханьфанг. На его лице появилась улыбка. Он не видел себя со стороны, но подозревал, что его веселость имела вид вымученный. – Откуда такое богатство?

– Да, действительно превосходный сорт. Прислали из Пекина, еще до Перерождения.

Ли Ханьфанг кивнул.

– Подарок товарища Фа, – добавил Пто, а майор едва не подавился, услышав имя таинственного старика.

«Раллер» быстро загружал систему. Монах тем временем пригубил пуэр из своей чашки и принялся снимать с компьютера крышку. Его костистая рука легла на стол ладонью вверх. Все ясно – он ждал, когда майор отдаст процессор.

Как только процессор окажется в их руках, прозвучит выстрел.

А если он не отдаст?

Не стоит быть идиотом – процессор в любом случае у него, он об этом уже сказал. Так что обыскать труп не станет большой проблемой.

Ли Ханьфанг засунул руку в складки желтого, сильно прибитого за последние дни пылью монашеского одеяния, пальцы нащупали застежку потайного кармашка, в котором лежал чип. Несколько десятков остроконечных ножек процессора иголками впились в руку. Небольшой черно-оранжевый квадрат лег в ладонь Пто.

Не поднимая головы, монах вставил процессор в одно из гнезд «раллера». Подошло идеально. Значит, Фэн Фэй Ху использовал стандартную болванку.

Заскорузлый палец монаха утопил на клавиатуре «раллера» какую-то клавишу. На несколько секунд оба мужчины замерли, потом Пто отхлебнул глоток пуэра и довольно кивнул.

– Вы добыли технологию?

Ли Ханьфанг отпил еще немного пуэра и поставил горячую чашку на стол.

– К сожалению… – начал майор, но монах перебил его:

– У вас нет технологии?

Его маленькие узкие глазки неестественно расширились от удивления.

– Но…

– Я намереваюсь продолжить путь, чтобы найти того, кто обладает технологией. Я знаю, кто это, и знаю, кто этого человека увел. Мое Дао…

– Ваше Дао привело вас сюда, – сказал, словно отрезал, Пто.

О чем это он?

Не будь дураком – он сказал, что путь твой закончен. Процессор у них, время спускать курок.

– Я принес процессор, и я принесу технологию, – решительно заявил майор.

– Вы ничего не принесли, – слова были произнесены тихим, спокойным голосом, хотя впору было кричать.

Благодаря безмятежному тону Пто Ли Ханьфанг не сразу понял, о чем тот толкует. Он ничего не принес?! Но процессор... Черный, с концентрическими оранжевыми кругами квадрат стоял в гнезде «раллера», компьютер продолжал работать. Но Ли Ханьфанг уже все понял.

Пто кивнул, увидев замешательство в глазах майора.

– Вы верно догадались, это не *тот* процессор. Это даже не «поплавок». Обычная безделушка.

– Но как такое может быть?! Я же все проверил, специалисты подтвердили...

– Что они подтвердили?

– Что процессор...

«Сигнал исходил отсюда. Только он сейчас неактивен». Ты решил, что толстый увалень говорит о своем остеохондрозе?

– Они указали место, где работал процессор.

– Но он не работал в тот момент, когда вы его вытащили из гнезда?

– Нет.

Да, он ошибся, поверил в то, что он, майор Ли Ханьфанг, единственный человек в округе, который знает о существовании подземной серверной станции и «пустотника» в ней. Он нарушил принцип У-Вэй[24], он отошел от своего Дао, проявив рвение там, где оно не требовалось. Нужно было дать машинистам возможность проверить все досконально, нужно было найти того, кто заменил «пустотник» на... как сказал Пто? На обычную безделушку.

Пункты того, что «было нужно», длинным списком стояли в сознании майора. Он был слишком уверен в собственных силах, переоценил собственную значимость. Он заплутал, потерял свое Дао. И теперь...

– Я найду... – прошипел Ли Ханьфанг. Отчего-то внезапно сделалось душно, в горле засаднило.

– Нет! Вы ничего не найдете. Вам не суждено.

Конечно, тебе не суждено. Ты что же, до сих пор не понял, что всегда был разменной монетой МГБ и сейчас тебя просто разменяли. Ты не выполнил предначертанное, и они тебя заменили.

Перед глазами все плыло. Майор взял со стола свою чашку, сделал большой глоток. Но элитный напиток пуэр не полез в горло, расплескавшись по уттора санге. Ли Ханьфанг понял – пуэр и был причиной. Никаких снайперских винтовок, никаких выстрелов, все банально и старо как мир – его отравили.

Но сам Пто пил тот же самый пуэр. Отравленная чашка? Так ведь Ли Ханьфанг сам выбрал себе чашку, монах просто поставил их на стол перед ним. Поэтому он ничего и не заподозрил, все

было чисто. Но как тогда?

– Вы не справились, майор, – сказал монах, наклонившись к самому лицу и внимательно заглядывая в глаза Ли Ханьфангу. – Боги часто прощают ошибки, но вы сбились с пути, ваше Дао осталось где-то далеко в стороне. Здесь, на обочине мироздания, боги не в силах защитить вас, понимаете?

Все он понимал. Только не верил – не может яд убить одного и не причинить никакого вреда другому. Наверняка проклятый Пто принял какое-то противоядие.

Правая рука майора нырнула внутрь холщовой сумки, которую он повесил на спинку стула. Пальцы скользнули по прохладной рукояти «дыродела» и уткнулись во что-то маленькое и корявое. А ведь он совсем забыл об этой маленькой вещице, подобранной недалеко от разрушенного завода «Фармы 1». Там, где совсем недавно выращивали сырье для странного наркотика с не менее странным названием «джьяду гумра».

Вместо «дыродела» – майору пришла в голову сумасшедшая мысль застрелить монаха Пто, который убил его, – он достал не разорвавшуюся до конца металлическую капсулу. Что было внутри этого контейнера, Ли Ханьфанг не знал и теперь никогда не узнает. Но, как только глаза увидели знак, он понял, кто сделал эту вещь, кто ее там оставил. И теперь начинал догадываться – для чего.

На растрескавшемся боку искореженной капсулы отлично просматривалась маркировка: стилизованная буква «М». Известный значок, который последнее время люди начали забывать, – логотип попавшей в немилость у головорезов Сорок Два и сгинувшей куда-то без следа корпорации Мутабор.

– Вот это... – сипя отказывавшимся пропускать внутрь воздух горлом, сказал Ли Ханьфанг и с размаха опустил капсулу на открытые внутренности «раллера». Он не заметил, продолжал ли работать компьютер, да это и не имело теперь никакого значения. – Обязательно передайте... Это оттуда...

Он пытался жестами показать – откуда, уже не осознавая, что Пто так ничего и не поймет.

– Где трава... где «Фарма 1». Храмовники что-то сделали с травой...

Монах медленно кивнул, накрыв ладонью воткнутую в потроха растерзанного «раллера» капсулу с логотипом. А может, это только показалось майору. Как бы то ни было, в последний момент он вернулся к принципу У-Вэй. Возможно, боги зачтут это в его следующей жизни.

Перед глазами побежали строчки иероглифов. Кромешная тьма, ничего, кроме иероглифов. Остатками угасающего сознания

Ли Ханьфанг понял, что это включилась «балалайка», выводящая на глазной наноэкран информацию о подключении – откуда-то вдруг появился сигнал сети.

Он несколько раз машинально моргнул, изображение мира вернулось на мгновение, но монаха майор перед собой не увидел.

Тебе же и сейчас страшно, хотя ты почти умер. Сомневаешься, к каким богам попал?

Вместо высохшего, похожего на птицу Пто перед ним сидела черноволосая девочка-подросток с раскосыми глазами. Она тихонько хохотала, показывая Ли Ханьфангу свои тонкие острые зубки, чем-то напоминающие ножки-контакты процессора.

– Ты... – зло прошептал Ли Ханьфанг, но закончить фразу не смог. Потому что умер.

Глава 46

Иногда наступает момент, когда хочется все бросить и остановиться. Просто остановиться, ничего не делать – пускай решения принимает и исполняет кто-нибудь другой. Но нельзя: остановка равносильна смерти, жизнь не терпит простоя.

В Мандалай восемнадцатая попала вчера. Пешком, потом на телеге, потом довольно большой отрезок пути посчастливилось проделать на катерке по реке Иравади. Виды очень красивые, умиротворяющие. Вот только спокойствие на душе не смогли вызвать даже эти сказочные тропические красоты.

Она не знала, где следует искать четырнадцатого с девчонкой. Даже не могла предположить – Мандалай слишком большой город, чтобы здесь запросто отыскать двух человек. Все равно что иголку в стогу сена. Она устала, ужасно устала. Но отыскать этого чертового Мыша она должна обязательно. Тогда она сможет начать новую жизнь. Тогда наконец она сможет убраться из этой чертовой Мьянмы.

Вот только чем ты планируешь заняться на новом месте?

Проклятые мысли не давали покоя. Убив однажды, она поняла, что ей это нравится. Нет, она не страдала психическими расстройствами, ей не доставляла ни малейшего удовольствия смерть других людей, скорее наоборот – трупы ей были противны. А что касается самих людей, в которых она стреляла, – они были ей безразличны. Ей нравился, ее будоражил процесс. Охота, стрельба. Восемнадцатая была прирожденным стрелком – она никогда не училась этому специально, но без усилий попадала в любую мишень. Робин Гуд и Вильгельм Телль в одном лице. Так уж сложилось – женского пола.

Ей всегда нравилась та работа, которой она занималась много лет, будучи dd. Она и сама не заметила, когда стрелять вдруг стало противно. Нет, меткость никуда не делась, но она больше не хотела убивать. Может быть, это вудуисты что-то сделали с ней?

И на кой им это было бы нужно? Ты сама заварила кашу. Помнишь того черного паренька, которого ты зарезала в Эдинбурге?

Тот негр, что отдал ей куклу... Зачем он это сделал? Ведь она убила его, а он фактически подарил ей саму себя. Кукла лежала в рюкзаке, можно вытащить ее и оторвать ей голову. Восемнадцатая знала, что не упадет тут же замертво, но, скорее всего, какая-нибудь неизлечимая болезнь, связанная с головой, в ближайшем будущем ей обеспечена. А может, так и сделать?

Она сама теперь была только в собственной власти. Но она не знала, что с этой властью делать. Негр не просто отдал ей куклу, он открыл ей глаза, заставил посмотреть на себя. Посмотреть и увидеть... Пустое место, тут и видеть-то нечего.

– Вас что-то тревожит?

Восемнадцатая подняла глаза. Перед ней сидел монах. Не вудуист, буддийский монах, завернутый в тряпку цвета жидкого дерьма. Чертами лица он больше походил на поднебесника, чем на бирманца. Возможно, он и был китайцем – в Мандалае можно встретить кого угодно.

– Это мое дело, – отрезала она и отвернулась.

– Разумеется. Но зачем отвергать помощь?

– А вы можете помочь?

– Я нет, но боги – они могут все.

В чушь про богов восемнадцатая не верила.

А в куклы вудуистов ты тоже не веришь? И в летящие в цель, но не попадающие в нее пули тоже?

– Я запуталась, – покачав головой, сказала женщина. – Вы... как вас надо называть?

– Бханте.

– Я запуталась, бханте. Я должна кое-что сделать, но не хочу этого. Я не хочу приносить зло, но не умею ничего другого, я...

А ведь она впервые говорит об этом с другим человеком. Монаху можно рассказать все – вряд ли он побежит вызывать полицию. Да и полиции этой никчемной страны плевать на бывшую dd.

– Зла не существует. Так же, как добра. Все зависит от обстоятельств. Сегодняшнее зло может завтра обернуться добром, и наоборот. Главное – следовать своим путем.

– Я не знаю, куда ведет мой путь.

– Настоящий путь невозможно пройти. Им можно лишь следовать.

– Я не знаю, куда, – повторила восемнадцатая.

– Иногда самым верным действием является его отсутствие. У-Вэй, недеяние – это постулат из китайских трактатов.

Так и есть – поднебесник. Ну чем, скажите на милость, он может помочь?

– Если я не выполню то, что должна, я не смогу ничего изменить в своей жизни, – сказала восемнадцатая и поднялась, намереваясь уйти.

Ее счета пусты, в карманах осталась сущая мелочь. Нет средств к существованию, что уж говорить о том, чтобы что-то менять?

– У-Вэй вовсе не означает, что нужно остановиться. Просто

необходимо сохранять верность своему пути – вокруг дороги часто попадается нечто, что может показаться важным. Не стоит отвлекаться. У-Вэй: не делай лишних усилий, чтобы пойти в сторону от дороги.

– Спасибо, – сказала женщина.

Она оставила на тарелочке мелочь за лапшу, которую съела в этой забегаловке, и торопилась уйти. Монах со своими притчами начинал раздражать.

Она подняла глаза, которые старательно отводила от лица монаха, и увидела... В пятнадцати метрах от нее по дороге шел четырнадцатый. Наемник заметно похудел, но не до такой степени, чтобы его нельзя было узнать. Он шел спокойно, словно на прогулке, но лицо его было настороженным. И причина настороженности нашлась тут же, в метре за его спиной.

Следом за четырнадцатым шла та самая девчонка. Кхайе Сабай. На ее лице застыло суровое сосредоточенное выражение. Даже не присматриваясь, ясно, что она держит четырнадцатого на мушке. Ее прикрытая какой-то тряпкой рука поднята под прямым углом, а глаза пристально следят за конвоируемым. Вот так, значит, получил четырнадцатый свое.

Восемнадцатая присмотрелась к девчонке. Чем-то это напряженное лицо показалось знакомым. Она уже видела похожее выражение.

Рыжая бестия по имени Лиса, ломщица покойного Бойда, приобретала такой же смешной заторможенный вид всякий раз, когда приходилось выполнять какое-нибудь непривычное ей дело. Для нее любое дело, не связанной с сетью, было непривычным.

Бирманка с прямыми черными волосами, высокие, выступающие вперед скулы, тщедушная, с тонкими пальцами и каким-то странным миндалевидным разрезом глаз. Вот где восемнадцатая видела эти глаза раньше! Все сходилось: Лиса, ставшая Мышем. Оба ломщики, насолившие корпорациям. Отчего-то ее настойчиво тянуло к именам животных. Кхайе Сабай – это имя для нормального мира, не связанного с сетью. Да, девчонка, ведущая куда-то четырнадцатого, направив на него оружие, это старая знакомая из Эдинбурга. Лиса.

Мыш найден, нужно поспешить и закончить дело.

– У-Вэй, – снова подал голос монах.

Да пошел ты со своим увэем!

Здесь поднебеснику не перепало: заказывать для него еду восемнадцатая не собиралась.

– Попробуйте хотя бы один раз не сделать того, что ведет в сторону от вашего пути. Попробуйте не сотворить зло, которое собираетесь сделать.

– Все равно ничего не получится, – бросила на ходу восемнадцатая. Нужно спешить, эта странная компания идет довольно быстро, главное – не потерять их из виду.

Шотландец, его клан, Лиса… Ведь они стали твоей семьей, помнишь? Семьей, которую ты думала, что потеряла безвозвратно.

Монах покачал головой.

– Истинный путь всегда продолжится, – пробормотал он.

Лиса с четырнадцатым зашли в старый облезлый дом. Они скрылись в сыром подъезде, из которого даже на расстоянии пары десятков метров явственно разило мочой, а следом за ними в серую мглу коридора нырнули трое местных хмырей. Восемнадцатая успела заметить их лица – она не была с ними знакома и опознавать не планировала, но подобное выражение знала хорошо: эти люди из полиции или какой-то другой силовой структуры. Стало быть, не ей одной нужна эта компания. Что же – делиться добычей восемнадцатая не собиралась.

Женщина сняла с предохранителя «дыродел», который уже давно был зажат в руке, и шагнула в тень подъезда.

– У-Вэй не получится, – пробормотала она. – Сегодня придется поработать.

Но внутри у нее уже вовсю копошился червячок сомнения.

Глава 47

Крики, топот, рукоплескания. Шум ветра, едва уловимые раскаты грома далекой грозы. Стрекот насекомых, шуршание крыльев птиц, возня мелких грызунов под землей. Все звуки мира, слившиеся воедино и существующие каждый в отдельности. Мерный рокот, ватными пробками затыкающий уши. Слух не нужен, чтобы услышать истину, ее нужно понять.

Шанкар, воздев руки кверху, уверенным шагом шел по арене алтаря Кали. Его тело, покрытое вяло кровоточащими царапинами и какими-то язвами, прикрывал только длинный темно-красный пояс, несколько раз обернутый вокруг бедер. В складках багровой ткани были спрятаны пакетик с «джьяду гумра» и сверток из румаля Раджеша. Что лежало внутри небольшого мешочка, Шанкар так и не посмотрел. Но теперь в этом не было необходимости – чтобы знать, смотреть не обязательно.

Он пришел сюда сам, по собственной воле. И он намеревался показать всем тем недоумкам, что сидели сейчас на трибунах и драли глотки, подбадривая воинов, на которых поставили, что такое настоящая вера. Шанкар был готов говорить с Кали.

Кровавое действо, происходившее на арене, на мгновение застыло. Никто не ожидал, что кто-то по доброй воле может забраться на алтарь богини, выйти к неминуемой гибели. Шанкар не производил впечатления сильного воина, он вообще ничем не походил на бойца: невысокого роста, тщедушный, с болезненными красными глазами. Движения появившегося на арене сумасшедшего казались неуклюжими и неловкими.

– Восславим Шакти Шивы Кали! – во все горло заорал Шанкар, потрясая поднятыми к небу руками.

Вряд ли на трибунах кто-нибудь разобрал его слова, но интонация и напор, с которым был брошен призыв, сделали свое дело: стадион взорвался тысячеголосым воплем, требующим крови.

Они не знали, что хотел сказать тощий сумасброд, забравшийся на арену. А у Шанкара было что показать людям. Тем, которых на самом деле не существовало. Весь мир лишь мимолетное видение, явившееся...

Пускай они думают, что их никчемное существование явилось Брахме.

Еще мгновение, и на арене, легко перебравшись через невысокий парапет, появилась женщина. Как и неказистый молодой человек, она была одета только в длинный багровый

пояс. Ее крупные тяжелые груди колыхались с каждым шагом, а лицо украшала яростная и ослепительная улыбка.

По рядам зрителей пронесся приглушенный ропот – женщина не слишком походила на описания богини Кали из святых книг, но выражение ее лица просто завораживало, привлекая внимание всех. Даже тех, кто сидел на самых последних рядах, откуда увидеть черты лица было попросту невозможно.

Чтобы увидеть, глаза не нужны.

В поезде, на котором Шанкар с Авани прибыли в Лудхияну, ему снова стало нехорошо. В этот раз он сумел не опозориться, оставив вагон и попутчиков чистыми, но дурнота накатывала каждые десять минут. У Шанкара темнело в глазах, руки начинали мелко дрожать, а к горлу всякий раз подкатывала тошнота. Спасало, наверное, только то, что он ничего не ел больше двух дней. Человеку достаточно пищи духовной.

Уже несколько дней назад Шанкар заметил, что на его теле начали появляться какие-то пятна. Они страшно чесались, а при попытке поскрести беспокоящее место ногтями кожа лопалась и легко сдиралась, оставляя ужасного вида незаживающие язвы. Возможно, это было последствием его экспериментов с миром. Может быть – чем-то другим. Неважно, скоро все, что происходит в этом мире, утратит смысл, и Шанкар был готов потерпеть, чтобы завершить то, что задумал.

Авани следовала за молодым тхагом безропотно, выполняя все его приказания. На самом деле Шанкар ничего ей и не приказывал, он даже не говорил с ней. Для того чтобы рассказать о правильном пути, не обязательно говорить – уши не нужны, чтобы слышать, глаза бесполезны, чтобы увидеть, ибо суть может познать только сознание. То непонятное, что способно порождать… да все что угодно оно способно породить, Шанкар успел в этом убедиться.

Ты забыл, ведь она тоже пробовала этот порошок из пакета, что ты нашел у Раджеша?

А теперь Авани должна была стать Кали. Богиня Кали была ипостасью возлюбленной жены великого Шивы Парвати, она была его Шакти. Но какая разница, кто есть чья ипостась, если весь мир – всего лишь чья-то выдумка? Серьезная или шуточная, намеренная или непроизвольная – какая разница? Каждый человек, любое существо могло обратиться в Кали, любой червячок мог стать Шивой, ибо все есть одно. Вопрос стоял только в ипостаси, выбирать которую людям не было дано. До тех пор, пока не появился «джьяду гумра».

Огромный и мускулистый, с толстыми, будто столбы, ногами воин больше походил на слона, чем на человека. Сходство с

ушастым гигантом добавляла и длинная черная коса, подобно хоботу, дугой свисающая с бритой головы вперед. Шанкар рядом с ним смотрелся жалким воробьем, решившимся похитить крошку еды у гиганта. Но улыбка на лице тхага сделалась только шире.

– Богиня пришла к вам! – провозгласил Шанкар, указывая одной рукой на Авани. – Восславим ее!

– Сейчас восславлю, – проворчал огромный воин.

Обнаженный торс бойца был забрызган свежей кровью – песок арены сегодня уже успел приобрести красновато-коричневый оттенок, несколько десятков изрубленных трупов лежали на алтаре. В отдалении жались к заграждениям еще с десяток жертв, готовящихся слиться с Брахманом во славу Кали. Шанкар с удивлением успел отметить, что почти все они вооружены: кто пикой, кто мачете, – но ни один не пытается атаковать воина арены. Того, что заменил погибшего Вирджапура, а может быть, Вирджапур отправлял к Брахману его частички совсем давно. Или даже не в этом мире.

Те, кто был сегодня выбран на роль жертв богине, боялись. Боялись смерти. Жалкое отродье, не знающее ничего – они не ведали, что смерти нет. Им втолковывали это с самого детства, они должны были впитать этот секрет с молоком матери, но они сомневались. Они боялись умереть, потому что считали себя чем-то уникальным, они не желали признать, что их уже нет. И еще нет. И нет ничего, а есть только сознание, способное создавать миры и поддерживать их существование.

Сознание, подобное твоему?

Именно. Как ты догадался?

Воин взмахнул заляпанной кровью секирой, направив ее на улыбающегося тхага.

– Ты восславишь Кали перед Брахманом! – проревел он.

Зрители на трибунах взвыли, требуя крови.

– Нет, – покачал головой Шанкар, – богиня сама выберет того, кто отправится славить ее. Ты ведь не понимаешь, зачем ты здесь.

Слова тощего придурка прозвучали столь проникновенно и так неестественно громко, что могучий воин, повергнувший на этой арене не одну сотню человек, вздрогнув, отпрянул. Но слабость его длилась недолго – гигант взял себя в руки и, поудобнее перехватив оружие, поднял секиру над головой.

Шанкар опустил наконец руки. Он выдернул из-за пояса пакет с порошком и, не заботясь о количестве, окунул в голубоватую пудру лицо. Он вдохнул столько, на сколько хватило емкости легких. «Джьяду гумра» потоком полился в мозг тхага.

Резким ударом ладони Десай стряхнул налипший на лицо порошок и посмотрел вокруг себя. Вокруг не было ничего, кроме

чьих-то нестройных мыслей. Ни людей, ни стадиона – это все нереально, это все можно *передумать*.

Кожа Авани быстро приобретала отчетливый синеватый оттенок, совсем скоро став насыщенного черно-синего цвета. Богиня Кали уже здесь, она готова заняться делом.

Руки богини прочертили два круга в воздухе, и в них появились острые, сверкающие на солнце клинки. Лезвия со свистом рассекали воздух, разрубая плоть.

Воин-гигант, уже готовый опустить секиру на голову Шанкару Десайю, успел издать короткий, полный ужаса крик, когда обе его руки перекочевали от плеч на пояс появившейся богини. А в следующий момент его голова украсила коллекцию Кали, болтаясь на длинной косе, за которую ее держала грациозная рука Авани.

Кали, Шива, Вишну, Брахма – все они только ипостаси. Не важно, как назвать бога, он лишь отражение великого Абсолюта. Каждое существо в мире – самое последнее ничтожество и одновременно великий бог, вопрос в ипостаси.

На трибунах происходило что-то невообразимое – там не кричали и не ликовали. Толпа, в одночасье превратившаяся в обезумевшее от страха существо, завизжала с громкостью идущего на взлет реактивного истребителя, а потом вскочила на ноги и ринулась к нескольким выходам наружу.

Конечно, среди трясущихся и боящихся за свои вымышленные жизни нашлись и те, кто уверовал истинно и со смирением и восхищением на лицах ждали отведенной им богиней участи. Их участь свершилась быстро: замерших с благоговением в глазах людей толпа растоптала в одно движение.

И в этот момент с треском распахнулись высокие металлические ворота, покореженные направленным взрывом, и на арену, словно горошины из стручка, высыпал вооруженный до зубов спецназ.

– Всем оставаться на местах! Проводится специальная операция особого отдела Национальной Безопасности! Ваши жизни вне опасности, сохраняйте спокойствие и не перемещайтесь до окончания операции! – голос звучал громко, перекрикивая гвалт ломящийся к выходам толпы.

На арене тхага с лицом, припудренным голубоватым порошком, быстро окружали полтора десятка спецназовцев. А за их спинами упали в песок первые жертвы – двое бойцов, даже не успев ничего заметить, рухнули, лишившись голов под ударами двух острых клинков Кали.

Глава 48

Серые, со следами опалубки бетонные ступени, металлические перила, покрашенные совсем недавно, с наплывами лишней краски, открытые зарешеченные окна – выше первого этажа здесь было чисто и аккуратно, но на каждой детали лежал ясно читаемый отпечаток нищеты и упадка. Это место наводило на мысли о смерти и о мире, который тщится выкарабкаться из западни, куда забрался самостоятельно, но которому не суждено спастись. Здесь каждый шаг мог стать последним.

– Не оборачивайся и не останавливайся! – бросила Кхайе замершему на мгновение перед первой ступенькой Окоёмову. – Нам на четвертый этаж. Там подходишь к зеленой двери и ждешь моих указаний.

Бэзил не стал отвечать. Сделал, как было велено.

Не льсти себе, он тебя не боится. Просто твои указания не противоречат его намерениям.

Думать о том, что тренированный и опытный наемник, каким был Бэзил, уже раз двадцать мог с легкостью отобрать оружие у миниатюрной девушки, но отчего-то этого до сих пор не сделал, совсем не хотелось. Но с мыслями ничего не поделаешь – они все равно упорно лезли наружу. Да и убивать Окоёмова, если уж говорить начистоту, она не собиралась.

Или все-таки собиралась?

На четвертом этаже все оставалось таким же, как год назад. Ничего не изменилось, только зеленую краску на двери вроде бы обновили.

– Стань к окну, положи руки на решетку.

Окоёмов подчинился.

Кхайе, не сводя глаз с мужчины, подошла к двери и постучала, как ее учили. Надо же, помнит – с чувством ритма у нее всегда были нелады.

Дверь, тихонько скрипнув, приоткрылась, в образовавшейся щели появилась лысая голова с красными и отекшими глазами на лице с чертами европейца. Минога или Меренга – как-то так он себя называл.

– Привет, – сказала девушка. – Я Кхайе Сабай.

– Угу, – промычал человек и захлопнул дверь.

Окоёмов, не поворачиваясь и не отнимая рук от ржавой решетки, засмеялся.

– Все, цирк можно считать оконченным? – спросил он.

– Подожди, – бросила ему Кхайе.

Но сама она совсем не была уверена в том, что зеленая дверь откроется еще раз. Как же так, они же заверяли, что в случае чего всегда рады помочь ей?

– Послушай, давай расстанемся друзьями, – сказал Бэзил. – Я уйду и не стану тебя трогать. Даю слово.

– Заткнись. Ты не выполнил задание, ты наемник и облажался – я прекрасно знаю, что это значит. Ты и сам говорил…

Ты это серьезно? Ты же вроде собиралась просто проверить, нет ли в его «балалайке» той технологии, разве нет?

– Я как-нибудь и сам…

Он не успел закончить фразу, зеленая дверь снова открылась, теперь уже полностью, и все тот же лысый, весь в татуировках не то Минога, не то Меренга, мотнув головой, коротко бросил:

– Заходи.

Квартира была большая. Скорее всего, здесь объединили несколько квартир, превратив их в штаб какой-то, так и оставшейся непонятной Кхайе, организации. Чего хотели достичь эти люди, да и хотели ли они вообще чего-то, она так и не смогла определить для себя. Но ломщикам здесь помогали. Всем, кого сюда могла забросить судьба.

Думаешь, здесь бывали еще какие-нибудь беглые ломщики, кроме тебя?

И они знали Краба – того самого Краба, бывшего ломщика, а ныне совладельца еле-еле сводящего концы с концами эдинбургского паба «Клещи», легендарного места, из подвала которого работал цифровой пророк Сорок Два. Именно по рекомендации Краба она здесь и оказалась.

Мысли о Сорок Два напомнили Кхайе о том, что она видела внутри «алмаза» – программного ядра сети «Науком». Она и раньше далеко не во всем была готова принять деяния Сорок Два, а после того, как побывала в сети с подключенным к «балалайке» пустотным процессором покойного Часовщика, слова «цифровой пророк» она могла произнести только с сарказмом.

– Что случилось? – спросил Минога. Или все-таки Меренга?

В голосе молодого человека ясно читались нотки раздражения. Отчасти он был прав – год назад они превратили рыжеволосую девушку без имени в бирманку Кхайе Сабай с прямыми, черными как смоль волосами и раскосыми глазами. «Балалайка», которую прошили для нее эти ребята, была безупречна, вряд ли ее «ненастоящесть» смог бы засечь даже самый мощный наноскоп. Она должна сидеть в джунглях тише воды ниже травы, но вот сегодня снова заявилась сюда, причем с каким-то мордоворотом, которого держит на мушке.

– Мне нужна помощь.

– Но мы же...

– Знаю.

Все-таки здесь не рады тебе.

– Я попала в передрягу. Все дело в Цифре. Не стану рассказывать – лучше знать меньше, так безопасней. Этот человек пострадал из-за меня, поэтому мне нужно немного поработать с его «балалайкой». Вы мне можете помочь с оборудованием? А потом нам вместе нужно исчезнуть.

Она несла какой-то несусветный бред. Она это понимала, но не знала, как еще объяснить то, что собирается делать. Честно сказать, она вообще плохо понимала, что и для чего делала. Единственно, в чем была уверенность, так это в последней фразе.

– Да, конечно. А что, собственно...

– Не важно, – отрезала Кхайе.

– А он спасаться, стало быть, не хочет? – раздался низкий размеренный голос сзади, из-за спины.

Кхайе обернулась. В узком коридоре, ведущем в соседнюю комнату, стоял высокий шатен средних лет. Этого человека она помнила, его звали Эрик, и он здесь был главным.

Они тут тоже «меняют мир».

– Иногда приходится делать благо вопреки, – какой-то странной фразой ответила Кхайе.

Эрик лишь пожал плечами.

– Хорошо. Дайте ей «раллер», – бросил он лысому Миноге-Меренге и сказал Кхайе: – У тебя есть полчаса. Мы пока подготовим вам «билеты» на какой-нибудь сухогруз, направление, думаю, не столь уж и важно. А потом вы уйдете и больше мы вас не увидим, хорошо?

Кхайе кивнула.

– Да, и «балалайку» из его башки, будь добра, вынимай сама.

Только теперь девушка поняла, что все так же стоит к Окоёмову спиной и «дыродел» больше не направлен в его сторону. Если бы он хотел, то успел бы за это время не только отобрать у нее оружие, но и перебить здесь всех. Может быть, он хочет того же, что и она?

А ты сама-то поняла, чего хочешь?

– Дай «балалайку», – сказала Кхайе Бэзилу.

Наемник недовольно поморщился, но вытащил чип и протянул его девушке. Она подключила «балалайку» к выданному ей «раллеру».

Их отвели в комнату, которая выполняла здесь роль машинного зала. На длинных столах, расставленных вдоль стен, стояли включенные коммуникаторы. Несколько довольно мощных машин установлены на отдельных столах, по-видимому,

индивидуальных рабочих местах местных ведущих специалистов.

– Вот, – сказал Минога-Меренга. – Только делай все быстро, пока есть сетевой сигнал. Обычно тут это ненадолго.

Чтобы начать работу, Кхайе пришлось положить «дыродел» – машинисту нужны руки. Она поискала глазами подходящее место, решила, что надежней на собственных коленях.

Файлы «балалайки» Бэзила открылись легко – стандартный набор программ, стандартная русская защита, которую можно сломать в два счета. Если знаешь, как. В сети у нее лежало много всяческого софта, с помощью которого задуманное легко было осуществить.

Вот оно, программное ядро, его нужно немного изменить, чтобы не выдавало в хозяине чипа русского военного. А для того чтобы изменить, код нужно взломать. Вот так и так. Есть.

Перед глазами Кхайе бежали мелкие белые знаки, отображающиеся на черном фоне. Код «балалайки» Бэзила. Это не привычная для пользователей информация, хранящаяся в «балалайке» в виде текста – наподобие книги или коротких заметок со вставками видеофрагментов и фотографий: кому как нравится фиксировать собственную жизнь. Это то, за счет чего чип работает.

И текст, и немногочисленное видео полностью соответствовали тому, что Кхайе знала о Бэзиле. А знала она о нем совсем немного – сколько он успел и захотел рассказать ей за те несколько ночей, что они провели вместе.

Служба на флоте, крейсер «Иван Грозный», последнее плавание корабля, Катастрофа, застигшая русских моряков недалеко от берегов Мьянмы. Все так, все совпадало. Там было много еще чего: из детства и юности, первая любовь и первое разочарование, учеба в мореходке, дедовщина на миноносце – Кхайе не присматривалась, это личное, оно не для нее. Но она видела то, что скрыть не удалось.

Воспоминания, и в довольно большом количестве, записанные на внутреннюю память «балалайки» и открывающиеся по многочисленным ссылкам на различных сетевых серверах, были настоящими. Только принадлежали они человеку по имени Василий Окоёмов, которым мужчина, сидящий на диване из искусственной кожи в двух метрах от нее, никогда не был.

Как его звали на самом деле? Она не знала, для нее он был и оставался Бэзилом.

Перекроенные коды «балалайки» выдавали гниль внутри спелого яблочка. Кто-то очень тщательно и аккуратно создал эту «балалайку» не так давно, ей намного меньше лет, чем значится в реестре чипа. Тот машинист, что выполнил работу, сделал все

тщательно, в некомпетентности Кхайе обвинить его никак не могла. Но за невнимательность работодатели запросто могли поставить спеца к стенке.

Программы подогнаны и залиты в поддельную «балалайку» столь тщательно, что найти какой-нибудь подвох в них просто нереально. Эта поддельная «балалайка» могла дать фору любой настоящей по части «правильности». Но вот один маленький момент…

Роковыми в судьбе всегда оказываются какие-нибудь мелочи, прямо обидно.

Это легко можно было пропустить и не обратить внимания. Но Кхайе только что раздумывала о сети корпорации «Науком», ей не давала покоя ее совершенная структура, которая не потеряла совершенства после того, как с помощью процессора Часовщика она взломала защиту и проникла внутрь – не просто подключилась, а получила доступ к исходникам программного кода, к ее основе.

Короткая запись в одном из разделов реестра: «Изготовлено корпорацией «Науком», – ломала всю стройную и надежную подготовку, произведенную неведомым Кхайе машинистом.

Все очень просто: когда Василий Окоёмов – настоящий Василий Окоёмов – создавал свои записи, не решаясь оставить самые сокровенные тайны на хранение безграничной сети, он сохранял их во внутренней памяти «балалайки». Согласно записям истории, эти файлы не переписывались. Вот только никаких «балалаек» корпорация «Науком» не производила в те времена, когда юный Василий лишился девственности, трахнув в темном подъезде свою одноклассницу, которая, как выясняется, проделывала это не впервые.

– Получается? – спросил Бэзил.

– Получится, – уверила его Кхайе, не отрывая глаз от экрана, и показала рукой на подключенную к «раллеру» «балалайку»: – Только сделать столь натуральную подделку, как эта, я сейчас не смогу.

Она не сразу поняла, что произошло – все закружилось, больно врезалось под ребра справа и ударило в затылок чем-то не очень твердым. А когда Кхайе снова сориентировалась в пространстве, было уже поздно что-то менять.

Поздно стало с того момента, как ты подключила свой «раллер» к той допотопной рухляди, что нашла под землей в джунглях.

Глазам сделалось больно из-за того, что они сошлись у переносицы: она ничего не могла с собой поделать и автоматически продолжала всматриваться в черную бездну

ствола «дыродела», начинающуюся прямо возле ее лба. Приложив немалые усилия, она смогла заметить, что «дыродел» на нее направлял Бэзил; оружие он держал правой рукой, а в левой, попав шеей в железный захват, висел красный от натуги Эрик.

– Спокойно! – прорычал Окоёмов. – Не дергайтесь, и я не сделаю вам больно! Я сейчас уйду, а вы сидите так еще десять минут. И главное – никуда не пускаете эту вот дуру. Как минимум сутки. Идет?

Трудно понять, кому адресовался последний вопрос. Скорее всего Эрику, но тот все равно не мог ничего ответить.

Заметь, дурой он назвал тебя.

Задыхающийся предводитель «подполья» сумел выдавить хриплое «идет», после чего был отпущен на свободу.

– Дай мне мою «балалайку», – сказал он в пространство, но чьи-то услужливые руки тут же выдернули из чипа психопривод и передали его Окоёмову.

– Бэзил... – пролепетала Кхайе.

И что она собиралась сказать ему? Что готова отправиться вместе с ним хоть на край света? А готова ли?

Что-то ты, подруга, запуталась.

– Молчать! – резко оборвал ее наемник и несильно ударил в лоб стволом пистолета.

Кхайе упала на спину и теперь, оторвав взгляд от завораживающего вида черной дыры, в которой обитает смерть, посмотрела в глаза Окоёмову. И поняла, что он что-то читает с глазного наноэкрана. Секунду или две на его лице застыло выражение замешательства, а потом он процедил сквозь зубы по-русски: «Вот черт!» – и, резко повернув «дыродел», выстрелил потирающему шею Эрику в голову.

Глава 49

Когда много лет занимаешься одним и тем же, кажется, что любое дело в своей области становится тебе по плечу. Только взмахни рукой, только отдай приказ, и все снова заработает так, как должно. Так, как захотел ты. И ты всегда знаешь, как все должно быть. Потому что ты – профессионал.

Но приходит день, и ты понимаешь, что все, что ты когда-то знал, весь твой опыт, накопленный за долгие годы упорного труда, все твои ошибки, исправленные со рвением и усердием, – все это теперь ничего не стоит. Так бывает только по одной причине – кто-то превзошел тебя, какой-то молодой сопляк, ничего не достигший и не нюхавший пороху, сделал что-то, что тебе никогда не было и никогда не будет по силам. Ты мгновенно превращаешься в пыль, в хлам, в отбросы ушедшего мира.

Абхай Лал с силой тер виски. Он сам не знал, для чего это делал – голова не болела. Просто сказывалось напряжение: взвод отборных бойцов под командованием капитана Гопала как раз сейчас входил на арену городского стадиона в Лудхияне, превращенного тхагами в место массовой кровавой бойни. Религиозные фанатики и маньяки. Хотя нет – фанатиками были те, кто сидел на трибунах. Тот, кто устроил все это, был расчетливым и беспринципным проходимцем, наживающимся на легковерности людей и чужих жизнях.

– Они не справляются, сагиб! – Дханпатрая даже не спросил разрешения обратиться. Значит, дело было совсем плохо.

– Его нужно взять живым. Любой ценой!

Генерал выпалил эти слова еще до того, как сообразил, о чем, собственно, говорит Бхадури. Спецназ встретил сопротивление организованных банд тхагов? Это ожидалось, из-за таких пустяков Дханпатрая не стал бы истерично вопить, нарушая все приличия. Достаточно распорядиться, чтобы к основной группе присоединялось подкрепление, а согласовать с генералом такую мелочь можно и позже. Нет, здесь было что-то другое.

– Они не могут к нему подступиться! – заорал внутри головы заместитель. Вызов пришел на «балалайку».

– Кто им мешает? Тхаги?

Лал все еще не понимал, о чем речь. Или усиленно пытался убедить себя в том, что все это не может быть правдой. То, о чем он размышлял уже не первый день.

– Он, Шанкар Десай, что-то творит… непонятное… Они не могут… – речь заместителя сделалась сбивчивой, он явно не знал, как объяснить то, чего он сам не видел.

Абхай Лал резко прервал вызов. Ему надоели стоны Дханпатраи. Если хочешь, чтобы качественная работа оставалась качественной и дальше, все важные моменты всегда приходится выполнять самому, каких бы высот ты ни достиг. Как там у Киплинга, замечательно писавшего о природе Индии: Акела не имел права промахнуться, хотя молодых и сильных волков, способных прокормить всех остальных, в стае хватало, и с избытком.

Он вызвал машинистов, беспрерывно следящих за его подключением к сети. За качеством и правильностью сигнала, за безопасностью подключения и конфиденциальностью переданных данных – за всем, что могло понадобиться генералу от сети.

– Мне нужно прямое подключение, – сказал он, не дожидаясь, когда машинист закончит представляться.

– Номер «балалайки» или имя?

– Шрипати Гопал, капитан Госбезопасности, находится в Лудхияне.

– Контакт установлен, – машинист начал отчет еще до того, как генерал закончил сообщать данные новоиспеченного капитана. – Вывести на экран коммуникатора или...

– На «балалайку».

Он хотел увидеть это собственными глазами. Пусть и придется смотреть с наноэкранов капитана Гопала.

– И звук подключите.

Крики и грохот накрыли Лала столь внезапно, что от неожиданности он зажмурился. Но жуткую картину того, что происходило сейчас перед перепуганным до полусмерти капитаном, все равно видел – открытые глаза не являлись обязательным условием правильной работы наноэкрана.

А посмотреть было на что. Шанкар Десай, невысокий молодой человек, худой, болезненного вида, весь покрытый какими-то язвами, стоял посреди арены, широко разведя руки в стороны, словно собирался обнять небо, вдруг подернувшееся темными, почти черными тучами. На его лице, испачканном чем-то светлым...

Много вариантов того, что это такое?

...застыла безумная, хищная улыбка. Он пребывал в состоянии кататонического счастья. И ему было наплевать на весь мир, ставший для него развлечением, чем-то вроде интересной игрушки.

Изображение дергалось, а в ушах, перекрывая крики разбегающейся с трибун толпы, стоял какой-то рев. Лал не сразу понял, что это крик хозяина «балалайки» – Гопала, – к которой его подключили машинисты. Капитан орал от ужаса, судя по

всему, он почти лишился рассудка. И Абхай Лал вполне его понимал.

С реальности, с самого мироздания, как будто сползали пласты. Как с луковицы, которую слой за слоем очищают умелые руки повара. Воздух вдруг превращался в полупрозрачное марево – будто кто-то повесил огромный, до самого неба, кусок целлофана. Бойцы, большая часть которых находилась за спиной Гопала, стреляли. В основном никто из них не смотрел, куда или в кого они выпускают пули – они уже не понимали, что происходит. Но Шанкару они повредить не могли – от реальности отваливался пласт за пластом, унося с собой несущий смерть свинец, а на месте только что исчезнувшей реальности появлялась новая, точно такая же. Но иногда тхаг вносил коррективы.

Если бы Лал смотрел на это безумие собственными глазами, то решил бы, что сошел с ума. Но то, что он видел, было всего лишь видеозаписью, которую вела «балалайка» капитана Гопала, поэтому сомневаться в реальности творящегося перед глазами абсурда не приходилось.

С каждым пластом исчезал кто-нибудь из бойцов – человек оставался в поле зрения, но с ними происходили какие-то непонятные трансформации. Мир, подобно некачественному телесигналу, моргнул на мгновение, и там, где только что стоял палящий во все стороны из автомата спецназовец, торчит из песка каменное изваяние, памятник погибшему бойцу. В следующий миг вместо его соседа появляется красочная фреска на парапете арены, на ней – боец, прижавшийся щекой к прикладу своего оружия.

Такого не могло быть, это ведь бред какой-то, какая-то массовая галлюцинация!

Но нанокамеры не имеют в своем арсенале такой функции, как галлюцинирование.

Той камеры никогда не существовало. В этом мире, который создал Шанкар Десай.

Изображение резко дернулось вправо, потом завалилось – Гопал упал набок, и спустя мгновение стало ясно, отчего. Перед капитаном появилась обнаженная женщина с темно-синей кожей, на ней был только багровый пояс, на котором висело с десяток отрубленных у локтя рук, образующих подобие юбки. Среди болтающихся окровавленных конечностей было несколько с кусками рукавов от униформы спецназовцев.

Абхай Лал слышит странный звук, похожий на тихую барабанную дробь. Стук доносится откуда-то издалека, он не из свихнувшегося мира, которым правит безумный деревенский

сморчок по имени Шанкар Десай.

И ты находишься в том же самом мире. Только немного южней.

Руки, словно два автономных поисковых робота, шарят по столу в поисках чего-то, ведомого только им. Они знают, чего хотят, и, когда пальцы натыкаются на рассыпанный по столешнице порошок, замирают на мгновение, чтобы в следующую секунду собрать остатки наркотика. Руки стали неуклюжими, они боятся. Так же, как их хозяин, – только в этот момент Лал понимает, что странную барабанную дробь бьют его зубы. Он дрожит от страха, и очень хочется уйти туда, где тишина и покой. Он знает, как сбежать из этого свихнувшегося мира.

«Джьяду гумра». Это похоже на заклинание, не правда ли?

Пальцы упрямы, они настойчиво хватают со стола норовящий улизнуть тонкий порошок нежно-голубого цвета.

Ты обещал больше никогда не пробовать это. Ты же обещал!

Порошка мало, слишком мало. Но – хотя бы столько.

Едкий запах вонзается в ноздри, быстро достигает мозга. Он там что-то творит с нейронами, освобождает их от старых связей.

А кто сказал, что они старые – их создал Шанкар Десай и, судя по всему, совсем недавно.

Но мир Шанкара не исчезает. Красивая молодая женщина с синей кожей и безумной улыбкой на лице продолжает молотить двумя острыми клинками, будто пропеллерами, снося с плеч одну голову за другой. Не важно, кто это – спецназовцы, участники сегодняшнего шоу или случайно попавшие на арену зрители. И сам виновник торжества, хозяин мира – Шанкар Десай. Молодой человек как будто стал выше, он скалой нависает над всем действом, в безумном ритме сменяя одну реальность другой.

Потому что ни одна из них не является настоящей.

Но ведь, если он может создавать миры, опираясь на собственные фантазии, с легкостью, почему другие не могут того же?!

Он верит!

– Да пошел ты!

Взгляд генерала падает на стул, который стоит с другой стороны стола. В кабинет никто не заходил, он уверен в этом, но на стуле сидит черноволосая девочка с раскосыми глазами. Совсем юная, лет двенадцати. Лицо чумазое, в каких-то разводах и полосках, будто от размазанных соплей, и рот… Из-под обкусанной, некрасиво вздернутой верхней губы торчали тонкие, словно штыри, остроконечные зубки.

– Ты кто?

Лал перестал понимать, что происходит в реальности, а что –

плод его воображения. Да и что такое реальность, насколько она реальна?

Не напрягайся, ты втер себе в ноздри порошок, так что удивляться нечего.

Видение, которое проступало сквозь дергающееся изображение, идущее с «балалайки» капитана Гопала, ничего не ответило. Девчонка лишь улыбнулась, обнажив еще и нижний ряд не менее острых зубок, и ткнула в Лала пальцем. «Она грызет ногти», – только и успел подумать генерал до того, как видение исчезло.

Нет ничего настоящего, все – видение, любая реальность – всего лишь навязанное нашему сознанию восприятие. Так объяснял Гуру?

Если я перестану думать, что это камень, скала не превратится в цветок.

– Капитан Гопал! – что есть мочи заорал Лал. Там, на стадионе в Лудхияне, царил такой кавардак, что надежды быть услышанным даже при прямом подключении к «балалайке» было немного.

– Господин генерал! Нам нужно подкрепление! Высылайте…

– Слушай меня, капитан!

– Нам нужно…

– Заткнись и слушай меня!

К Абхаю Лалу снова вернулись решимость и самообладание. Его львиный рык подействовал на капитана отрезвляюще, вернув его к действительности.

Только вот вопрос – к какой?

Гопал резко вскочил на ноги, ловко увернувшись от вращающихся со смертоносным свистом клинков. Генерал не видел, но был уверен: капитан вытянулся по стойке «смирно», он был готов выполнить любой приказ начальника.

– Послушай, капитан, то, что ты видишь, это все фантазия, ничего этого нет на самом деле. Не верь ему, не верь этому ублюдку, воздевшему руки к небу!

Ракурс немного поменялся, теперь почти весь кадр занимало изображение Шанкара. Его руки все так же были подняты в торжествующем жесте превосходства, но лицо тхага изменилось. Из носа ручьем текла кровавая слизь, глаза тоже слезились, из-под век выступал красно-оранжевый гной, белки глаз стали почти не видны за густой сеткой лопнувших капилляров. Волосы на его голове сползали темно-коричневыми клочьями, оставляя покрытую какими-то разноцветными пятнами и язвами кожу. Перед капитаном Гопалом стоял глубоко больной человек, и генерал знал, что сделало его таким – лучевая болезнь,

принесенная сюда с севера Мьянмы. Он улыбался, но в улыбке его не было и малейшего намека на радость. Улыбка безумца, получившего ненужную игрушку и не знающего, что теперь с нею делать.

– Ты видишь, Гопал, он обычный человек. Он ничего тебе не может сделать. Пойди туда и выруби его, врежь ему по его кровоточащей морде, чтобы не встал. Давай, капитан!

Гопал шел, преодолевая стремительно изменяющуюся реальность шаг за шагом. Судя по тому, что он не моргал, боялся капитан очень сильно. Но шел – только настоящие храбрецы не останавливаются, когда им страшно. В такой ситуации не стыдно и обгадиться, здесь любое действие – подвиг.

– Молодец, капитан, молодец! – шептал Лал, отбивая по столу измазанными порошком пальцами ритм шагов Гопала.

Там, куда становилась обутая в тяжелые и прочные армейские ботинки нога капитана, иллюзия, каким-то непонятным образом наведенная Десайем, исчезала, реальность возвращалась к своим истокам: пропитанному кровью песку алтаря Кали.

Справа, на самой периферии поля зрения, появилась крепко сжатая в кулак рука Гопала. Но ей не суждено было обрушиться праведной мощью на челюсть безумца – Десай, несколько раз всхлипнув, выплюнул в песок увесистый кровавый комок и, закатив глаза, медленно завалился на спину.

У «джьяду гумра», как и у любого фармацевтического агента, имелся свой порог токсичности. Шанкар явно переборщил с количеством. Но он был все еще жив.

Гопал наклонился над ним, желая все же нанести заготовленный удар. Тхаг вяло копошился в песке, он что-то держал в руке. Какой-то мешочек или узелок. Покрытые струпьями пальцы Десайя лихорадочно дергали узел, который нехотя поддавался.

– Это теперь для всех, теперь оно будет везде, – пробормотал он странные слова и, дернув в последний раз узел, взмахнул рукой. – Цветы прорастут сквозь миры!

Капитан Гопал рефлекторно закрыл лицо рукой, но ничего страшного не случилось. На него посыпались мелкие, чуть крупнее макового зерна, крупинки.

Рука Шанкара Десайи, в которой он держал скомканный румаль своего предводителя, убитого им же самим, упала на песок. Теперь уже навсегда – большого сомнения в том, что тхаг мертв, не было, генерал видел изображение его лица.

И только теперь Лал понял, что сделал тхаг.

– Немедленно оцепить арену! – что есть сил заорал генерал. –

Собрать семена! Все до единого!

Капитан Гопал лихорадочно вращал головой – из мелькавших перспектив было ясно, что мир стал таким, каким был всегда, – не понимая, чего хочет от него генерал. Но уже кричал на подчиненных, воплощая приказ генерала в действие.

Галлюцинация, массовый психоз, накрывший разом несколько тысяч человек на стадионе города Лудхияна – алтаре Кали, закончилась. Неизвестно, чем было вызвано это явление. Потом станут говорить, что массовое помешательство спровоцировал тот порошок, который рассыпал на арене пришедший молодой человек, другие станут утверждать, что были участниками коллективного погружения в настоящий религиозный транс. Кто-то расскажет, что своими глазами видел богиню Кали, сносящую головы пришедшим уничтожить культ тхагов спецназовцам, кто-то посмеется над этим рассказом. Но молодую девушку, пришедшую на арену вместе с Шанкаром Десайем, так больше никто и не видел – ни живой, ни мертвой, – хотя все они были свидетелями того, как шла она к алтарю.

Единственное, в чем сходились все очевидцы, была странная, почти сюрреалистичная картина, которой закончилось безумное действо, – два десятка десантников ползают на коленях среди высыпавшей с трибун на арену толпы, просеивая между пальцами песок.

Глава 50

Интересная вещь – приказ. Его можно обдумывать, можно обсуждать и даже осуждать. Но когда есть приказ, все становится просто, как день, – приказ при любом раскладе следует выполнять. И у тебя всегда есть оправдание: ты выполнял чужой приказ, это не твое мнение и ты не виноват в том, что произошло. Не нужно никаких исповедей и рассусоливаний – был приказ, а приказ заменяет совесть.

Когда Окоёмов установил «балалайку» обратно в гнездо, приказ возник на глазном наноэкране мгновенно. Василий еще не успел осмыслить прочитанное – а на то, чтобы пробежать глазами пару строк, хватило одной секунды, – но руки сами начали делать, что приказали.

Первым на пол рухнул их главарь Эрик. Кажется, Кхайе называла его так. Здесь было около полутора десятков человек. Окоёмов не знал, чем они тут занимаются, да и, честно сказать, ему на это было наплевать. У него был приказ: уничтожить всех, находящихся в этой квартире.

Шансов у них не было. Вероятно, кто-то из этих людей выполнял роль боевиков или охраны. Возможно, Окоёмов и ошибался на этот счет – практически все они выглядели сущими сморчками, и кому смогли бы противостоять, начнись какая-нибудь заварушка, сказать трудно. Но, как бы то ни было, Окоёмову сильно помог фактор внезапности. Обитатели этой квартирки наверняка опасались его, но не ожидали, что события станут развиваться столь стремительно.

Двое рванули куда-то по темному коридору. Пускай, Окоёмову не обязательно видеть их, достаточно того, что он слышал стук подошв их кроссовок о затертый линолеум и шумное дыхание, которое то и дело сбивалось на хрип. Скорее всего, от страха. Два выстрела – два глухих удара. Проверить качество попадания можно и позже, теперь они все равно никуда не денутся.

Василий быстро шагал из комнаты в комнату, расстреливая уже вторую обойму. Где-то здесь был запасной выход, эти крысы не могли не обеспечить себе путь к отступлению. Но воспользоваться черным ходом никто не успел – все двери, которые нашел Окоёмов, остались закрыты. А может быть, он переоценил способности этих странных людей.

Он еще раз прошел через всю квартиру, но живых больше не оставалось. Только Кхайе, все так же сидевшая на полу в машинном зале.

Разогретый выстрелами ствол указывал точно в макушку девчонке. Она сидела, поджав под себя ноги и опустив голову. Она не желала смотреть на него. А может быть, просто боялась. Ее он тоже должен убить, она тоже внутри этой злосчастной квартиры.

Впервые с того момента, как он прочел строчки пришедшего на «балалайку» сообщения, Окоёмов задумался. Задумался по-настоящему – он не хотел убивать Кхайе.

Вот видишь, зачем она с тобой спала...

Ему не требовались никакие оправдания или объяснения в его работе. В той самой работе, которой его научили. Он и ему подобные не только тренировались, их еще и *готовили*. Трудно объяснить, к чему. Но, как им рассказывали, после того, как выполнят свой долг, они получат возможность стать на ступень выше, приблизиться к тому, ради чего вообще все затевалось.

Из них не делали генавров, их мышцы не подвергались никаким модификациям, в их тела не вживлялись особенные гаджеты. Суть состояла не в изменении тела. Им пытались изменить сознание. Вытравить все человеческое? Вряд ли. Человеческого внутри того, кто назвал себя Василием Окоёмовым, оставалось больше, чем он сам мог представить до сегодняшнего дня. Да и вообще особых изменений в собственном сознании, не считая появляющейся время от времени дурноты и неясных расплывчатых галлюцинаций, доставшихся в наследство от «джьяду гумра», он не замечал.

Но он верил в то, что человек – не венец творения. Это всего лишь один из шагов, ведущих куда-то вверх по лестнице, к вершинам эволюции. И он был готов способствовать этому движению.

Он не знал, чем может быть полезна технология Часовщика для развития человека, как организма. Ни малейшего намека на биологию. Но его статус не позволял даже думать о глобальных вопросах, это было участью совсем иных сфер и людей. Тех, кто получил право называться иначе и, наверное, утратил право называться человеком. Окоёмов не пытался задуматься, он выполнял. Потому что верил, потому что не испытывал сомнений в правильности выбранного *ими* пути. Он прекрасно знал *их* возможности и не пытался осмыслить *их* решения.

Он думал, что только страх может изгнать из сердца веру, поселившись там вместо нее. Такое уже было, на корабле, и страх до сих пор был с ним, он никуда не делся. Разве что...

И ты все еще сомневаешься, что она спала с тобой, потому что хотела, а не считала нужным?

Разве что их отношения... нет, отношениями это назвать

очень сложно, их мимолетная близость, их чувства... Да о каких чувствах речь?!

Нет, чувства – это слишком.

Но ведь несколько дней, с того самого момента, как Кхайе впервые стала близка ему, с той ночи, которую они провели вместе в самодельном шалаше в лесу, недалеко от дороги, Окоёмов забыл о страхе. И ему больше ни разу не снилась волна цунами. Кошмар исчез благодаря Кхайе. А не благодаря тому, что его нашли – вера не помогла. А столь ли она крепка, как раньше, или... Кто тебе дороже и во что ты теперь веришь?

Не сходи с ума, ты прекрасно знаешь, что тебе нужно делать. Просто спусти курок, если тебе не нравится, можешь даже смотреть в другую сторону: ствол и так уже направлен куда следует.

– Стреляй, чего ждешь? – процедила сквозь сжатые губы девушка.

В ее голосе было столько желчи, что боец невольно содрогнулся. Палец, лежащий на спусковом крючке, никак не желал двигаться.

– А ведь всего десять минут назад это ты держала меня на мушке. Или ты уже забыла?

Злость закипела внутри Окоёмова. Его учили не поддаваться эмоциям, он прошел первую ступень, но... Это из-за волны или все же из-за девчонки? Вся миллионнолетняя Эволюция шла насмарку, летела в тартарары из-за какой-то плюгавенькой девчонки!

– Я не собиралась тебя убивать, я хотела помочь.

– Насильно мил не будешь, – сказал Василий по-русски. Он уже знал, что Кхайе прекрасно понимает многие языки благодаря отличному программному обеспечению своей «балалайки».

– Я думала, ты...

Черт бы их всех побрал! Окоёмов окончательно запутался в том, кто что думал. Она думала, он думал, они думали... Все вокруг думали за него, а у него, можно подумать, нет права на мысли!

В тишине, воцарившейся вокруг, внутри «дыродела» отчетливо прозвенела пружина – еще несколько микрон, и боек сорвется с места, отправив тяжелую пулю в лоб Кхайе со скоростью, втрое превосходящей звук.

– Я не... – пробормотал Окоёмов.

Он действительно отвернулся, зажмурив глаза! Что он такое, черт возьми, делает?!

Ты о чем – о зажмуренных глазах или о том, что все-таки собрался убить ее?

В темноте, за плотно сомкнутыми веками, возникли слова. Очередное послание, услужливо выведенное на глазной наноэкран «балалайкой». «Девушку не трогать», – значилось в нем.

Уголки губ Окоёмова едва заметно поползли вверх в жалком подобии улыбки. Он даже сам не понял, что собирался улыбнуться.

А ведь они могли и не успеть...

Он собирался выдохнуть с облегчением и опустить «дыродел», поставив его на предохранитель. Но ничего из запланированных действий выполнить не успел: раздался резкий хлопок, и в груди больно кольнуло, а Кхайе, на которую он снова смотрел – такая милая и беззащитная Кхайе, такая нежная и своя, – подернулась мутной пеленой и исчезла в непроницаемой тьме.

Глава 51

Люди привыкли все мерить шагами. Это потому, что природа не наделила их колесами от рождения. И хотя разум много тысяч лет назад подарил возможность использовать вращающийся круг для плавного и быстрого перемещения, мерилом продвижения по лестнице судьбы так и остались древние как мир шаги.

Истертый пыльный бетон тихо шуршал под ногами. Двигаться бесшумно не получалось – мелкая пыль терлась по твердой серой поверхности, издавая характерное поскрипывание. Ничего, это не страшно, патронов хватит на всех. Если закончатся в пистолете, есть еще целая россыпь в рюкзаке, уже заправленная по обоймам. Восемнадцатая очень трепетно относилась к оружию. Еще с большим трепетом она верила в одну истину: главное – не допустить начала боя; бой – это хаос, к нему можно готовиться, но все предугадать не получится, как тут ни старайся. Пришел, увидел, победил. Римляне сто раз были правы – кто-нибудь может найти в известной фразе слово «повоевал»? То-то и оно.

Женщина остановилась между пролетами лестницы. Высоко, под самым потолком, здесь было окно. Прямоугольная дыра со ржавыми прутьями металлической решетки. Стекол, похоже, не было никогда – нет даже следов от рам или хотя бы петель. Сквозь прямоугольник равномерным голубым врывалось небо. Где-то выше и справа пряталось солнце – само светило не увидишь, но ощущалось, что оттуда идет нестерпимый жар.

Из-за маленького прямоугольника окна, перечеркнутого четырьмя ржавыми прутьями, веяло свободой. Такой близкой и такой недосягаемой.

Кажется, спустись на пару этажей и обрети ее. Все небо, все нещадно палящее солнце, вся пыль и суета большого города – все твое, бери и пользуйся. Только это не было свободой. Лишь иллюзия, лишенная явных атрибутов неволи. Например, ржавой решетки.

Чтобы получить свободу, нужно идти вверх. Только путь наверх есть удел настоящего человека. Только уверенность в собственной правоте и твердая рука смогут помочь удержаться на верной дороге.

Сколько еще трупов необходимо, чтобы ее дорога, ведущая к другой, лучшей жизни, достигла цели? Пять, десять, двадцать? Или этот путь бесконечен?

У-Вэй, как сказал монах, нет необходимости делать шаг в сторону. Значит, так и нужно – продолжать строить дорогу из чужих жизней, уложенных уходящим за горизонт штабелем?

Только куда приведет эта тропа? У всех конец один. Не ошибешься, предсказав любому человеку, что он умрет. Можно промахнуться только в выборе дня, но не в самом исходе.

Нужно избавиться от лишних мыслей. Мысли мешают действовать, сбивают прицел.

«Дыродел» пролаял скороговоркой, трижды выплюнув свинцовую смерть. Те трое, с полицейскими лицами, остались на грязном бетоне лестничного пролета. Словно отдохнуть прилегли.

Три новых трупа. В перспективе еще как минимум двое. И все, путь к свободе открыт.

У-Вэй, помнишь?

А вдруг она свернула не в ту сторону давно, много лет назад? Так давно, что теперь и не вспомнить, где то шоссе, что ведет к истинной цели. Можно ли вернуться к далекой развилке сразу, не топая километры по собственным следам, подкрашенным красным?

У-Вэй – не делать лишнего, и пусть свершится предначертанное.

Но ведь путь к свободе так близок!

А ты уверена, что это и есть свобода?

Свободу можно получить просто так. После того как Лейтенант ушел, бросив «номерной» отряд умирать в джунглях, у восемнадцатой свободы было хоть отбавляй. Когда она рыскала по лесу в поисках непонятно как попавшего туда ломщика, она была свободна. Ее никто не держал, никто не указывал, что делать и куда идти. Только два леопарда и несколько десятков крыс – вот все конкуренты вооруженного автоматом человека.

Чего ей не хватало в той свободе? Денег? В джунглях они не нужны. Тогда какого рожна она делает в этой занюханной развалюхе рядом с тремя остывающими трупами?

Может быть, ты пытаешься найти путь? Тот, что потеряла.

Восемнадцатая посмотрела на ствол «дыродела». Маленький выступ мушки слегка подрагивал – у нее тряслись руки. Это совсем никуда не годится! Нужно успокоиться. И сделать это быстро – время неумолимо движется вперед.

Монах сказал, что нет ни добра, ни зла. Все зависит от того, с какой стороны посмотреть. Она убьет ломщика – это зло? Смерть человека, наверное, в любом случае является злом. Но как быть с неоспоримым фактом, что люди смертны от природы? Да хоть бы и по воле богов – каждый верит в то, что ему нравится. Или боги способны творить только зло?

Но ведь ломщик вредил кому-то. Тому, кто нанял dd для его ликвидации. Скорее всего, корпорациям. Действия ломщика

вполне могли привести к смерти не одного десятка людей, даже не подозревающих о его существовании. Так будет ли злом его убийство или нет?

Восемнадцатая окончательно запуталась. Какая, к черту, разница, где зло, а где добро. Нужно выполнить работу и убираться отсюда. Забыть обо всем этом и никогда больше не вспоминать. Забыть все, начать жизнь с чистого листа.

Только где ты возьмешь этот чистый лист?

Восемнадцатая заставила себя сделать шаг вверх по лестнице. Она слышала, как хлопнула дверь двумя этажами выше – четырнадцатый с Лисой на четвертом этаже.

Ей не нужен четырнадцатый, хотя его придется убрать первым – наемник слишком опасный противник, чтобы дать ему шанс. Убить его первым – лучше называть вещи своими именами, это поможет вернуться к реальности.

А в реальности нужно убить Лису. Только ее жизнь стоит тех денег, которые восемнадцатой обещали за выполненный заказ. Вряд ли dd намереваются кинуть – слишком многие поплатились за скупость в прошлом, честность в расчете с наемниками с некоторых пор стала у большинства заказчиков безусловным рефлексом.

Восемнадцатая повторила про себя еще раз: нужно убить Лису.

Нет, эту фразу сказала Тони Карлайл, а не восемнадцатая. Давняя соперница ломщицы по имени Лиса. Давняя подруга и… почти сестра.

Женщина резко тряхнула головой, словно вознамерилась таким образом выбросить из головы ненужные мысли.

Нет никакой Лисы, нет Тони. Это все в прошлом, которого не было. События альтернативной реальности. Здесь остались только коварный ломщик Мыш, наемница под номером восемнадцать и грязь забытой всеми богами Мьянмы.

Вспомни, скольких людей в жизни ты могла бы назвать семьей?

Так что же делать? То, что нужно, или то, что хочется? Проблема в том, что не хочется ничего. Да и в нужности большие сомнения.

Монах подсказывал решение, будто знал ее мысли. Тот самый У-Вэй. Недеяние – так он вроде бы сказал? Ничего-не-деланье.

Восемнадцатая остановилась посреди лестничного пролета. Нога, занесенная для следующего шага, застыла в нескольких сантиметрах от бетона ступеньки. Памятник нерешительности. Можно продолжить прерванное движение и пойти вверх. Можно опустить ногу и вернуться назад. Что выбрать, где правильный

путь?

Спрятать «дыродел» и не идти туда? Это невозможно, это конец для нее, никакого У-Вэя.

Шаг вниз – и Лиса с недоумком четырнадцатым, а может быть, и еще кто-то из обитателей этой странной квартирки, останется жив.

А кого ты собралась спасать?

Если сейчас уйти, на поиски Мыша отправится кто-то другой. Не факт, что ломщика удастся найти еще раз. Ломщики умеют хорошо прятаться. Правда, есть специалисты, умеющие искать еще лучше.

Значит, ничего невозможно изменить? Нет никакого У-Вэя, есть только путь, прямой, как стрела, с которого не свернуть, как ты ни старайся?

Монах говорил что-то еще. Что-то об этом недеянии. «У-Вэй вовсе не означает, что нужно остановиться», – вот как он сказал. И еще, что не стоит отвлекаться.

Подошва уверенно нашла следующую ступеньку. У восемнадцатой есть работа, и она не станет отвлекаться. Нужно лишь выбрать правильный путь.

Восемнадцатая толкнула дверь, густо окрашенную в ярко-зеленый. Этот путь был свободен: дверь оказалась незапертой. В длинном темном коридоре лежал какой-то тощий человек с лысой головой и красными, прищуренными от боли глазами. Это она потом поняла, что от боли. Первым непроизвольным желанием было спустить курок. Ствол «дыродела» уже смотрел точно в середину лысой макушки. И руки не дрожат, отметила про себя восемнадцатая.

Она не раздумывала, не выбирала из набора возможных действий. Получалось само собой – указательный палец левой руки лег поперек растрескавшихся от жары и пыли губ, а язык произнес: «Тс-с». Человек на полу едва заметно кивнул и замер. Только теперь восемнадцатая заметила, что из-под него на полу растекается темно-багровая лужа – тощий был ранен. Он умирал. Но не от ее руки.

Она стала замечать ничего не значащие мелочи во время, когда нужно только найти мишень и спустить курок? Да уж, такое, пожалуй, с ней впервые. Но она все еще жива! Или это случайность? Ведь восемнадцатая привыкла к совсем иным закономерностям.

Мысли мешают целиться, напомнила она себе.

Или все же...

Мысли мешают целиться. Но мысли помогают найти тропу, ведущую в обход волчьей ямы.

Когда коридор закончился и в узкую щель неплотно закрытой двери она увидела спину держащего в вытянутой руке «дыродел» четырнадцатого, восемнадцатая знала, что нужно делать. Короткий путь обратно, на главное шоссе жизни, вдруг сделался прост и очевиден. Зла нет. Так же, как нет и добра.

Левая рука резко толкнула дверь, а указательный палец правой тут же привычно дернул спусковой крючок. Наконец ей удалось сделать первый шаг к равновесию.

Глава 52

В закрытом помещении грохот получился столь сильный, что Кхайе заложило уши. Она не поняла, что случилось, когда какой-то весь внезапно расслабившийся Бэзил странно закатил глаза и мешком рухнул на пол. Только после того, как заметила красное пятно, медленно расползавшееся из-под тела наемника, она поняла, что грохот был ничем иным, как выстрелом.

Бэзил мертв? Она не могла поверить. Мужчина, которого она хотела спасти, мертв...

А ведь в его «балалайке» нет никаких данных по технологии Фэн Чжи Бяо. Или ты все же собиралась на самом деле перепрошить его чип?

А сама она осталась жива только благодаря какому-то чуду? Тихий треск пружины курка она слышала отлично, еще мгновение, и Бэзил застрелил бы ее.

А потом в дверном проеме появилась женщина, лет тридцати, может, немного старше, с коротким ежиком светлых волос, в дешевой, явно купленной в секонд-хенде, одежде. В правой руке она сжимала «дыродел», близнец пистолета, с которым так и не расстался Окоёмов.

Женщина посмотрела на нее – быстрый, но внимательный взгляд, – и Кхайе заметила, что всего на одно мгновение в ее глазах промелькнуло что-то, какое-то замешательство или удивление. Но не исключено, что просто показалось.

Присмотрись, ты же явно знаешь ее...

Так это та самая... Та женщина, которая приходила в джунглях, на севере. Как в этот раз, тогда она застала Окоёмова врасплох. Бэзил еще как-то называл ее, имя странное, как... Ага, это был номер, а не имя – восемнадцатая.

Кхайе смотрела на женщину и понимала, что номер восемнадцать ассоциируется с ней плохо. Ей лучше подходило другое имя – Тони. Да! Вот кто это такая – это та самая Тони, dd, снайпер из Эдинбурга, которую Бойд приблизил к себе.

Называй вещи своими именами – Шотландец трахал ее, а ты ревновала. И завидовала, признайся хоть сама себе – ведь так было дело?

Там, в лесу, Кхайе не узнала ее. И немудрено – восемнадцатая, выпрыгнувшая из зарослей, как черт из табакерки, была перепачкана грязью и камуфляжной краской, волосы ее были обриты наголо, так что не понять, какого они цвета, одежда военного образца мешком висела на стройном теле. Но теперь сомнений не было – это именно Тони!

Тони медленно, не сводя глаз с Кхайе, обошла трупы, лежавшие в комнате. У тела Бэзила остановилась, ударом ноги выбила из его мертвой хватки «дыродел», отбросив оружие к дальней стене. Опасается, что мертвый очнется и станет стрелять?

А ты все еще сомневаешься, что такое возможно?

Несколько тычков носком ботинка в бок подтвердили – Бэзил мертв. Его тело безвольно дергалось под ударами Тони, а голова переворачивалась с боку на бок, разглядывая бессмысленным, ничего не видящим взглядом засиженный мухами потолок.

Женщина наклонилась, не сводя глаз с Кхайе, и вытащила из затылка Окоёмова «балалайку». Пускай берет, там все равно нет ничего важного.

Кхайе замерла, она ждала продолжения. Странное чувство безразличия захлестнуло ее, все стало бессмысленным и серым, мир сделался каким-то ненастоящим, словно пластиковым. Не о таком ли рассказывал Бэзил, когда говорил о голубом порошке?

Ты что же, забыла, что тоже нюхала эту гадость?

Единственное, что она никак не могла понять: почему Тони не убила ее сразу. Ведь ей не нужны свидетели, ее работой всегда было убивать, и делала она это не без удовольствия. Кхайе помнила, эта память досталась ей от Лисы, с какой радостью и воодушевлением Тони отправлялась с Бойдом на «полевые работы».

Тони потерла «балалайку» Бэзила об одежду и внимательно, с интересом в глазах, всмотрелась в надписи на чипе, как будто могла прочесть информацию, хранящуюся внутри, глазами. Потом отвернулась, явив Кхайе покрытый светлым ежиком затылок, и через спину бросила «балалайку», попав почти точно в руки девушки.

– Рыжий шел больше, – сказала она.

Рыжий? О чем это она?

Хватит строить из себя дуру – у Лисы были рыжие волосы. Слишком яркий цвет, чтобы не заметить его даже на бритой наголо голове.

Так значит, она узнала ее?! Не может быть, ведь Кхайе имела так мало общего с Лисой – тот беглый пластик поработал с ней на славу. Кстати, внешность ей меняли тоже где-то в недрах этой квартиры.

Кхайе вертела «балалайку» в руках, не зная, что с ней делать. Краем глаза она заметила какое-то движение, а когда подняла глаза, ствол «дыродела» Тони смотрел ей точно в переносицу.

Ну вот и все...

Грохнул выстрел, уши снова заложило, нос почувствовал

едкий пороховой дым. Она слышит и чувствует? Значит, она все еще жива. Или она ошибалась насчет смерти?

На «балалайку», которая все еще оставалась в ее руках, упало несколько волосков. Черных, именно такого цвета волосы «бирманки» Кхайе.

А Тони снова стояла спиной к ней, ее палец выписывал замысловатые загогулины на подоконнике зарешеченного окна. Кхайе очень хорошо понимала, что это значит: Тони использовала возможности своей «балалайки», скорее всего, что-то делала в сети. Вот только что? Она никогда не была ломщицей, да и вообще мало интересовалась сетью. Вероятно, отправляла заказчику информацию о выполненном задании.

В этот момент сеть упала. Странно, что доступ присутствовал так долго – сегодня совершенно точно был необычный день.

Тони чертыхнулась и полезла в карман, откуда достала небольшой коммуникатор. Кхайе уже видела такой – этот был точной копией коммуникатора Окоёмова, того, что со спутниковой связью.

Тони, не оборачиваясь, махнула Кхайе. Она подавала ей какие-то знаки. Но чего она хочет?

Очнись, хватит спать, пришла пора действовать!

Тони дала ей знать, что узнала ее, она выстрелила, но не попала – Лиса видела, как Тони умела стрелять: она никогда не промахивалась, – она отдала ей «балалайку» Бэзила. Зачем это все, чего она добивается?!

Коммуникатор пискнул, обнаружив сигнал со спутника. Тони быстро набрала номер и поднесла его к уху.

– Да, это я, – сказала она в микрофон. – Да, все сделано, он... Черт бы его побрал!

Гаджет в руках женщины издал протяжный писк, сообщая, что батарея разряжена полностью.

– Как не вовремя! Им нужно сообщить о смерти этого Мыша! – выпалила Тони.

Сообщить о смерти Мыша?! Но...

Ты недоразвитая, ты до сих пор ничего не поняла?! Она промахнулась потому, что хотела промахнуться, и отвернулась для того, чтобы ты не попадала в поле зрения – заказчик может проверить запись с ее «балалайки». Для заказчика ты теперь труп какой-то случайно попавшейся под руку девчонки. А Мыш для них – это Окоёмов. Так что давай, сделай так, чтобы они поверили, будто держат в руках «балалайку» убиенного Мыша.

Стараясь не шуметь и не попадаться на глаза Тони, которая рылась в вещах Окоёмова, Кхайе стянула со стола «раллер», с помощью которого совсем недавно ломала «балалайку» Бэзила.

Ту самую, которую снова держала в руках. Ну, этой машинке не привыкать, теперь все должно получиться и вовсе быстро.

Краем глаза она заметила, что Тони как будто случайно упустила из своего рюкзака черную сумку – сумку Мыша, в которой лежал его «раллер», а потом как бы невзначай зацепила лежащую ладонью вверх руку Бэзила. На сумке не было отпечатков, ни одного, кроме того, что отпечатался на ней сейчас. Может быть, еще пальцы Тони, но их происхождение будет понятно заказчику.

С «балалайкой» все очень просто – конечно, в чипе ломщика не написано, что он ломщик. Но вот ссылки на программы, сами программы и их недописанные фрагменты там всегда можно найти. Это то, чего не хватает в чипе Бэзила, чтобы его можно было принять за ломщика. Только это – у мертвого ведь не спросишь.

Тони нужно предъявить доказательства того, что она устранила ломщика. Понятно, кто нанял ее – корпорации, пострадавшие от действий Мыша. Значит, и коды нужно добавить, фигурировавшие в этом деле.

Открыть, стереть, поменять, добавить. Пальцы порхали по черным клавишам легко, почти не касаясь пластика. Кхайе была в своем мире, когда дело касалось Цифры, слабость и нерешительность, от которых она частенько страдала в обычной жизни, исчезали без следа. Последний штрих, залить все обратно и поменять отметки о датах – теперь невозможно определить, что данные попали в память «балалайки» сегодня.

Кхайе отключила психопривод и бросила чип на замершую навсегда грудь Окоёмова. Не слишком ли она спокойно смотрит на мертвого мужчину, о котором всего час назад думала, как о самом близком ей человеке?

Ты же ломщик, а у ломщика нет тех, кто дорог, забыла?

Она подняла глаза на Тони. Женщина все так же старательно избегала смотреть в сторону Кхайе. У нее был коммуникатор Бэзила, большим пальцем правой руки она набирала номер, а левой убрала в карман джинсов «балалайку».

Жизнь свела этих женщин вместе уже во второй раз. И так получалось, что во второй раз Тони отбирала у той, кого при рождении назвали Альмас Хамидди, мужчину, который стал ей дорог. В прошлый раз им был Бойд, в этот – Бэзил. Не важно, что действовала она в обоих случаях по-разному, результат одинаков: оба мертвы

– Да, я, – сказала Тони, когда на том конце ответили. – Сигнал сбоит, здесь с этим вообще большие проблемы. Да, уверена, что этот человек и есть Мыш. Его «балалайка» у меня, я

готова передать чип или данные – как вам будет угодно. Хорошо.

Женщина дала отбой и сунула коммуникатор в карман. Кхайе раскрыла рот, словно рыба, беззвучно хватая воздух. Но говорить нельзя, если она хочет, чтобы Мыша не искали. Мыш теперь мертв, его ликвидировала наемница по имени Тони. Но коммуникатор, черт бы его побрал! Тони забирала его!

Память услужливо рисовала картинку: дрожащие пальцы заталкивают черный квадратик процессора в свободное, выключенное из электрического контура гнездо на плате коммуникатора, титапластовая крышка с легким щелчком становится на место, а сам гаджет отправляется в рюкзак Окоёмова.

Часовщик мертв, единственный образчик технологии, граничащей с понятием чуда, находился теперь внутри маленького гаджета, под надежной защитой титапластового корпуса. Но самой верной защитой было неведение – Тони даже не подозревала, что лежит внутри коммуникатора, который она положила в свой карман. Его нетрудно украсть, любой карманник вытащит что угодно из заднего кармана джинсов в два счета. Вот только Кхайе давно узнала простую истину: можно нести в непрозрачном драном пакете миллион евродинов (или сколько их влезет в этот пакет?) через самый злачный квартал, и это будет куда безопасней, чем везти деньги в бронированной машине со спецсигналами – никто не знает, что в пакете, а вот броневики просто так по улицам не гоняют.

Как же забрать у нее коммуникатор?

Никак. Ты решила, что мир не готов к этой технологии, пускай все остается как есть.

Но рука сама предательски тянулась к торчащему из кармана гаджету. Еще чуть-чуть, еще полметра…

Только Мышу – настоящему Мышу – тогда несдобровать.

Тони, не оборачиваясь, шагнула вперед и быстро пошла по темному коридору. Спустя несколько секунд послышался стук закрывшейся входной двери. Той, что зачем-то выкрасили в ярко-зеленый цвет.

Глава 53

Когда строишь домик из карт, нужно соблюдать осторожность: одно неверное движение – и шаткое строение рассыплется. Но нет никакого интереса строить просто так, оттачивая аккуратность рук и четкость движений. Всегда хочется построить еще выше, сделать эфемерный дом больше. Еще одну-две карты, «кирпичики» становятся на отведенное строителем место, и дом стоит, он получается крепким. Еще одна и еще – ничего не происходит. И вот тогда строитель начинает испытывать странное чувство: ему кажется, что количество карт можно увеличивать до бесконечности, пока все остальные «зодчие» не останутся далеко позади. Это чувство называется азартом, и довольно часто оно подводит – рано или поздно очередная карта оказывается лишней, и домик рассыпается, уничтожив надежды азартного строителя создать самое высокое здание.

Райн Тайн нервно стучал пальцами по матовой панели настенного коммуникатора. Он думал, хотя думать тут было не о чем.

Всего пару часов назад ему сообщили, что старика гравера нашли мертвым в номере отеля в Мандалае. В том самом номере, который сняла троица вчерашним вечером. Узнав об этом, Президент тут же отдал приказ задержать русского наемника и девушку. А вот теперь оказывается, что вся операция развалилась, рассыпалась в прах.

Людей, отправившихся за беглецами, нашли мертвыми в подъезде какого-то дома на окраине. Их нашли прохожие, непонятно для каких целей забредшие в этот дом. Прибывшая полиция обнаружила какой-то притон, угнездившийся в нескольких квартирах на четвертом этаже. Сомнений не оставалось – беглецы шли именно туда. И именно в этом месте, возможно, был процессор. Именно был, потому что людям Райн Тайна достались только трупы. В том числе и русского наемника, из головы которого кто-то вынул «балалайку». Флеш-рояль из мертвецов не складывался: не хватало девчонки.

Кто-то из местных рассказывал, что видел какую-то женщину, блондинку с европейскими чертами, которая тоже заходила в этот подъезд, кто-то говорил о нескольких вооруженных бандитах, некоторые добавляли к рассказу фразу «наверняка из триад». В общем, ясно, что события начинали быстро обрастать легендами, превращаясь в миф. А камер наблюдения на улицах, чтобы проверить, как все происходило на самом деле, в Мьянме не

было.

Компьютеры, которых в притоне было немало, уже везли в Нейпьидо. Но и так ясно, что специалисты не найдут никаких особенных, работающих как-то «не так» процессоров. Возможно, несколько настоящих «поплавков», но не более. Не для того на облезлом линолеумном полу оставили столько трупов.

Карточный домик развалился. Его можно было бы начать строить заново, вот только на этот раз карты оказались одноразовыми.

Большой настенный коммуникатор не выключался с самого утра. Звук был приглушен, но тихое бормотание, доносившееся до слуха Райн Тайна, рассказывало об одном и том же. Весь день новости на всех каналах сообщали о начавшейся в Мьянме военной операции. Новость не гремела, ей уделяли несколько минут ближе к концу выпуска – кому интересна страна, название которой больше половины зрителей слышали впервые в жизни? Не важно, что там в этой Мьянме, акцент в новостях делали на «военную операцию» – зрителю нравится, когда стреляют.

«*…обратились за помощью. На севере этой страны сложилась крайне сложная ситуация, которая в последнее время вышла из-под контроля властей. Причинами развития драматических событий послужило традиционное нежелание жителей провинции Качень жить в составе Союза Мьянма, подогретое крайней нищетой и разразившимся в провинции голодом. Международное сообщество с пониманием откликнулось на призыв о помощи переходного правительства Союза Мьянма, и корабли коалиционных сил уже приближаются к берегам попавшего в сложную ситуацию государства. Гуманитарная помощь…*»

На экране показывали кадры, выдранные из какой-то хроники, где грязные и оборванные люди прятались за полуразрушенными хижинами. На фоне гремело и взрывалось, доносился стрекот одновременно нескольких автоматов. Райн Тайн не знал, откуда они взяли этот сюжет. На самом деле он вообще ничего не знал – возможно, в Качине действительно дела обстояли подобным образом, никаких вестей оттуда не поступало.

Они даже названия провинции произнести правильно не могут. Им этого и не надо, надо лишь разжалобить зрителей, исправно наполняющих казну уплатой налогов, – налогоплательщику должно быть жалко невинных бирманский детей, иначе они станут возражать по поводу вторжения «сил коалиции» – денег на этот проект уйдет немало. Наверное, на пятую часть истраченной суммы можно было бы поправить ситуацию во всей Мьянме. Только кому это нужно?

Райн Тайн не знал причины разразившегося кризиса. А точнее, если называть вещи своими именами, – вторжения. И не узнал бы еще пару дней, пока эти самые коалиционные силы не захватили бы страну полностью, если бы не позвонил Лал. Индус успел связаться до того, как оккупанты окончательно обрубили сеть – кто их знает, как, может, заблокировали спутник.

Генерал Лал рассказал, что они все-таки обнаружили на севере нефть. Собственно, о нефти он упомянул вскользь, в основном он звонил справиться, не знает ли Президент Мьянмы, почему на индийскую группу, базирующуюся в провинции Качин по совершенно официальному разрешению властей, было совершено нападение. В общем, группу практически уничтожили.

В тот момент Райн Тайн не знал, что ответить. Он только что-то бормотал, лихорадочно подсчитывая в уме вероятность того, что Индия начнет вторжение прямо сегодня. Оказалось, он считал неправильно – теперь ясно, кто уничтожил нашедших нефть индусов, так же как ясно, что никакие качинские сепаратисты и рядом с этим делом не стояли. А вот у индусов проблем прибавилось – ввязываться в военный конфликт они вряд ли собирались, но и оставить незамеченной наглую выходку «коалиционных сил» они тоже не имели права. Да и делиться найденной нефтью вряд ли рассчитывали. Теперь, после захвата Мьянмы, начнется дипломатическая игра и якобы случайные взаимные укусы вооруженных сил.

Но что Райн Тайну за дело до проблем индусов?

– Ты закончил прогноз, Ая?

– Да, господин Президент.

Вид у главного астролога был безрадостный. Астрологический прогноз, похоже, не врал.

– Что там?

– Перенос столицы не поможет, – уклончиво ответил Сигай.

– Говори прямо. Что у тебя получилось?

– Последние цифры изменили все. У Мьянмы нет будущего. Ни плохого, ни хорошего. Звезды отказываются освещать наш путь.

Райн Тайн кивнул. Именно так и должно быть. Если с нефтью не вышло ошибки, коалиционные силы здесь надолго. И последующие дипломатические войны, скорее всего, отстегнут по жирному куску индусам и поднебесникам. У Мьянмы нет будущего – потому что Мьянмы больше нет.

В этот раз звезды говорили точно, без прикрас и расплывчатостей.

В переговоры никто не вступал. Правительство оккупируемой страны, судя по всему, вообще никто не принимал во внимание.

Все они здесь были пустым местом. Уже давно, задолго до Перерождения, народ Мьянмы существовал сам по себе. Они всегда были просто расходным материалом, мясом и руками, живыми роботами, которых правительство использовало по собственному, обычно не самому разумному, усмотрению. Райн Тайн думал изменить ситуацию. Но он не успел – на это банально не хватило денег. Или он не прав и дело совсем не в деньгах?

Связаться с представителями коалиции возможности не было – связь не работала уже второй час. Но был один шанс, и не воспользоваться им Райн Тайн не имел права.

Храм Католического Вуду располагался на самой окраине Нейпьидо, практически за городом. Небольшое каменное строение, украшенное несколькими остроконечными башнями и яркой мозаикой с изображением духов Лоа. Маленький островок одного из государств коалиции. Понятно, никто из местных хунганов не уполномочен вести переговоры, но, может быть, у них хотя бы есть связь со своими?

– Если у вас есть возможность, настоятель, – обратился Райн Тайн к хунгану, – я очень бы хотел переговорить с кем-нибудь из Нью-Орлеана. Вы, надеюсь, понимаете... У меня есть ряд предложений, которые могут показаться вашему руководству весьма привлекательными. Мы...

Снаружи раздался рокот – над крышей собора пролетела эскадра самолетов. Судя по звуку – на север.

– Я уполномочен дать вам ответ, – прервал тираду Президента негр.

Райн Тайн вскинул в удивлении брови.

– Мы не ведем переговоры, – медленно и отчетливо произнес хунган, – с тем, кто торгует своей страной.

* * *

<open dir>

[date]

«Когда в кромешной тьме приходится нащупывать ногой тропу, неплохо бы иметь уверенность, что идешь не по узкой доске, висящей над пропастью».

<PgDn>

[date]

«Целый день одни крысы. Нечего больше делать – только

смотреть за этими хвостатыми тварями. Но кто меня спросит? Приходится наблюдать.

Если не сильно раздражаешься, можно заметить много интересного. Хвостатые мрази очень слаженно действуют сообща. Они воюют друг с другом, грызутся, но общее дело – это общее дело. Для блага всего крысиного народца они вполне могут поступиться личными амбициями. И производство у них безотходное – все в дом тащат. Что интересно, мертвецов своих они тоже не выбрасывают, не сжигают или, скажем, не закапывают в землю. Они их едят. Тащат куда-то и там едят. Может быть, не сразу. Запасаются мертвечинкой, что ли?

И вот еще какое дело: в лесу полно крыс, диких, не этих, устроивших настоящее крысячество – по аналогии с человечеством, – а в дом лесные не лезут, и общественное устройство они не налаживают. Живут себе, норки свои защищают от собрата. А своих, значит, только образованные, из Европы прибывшие, жрут».

<PgDn>

<date>

«Читал кто-то из нас как-то давно книгу. Про старика, который поймал гигантскую рыбину и костьми лег, чтобы ее вытащить. Там, в книге, он ее вытащил, но что-то у него потом пошло не так – не помню уже, что. Только это все вранье: рыбина для него явно была слишком большой.

Так, а к чему это я? А, вот… Рыбаку надо думать, какую рыбу ловить, а какую лучше отпустить и вернуться домой. А то ведь еще неясно, кто кого и куда мог вытащить в той истории».

<PgDn>

[date]

«Чтобы попасть точно в цель, ее сначала нужно найти».

<PgDn>

[date]

«Если бы человеку было возможно узнать, как на самом деле устроен мир, то люди стали бы богами. Но допустят ли боги подобную конкуренцию?»

<PgDn>

[date]

«Жутко напугал меня леопард в лесу. Рычал, негодник, зубы скалил. Потом убежал в заросли. А рука, на которую зверь все смотрел, до сих пор болит, будто укусили ее».

<PgDn>

[date]

«Обидно опоздать на поезд. Но только так можно увидеть траву между шпалами на путях, на которых, когда приходишь на вокзал в срок, обычно стоит твой вагон».

<PgDn>

[date]

«Вы никогда не задумывались о том, что такое ноль. Ничто, пустота. Символ, изображающий ноль, – единственная цифра, добравшаяся до наших времен в неизменном виде. Кто-то скажет, что символом нуля является обычный кружочек, кто-то назовет его кольцом. Но все они будут не правы – смысл символа куда глубже: пустота, которую загнали в границы.

Сознание человека конечно, оно не в силах воспринять то, что не имеет границ. А пустота... Пустота – это ничто, у нее нет границ. Но возможна ли математика без ноля? Конечно, нет.

Сегодня ноль воспринимается как нечто само собой разумеющееся. Но люди не всегда знали ноль. Несколько тысячелетий назад индусы, в своих извечных попытках постичь устройство мира, смогли познать пустоту. Кто-то из них сумел поймать неуловимое и посадить его в клетку. Так появился ноль – пойманная бесконечность, облаченная в символ пустота...»

<PgDn>

[date]

«Не стоит размахивать руками в густом тумане – можно ударить самого себя».

<PgDn>

[date]

«Мир неодинаков в разных местах. Разные его части обладают разными свойствами, когда свету или звуку случается попасть на границу между ними, получается отражение. Качество отражения зависит от свойств границы – если она гладкая, отражение получается четким, если шероховатая, то мы видим матовую

поверхность. Но мир не столь однозначен – одна и та же поверхность может оказаться матовой для ультрафиолета и идеально зеркальной для инфракрасного излучения, все дело в том, что нужно отражать.

Однако законы вселенной во всех ее точках совершенно одинаковы. Есть множество условий, из-за которых кажется, что вот здесь это явление происходит так, а в том месте – иначе. Но это только кажется, на самом деле законы непреложны. Угол падения всегда будет равен углу отражения, а само отражение всегда будет давать перевернутую картинку. Не секрет, что с помощью второго зеркала можно превратить отражение в оригинал.

Пользуясь зеркалом, можно увидеть и свое отражение. Можно посмотреть на себя со стороны. Но можно ли, пользуясь зеркалом, встретиться с самим собой? Это зависит от свойств зеркала, скажу я вам. Кто-то всю жизнь ищет встречи с собой, кто-то утверждает, что такая встреча уже состоялась в его жизни. Но все они, поверьте, лгут. Потому что только мне посчастливилось познакомиться с самим собой. На самом деле это довольно просто, вопрос лишь в качестве полученного отражения...»

<end of file>

Эпилог

Кхайе дочитала последние строки и ткнула пальцем в клавишу, листающую страницы. Ничего не изменилось – эта страница была последней. Другого и быть не могло: дата и время создания записи практически точно соответствовали моменту смерти ее автора. Человека по имени Фэн Фэй Ху, поменявшего имя на Фэн Чжи Бяо – Часовщика, – создавшего уникальную технологию. Или сотворившего чудо?

Кхайе не помнила, сколько точно было времени, когда она спустила курок, вышибив гениальные мозги сумасшедшего гравера. Примерно в это же время Часовщик и сделал эту запись. Тогда он позвал ее.

Теперь она сидела в еще пустой забегаловке. Слишком рано для посетителей, но двери, над которыми висели приятно позвякивающие при открывании колокольчики, здесь не запирали.

Она снова сбрила волосы, как привыкла делать за те несколько лет, когда была ломщицей Лисой. Только цвет их пока оставался черным – гладкая кожа на макушке отливала свинцовой синевой, а не красно-оранжевым. Чтобы вернуть волосам природный цвет, нужно удалить из кожи головы нанов, которых вживил ей тот беглый пластик, а для этого понадобится специальное оборудование. Ничего, когда она доберется до цивилизованных мест, она обязательно сделает это. А остальные изменения... Она пока не решила. Ее внешность уже и так утратила заметный бирманский колорит – на рынке в Мандалае удалось найти просроченный набор для мелкой пластики, пара уколов коллагена сделали свое дело, хотя до совершенства этим изменениям внешности было, конечно, далеко. Всякое дело должен делать специалист.

«Раллер» и незарегистрированный коммуникатор со спутниковой связью – на этом надпись «Науком» никто не сдирал – она купила уже здесь, в Магуэ. В портовом городе легче найти что-то из цивилизованного мира. Тем более что теперь в Магуэ чуть не половину жителей составляли военные с кораблей Конфедерации и Исламского Союза. Похоже, эти ребята решили остаться здесь надолго.

Внезапно пискнул коммуникатор – сейчас спутник находился где-то прямо над лысой макушкой Кхайе. Она решила посмотреть, что творится в мире, особенно финансовые новости. Так и есть – на бирже Eurex отмечалось падение стоимости акций нескольких софтверных корпораций, вызванное данными,

выпущенными в виде ежегодных отчетов. Падение длилось недолго, но за эти полдня некая финансовая группа, пожелавшая остаться неизвестной, выкупила большое количество ценных бумаг этих корпораций. До смены владельца не дошло, но блокирующими пакетами «неизвестная финансовая группа» теперь владела. Служба безопасности Eurex в это время то настаивала на массированной атаке биржевого сервера со стороны «организованной банды ломщиков», то уверяла репортеров, что никакого взлома не было.

Кхайе усмехнулась. Все идет своим чередом.

Картинка с новостями исчезла, а коммуникатор залился трелью. Входящий вызов. Странно, кто это? Она еще не успела сообщить кому бы то ни было свой новый номер. Да, собственно, и не собиралась этого делать в ближайшие дни.

Номер не определился, на экране только иконка входящего вызова. Ответить? Что-то внутри подсказывало, кто это мог быть, но…

Помня о том, что любопытство сгубило кошку, Кхайе дотронулась до нарисованной на экране кнопки «ответить».

Включилась видеосвязь. Только идентифицировать звонившего все равно не удалось бы – на экране отображались только пухлые губы. Рот пришел в движение, из динамика донеслись звуки:

– Я надеюсь, ты не собираешься прекратить сотрудничество с нами?

Вот так, ни здрасьте вам, ни до свидания.

– Вы… – Кхайе замешкалась. Она была почти уверена, что это Безликий Призрак, но она не знала имени заказчика, на которого работал Мыш, а Призраком называла его только про себя.

– Скажем так, мы работаем в одной конторе, – губы на экране расплылись в жалкое подобие улыбки.

Этот человек был в курсе *всего*, Кхайе чувствовала это, его голос… В нем ощущалась сила и превосходство, в нем не было места для сомнений и неуверенности.

– Ваш… коллега работал с неким Мышем. Этого человека больше нет. Он погиб – его убрали корпорации.

Губы снова усмехнулись. Короткая и нервная улыбка – похоже, этот жест сделан специально для нее, на самом деле его раздражает подобный разговор.

– Нам не нужны услуги ломщика, нам нужны некоторые люди… это своего рода эксперимент.

Человек на том конце явно не собирался раскрывать карты, вот только ее «услуги» ему явно требовались очень сильно. Знать бы еще, зачем. Но Кхайе понимала: это, видимо, нарушит чистоту

эксперимента. О том, что ее вмешательство в сеть биржи не является простым взломом, она догадалась давно. А после того как с помощью пустотного процессора Часовщика побывала внутри ядра сети «Науком», она знала это наверняка.

«Нить Ариадны» все еще была там. Обрывок метки, которую она прицепила к файлу Безликого Призрака. Она была уверена, что Призрак оставил этот след специально для нее – если бы захотел, уничтожил бы его в два счета. Даже, скорее, в один. Он сам был там, внутри. Словно ждал ее появления. Он произнес только одно слово. Или он ничего не произносил? Кхайе не знала, как можно описать то, что она чувствовала там, внутри Цифры, в настоящем мире Цифры, а не в том суррогате, который предлагал миру Сорок Два. Поток чистой информации, не облеченный в искажающие смысл слова.

Только одно слово, один импульс. «Смотри».

Она смотрела, смотрела во все глаза, впитывала в себя каждый бит, до которого могла дотянуться. Процессор, стоявший в тот момент в ее «балалайке», работал с такой скоростью, что сеть отзывалась на любое ее прикосновение. Она получала информацию из сети, а сеть с каждым действием получала частичку ее самой, словно отражение, выстраивая образ пришедшего в мир технологии человека. Создания богов, создающего богов. Это было настоящим единением с Цифрой, ограниченным только длительностью сеанса связи. Спутник скрылся за горизонтом, сеанс связи окончен.

Но она успела понять, успела почувствовать. Она знала теперь, что такое цифровой лабиринт, знала, зачем Призрак хотел, чтобы эта программа оказалась на сервере крупнейшей софтверной корпорации, знала, для чего Безликий предлагал ей самой посмотреть программный код. Он сам не знал, как завершить программу, он искал помощи. И теперь Кхайе была уверена, что с работой цифрового лабиринта, если, конечно, удастся завершить создание правильного программного кода, сможет справиться только пустотный процессор Часовщика. Пропавший процессор. То, чего нет.

– Хорошо, – сказала Кхайе губам на экране.

Звонивший никак не отреагировал на согласие. Он, вероятно, с самого начала разговора был уверен в положительном ответе. Иначе и быть не могло – смела ли она отказаться от возможности увидеть результат того, что сама же начала делать вместе с Безликим Призраком? Пускай она делала это и не совсем осознанно.

– Технология у тебя? – спросили губы.

Так, значит, они и о технологии тоже в курсе! Есть в мире

что-то, чего они не знают?

– Нет, гравер мертв. Я его убила.

Она в любом случае не отдала бы технологию этим людям, а так – и врать не приходилось.

Как ни странно, губы поползли по экрану вниз: человек кивнул. Он согласен с ее выбором, с тем, что она сделала?

– Так и должно быть, – произнесли губы странную фразу.

– Кто такой этот… Безликий Призрак? – выпалила Кхайе мучивший ее вопрос. Не важно, что она не называла это плавающее чернильное пятно Призраком в глаза, которых у него не было. Обладатель губ, на которые она сейчас смотрела, поймет, о ком речь.

Уголки губ немного опустились вниз в гримасе недоумения.

– Куратор… эксперимента.

Изображение губ исчезло с экрана столь резко, что Кхайе непроизвольно вздрогнула. Теперь коммуникатор демонстрировал ей знакомую черную туманность, муаром переливающуюся по матрице экрана.

– Когда доберешься до точки, получишь сообщение с адресом. Обратишься туда, там помогут устроиться на новом месте.

– Я…

Но Безликий Призрак уже исчез – на экране моргала иконка сообщения о потере сигнала спутника.

Стало быть, он уже знает, куда она отсюда уедет? Но каким образом?! Она сама еще не решила, где будет конечная остановка. Или в ее жизни нет места случайностям, все давно распланировали за нее? Чушь, такого не может быть. Мир – это не компьютерная игра, в которой можно кодами прописать все события.

А какими кодами оперируют боги?

С помощью «раллера» Кхайе открыла «балалайку» Часовщика. В памяти чипа хранилось много всякой ерунды, какие-то заметки, пометки, обрывки программ и вот это – что-то вроде дневника, написанного безумцем. Текст можно воспринимать по-разному: можно счесть совершеннейшей чушью, а можно искать глубокий философский смысл в запутанных и порой лишенных логической связи строках. С первого взгляда ясно, что в написании дневника участвовали многие из ипостасей Фэн Чжи Бяо.

Но некоторые слова, которые вполне могли бы показаться бредом сумасшедшего, вызывали странное чувство у Кхайе, бывшей участницей многих событий, связанных с автором этих строк.

«Мне посчастливилось встретить самого себя», «качество полученного отражения»… Если бы она не знала, на какие чудеса

способен процессор Часовщика, она бы сочла эти слова бессмыслицей. А так… Но разве такое возможно, может ли существовать еще один Часовщик? И который из них – в голове Фэн Чжи Бяо уживалось несколько десятков, если не сотен человек? Какая из ипостасей? Или это была еще одна ипостась, та, которую Кхайе не видела? Или все же она с ней знакома?

Нет, это совсем уж какая-то фантастика. Можно ли с помощью Цифры создать сознание? Наверное, можно. Только теоретически: ресурса не хватает, технологии не те. Сознание – это уже не совсем технология, это почти чудо.

А пустотный процессор как раз и был технологией, граничащей с чудом.

Значит, где-то был еще один Часовщик, который существует и сейчас? Бред, чушь! Не может такого…

Внезапно пришло озарение. Кхайе, наверное, уже в сотый раз пробегала глазами строчки, в которых говорилось об отражении. Ультрафиолет, инфракрасный спектр, шероховатость поверхности… Что-то в этом всем было. «Отражение всегда будет давать перевернутую картинку».

Так это же код, черт возьми! Несколько нехитрых формул из оптики, процессор «раллера», хотя там «поплавком» пока и не пахнет, проводит расчет за доли секунды. Нет, белиберда какая-то получилась.

«Не секрет, что с помощью второго зеркала, можно превратить отражение в оригинал».

Вот оно! Второе зеркало. Выполнить.

На экране быстро, строчка за строчкой, развертывалась сложная схема, сдобренная множеством пояснений и заметок. Полная версия технологии пустотного процессора. Конструктор «Сделай сам», так сказать.

Как такое возможно было сделать – весь сумбурный и кажущийся бессмысленным дневник Фэн Чжи Бяо оказался зашифрованным описанием технологии. Как возможно подобрать каждое слово, чтобы оно несло смысл и в закодированном, и в декодированном виде. Причем смысл совершенно разный. Часовщик был поистине гением – мастер оставил ключ и сумел оставить его незаметным прямо в замке. Для того чтобы рассчитать положение каждой буквы в дневнике, потребовались бы такие мощности…

Впрочем, мощности у гравера как раз были – наверное, именно для этого он и приспособил чип в процессорный блок той серверной станции, зарытой в джунглях.

– Привет!

Голос прозвучал странно. Скрипучий и неприятный, он

словно дребезжал прямо внутри головы, попадая туда, чудесным образом минуя уши.

Кхайе медленно подняла глаза, взглянув поверх поднятой крышки «раллера». По спине пробежал холодок. Напротив нее, с другой стороны стола, сидела девочка. Невысокая, со спутанными черными волосами, немного раскосыми глазами, вся какая-то неопрятная и грязная. Та самая, которая привиделась Кхайе в номере отеля в Мьичине. И она опять улыбалась, выставив напоказ острые тонкие, словно шипы, зубки. Только теперь улыбка не выглядела хищной, она была почти обычной. Почти – какая-то… неумелость или неуверенность все же в ней просматривались.

Девочка протянула руку, вытянутый вперед грязный, с обгрызенным ногтем указательный палец коснулся крышки «раллера». А Кхайе, не моргая, смотрела на странное пугающее создание.

На столе запищал коммуникатор. Найден сигнал спутника? Но ведь спутник только что исчез с небосклона, он не мог так быстро вернуться. Кхайе скосила глаза, не отворачиваясь от странной гостьи, и посмотрела на идентификатор – спутник был другой, с иным номером. Похоже, наукомовцы запустили новый орбитальный ретранслятор.

Вовремя, нечего сказать.

А отчего внутри такая уверенность, что появление жутковатого вида девчонки как-то связано с наличием сетевого сигнала?

Взгляд Кхайе упал на экран «раллера». Данные по технологии пустотного процессора, строчка за строчкой, исчезали с экрана. Нет никакой нужды проверять – они исчезают и из памяти подключенной к компьютеру «балалайки» Часовщика. Пустой экран, чистый белый лист.

– Зачем? – выкрикнула ошарашенная Кхайе, впервые обратившись к гостье, но стул напротив был пуст. Хотя из кафе никто не выходил, она уверена, колокольчики, висящие над дверью, хранили молчание.

Вот так – технологии больше не было. А существовала ли она вообще? Или это только показалось, воображение разыгралось из-за перенесенного стресса? Она слышала, такое бывает. Да и собственный мозг назвать здоровым она никак не могла – передоз синдина, какая-то дрянь со странным названием «джьяду гумра», перегрузка информационным потоком сети. На таком фоне случиться может любая галлюцинация, тут не только зубастые девочки начнут мерещиться.

Кхайе захлопнула крышку «раллера». Отключила от

психопривода «балалайку» – чужую, ту, что лежала на столе, повертела ее в руке и, пожав плечами, выбросила в открытое окно. Там, снаружи, всего в паре метров от стены забегаловки плескалось море. Синеватый чип тихо булькнул и исчез в мелкой прибрежной волне.

– Эй, Миранда Сеймур! – послышался хрипловатый мужской голос. – Долго тебя ждать? Через полчаса отходим.

– Иду! – крикнула в окно Кхайе, пряча «раллер» в рюкзак.

Придется привыкать к имени Миранда. Именно так теперь было написано в ее «балалайке». Она сама написала – нашла эту Миранду в сети. Чип, конечно, битый, но на сухогрузе придраться некому – она там единственный машинист. А когда доберется до цивилизации – будет видно. Призрак обещал адресок скинуть.

– Иду уже, – повторила девушка с бритой наголо головой и вышла на улицу. А за ее спиной раздалась приятная трель колокольчиков.

notes

Примечания

1

Пралайа – период отсутствия активности Вселенной, согласно индуистской космогонии. Длится 4,32 млрд лет. Каждая Пралайа начинается с уничтожения предшествующей версии Вселенной. По описанию во многом соответствует гипотезе о коллапсе Вселенной и последующем Большом Взрыве.

2

Брахман – безличный, индифферентный Абсолют, «душа мира», первооснова всех вещей и феноменов. В индуизме считается, что всё, существующее в мире, равно как и сам мир, является лишь проекцией Брахмана и не существует на самом деле. Не путать с *брахманом.* Брахман-Абсолют всегда пишется с заглавной буквы.

3

Шудра – сословие крестьян и ремесленников. В каком-то смысле их можно назвать «простолюдинами», однако и среди шудров встречаются довольно крупные землевладельцы.

4

Пагри – традиционный головной убор в Индии. В России обычно его называют чалмой, хотя это неверно.

5

Духкха – ниспосланные буддисту богами трудности, которые следует преодолеть.

6

Гопурам – надвратная башня в храмовой ограде индуистских храмов.

7

Брахман – прежде всего сословие духовенства, основное призвание – быть духовными наставниками. Кроме того, брахманами являются ученые, учителя, многие чиновники.

8

Кшатрии – варна воинов и помещиков-землевладельцев. По иерархической лестнице следуют за брахманами.

9

Мокша – цель любого индуса. Освобождение из круговорота рождений и смертей и всех страданий и ограничений материального существования.

10

Шраута-агни – один из видов огня для жертвоприношения в индуизме.

11

Сома – важный ритуальный напиток в ведической культуре. Рецепт сомы описан в Ведах.

12

Дэвы – божественные существа, ангелы или божества в индуизме.

13

Тхаг – в переводе с хинди означает «разбойник». В данном случае – член секты душителей, почитателей богини Кали.

14

Румаль – шелковый платок, свернутый особым образом в плотный жгут, которым *бхутот* душит свою жертву.

15

Бхутот – член общины *тхагов*, имеющий право совершать обряд во имя богини Кали, то есть душить людей.

16

Джемадар – предводитель общины и наставник *тхагов*. В каждой общине может быть один или несколько джемадаров.

17

Дхоти – традиционная мужская одежда в Индии. Представляет собой прямоугольный кусок ткани, обернутый вокруг бедер с пропущенным между ног углом.

18

Агнихотра – ведический ритуал. Заключается в приношении жертвы богам путем сжигания горсти риса в специальной посуде. Выполняется на рассвете или на закате. Во время выполнения обряда читаются мантры.

19

Чутья – нецензурное индийское ругательство.

20

Атман – изначальная истинная сущность индивидуума. Понятие души у индусов.

21

Тхакин – уважительное обращение к старшему в Мьянме.

22

Лонджи – традиционная бирманская мужская одежда. Представляет собой большой кусок ткани, обернутый вокруг бедер в виде длинной юбки.

23

Бханте – уважительное обращение к буддийскому монаху. На русский язык переводится как «досточтимый» или «уважаемый».

24

У-Вэй – созерцательная пассивность в даосизме. Это слово часто переводится как «недеяние», хотя более правильным вариантом было бы «немотивированность». Самым главным качеством Недеяния является отсутствие причин для действий. Нет ни размышления, ни расчета, ни желания. Между внутренней природой человека и действием его в мире нет вообще никаких промежуточных шагов. Действие происходит внезапно и, как правило, достигает цели самым коротким путем, так как опирается на восприятие здесь и сейчас.